

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Долматович И.А. – д-р экон. наук, проф.
Дубицкий В.В. – д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. – д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. – д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. – д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. – д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. – д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.А. – д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. – д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК (К2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 – Финансы (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 – Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 – Демография (социологические науки), 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 – Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 – Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 – Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редакторы

А.А. Капарчук

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rg.ru можно оформить подписку на 2024 год на печатную версию журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 06.09.2024 г.

Формат 60×90/8

Объем 30,5 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 29 экз.)

Заказ № 242_Г

Издаётся в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy), Prof.
Dolmatovich I.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (Economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editors

A.D. Kaparchuk

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

LR No. 020715 from 02.02.1998

Signed to print 06.09.2024

Format 60×90/8

Size 30,5 printed sheets

Offset paper

Digital printing

Circulation 1000 copies

(the first factory 29 copies)

Print order No. 242_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99

State University of Management

Tel.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
УПРАВЛЕНИЯ

Репников Д.А.

Изменение взаимосвязей между производством и экспортом вооружений и оборонными расходами государства 5

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Александрова И.Ю.

Коммуникативные шумы процесса продвижения продуктовой инновации 14

Годин В.В., Терехова А.Е., Булатов Д.Н., Заремба Ю.А.

Использование нейронных сетей в видеопромышленности 23

Рубан-Лазарева Н.В.

Инновационные технологии роста цифровой зрелости аудиторов 34

Седейников В.М.

Теоретические аспекты системы нематериальных активов в процессе стратегического управления предприятиями: определение, характеристики, классификации 41

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Агаркова А.В., Остапенко Е.А.

Повышение качества человеческих ресурсов региона на основе развития сферы образования 55

Лазник А.А., Гордеева Т.С.

Проблемы российского рынка сжиженного природного газа в условиях санкционного давления и пути их решения 63

Лапушкин В.В.

Особенности и перспективы развития российского гражданского авиастроения в условиях санкционного давления со стороны стран Запада 69

Софьянникова И.Ю.

Качество услуг как вектор расширения и развития сервисной деятельности 77

Тимохович А.Н.

Особенности ресторанного рынка и потребительского поведения в сегменте московского ресторанного бизнеса: результаты исследования 87

Трофимова В.И.

Вовлечение неиспользуемых земель в хозяйственный оборот аграрной сферы региона: институциональное регулирование и экономическая целесообразность 95

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Акчулпанов Ю.К.

Устойчивое развитие республики Башкортостан Российской Федерации: текущее состояние и перспективы 109

Ануфриева А.П.

Разработка и развитие математических и эконометрических моделей анализа макроэкономических процессов (в т.ч. в исторической перспективе) и их прогнозирования 119

Белик И.С., Никулина Н.А.

Вектор низкоуглеродного развития в условиях циркулярной экономики 128

Махамат М.М.

Постсоветский обрыв экономических связей между Россией и Африкой: причины и последствия 138

Никитин Н.А.

Анализ востребованности управленческих и педагогических кадров со знанием русского языка в экономике Объединенной Республики Танзания 144

ФИНАНСЫ
И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Библия Г.Н., Третьякова С.Н.

Управление финансовыми потоками торговых компаний на основе моделирования бизнес-процессов 151

Криворучко С.В., Ризванова И.А., Бердышев А.В.

Развитие системы быстрых платежей Банка России в современных условиях 163

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПРОЦЕССЫ

Авдеева А.П., Сафонова Ю.А.

Геймификация: характеристики, тренды, риски 175

Ковалев В.В.

Трансгуманизм, менеджериализм и специальная военная операция на Украине 185

Танина М.А., Юдина В.А.

Социологический мониторинг вовлеченности студенческой молодежи в процессы регионального социально-экономического развития в современном российском обществе 195

Филиппенко В.А.

Репродуктивное поведение молодежи: теория и ключевые факторы 205

Южанинов В.С.

Некоторые объективные факторы, влияющие на делинквентное поведение региональной молодежи в 2000-х гг. 216

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПСИХОЛОГИИ

Ганат С.А.

Психологические механизмы группового воздействия на индивидуальное поведение 225

Голякова И.В., Карпиевич В.А.

Исследование представлений белорусских женщин о безопасности и ее связей с виктимизацией и социальным полом 235

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

- D.A. Repnikov**
Changing relationships between armaments production and exports and state defense expenditures5

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- I.Yu. Aleksandrova**
Communication noise of product innovation promotion process 14
- V.V. Godin, A.E. Terekhova, D.N. Bulatov, I.A. Zarembo**
Neural networks utilization in the video game industry 23
- N.V. Ruban-Lazareva**
Innovative technologies for growing digital maturity in auditors 34
- V.M. Sedelnikov**
Theoretical aspects of the intangible assets system in the process of enterprises strategic management: definition, characteristics, classifications 41

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

- L.V. Agarkova, E.A. Ostapenko**
Educational services sphere as a tool for improving the quality of human resources in the region 55
- A.A. Laznik, T.S. Gordeeva**
Issues of the Russian liquefied natural gas market in the context of sanctions pressure and ways to solve them..... 63
- V.V. Lapushkin**
Features and prospects of the Russian civil aircraft industry development under sanctions pressure from Western countries 69
- I.Yu. Sofiyannikova**
Quality of services as a vector for expansion and development of service activities 77
- A.N. Timokhovich**
Features of the restaurant market and consumer behavior in the Moscow restaurant business segment: study results 87
- V.I. Trofimova**
Involving unused land in the economic turnover of the agricultural sector of a region: institutional regulation and economic feasibility..... 95

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

- Yu.K. Akchulpanov**
Sustainable development of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation: current state and prospects 109
- A.P. Anufrieva**
Development and evolution of mathematical and econometric models for the analysis of macroeconomic processes (including historical perspective) and their forecasting..... 119
- I.S. Belik, N.L. Nikulina**
Low-carbon development vector in circular economy..... 128
- M.M. Mahamat**
The post-Soviet break in economic ties between Russia and Africa: causes and consequences..... 138
- N.A. Nikitin**
Analysis of demand for managerial and teaching staff (with knowledge of the Russian language) in the economy of the United Republic of Tanzania 144

FINANCE AND BANKING

- G.N. Byblya, S.N. Tretyakova**
Financial flow management of trading companies based on business process modeling..... 151

- S.V. Krivoruchko, I.A. Rizvanova, A.V. Berdyshev**
Development of the bank of Russia's fast payment system in modern conditions 163

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

- A.P. Avdeeva, Yu.A. Safonova**
Gamification: characteristics, trends, risks 175
- V.V. Kovalev**
Transhumanism, managerism and the special military operation in Ukraine..... 185
- M.A. Tanina, V.A. Yudina**
Sociological monitoring of student youth involvement in regional socio-economic development processes in modern Russian society 195
- V.A. Filippenko**
Reproductive behavior of youth: theory and key factors 205
- V.S. Yuzhaninov**
Some objective factors influencing delinquent behavior of regional youth in the 2000s 216

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

- S.A. Ganat**
Psychological mechanisms of group influence on individual behavior..... 225
- I.V. Golyakova, V.A. Karpiyevich**
A study of Belarusian women's perceptions of safety and its relationships with victimization and social gender 235

Изменение взаимосвязей между производством и экспортом вооружений и оборонными расходами государства

Репников Дмитрий Александрович

Канд. экон. наук, зам. директора Инновационного технологического центра (комплекс научной политики)
ORCID: 0000-0001-6903-3642, e-mail: repnikov.dmitry@mail.ru

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, г. Москва, Россия

Аннотация

Настоящее исследование является актуальным, поскольку в разных странах мира в последние годы наблюдается неоднозначная динамика между производством вооружений и военной техники (далее – ВВТ), их экспортом и изменением государственных оборонных расходов. Современные геополитические конфликты искажают сложившуюся картину взаимосвязей между указанными параметрами, и данная статья посвящена оценке их изменений. В частности, в результате исследования сформулированы основополагающие гипотезы о взаимосвязях между спросом и предложением на мировом рынке ВВТ. Проведенный анализ по ключевым странам показал, что динамика показателей в них детерминирована разными причинами, однако автор пришел к выводу о том, что основными факторами изменений трендов производства и экспорта ВВТ и оборонных расходов выступают: расширение нелегального оборота ВВТ в отдельных странах, повышенная уязвимость некоторых стран и их прямое вовлечение в военно-политические конфликты, а также дифференциация подходов стран к национальной безопасности, что обуславливает разное внимание к оборонному потенциалу и развитию оборонно-промышленных комплексов. При этом почти всегда наблюдаются резкое изменение и волатильность рассматриваемых показателей в те периоды, когда страна находится на этапе промышленной индустриализации или перехода к новому технологическому укладу.

Ключевые слова

Вооружение и военная техника, продукция военного назначения, оборонно-промышленный комплекс, экспорт, импорт, производство, оборонные расходы, международная торговля

Для цитирования: Репников Д.А. Изменение взаимосвязей между производством и экспортом вооружений и оборонными расходами государства // Вестник университета. 2024. № 8. С. 5–13.

Changing relationships between armaments production and exports and state defense expenditures

Dmitry A. Repnikov

Canf. Sci. (Econ.), Deputy Director of the Innovation Technology Center (Science Policy Complex)
ORCID: 0000-0001-6903-3642, e-mail: repnikov.dmitry@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Abstract

The present study is relevant, because in different countries of the world in recent years there have been ambiguous dynamics among armaments and military equipment production and exports and changes in state defense expenditures. Modern geopolitical conflicts distort the existing picture of interrelations between the above parameters, and the article assesses their changes. In particular, as the study result, the underlying hypotheses on the relationships between supply and demand in the global market of armaments and military equipment have been formulated. The key countries analysis showed that the dynamics of indicators in them is determined by different reasons, but the author came to the conclusion that the main factors of changes in the trends of armaments production and exports and defense expenditures are the following: the expansion of illegal circulation of armaments and military equipment in some countries, increased vulnerability of some countries and their direct involvement in military-political conflicts, as well as differentiation of countries' approaches to national security, which causes different attention to defense capabilities and the defense industry development. At the same time, there are almost always sharp changes and volatility of the indicators under consideration during the periods when a country is in the stage of industrialization or transition to a new technological mode.

Keywords

Armaments and military equipment, military products, military-industrial complex, export, import, production, defense spending, international trade

For citation: Repnikov D.A. (2024) Changing relationships between armaments production and exports and state defense expenditures. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 5–13.

ВВЕДЕНИЕ

Длительное время международная торговля вооружениями и военной техникой (далее – ВВТ), функция спроса на оборонные расходы той или иной страны (что, в частности, реализовано в работе Ж. Джордж и Т. Зандлера), факторы международной торговли ВВТ (А. Брендер) и ее воздействие на оборонные расходы страны (О. Пэмпи и П. Тернер) являлись предметами специальных научных исследований [1–3]. Особый интерес представляют исследования, в которых анализируется открытость торговли в период межгосударственных конфликтов. Так, работа М. Гарфинкеля, К. Сиропулоса и Й. Йотова показывает взаимосвязь торгового режима страны с политикой ее безопасности, а именно: при схожем наборе исходных ресурсов большая открытость торговли ведет к уменьшению ресурсов, которые направляются на конфликт, то есть тратятся впустую [4].

Взаимовлияние и взаимосвязь предложения и спроса на продукцию военного назначения (далее – ПВН) часто анализировались лишь на формальном уровне (например, в модели, представленной коллективом исследователей во главе с П. Данном) или в неразвернутом виде [5]. Й. Блум рассмотрел взаимосвязь между экспортными поставками ПВН и спросом на нее за рубежом, используя данные по 21 стране и 195 производителям за 2002–2016 гг. В результате он пришел к выводу о том, что при росте оборонных расходов на 1% экспорт ее ПВН возрастет на 1,2% [6]. В свою очередь импорт ВВТ не оказывает воздействия на продажи оружия на внутреннем рынке страны-импортера вследствие того, что отечественное и импортное оружие являются взаимодополняющими товарами, тогда как страны поставляют из-за границы ВВТ, которое сами не производят. После проведения оценки статистики конкретных стран можно определить, насколько развитие их оборонной промышленности преследует экономические цели (или цели безопасности).

Целью настоящего исследования является установление взаимосвязей между производством и экспортом ВВТ страны, которые в свою очередь находятся в прямой зависимости от динамики оборонных расходов государства.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ВВТ

Спрос на ПВН отражается в расходах страны на оборону и международной торговле ВВТ, тогда как оружейная промышленность обеспечивает поставки ПВН (она включает вооружение, военную технику и сопутствующие услуги). На рынке ВВТ компании-производители обеспечивают предложение, а правительства стран – спрос.

Мировой рынок ПВН – несовершенный рынок, для которого характерно небольшое количество экспортеров (поставщиков) и импортеров (потребителей). Для оружейной промышленности развитых стран характерна олигополистическая структура с высокой капиталоемкостью производства (помимо прочего, учитывается человеческий капитал). Специфической особенностью отрасли являются большие объемы исследований и разработок и высокий уровень их конфиденциальности, что считается ключевым барьером для распространения ноу-хау, усиливая долгосрочную зависимость импортеров ВВТ от экспортеров в части технического обслуживания и обучения. Необходимость вторичного пополнения запасов ВВТ импортерами ведет к структуре рынка с доминированием на нем нескольких производителей, которые почти не меняются.

Спецификой самого ВВТ является высокий уровень дифференциации его номенклатуры, что во многом обуславливает монополистическую конкуренцию компаний. Для спроса развитых стран характерна монополия, и часто правительство выступает единственным импортером и экспортером ВВТ. Если исходить из модели открытой экономики, то внутреннее предложение ВВТ в стране (S_i) можно определить как:

$$S_i = D_i + E - I, \quad (1)$$

где D_i – внутренний спрос на вооружение, E и I – экспорт и импорт ВВТ соответственно.

Исходя из этого уравнения, можно представить продажи ВВТ в стране как функцию оборонных расходов страны и ее участия в международной торговле ВВТ. Однако следует учитывать, что в этом уравнении нет причинно-следственной связи, поскольку оборонный бюджет страны традиционно принимается, включая те заказы, которые были размещены намного раньше, либо могут иметь место закупки

с длительными сроками поставки, либо экспорт ВВТ проходит сложную и долгую процедуру предварительного разрешения. Следовательно, компании производят ВВТ «по требованию», в зависимости от того, какой экспорт одобрен и какие внутренние заказы были сделаны. У компаний-производителей не накапливаются запасы (что особенно актуально в условиях научно-технического прогресса и появления все новых форм и видов товаров). Разрешенный экспорт ВВТ и оборонные бюджеты стран определяют функцию выпуска вооружения производителями. Экспорт и оборонные расходы – результат растущего спроса во время участия страны в военных действиях либо растущего экспорта, когда в военных действиях участвуют другие страны.

Таким образом, можно сформулировать несколько гипотез о взаимосвязи спроса и предложения на ПВН (табл. 1).

Таблица 1

Гипотезы о взаимосвязях спроса и предложения на мировом рынке ВВТ

Содержание гипотезы	Проверка гипотезы
При росте оборонных расходов страны увеличивается ее экспорт основного вооружения	Рост оборонных расходов ведет к росту внутреннего производства вооружения и далее к увеличению экспорта новых основных видов ВВТ
При росте экспорта основного обычного вооружения растут продажи вооружения крупнейших в стране компаний-производителей	Между продажами ПВН отечественными производителями и импортом ВВТ имеется отрицательная взаимосвязь, отражающая решение правительства о том, будет страна ввозить вооружение из-за границы или производить его сама. Однако в рамках монополистической конкуренции и ввиду дифференцированного спектра ВВТ импортные и отечественные товары не будут являться заменителями. Страны склонны импортировать лишь ту продукцию, которую не могут производить отечественные компании. Отечественное вооружение дополняет импортное, а не заменяет его. Вследствие такой взаимодополняемости рост импорта ВВТ может без особых причин совпадать с ростом продаж внутренних производителей
Участие разных стран в международной торговле ВВТ может быть детерминировано разными причинами. Имеются различия в страновых оборонных расходах и поставках ВВТ	Соединенные Штаты Америки активно участвуют в военных конфликтах в последние десятилетия, и это поддерживает рост производства ВВТ внутри страны. Германия, напротив, более сдержанна в конфликтах, сокращая расходы в последние десятилетия, при этом оставаясь серьезным экспортером ВВТ (то есть имеет место чисто экономическая выгода для производителей ВВТ). Различия между странами зависят от целей, которым служит производство вооружений. В Соединенных Штатах Америки продажи соответствуют оборонным расходам, а не экспорт вооружений. В Великобритании, Израиле и Соединенных Штатах Америки оборонные расходы положительно и существенно связаны с продажами вооружений компаниями-производителями. Для Германии, Италии и Франции данная взаимосвязь не является статистически значимой (эти результаты получены в исследовании Й. Блума [6]). Таким образом, для некоторых стран экспорт ВВТ может выступать в форме особой субсидии, которую правительству не нужно финансировать. Более того, с учетом существенных затрат на исследования и разработку новых видов ВВТ, а также высокой стоимости производства экспорт требуется для снижения издержек на импорт и достижения эффекта масштаба. Однако экспортоориентированные по ВВТ страны (Германия) могут оказаться в итоге менее эффективными для удовлетворения потребностей собственных вооруженных сил (внутренних заказов)

Примечание: ВВТ дифференцировано как по свойствам, так и по происхождению. Отечественное ВВТ надежнее импортного, поскольку последнее делает зависимой страну-экспортера от страны-импортера. Страны стремятся в производстве ВВТ быть самостоятельными, ограничиваясь в импорте только той номенклатурой, которую не производят сами. Так, поправка Берри требует от Министерства обороны Соединенных Штатов Америки отдавать предпочтение внутреннему вооружению.

Составлено автором по материалам исследования

Чтобы обеспечивать себя ВВТ, страны создают и развивают собственную оружейную промышленность. Несмотря на рост международной торговли и совместные (разными странами-союзниками) закупки, правительства продолжают активно закупать ВВТ у собственных производителей, что диктуется требованиями безопасности. Изменения в оборонных расходах стран зачастую связаны с издержками на приобретение оборудования, однако оборонные расходы стран, помимо прямых затрат на производство, импорт и техническое обслуживание, могут, например, включать затраты на персонал.

ТРЕНДЫ ПРОИЗВОДСТВА, ЭКСПОРТА ВВТ И ОБОРОННЫХ РАСХОДОВ В МИРЕ

Эксперты выделяют три категории расходов на оборону (выраженных в % от валового внутреннего продукта (далее – ВВП) страны), используя для этого средние пятилетние (2018–2022 гг.) значения (табл. 2).

Таблица 2

Группы стран по расходам на оборону (2018–2022 гг.)

Расходы на оборону	ВВП, %	Количество стран
Высокие	> 5	7
Средние	2–5	44
Низкие	< 2	107

Источник¹

В рамках такого подхода получается, что для большей части стран характерны невысокие расходы на оборону. Для Украины (в последние годы) и стран Ближнего Востока характерны самые высокие оборонные расходы (табл. 3).

Таблица 3

Страны-лидеры в мире по расходам на оборону

Страны	Расходы к ВВП, %	Страны	Расходы к ВВП, %
Украина	9,46	Кувейт	5,666
Саудовская Аравия	8,19	Израиль	5,090
Оман	8,11	Иордания	4,810
Катар	5,88	Армения	4,530
Алжир	5,70	Азербайджан	4,530

Источник²

Примечательно, что в группу с низкими расходами на оборону, в которой присутствуют 107 стран, входят Германия, Китай и Франция, однако по абсолютным расходам они являются лидерами. Кроме того, важно учитывать подушевые оборонные расходы, и здесь среди стран лидирует Катар (табл. 4). Этот показатель играет важную роль: например, Индия занимает четвертую в мире позицию по расходам на оборону, однако тратит на одного жителя всего лишь 53 долл. США.

Таблица 4

Страны-лидеры по душевым расходам на оборону

Страны	Расходы, долл. США	Страны	Расходы, долл. США
Катар	4 564	США	1 815
Израиль	2 535	Норвегия	1 438
Саудовская Аравия	1 928	Оман	1 254

¹ Jain V., Rao P. Interactive: Comparing Military Spend Around the World. Режим доступа: <https://www.visualcapitalist.com/cp/military-spend-around-the-world/> (дата обращения: 12.05.2024).

² Там же.

Страны	Расходы, долл. США	Страны	Расходы, долл. США
Сингапур	1 837	Австралия	1 131
Кувейт	1 815	Бруней	959

Источник³

Из приведенного анализа видно, что Ближний Восток по отношению к своему ВВП несет самые большие расходы на оборону. Они растут в периоды конфликтов или их обострения (на Украине в 2018–2022 гг. расходы выросли почти в 10 раз). Наблюдается тенденция роста расходов на оборону среди стран Европы, впервые за три десятилетия. Рост напряженности между Тайванем и Китаем в свою очередь ведет к росту оборонных расходов в странах Азии.

Мировой экспорт обычных вооружений в 2023 г., если исходить из классификации по Регистру Организации Объединенных Наций (далее – ООН), составил 104,6 млрд долл. США – максимальный результат с момента окончания «холодной» войны (справочно: в 2020 г. этот показатель составил 78,7 долл. США, в 2021 г. – 79,4 долл. США, в 2022 г. – 103,4 млрд долл. США). Резкий рост мирового экспорта во многом был обусловлен началом конфликта на Украине, поскольку, передав ей старые вооружения, страны Запада начали закупать более дорогие и новые виды ВВТ, а Соединенные Штаты Америки (далее – США) в этой ситуации стали ключевым бенефициаром конфликта, фактически монополизировав рынки ВВТ остальных развитых стран. При этом, если в 2022–2023 гг. закупалось оружие с коротким сроком производства, в 2024 г. и далее будут закупаться более дорогие вооружения с длительным циклом выпуска. Фактически ключевым экспортером ВВТ в 2023 г. стали США, на которые пришлось уже почти 47 % мирового экспорта, что является рекордным удельным весом страны в мировой торговле вооружениями (справочно: в 2020 г. эта доля составила 42,1 %, в 2021 г. – 34,8 %, в 2022 г. – 44 %)⁴.

В 2015–2022 гг. общемировые оборонные расходы постоянно возрастали, достигнув рекордного за всю историю уровня в размере 2,24 трлн долл. США (рост в 2022 г. на 3,7 %), а их доля в мировом ВВП составила 2,2 %, в совокупном объеме бюджетов стран мира – 6,2 %⁵. При этом при среднемировом росте расходов на оборону в размере 3,7 % в Европе они выросли на 13 %, и такая динамика обусловлена стремлением к модернизации вооруженных сил и военной помощью Украине (справочно: рост оборонных расходов Российской Федерации (далее – РФ, Россия) составил 9,2 %, а у Украины этот показатель возрос семикратно). Примечательно, что оборонные расходы Китая выросли на 4,2 %, но рост этого показателя наблюдается уже 28 лет, и разрыв между США и Китаем продолжает сокращаться.

Что касается мирового производства, то объем продаж сотни крупнейших компаний-производителей ВВТ составил 592 млрд долл. США (в этом перечне 40 компаний американского происхождения, и их объем продаж составил 299 млрд долл. США), увеличившись по сравнению с 2020 г. на 1,9 %, даже несмотря на нарушенные вследствие пандемии COVID-19 глобальные цепочки поставок, дефицит полупроводников и рабочей силы.

Мировой экспорт основных вооружений в 2018–2022 гг. по сравнению с 2013–2017 гг. снизился на 5,1 % и увеличился относительно 2008–2012 гг. на 3,9 %. Со времен завершения «холодной» войны последнее пятилетие характеризовалось одними из высоких показателей международных поставок ВВТ, однако они были на 35 % ниже двух пятилетних периода 1978–1987 гг.⁶. В 2018–2022 гг. экспортерами основных вооружений являлись 63 страны, причем на 25 из них приходилось 98 % мирового экспорта (на пять крупнейших – США, Россию, Францию, Китай и Германию – 76 % мирового экспорта).

Начиная с 1950 г. США и Россия (ранее Союз Советских Социалистических Республик) были ключевыми экспортерами, однако в последние пять лет США усилили отрыв по показателю экспорта, увеличив свою долю в мировом экспорте с 33 до 40 %, тогда как доля России снизилась с 22 до 16 %.

³ Jain V., Rao P. Interactive: Comparing Military Spend Around the World. Режим доступа: <https://www.visualcapitalist.com/cp/military-spend-around-the-world/> (дата обращения: 12.05.2024).

⁴ САМТО. Preliminary assessment of global arms exports in 2023. Режим доступа: https://vpk.name/en/809014_preliminary-assessment-of-global-arms-exports-in-2023.html (дата обращения: 12.05.2024).

⁵ Lopes da Silva D. Military expenditure and arms production. Режим доступа: <https://www.sipri.org/yearbook/2023/05> (дата обращения: 12.05.2024).

⁶ Wezeman S.T. International arms transfers. Режим доступа: <https://www.sipri.org/yearbook/2023/06> (дата обращения: 12.05.2024).

Импортерами основных вооружений являлись 167 стран, и на пять из них (Индия, Саудовская Аравия, Катар, Австралия и Китай) приходилось 36% мирового импорта. Многие из импортеров напрямую были вовлечены в военные конфликты, тогда как многие из экспортеров были заинтересованными сторонами, поэтому часто поставки ВВТ могли противоречить анонсированной ранее политике экспорта вооружений.

Традиционно США остаются крупнейшим экспортером вооружений в мире – их доля в мировом экспорте ВВТ возросла с 33% в 2014–2017 гг. до 40% 2018–2022 гг., при этом, если в мире за этот период импорт ВВТ снизился на 5%, то в Европе – возрос на 47%. С учетом пополнения тех запасов, которые были переданы Европой Украине, в ближайшие годы, как считают эксперты, следует ожидать стабильного роста импорта ВВТ странами Европы⁷. При этом Украина, позиции которой в глобальном импорте ВВТ были незаметны, стала третьим в мире импортером вооружений, однако имеются данные по физическому объему поставок, отслеживаемые SIPRI, но не в стоимостном выражении, поскольку Украина не импортирует дорогостоящее вооружение, например, истребители.

Существует вероятность, что прямое участие России в военном конфликте приведет к тому, что она будет смещаться по нисходящей траектории в глобальном экспорте ВВТ, а затягивание военных действий будет ограничивать отечественные возможности для экспорта. Вместе с тем следует ожидать стабильного импорта ВВТ из России со стороны стран, занявших нейтральную позицию по поводу проведения специальной военной операции на территории Украины. Стоит прежде всего отметить Индию, являющуюся ключевым импортером основных вооружений в мире, поддерживающую отношения с Россией и поставляющую из нее около 30% экспорта вооружений (в импорте вооружений Индии доля России составляет 45%). Крупными поставщиками вооружений в Индию остаются Франция (29%) и США (11%). Среди других крупных глобальных импортеров ВВТ следует отметить второго импортера – Саудовскую Аравию, которая более 75% своих вооружений закупает в США (в американском экспорте вооружений доля Саудовской Аравии составляет 54%).

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ОЦЕНОК ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА ВВТ

При любом статистическом анализе показателей развития мирового рынка ВВТ необходимо учитывать такую отличительную особенность, как нелегальный оборот продукции. Мировое сообщество долгие годы стремится предотвратить нелегальный оборот обычных вооружений и его последствия, а также угрозы. Так, в 2013 г. Генеральной ассамблеей ООН был одобрен Договор о торговле оружием (далее – ДТО). Данное соглашение синтезировало предыдущие усилия, предпринимаемые странами в части борьбы с незаконным оборотом вооружений.

Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC) особо отмечает серьезные угрозы, которые несут незаконное производство, оборот и экспорт ВВТ, а также указывает на необходимость применения усилий мирового сообщества в противодействии этим явлениям [7]. Эти усилия в последние годы, помимо вышеуказанного ДТО, были дополнены Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности (UNTOC, 2001 г.), а также другими документами, принятыми в рамках ООН и касающимися стрелкового оружия и легких вооружений, по которым высоки риски незаконного оборота и передачи за рубеж. Данные документы, хотя и были разработаны в разных контекстах и в разное время, частично совпадают по своим целям, формируя основы правовой базы по противодействию незаконному обороту ВВТ. Речь идет о формировании глобальных стандартов международной торговли ВВТ, поскольку слабое регулирование экспорта будет подрывать политическую и социально-экономическую стабильность, провоцируя вооруженные конфликты.

Кроме того, следует учитывать, что международная торговля ВВТ развивается анархически и неупорядоченно и почти все страны тратят свои ресурсы на оборону, предупреждая таким образом потенциальные открытые военные конфликты, чтобы улучшить свои позиции в них либо в переговорах при угрозе конфликта. Классические либеральные подходы указывают на то, что большая степень открытости торговли между потенциальными противниками может рассматриваться как инструмент снижения напряженности или устранения конфликта. Это обосновывается тем, что по своей природе любой конфликт

⁷ Walton E., Abramson J. U.S. Is Largest Arms Exporter in a Changing Market. Режим доступа: <https://www.armscontrol.org/act/2023-04/news/us-largest-arms-exporter-changing-market> (дата обращения: 12.05.2024).

является разрушительным, не позволяя получить выгоды от торговли. Вместе с тем известная дилемма заключенного показывает, что коллективная рациональность может и вовсе не быть доминирующим фактором. В связи с этим торговля может усилить межгосударственный конфликт, поскольку выгоды от либеральной (свободной) торговли могут выступить катализатором разногласий, ведь одна из стран будет стремиться получить конкурентное преимущество в сфере безопасности.

Ранее рассматривались по меньшей мере два канала воздействия межстрановой торговли на оборонные расходы двух стран – доходы и цены на факторы производства. Так, на базе расширенного варианта модели Хекшера-Олина изучалась ситуация двух небольших конкурирующих на мировом рынке стран. Их переход к торговле от автаркии, по мнению М. Гарфинкеля, изменяет относительные цены на факторы производства, либо ослабляя, либо усиливая стимул страны вооружаться [8]. Однако не меньшую роль, чем доходы и цены факторов производства, играют дополнительные условия торговли, поскольку различия в технологиях между странами формируют сравнительные преимущества и способствуют развитию международной торговли вооружениями.

Наконец, следует учитывать, что у стран имеются разные мотивы производства, экспорта ВВТ и увеличения расходов на оборону. Еще несколько десятилетий назад исследователи обосновывали ряд причин почему страны начинают производство своего оружия, к ключевой из которых Р. Сандерс относит достижение самообеспечения из соображений безопасности. Данный аргумент обосновывается тем, что система международной безопасности является беспорядочной и в ее рамках каждой стране необходим независимый мощный оборонный потенциал, представленный вооруженными силами и вооружениями, самыми надежными из которых являются те, которые страна производит самостоятельно. Если зависимость от импорта ВВТ будет высока, страна-импортер будет зависеть от других стран-экспортеров. Более того, санкции, эмбарго и прочие рестрикции, развернувшиеся в последние годы с новой остротой, лишь укрепляют государства в их желании производить вооружения самостоятельно.

Позднее исследователи в качестве причины стремления к самостоятельному производству оружия указывали источник индустриализации и экономического развития страны (например, С. Вилле), поскольку индустриализация в оборонно-промышленном комплексе может способствовать развитию других отраслей, например, судостроения, станкостроения, металлургии (так, строительство боевых кораблей может способствовать развитию производства гражданских судов) [9]. Некоторые исследователи дополнительно указывают, что развитие оборонно-промышленного комплекса может выступить в качестве «технологического локомотива», который мог бы стимулировать появление и развитие новых высокотехнологичных отраслей – информационных технологий, электроники [10].

Помимо прочего, налаживание внутреннего производства ВВТ исторически приносило странам и другие выгоды, поскольку данная стратегия являлась импортозамещающей, позволяя отказаться от импорта оружия, создавая рабочие места, нейтрализуя дефицит торгового баланса и сохраняя золотовалютные резервы (в идеале позднее экспорт ВВТ на основе импортозамещения мог вести к росту валютных доходов страны).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование взаимосвязей между производством, экспортом ВВТ и государственными расходами на оборону показало, что перспективные исследования должны быть сосредоточены на предложении ВВТ, поскольку его экспорт может иметь ряд положительных экзогенных эффектов, заменяя оборонные расходы: развитая страна (как Германия) может сокращать оборонные расходы и увеличивать экспорт ВВТ. Важно исследовать выигрыш (или проигрыш) от такой стратегии. Кроме того, нужны дальнейшие оценки «правильных» соотношений экспорта и внутренних заказов на вооружения, чтобы обеспечить бесперебойное производство в оружейной отрасли. Так, правительства могут разрешать экспорт ВВТ в периоды, когда оборонные расходы снижаются (то есть изменяется взаимосвязь между экспортом ВВТ и оборонными расходами), чтобы обеспечить выживание отрасли по производству вооружений.

Список литературы / References

1. *George J., Sandler T.* Demand for Military Spending in NATO, 1968–2015: A Spatial Panel Approach. *European Journal of Political Economy*. 2018;53:222–236.
2. *Brender A.* Government Ideology and Arms Exports. ILE Working Paper Series, No. 21. Hamburg: University of Hamburg, Institute of Law and Economics (ILE); 2018. 38 p.

3. *Pamp O., Thurner P.W.* Trading Arms and the Demand for Military Expenditures: Empirical Explorations Using new SIP-RI-Data. *Defence and Peace Economics*. 2017;4(28):457–472.
4. *Garfinkel M.R., Syropoulos C., Yotov Y.V.* Arming in the global economy: The importance of trade with enemies and friends. *Journal of International Economics*. 2020;123:103295. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2020.103295>
5. *Dunne P., Garcia-Alonso M., Levine P., Smith P.* Determining the defence industrial base. *Defence and Peace Economics*. 2007;3(18):199–221.
6. *Blum J.* Arms production, national defense spending and arms trade: Examining supply and demand. Working Paper, No. 310. Munich: Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich; 2019. 37 p.
7. *United Nations Office on Drugs and Crime.* Comparative Analysis of Global Instruments on Firearms and other Conventional Arms: Synergies for Implementation. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime; 2016. 84 p.
8. *Garfinkel M.R., Skaperdas S., Syropoulos C.* Trade and insecure resources. *Journal of International Economics*. 2015;1(95):98–114.
9. *Willett S.* East Asia's changing defense industry. *Survival, Autumn*. *Global Politics and Strategy*. 1997;3(39):107–134.
10. *Martin S.* (ed.) *The economics of offsets: defense procurement and countertrade*. Harwood, L.; 1996. 352 p.

Коммуникативные шумы процесса продвижения продуктовой инновации

Александрова Ирина Юрьевна

Канд. психол. наук, доц. каф. маркетинга

ORCID: 0000-0003-4728-5747, e-mail: alexandrova27@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Исследован феномен коммуникативного шума как деструктивный элемент маркетинговой коммуникации, нацеленной на продвижение продуктовой инновации. В процессе решения поставленных задач акцентировано внимание на коммуникативных шумах адресанта и адресата маркетинговой информации об инновационном продукте, поскольку шумы этого типа являются наиболее сложными и проблематичными ввиду их латентности и слабой контролируемости. Их суть заключается в ошибках/сбоях кодирования-декодирования маркетинговой информации в процессе взаимодействия компании с потенциальными потребителями продуктовой инновации. В результате проведенного исследования выявлены и проанализированы следующие коммуникативные шумы адресанта и адресата маркетинговой информации об инновационном продукте: некорректное позиционирование инновации; семантический диссонанс образа бренда и его продуктовой инновации; некорректная рекламная концепция; слабая или некорректная креатив-идея рекламы; некорректный выбор инструментов продвижения; различия восприятия инновации, связанные с социально-демографическими характеристиками потребителей (полом, возрастом, образованием, доходом), принадлежностью потребителей к той или иной культуре (культурно-этнической и религиозной принадлежностью), индивидуально-психологическими характеристиками (типом личности, индивидуальной системой ценностей, степенью зависимости от социального окружения, уровнем устойчивости к психологическому воздействию).

Ключевые слова

Коммуникативные шумы, продуктовые инновации, маркетинг инноваций, продвижение продуктовой инновации, психология потребителей, психология восприятия инновации, маркетинговая коммуникация

Для цитирования: Александрова И.Ю. Коммуникативные шумы процесса продвижения продуктовой инновации // Вестник университета. 2024. № 8. С. 14–22.

Communication noise of product innovation promotion process

Irina Yu. Aleksandrova

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Marketing Department
ORCID: 0000-0003-4728-5747, e-mail: alexandrova27@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The communicative noise phenomenon as a destructive element of marketing communication aimed at promoting product innovation has been analyzed. In the process of solving the set tasks the attention has been focused on the study of communicative noise of recipient and addressee of marketing information about an innovative product, since the noises of this type are the most complex and problematic ones due to their latency and weak controllability. Their essence lies in errors/failures of coding-decoding of marketing information in the process of a company's interaction with potential consumers of its product innovation. As the conducted research result, the following communicative noises of recipient and addressee of marketing information about an innovative product have been identified and analyzed: incorrect positioning of an innovation; semantic dissonance of the brand image and its product innovation; incorrect advertising concept of an innovation; weak or incorrect creative idea of the innovation advertising; incorrect choice of tools for promoting an innovation; differences in the perception of an innovation related to social and demographic characteristics of consumers (gender, sex, age, education, and income), consumers' belonging to one or another culture (cultural and ethnic or religious affiliation), and individual-psychological characteristics (personality type, individual value system, degree of dependence on the social environment, and the level of resistance to psychological influence).

Keywords

Communication noise, product innovation, innovation marketing, product innovation promotion, consumer psychology, innovation perception psychology, marketing communication

For citation: Aleksandrova I.Yu. (2024) Communication noise of product innovation promotion process. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 14–22.

ВВЕДЕНИЕ

Специфика коммуникационной стратегии продвижения нового продукта оказывает значительное влияние на процесс принятия/непринятия инновации потребителями. Прежде всего это относится к таким составляющим стратегии, как позиционирование продукта, образ бренда, рекламная концепция, креатив-идея, инструменты продвижения. Если стратегия продвижения инновации коммуникативно эффективна, у потребителей появляется желание совершить пробную покупку. Если этого не происходит, в процессе кодирования-декодирования маркетинговой информации возник тот или иной коммуникативный шум, исказивший объем и/или смысл рекламного сообщения.

Целью настоящего исследования являются выявление и анализ коммуникативных шумов процесса продвижения продуктовой инновации.

Задачи исследования:

- 1) анализ феномена шума как деструктивного элемента коммуникационного процесса;
- 2) выявление и анализ коммуникативных шумов адресанта маркетинговой информации о продуктовой инновации;
- 3) выявление и анализ коммуникативных шумов адресата маркетинговой информации о продуктовой инновации.

Методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, систематизация, анализ документов.

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ШУМА КАК ДЕСТРУКТИВНОГО ЭЛЕМЕНТА КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Понятие «коммуникативные шумы» в теории коммуникации интерпретируется как различного рода помехи или барьеры, возникающие в процессе социальной коммуникации, снижающие эффективность или блокирующие ее. Многие классические модели массовой коммуникации включают коммуникативные шумы в качестве одного из элементов, что говорит о высокой степени значимости и типичности этого феномена, а также о фактической невозможности его избежания на практике. Изначально термин использовался в широко известной линейной коммуникационной модели К. Шеннона и У. Уивера (1949 г.), называемой «шумовой». Шум (энтропия) выступал в качестве деструктивного элемента, непосредственно влияющего на коммуникационный канал, то есть в данном случае природа шумов ограничивалась технологическими и/или техническими проблемами связи [1].

В настоящее время в качестве коммуникативного шума рассматриваются помехи, барьеры различных типов, снижающие эффективность взаимодействия адресанта (отправителя, коммуникатора) и адресата (получателя, аудитории). Единой общепринятой классификации шумов в теории коммуникации не существует. Коммуникативные шумы могут быть детерминированы: внешней средой коммуникативного акта – шумы внешней физической среды, каналом связи – технические/технологические шумы, адресантом и/или адресатом – лингвистические (семантические, фонетические, стилистические), социально-демографические, культурные и психологические шумы кодирования-декодирования. Последний тип является наиболее сложным и проблематичным. Обычно такие шумы латентны и слабо контролируемы, поэтому в данной статье будут исследованы коммуникативные шумы адресанта и адресата маркетинговой информации об инновационном продукте.

АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ ШУМОВ АДРЕСАНТА МАРКЕТИНГОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ПРОДУКТОВОЙ ИННОВАЦИИ

Коммуникативные шумы адресанта маркетинговой информации о продуктовой инновации представляют ошибки кодирования информации в процессе разработки стратегии продвижения нового продукта, приводящие к снижению эффективности коммуникации с потребителями вследствие сбоев процесса декодирования.

Проанализируем типичные ошибки кодирования маркетинговой информации, систематизировав их в соответствии с указанными выше основными элементами стратегии продвижения продуктовой инновации.

1. Некорректное позиционирование инновационного продукта. Понятие «позиционирование продукта» может иметь различные интерпретации. Специалисты по маркетинговым коммуникациям определяют

его как точное и краткое описание того, что представляет продукт и для кого он предназначен [2]. Кажется, что ответы на эти вопросы объективны и полностью зависят от функциональных характеристик продукта. Однако мировая маркетинговая практика вывода на рынок новинок показывает, что это не всегда так и провал инновации может быть определен именно некорректным позиционированием. Крупнейший эксперт в сфере рекламы Д. Огилви, обсуждая вопрос вариативности позиционирования продукта, дал следующий комментарий: «Я мог бы позиционировать мыло “Дав” как моющее средство для мужчин после грязной работы, однако вместо этого решил называть его туалетным мылом для женщин с сухой кожей. Последние 25 лет это действовало безотказно» [2, с. 12].

Рассмотрим еще несколько примеров взаимосвязи позиционирования продукта и спроса на него из профессионального опыта Огилви. Проблема низкого спроса на автомобили шведского бренда SAAB в Норвегии была полностью решена после их позиционирования как «автомобили для зимы». Через три года SAAB занял первое место в рейтинге лучших автомобилей для норвежских зим. Новинка 1938 г. Volkswagen Beetle (Фольксваген «Жук»), по словам Огилви, больше похожая на ортопедический ботинок, чем на автомобиль, имела большой успех на американском рынке благодаря позиционированию продукта как автомобиля для прогрессивно настроенной молодежи, протестующей против буржуазных излишеств и роскошных авто, что было актуально в Соединенных Штатах Америки на тот период времени.

Продолжая тему позиционирования автомобилей, приведем пример эксперта по брендингу Ф.-Р. Эша, который, анализируя спрос на ведущие немецкие автомобильные торговые марки, приходит к выводу о том, что благодаря позиционированию Audi как премиального бренда восприятие потребителями его престижности максимально приблизилось к бренду BMW [3].

2. Семантический диссонанс образа бренда и его продуктовой инновации. Образ бренда, выводящего на рынок инновацию, может оказать существенное влияние на ее субъективное восприятие потребителями. Особые риски в данном случае связаны с:

- 1) неизвестным (новым) брендом;
- 2) малоизвестным (слабым) брендом, занимающим незначительную долю рынка;
- 3) брендом, имеющим проблемную репутацию и/или размытый, противоречивый образ;
- 4) брендом, не ассоциирующимся у потребителей с той продуктовой категорией, к которой принадлежит инновационный продукт.

В последнем случае у потребителя, как показывают маркетинговые исследования, может возникнуть недоверие к бренду, сомнения в его компетентности в новой сфере деятельности. Например, если бренд зарекомендовал себя как успешный в сфере бытовой техники, вывод им на рынок нового продукта из категории «косметика/парфюмерия» может быть воспринят скептически.

Показательным примером семантической рассогласованности образа бренда и его продуктовых инноваций является реклама McDonald's, в которой был представлен обновленный ассортимент детского набора «Хэппи Мил». Бренд пытался убедить потребителя, что заботится о качестве продуктов, предлагаемых детям. Однако это заявление в контексте имиджа McDonald's как ведущего продавца фастфуда выглядело странно и даже цинично, так как вредные, опасные для здоровья продукты продолжали оставаться в предлагаемом наборе. Таким образом, реклама фактически содержала ложную информацию и, следовательно, не могла вызывать доверие потенциальных покупателей.

Примером рассогласованности образа бренда с товарной категорией инновации является неудачный старт чипсов «АБ» от личного бренда «А.Б. Пугачева». Продуктовое предложение певицы было проигнорировано большинством потенциальных потребителей прежде всего по причине того, что А.Б. Пугачева не воспринималась ими как эксперт в сфере продуктов питания – ее профессия и медийный образ не имели никакого отношения к чипсам. В результате товар не вызвал интерес, доверие, желание совершить пробную покупку. Вместе с тем, как отмечали эксперты, анализируя провал «АБ», новый продукт, который позиционировался как премиальный, не соответствовал товарной категории «чипсы (жареный картофель)» – это были пеллеты (чипсы, произведенные из концентрата), относящиеся к более дешевому виду с невысокими вкусовыми характеристиками. Однако даже в категории «пеллет» продукт «АБ» имел сомнительное качество при завышенной цене¹.

Отметим, что в настоящее время тенденция к формированию крупных брендовых портфелей на основе мультипродуктового подхода нарастает и часто является успешной, что во многом объясняется

¹ Киселев М. Выпуск бренда с именем звезды шоу-бизнеса. Режим доступа: <http://gymnastka.dem.ru/news240.html> (дата обращения: 02.05.2024).

профессионально выстроенной архитектурой бренда, при которой «атипичные» для образа бренда новинки продвигаются преимущественно как автономные продукты (так называемые товарные бренды), что позволяет нивелировать или свести к минимуму восприятие их принадлежности к материнским брендам.

3. Некорректная рекламная концепция продуктовой инновации. Рекламная концепция – это ответ на вопрос каким образом преподнести товар/услугу в рекламной коммуникации. Она определяет общий подход к построению сообщения (рациональный, эмоциональный, смешанный), стиль и тональность рекламы, а также характеристику продукта, на которой должно быть сконцентрировано внимание в рекламе. Эта характеристика должна быть наиболее мотивационно значимой для покупательской активности целевых потребителей и полностью соответствовать их нуждам, желаниям, ценностным ориентациям.

Показательным примером важности учета ценностей и стереотипов потребителей в рекламной концепции инновационного продукта является широко известная в истории маркетинга ситуация с выводом на рынок Швейцарии посудомоечной машины для домашнего использования, которая на тот момент времени являлась для потребителей В2С-рынка абсолютно новым продуктом. Зарубежные продавцы были полностью уверены в высоком спросе на новинку, поэтому чрезвычайно низкий уровень ее продаж на швейцарском рынке после широкомасштабной рекламной кампании их озадачил. В ходе проведения специальных маркетинговых исследований, нацеленных на выяснение причин пассивности целевых потребителей, оказалось, что всему виной некорректный выбор мотива покупки в рекламной концепции. Посудомоечная машина была представлена в рекламе как бытовая техника, которая позволит женщинам-домохозяйкам сэкономить время для отдыха и хобби, однако разработчики рекламы не учли, что в Швейцарии женщина считается прекрасной домохозяйкой, только если она постоянно занята домашними делами, в противном случае ее воспринимают как ленивую и неумелую. После изменения рекламной концепции, в которой основным мотивом покупки посудомоечной машины стала выступать безупречная чистота и стерильность посуды, новинка стала высоко востребованной [4].

Важным требованием к рекламной концепции является когнитивная простота описания инновационного продукта. Чтобы его реализовать, необходимо:

1) следовать концепции уникального торгового предложения Р. Ривза и акцентировать внимание на одной характеристике рекламируемого продукта, которая отличает его и является наиболее мотивационно значимой для потребителей (при указании на другие параметры продукта они должны восприниматься как второстепенные и в своем объеме не превышать 7 позиций) [5];

2) не использовать в рекламе новых продуктов В2С-рынка специальную, профессиональную терминологию;

3) по возможности апеллировать к эмоциональным мотивам покупки, так как интерес потребителей к рекламе функциональных свойств продуктов широкого потребления постоянно снижается [3].

Если указанные выше требования к рекламной концепции инновационного продукта нарушаются, возникают проблемы его восприятия. Так, например, американские маркетологи выявили низкую коммуникативную эффективность рекламы новой модели стиральной машины, в которой подробно рассказывалось о ее функциональных преимуществах с активным использованием узкопрофессиональной терминологии. Женщины-респонденты отмечали, что после прочтения этой рекламы у них возникало ощущение полной некомпетентности в товарной категории и они откладывали покупку или полностью отказывались от нее [6].

4. Слабая или некорректная креатив-идея рекламы продуктовой инновации. Креатив-идея рекламы инновационного продукта должна полностью соответствовать концепции бренда, рекламной концепции, а также семантическому пространству целевой аудитории, а именно ее потребностям, ценностям, убеждениям, установкам, интересам, привычкам, стереотипам. Вместе с тем она должна быть оригинальна и интересна потребителю как особый творческий продукт (то есть, по Д. Огилви, отвечает требованиям суперидеи).

В том случае, если креатив-идея рекламы является слабой или некорректной, то есть нарушающей перечисленные выше требования, она может вызвать сбои в процессе декодирования рекламы и, как следствие, стать причиной отказа от покупки нового продукта. Например, использование в коммерческой рекламе абсолютных негативных раздражителей (изображения крови, насилия, пожаров, катастроф, смерти и ее символы и т.п.) с психологической точки зрения абсурдно, так как у любого психически здорового человека эти изображения вызывают отторжение. Однако в истории отечественной рекламы

можно найти примеры таких шокирующих креатив-идей, которые сокращали спрос на новый продукт или полностью блокировали его продвижение (например, реклама «Скелетонов» – новой линии ассортимента ряда молочной продукции бренда Danon) [7].

5. Некорректный выбор инструментов продвижения продуктовой инновации. Выбор инструментов продвижения нового продукта должен быть подчинен прежде всего таким требованиям, как привлечение внимания потребителя к новинке, возможность ознакомления с подробной информацией о ней, а также возможность тестирования продукта. Для привлечения внимания к продукту и стимулирования интереса к нему обычно используются такие инструменты, как специальные рекламные и PR-мероприятия (например, широко освещаемый в прессе автопробег с участием новой модели автомобиля); распространение в средствах массовой информации новостных материалов – статьи, репортажи, брифинги и т.п.; акции sales promotion, направленные на предварительное тестирование продукта (пробные образцы, дегустации, тест-драйв и т.п.) и поощрение пробной покупки; обязательное наличие офлайн-формата продаж в случае материально осязаемой продукции.

Наиболее серьезными проблемами восприятия инновации потребителями, связанными с некорректным выбором инструментов продвижения, являются непонимание сути инновации, искаженное представление о ее потребительских свойствах, недоверие к рекламным сообщениям. В качестве основных причин данных негативных эффектов выступают информационная недостаточность и невозможность предварительного эмпирического ознакомления с заявленными потребительскими свойствами продукта до совершения покупки.

АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ ШУМОВ АДРЕСАНТА МАРКЕТИНГОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ПРОДУКТОВОЙ ИННОВАЦИИ

Выше мы рассмотрели коммуникативные шумы, возникающие вследствие сбоя процесса кодирования маркетинговой информации о продуктовой инновации. Далее обратимся к анализу коммуникативных шумов, которые могут возникнуть у потребителей в процессе декодирования информации о новом продукте. Причинами актуализации таких шумов являются социально-демографические, культурные и индивидуально-психологические характеристики потребителей, определяющие те или иные особенности/сбои восприятия инновации в том случае, если они не учтены или не могут быть учтены маркетологами.

К социально-демографическим детерминантам особенностей восприятия инновации потребителями относятся: пол, возраст, образование, доход. Рассмотрим их подробнее.

Пол потребителя может оказывать влияние на восприятие того или иного инновационного продукта в силу различий, присущих двум гендерным группам и связанных с психофизиологическими и психологическими особенностями мужчин и женщин, особенностями их социализации и социального опыта. Например, мужчины в целом более лояльны к сложным технологическим инновациям и рациональной аргументации их преимуществ, нежели женщины (выше был приведен пример особенностей восприятия женщинами рекламы новой модели стиральной машины).

Возраст потребителя может оказать негативное влияние на скорость принятия инновации или даже полностью заблокировать этот процесс. Так, результаты психологических исследований показывают, что в настоящее время для многих пожилых людей характерна технофобия, выражающаяся в устойчивом сопротивлении технологическим новациям из-за субъективно воспринимаемой сложности их освоения и боязни использования².

Чем выше уровень образования потребителя, тем легче он воспринимает и принимает инновации. Связано это как с широким кругозором и системой личных познаний человека, существенно облегчающими понимание и усвоение нового и ранее неизвестного, так и с высоко развитой когнитивной потребностью (потребностью в получении новых знаний и информации).

Финансовое благополучие потребителя также оказывает влияние на процесс восприятия инновационного продукта. Люди с ограниченными финансовыми возможностями более консервативны и менее склонны идти на риск, экспериментировать, а также отказываться от психологически устаревшего продукта, то есть продукта, еще пригодного с точки зрения утилитарных свойств, но устаревшего относительно более новых разработок (например, старый работающий холодильник или мобильный телефон устаревшей модели).

Далее обратимся к анализу коммуникативных шумов, детерминированных различиями восприятия инновации, связанными с принадлежностью адресата к той или иной культуре.

²Зыгмантович П. Технофобия: почему мы боимся новых технологий. Режим доступа: <https://zygmantovich.com/?p=23245> (дата обращения: 02.05.2024).

Культурно-этническая и религиозная принадлежность являются наиболее значимыми факторами, которые могут создать коммуникативные шумы в процессе восприятия инновации потребителями, особенно в ситуации ее продвижения на межнациональном/международном рынке. В культуре каждого этноса на протяжении многих веков складывалась своя, особая ценностно-нормативная система, включающая картину мира, матрицу ценностей этноса, его обычаи, традиции, коллективные привычки, этические и институциональные, в том числе религиозные, нормы, а также модели потребления. Следовательно, одна и та же инновация может быть по-разному воспринята представителями различных этносов, даже проживающих в пределах одного государства. Приведем наиболее известные примеры коммуникативных шумов адресата этого типа.

Когда популярную американскую куклу Барби компания Mattel Inc. начала продавать в Японии, со сбытом новинки возникли серьезные проблемы. Проведенные маркетинговые исследования показали, что кукла не нравилась 90 % девочек и 100 % их родителей, так как ее физический тип (белая кожа, длинные ноги, светлые волосы, голубые глаза, большой бюст) резко диссонировал со стандартами женской красоты японского этноса. Несмотря на все маркетинговые попытки, Япония так и не приняла американскую Барби европеоидного типа, что в принципе было очевидно и логично.

Еще одним интересным примером проблем восприятия инновационного продукта является маркетинговая история с неудачной попыткой продаж в Юго-Восточной Азии отбеливающей зубной пасты Pepsodent. Как оказалось впоследствии, желтые и черные зубы для людей этого региона служат символом высокого социального статуса, поэтому рекламное обещание целевой аудитории белоснежных зубов было абсолютно неуместно и не мотивировало на покупку новинки [8].

Этнические и религиозные ценности некоторых культур могут быть принципиально противоположными философии общества потребления. Лучшим примером такого социума является маленькая буддийская страна Бутан, расположенная в Гималаях. Уникальность культуры Бутана заключается в том, что вся жизнь страны подчинена государственной философии валового национального счастья (далее – ВНС), цель которой – сделать счастливым каждого жителя (поэтому Бутан называют Страной счастья). ВНС противопоставляется валовому национальному продукту и предполагает приоритет духовных ценностей над материальными, то есть достижение психологического благополучия людей через следование моральным и религиозным нормам. Министерство счастья Бутана проводит мониторинг степени удовлетворенности граждан жизнью.

Как это ни парадоксально, высокий уровень счастья бутанцев (96,7 %) обратно пропорционален развитию экономики страны – она считается одной из беднейших в мире, при этом в ней отсутствуют нищета и преступность. В Бутане минимально используются или не используются вообще технологические инновации XX–XXI вв. Там бережно охраняют природную среду, поэтому в стране огромные девственные территории, практически нет заводов, минимум автомобилей, а в сельском хозяйстве не используют химические удобрения. До начала XXI в. в Бутане не было телевидения и интернета. В стране под запретом использование пластиковых упаковок, продажа табачных изделий, охота, вырубка деревьев и т.д.³ Исходя из анализа основных социокультурных ценностей Страны счастья, становится понятным, что заинтересованность в продуктовых инновациях у представителей традиционных культур, подобных Бутану и типичных для Восточной цивилизации, будет незначительной.

Далее рассмотрим индивидуально-психологические детерминанты особенностей восприятия инноваций потребителями. К ним относятся тип личности, индивидуальная система ценностей, степень зависимости от социального окружения, уровень устойчивости к психологическому воздействию.

В психологии существуют различные типологии личности. В контексте восприятия инноваций потребителями существенное значение приобретают следующие:

- 1) типология личности по критерию временной направленности, в которой выделяются такие типы, как традиционалисты, конъюнктурщики и новаторы;
- 2) типология личности по критерию различий в потребностно-волевых переживаниях, включающая пессимистов, уравновешенных и оптимистов;
- 3) типология личности по степени ориентированности на социум, представленная интровертами и экстравертами.

Наиболее проблемными психологическими типами для продвижения новых продуктов являются традиционалисты, пессимисты и интроверты. Последние достаточно инертны в принятии инноваций

³ Назаров М. Страна счастливых людей. Режим доступа: <http://travelreal.ru/azia/butan/strana-schastlivyx-lyudej> (дата обращения: 02.05.2024).

в силу ориентации на свой внутренний мир, индивидуальную систему ценностей, меньшей зависимости от потребительских трендов, отсутствию склонности к импульсивным покупкам.

Индивидуальная система ценностей потребителей может стать препятствием для принятия тех или иных продуктовых инноваций в том случае, если новый продукт воспринимается как антиценность. Лучшими примерами актуализации такого диссонанса являются неэкологичные, вредные новинки, предлагаемые людям, ориентированным на здоровый образ жизни, или предложения социально-ответственным компаниям инновационных технологий, потенциально опасных для человечества.

Степень зависимости потребителя от социального окружения и уровень его устойчивости к психологическому воздействию также влияют на скорость принятия продуктовых инноваций. Если для человека характерна высокая степень зависимости от социума, он более подвержен маркетинговым воздействиям, в частности убеждению и внушению в рекламной коммуникации, воздействиям со стороны референтных личностей (в том числе лидеров мнения) и референтных групп, а также моде и актуальным потребительским трендам. Чем более социально независимой, самодостаточной является личность потребителя, тем более устойчива она к маркетинговым влияниям, в том числе связанным с продвижением продуктовых инноваций.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного в работе исследования выявлены и проанализированы следующие коммуникативные шумы адресанта и адресата маркетинговой информации об инновационном продукте, приводящие к соответствующим ошибкам/сбоям процесса кодирования-декодирования в случае их актуализации.

Шумы адресанта:

- некорректное позиционирование инновационного продукта;
- семантический диссонанс образа бренда и его продуктовой инновации;
- некорректная рекламная концепция продуктовой инновации;
- слабая или некорректная креатив-идея рекламы продуктовой инновации;
- некорректный выбор инструментов продвижения продуктовой инновации.

Шумы адресата:

- различия восприятия инновации, связанные с социально-демографическими характеристиками потребителей;
- различия восприятия инновации, связанные с принадлежностью потребителей к той или иной культуре;
- различия восприятия инновации, связанные с индивидуально-психологическими характеристиками потребителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованные в работе коммуникативные шумы адресанта и адресата маркетинговой коммуникации, нацеленной на продвижение инновационного продукта, могут приводить к существенному снижению эффективности донесения до потребителя информации об инновации, искажая ее семантическое поле и, как следствие, оказывая негативное влияние на покупательскую активность. В связи с этим в процессе маркетингового проектирования продвижения нового продукта необходимы тщательный учет эффектов коммуникативных шумов и контроль детерминант их актуализации.

Список литературы

1. *Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации. М.: Юрайт; 2024. 231 с.
2. *Огилви Д.* Огилви о рекламе. Пер. с англ. Новикова Т., Гостев А. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2023. 304 с.
3. *Эш Ф.-Р.* Оценка современных условий управления брендами. Учет рыночных условий: обесценение продуктов и брендов. Бренд-менеджмент. 2008;4:198–210.
4. *Росситер Дж., Перси А.* Реклама и продвижение товаров. Пер. с англ. Бугаев М. и др. СПб.: Питер; 2000. 656 с.
5. *Ривз Р.* Реальность в рекламе. Пер. с англ. Смирнов В. М.: Библиос; 2019. 128 с.
6. *Котлер Ф., Келлер К.Л.* Маркетинг менеджмент. 15е изд. Пер. с англ. Боржук С.Г. СПб.: Питер; 2022. 848 с.
7. *Азоев Г.А.* (ред.) Маркетинг: модели, технологии, инструменты. СПб.: Питер; 2024. 544 с.
8. *Аренс У.* Современная реклама. Пер. с англ. Кузин В. М.: Эксмо; 2011. 875 с.

References

1. *Gavra D.P.* Fundamentals of communication theory. Moscow: Yurait; 2024. 231 p. (In Russian).
2. *Ogilvy D.* Ogilvy on advertising. Trans. from Eng. Novikova T., Gostev A. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2023. 304 p. (In Russian).
3. *Ash F.-R.* Assessing modern conditions of brand management. Accounting for market conditions: impairment of products and brands. *Brand Management*. 2008;4:198–210. (In Russian).
4. *Rossiter J., Percy L.* Advertising and product promotion. Trans. from Eng. Bugaev M. et al. St. Petersburg: Piter; 2000. 656 p. (In Russian).
5. *Reeves R.* Reality in advertising. Trans. from Eng. Smirnov V. Moscow: Biblos; 2019. 128 p. (In Russian).
6. *Kotler F. Keller K.L.* Marketing management. 15th ed. Trans. from Eng. Borzhuk S.G. St. Petersburg: Piter; 2022. 848 p. (In Russian).
7. *Azoev G.L.* (ed.) Marketing: models, technologies, tools. St. Petersburg: Piter; 2024. 544 p. (In Russian).
8. *Arens W.* Contemporary advertising. Trans. from Eng. Kuzin V. Moscow: Eksmo; 2016. 875 p. (In Russian).

Использование нейронных сетей в видеоигровой индустрии

Годин Владимир Викторович

Д-р экон. наук, проф. каф. информационных систем
ORCID: 0000-0002-3872-2848, e-mail: godin@guu.ru

Терехова Анна Евгеньевна

Канд. экон. наук, доц. каф. информационных систем
ORCID: 0000-0001-8418-6727, e-mail: anterehova@guu.ru

Булатов Даниил Николаевич

Студент
ORCID: 0009-0003-0137-8769, e-mail: d15bbulat@mail.ru

Заремба Юрий Алексеевич

Студент
ORCID: 0009-0009-0078-8508, e-mail: mrstalker97@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Исследованы сфера видеоигровой индустрии и использование в ней нейронных сетей. Проанализировано воздействие этой технологии на процесс разработки компьютерных игр, отмечена эффективность ее применения в данной области. Рассмотрена обобщенная схема разработки видеоигр с выявлением этапов, наиболее благоприятных для применения нейронных сетей. Исследованы возможности искусственного интеллекта при разработке визуального образа видеоигровых персонажей, начиная со стадии идеи, затрагивая создание концепции и заканчивая этапом реализации. Показана возможность оптимизации этого процесса за счет внедрения технологии нейронной сети. Проанализировано применение нейронных сетей в процессах написания игровых сценариев и реализации озвучивания диалогов в игре. Показана разница между вариативностью сюжетов и разговоров игровых персонажей, созданных с использованием модели искусственного интеллекта. Рассмотрена «концепция будущего», заключающаяся в использовании нейронных сетей в качестве цифрового двойника разработчика видеоигр. Сформулированы оценки развития индустрии видеоигр за счет внедрения генеративного искусственного интеллекта. В результате исследования доказано положительное влияние применения нейронных сетей на разработку компьютерных игр вплоть до возможной в ближайшее время полной автоматизации рассматриваемой отрасли за счет активного использования данной технологии.

Ключевые слова

Нейронная сеть, искусственный интеллект, видеоигровая индустрия, гейм-дизайнер, видеоигровой персонаж, автоматизация разработки, игровой сценарий, цифровой двойник

Для цитирования: Годин В.В., Терехова А.Е., Булатов Д.Н., Заремба Ю.А. Использование нейронных сетей в видеоигровой индустрии // Вестник университета. 2024. № 8. С. 23–33.

Neural networks utilization in the video game industry

Vladimir V. Godin

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Data Systems Department
ORCID: 0000-0002-3872-2848, e-mail: godin@guu.ru

Anna E. Terekhova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Data Systems Department
ORCID: 0000-0001-8418-6727, e-mail: anterehova@guu.ru

Daniil N. Bulatov

Student
ORCID: 0009-0003-0137-8769, e-mail: d15bbulat@mail.ru

Iiuri A. Zaremba

Student
ORCID: 0009-0009-0078-8508, e-mail: mrstalker97@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The scope of the video game industry and the use of neural networks in it have been studied. The impact of this technology on the computer games development process has been analyzed, the efficiency of its application in this area noted. The generalized scheme of video games development with identification of the stages most favorable for neural networks application has been considered. The possibilities of artificial intelligence in the video game characters' visual image development, starting from the idea stage, touching the concept creation and ending with the realization stage, have been studied. The possibility of optimizing this process by implementing neural network technology has been shown. The neural networks application in the processes of writing game scripts and implementing dialog voicing in a game has been analyzed. The difference between the variability of plots and conversations of game characters created with the use of artificial intelligence model has been shown. The future concept of using neural networks as a digital twin of a video game developer has been considered. Estimates of the video game industry development through the generative artificial intelligence implementation have been formulated. As the study result, the positive influence of neural networks application on the computer games development up to the possible full automation of the industry under consideration due to the active use of this technology in the near future has been proved.

Keywords

Neural network, artificial intelligence, video game industry, game designer, video game character, development automation, game script, digital counterpart

For citation: Godin V.V., Terekhova A.E., Bulatov D.N., Zaremba I.A. (2024) Neural networks utilization in the video game industry. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 23–33.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в различных областях человеческой деятельности произошла научная революция благодаря технологии нейронных сетей (далее – нейросеть). Данная концепция, относящаяся к одной из реализаций вычислительного искусственного интеллекта (далее – ИИ), имитирующая работу нейронов человеческого мозга, предлагает максимально вариативные и масштабные возможности применения. Нейросети достигли стадии «плато продуктивности» в рамках модели «Цикл зрелости Гартнера», что означает старт их широкого внедрения в различные сферы жизни, включая бизнес¹.

Количество организаций, использующих нейросети, растет с каждым днем, и даже в сегменте малого бизнеса они активно и успешно внедряются. Технология ИИ активно используется для работы с финансами и инвестициями, автоматизации процессов торговли, прогнозирования спроса, тенденций и котировок на финансовых рынках и биржах. В сфере медицины нейросети позволяют диагностировать и прогнозировать заболевания, производить мониторинг состояния здоровья пациентов [1]. Данная технология эффективна и в промышленности благодаря автоматизации процессов логистики, контроля качества, создания товаров, планирования производства [2]. Нейросеть анализирует большой объем данных, что позволяет выстроить грамотную рекламную кампанию и маркетинговый план, персонализировать предложения клиентам. В концепции интернета вещей (англ. Internet of Things, IoT) внедрение нейросети позволяет автоматизировать процессы управления различными устройствами и сенсорами. Данная математическая модель ускоряет процесс глобализации путем использования технологий распознавания языка, которые дают возможность моментального автоматического перевода текста или разговора с виртуальным или реальным собеседником. Помимо всего вышеперечисленного, нейросети широко применяются для распознавания объектов на изображениях, создания виртуальной реальности, анализа мнений и настроений пользователей в сети и понимания реакции клиентов на продукт, создания чат-ботов, текстов, фото- и видеоматериалов, обнаружения мошенничества в электронной коммерции и т.д.

Видеоигровая индустрия представляет сферу человеческой деятельности, неразрывно сопряженную с технологическими прорывами. Компании, занимающиеся разработкой интерактивных виртуальных развлечений, оказались в числе первых, кто внедрил нейросети в рутинные петли своих сотрудников [3]. Можно идентифицировать широкий спектр вариантов использования данной технологии в разработке видеоигр, затрагивающей множество аспектов создания продукта. При этом наряду с обширными возможностями ИИ существуют определенные проблемы, связанные с его применением при разработке видеоигр. Цель настоящего исследования – предложить варианты применения технологии в видеоигровой индустрии, осуществив предварительно анализ и оценку текущего состояния дел в сфере, а также перспективы применения нейросетей в области.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В ходе анализа источников по обозначенной проблематике было найдено значительное количество исследовательских работ, которые можно классифицировать по различным группам, опираясь при этом на уровни социального исследования. Рассмотрим примеры работ таких групп.

На более общем макроуровне можно выделить фундаментальные работы чешских авторов M. Gondek, M. Konečný, R. Világi и V. Nadasik, а также южнокорейского автора J. Peri, в которых описываются индустрия видеоигр в Чехии и Соединенных Штатах Америки [4; 5]. И. Лескова в соавторстве с М. Пирушкиным, а также А. Иншаков и В. Егоров описывают индустрию видеоигр в целом, основные тенденции ее развития, оказываемое ею влияние на сознание человека [6; 7].

В статье И. Лесковой и М. Пирушкина «Видеоигровая индустрия как объект и способ развития современной культуры» исследуются особенности формирования индустрии видеоигр и ее влияние на современную культуру. Авторы используют различные методы для анализа социальных, культурных и исторических условий, сформировавших современную отрасль видеоигр. В статье рассматривается связь видеоигр с быстро развивающимися социальными идеями и их влияние на развитие научных и общественных движений. И. Лескова и М. Пирушкин анализируют примеры отдельных направлений индустрии видеоигр, таких как киберспорт, и подчеркивают его роль в развитии современной культуры.

¹ Gartner. What's New in the 2023 Gartner Hype Cycle for Emerging Technologies. Режим доступа: <https://www.gartner.com> (дата обращения: 18.05.2024).

Если в рассматриваемой ранее статье больше говорится о связи видеоигр с человеком и их влиянии на его сознание, то в работе J. Peri представлен анализ отрасли в целом [5]. Автор проводит исследования, анализируя ответы респондентов. В статье выделены наиболее популярные устройства, используемые для видеоигр, жанры видеоигр, а также отмечены причины такого времяпрепровождения и мнения игроков о пользе или вреде компьютерных игр.

Статья А. Иншакова и В. Егорова содержит экономический анализ отрасли видеоигр, а также обзорекает современные исследования в этой области, затрагивая влияние на психическое здоровье игроков, плюсы и минусы такого досуга, как компьютерные игры [7].

Говоря об экономической составляющей, нельзя не упомянуть о работе автора N. Fan «Evaluation of the Performance and Behavior of the Video Game Industry», в которой рассказывается о поведении индустрии видеоигр, ее производительности и делается вывод о недооцененности этой отрасли в современных условиях [8].

На мезоуровне можно отметить труд О. Davoodi, M. Ashtiani и M. Rajabi, в котором рассказывается о применении ИИ в видеоигровой индустрии, автоматизации отдельных процессов разработки компьютерных игр [9]. Статья описывает новый подход к оценке и корректировке уровней видеоигр, созданных вручную, с использованием глубоких нейросетей. Авторами рассматривается методика, основанная на использовании технологии ИИ, которая позволяет оценить качество уровня и предложить возможные улучшения. Данный подход позволяет значительно улучшить качество уровней видеоигр, созданных вручную, по сравнению с традиционными методами оценки и корректировки, что показывает использование нейросетей в качестве перспективного инструмента для разработчиков видеоигр, стремящихся повысить качество своих продуктов.

Также можно отметить статью К. Seniva, в которой автор рассуждает о применении нейросетей и технологии машинного обучения в компьютерных играх [10]. В статье отмечается, что игры являются перспективным направлением для развития технологии нейросетей, а игровой мир – идеальной платформой для тестирования возможностей ИИ. Нейросети активно используются при разработке игр, заменяя человеческий труд. Продолжаются исследования в области коррекции цвета и освещенности, анимации персонажей в реальном времени и контроля поведения. В работе рассмотрены основные типы нейронных сетей, которые могут обучаться таким функциям, также отмечено, что процесс обучения происходит очень быстро. Автор делает вывод о том, что игры – это всего лишь удобная платформа для экспериментов с ИИ перед его внедрением в реальную жизнь. Также обозначена проблема копирования нейросетями механики игры. В этом направлении есть некоторые достижения, но исследования продолжаются. В качестве вывода выделена необходимость человеческого труда при разработке игр, несмотря на то что ИИ уже справляется с некоторыми задачами.

Помимо этого, на мезоуровне стоит выделить совместную работу N. Bangole, R.B. Moulya, R. Pranthi и S. Reddy, в которой представлено использование технологии нейросетей на примере однопользовательской игры [11]. В статье отмечается высокий уровень производительности игры из-за использования алгоритмов, основанных на самообучении.

В статьях, которые можно отнести к микроуровню, описываются прогресс технологии ИИ в целом и применение инновационных нейросетей в видеоигровой разработке с указанием на их отличие от ранее используемых методов. Также прогнозируется дальнейшая роль нейросетей при создании компьютерных игр. Можно выделить фундаментальную работу А. Filipović [12]. В его статье исследуется влияние нейросетей на современный игровой процесс. Автор отмечает, что ИИ играет ключевую роль в создании непредсказуемого и сложного геймплея, улучшении звука и анимации. Кроме того, с помощью применения нейросетей обеспечивается динамичность и разнообразие игровых миров, а также адаптивность звуковых эффектов, что усиливает ощущение реальности и погружения в виртуальный мир. А. Filipović рассматривает использование естественного языка и разговорного ИИ в играх, что позволяет создавать более глубокие и интересные диалоги между персонажами компьютерных игр и игроками. Работа отмечает важность нейросетей в современном игровом процессе и их влияние на создание увлекательных и захватывающих видеоигр.

Тем не менее материалов с однозначным доказательством эффективности, актуальности и полезности применения технологии нейросетей в рассматриваемой проблемной области найти не удалось.

ВЕРХНЕУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ РАЗРАБОТКИ ВИДЕОИГР

Перед началом рассмотрения влияния нейросетей на видеоигровую индустрию и доказательством эффективности их использования сформируем верхнеуровневую модель разработки видеоигр, отражающую основные этапы этого процесса (табл. 1).

Таблица 1

Обобщенная схема разработки видеоигры

Этап	Участники	Задачи
Концептуализация	Гейм-дизайнер	– определение передаваемого опыта; – создание первого концепта; – определение целевой аудитории
	Проджект-менеджер	– поиск финансирования; – презентация концептов
Разработка	Гейм-дизайнер	– общая концептуализация; – выбор игрового движка; – составление технического задания; – координация работ
	Проджект-менеджер	– подбор сотрудников; – составление дорожной карты; – распределение финансов
	Разработчик	– создание моделей; – создание уровней; – создание персонажей; – проработка пространства; – разработка интерфейса; – создание звукового окружения; – создание первого прототипа; – написание кода
Тестирование	Гейм-дизайнер	– тестирование первого прототипа; – внесение корректировок; – создание тестовой версии и плана тестирования
	Тестирующий	– выявление недочетов (багов) игры
Релиз	Разработчик	– доведение игры до финальной версии; – создание открытой бета-тестовой версии игры
	Проджект-менеджер	– продвижение проекта; – создание рекламных роликов; – релиз проекта

Составлено авторами по материалам исследования

В обобщенной схеме осуществляется выделение четырех основных стадий создания видеоигры, участников, задействованных на каждой из этих стадий, а также их основных задач, являющихся ключевыми действиями в бизнес-процессе получения готового продукта. Внедряя нейросети в процесс создания компьютерных игр, можно передать некоторые ресурсозатратные задачи ИИ. В основном нейросети используются на этапе разработки самими разработчиками, также можно передать данной технологии создание концептов и рекламных роликов, трейлеров.

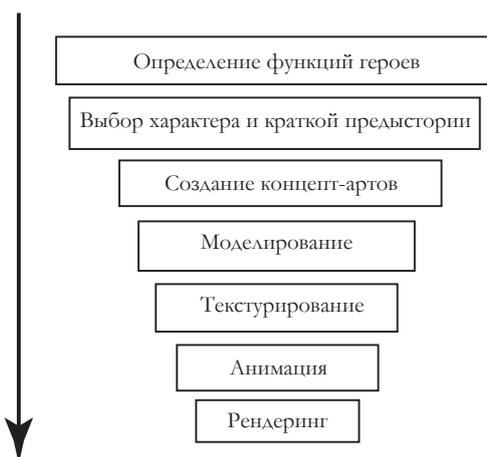
Далее подробнее рассмотрим использование нейросетей именно при непосредственной разработке видеоигр, их применение в задачах разработчиков, таких как создание видеоигровых персонажей и звукового окружения игры.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ В СОЗДАНИИ ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА ПЕРСОНАЖЕЙ

Одной из важнейших стадий в разработке видеоигр является создание игровых персонажей, включая протагонистов, чьими действиями управляет игрок, а также NPC (Non-Player Character) – неигровых персонажей, с которыми игрок взаимодействует. Качество визуального образа, дизайна, характера и истории персонажей оказывает существенное влияние не только на грамотность выстроенного гейм-дизайна, но и на будущий успех игры на рынке, ее прибыльность, привлекательность для публики и узнаваемость серии.

Ограниченность технических возможностей на начальном этапе развития видеоигровой индустрии, особенно в отношении разрешения графики (в то время экран в основном состоял из пикселей в виде точечной матрицы, из-за чего картинка отображалась в плохом качестве с низким разрешением), препятствовала созданию высококачественных и привлекательных персонажей, но даже при этих условиях в первых видеоиграх зарождались образы героев, известных до сих пор. Во многих списках «Лучших главных героев всех времен» первые места часто занимают такие персонажи, как Марио (выход игры – 1981 г.), Пакмэн (1980 г.), а также символ Tetris (1984 г.).

С развитием технологий появилась возможность создания более сложных и глубоких персонажей с использованием детализированных моделей, что является условием привлечения большего количества пользователей к разрабатываемому продукту, ведь конкуренция на рынке усиливается прямо пропорционально техническому прогрессу. В связи с этим важно разработать грамотный дизайн игровых героев, придерживаясь всех необходимых правил и методов для достижения желаемого результата. Создание видеоигровых персонажей осуществляется по определенному алгоритму (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Модель создания видеоигровых персонажей

Изначально геймдизайнер руководствуется фундаментальным вопросом: «Какой опыт игра должна передать будущему пользователю?». Ответ на него определяет выбор основных деталей игры, таких как место действия, ключевые игровые механики (способ взаимодействия с игровыми объектами в рамках установленных ограничений игры), персонажи, сеттинг (игровой мир и его условия), история и другие аспекты. Например, если задача геймдизайнера состоит в передаче опыта русского охотничьего ремесла XXI в., местом действия может быть выбран лес, а основными механиками – выслеживание дичи и стрельба. Сеттинг будет ориентирован на реализм, а история – «крутиться» вокруг лесной охоты. Ключевыми персонажами станут любители и профессионалы в этом виде спорта. Дж. Шелл, автор книги «Как создать игру, в которую будут играть все», писал: «Способность отделять опыт от самой игры очень полезна. Держа в голове четкую картинку опыта и осознавая, какими способами этот опыт достигается, вы будете понимать, какие элементы игры можно безопасно изменить для улучшения игры, а какие трогать нельзя. Конечная цель любого геймдизайнера – донести опыт» [13, с. 10].

После определения желаемого опыта игры начинается разработка краткого описания действующих лиц и их ролей. На основе этой информации конструируется взаимодействие между героями и создается модель циклической структуры межличностных отношений (Interpersonal circumplex) [13].

Данная модель позволяет определять основные черты характера персонажей, после чего происходит углубление в их свойства и дополнение их историей. Вся эта информация необходима для создания первого концепта визуального образа персонажа. Дизайн каждого персонажа должен передавать его индивидуальные черты характера, роль в игровом мире и возможные действия. Визуальный образ должен помочь пользователю на подсознательном уровне понять, как можно взаимодействовать с видеоигровым объектом. Яркий тому пример – шахматы. Геймдизайнер, который впервые придумал подобный концепт, безупречно подошел к созданию визуального образа фигур, вид которых отражает их основную функцию.

После создания концепт-артов начинается стадия реализации первых моделей персонажей, по истечению которой итоговый вид может значительно отличаться от первоначальных набросков. Процесс завершается текстурированием, созданием специальных анимаций и первых рендеров (финальный вид) героев, которые могут быть использованы для внутренней демонстрации или рекламных кампаний.

В традиционный процесс создания видеоигровых персонажей базово вовлечены несколько ключевых участников: геймдизайнер, концепт-художник, 3D-моделлер и 3D-аниматор. Однако для повышения эффективности, а также автоматизации текущего процесса и сокращения затрат авторы предлагают внедрить нейросети на некоторых этапах разработки. Наиболее результативное использование подобной технологии можно наблюдать на стадии создания концептов. При внедрении нейросетей геймдизайнер может использовать специальные чат-боты, которые генерируют изображения на основе общего описания персонажа². Такой подход полностью изменяет этап создания концепт-арта и исключает необходимость участия концепт-художника. Это позволяет сократить расходы и время, а также увеличить вариативность эскизов. В качестве таких инструментов могут использоваться бесплатные чат-боты, например, Bing, MI Journey и др. Применение технологии ИИ особенно эффективно для инди-студий, небольших компаний по разработке видеоигр, которые не имеют возможности привлечь концепт-художника, но также будет полезно и для крупных игроков текущего рынка, позволяя тем сократить время реализации идей и повысить качество создаваемых эскизов.

Процесс концептуализации с использованием нейросетей будет выглядеть следующим образом: геймдизайнер создает общее описание персонажа, концепт которого необходимо реализовать, а затем передает его чат-боту. Нейросеть генерирует несколько эскизов персонажа на основе данного описания (рис. 2). Затем из представленных эскизов выбираются наиболее подходящие и передаются 3D-моделлеру, который создает соответствующую модель, а после чего и рендер готового персонажа (рис. 3).

Составлено авторами по материалам источника³
Рис. 2. Картинка, сгенерированная нейросетью Bing по запросу «русская девушка в белом камуфляже со снайперской винтовкой»

Составлено авторами по материалам исследования
Рис. 3. Итоговый вариант (рендер персонажа), созданный 3D-моделлером команды сервера Blood Boots

² Floky. How I use Ai to make 3D Models for my Game! [Видеозапись]; 02:25. Режим доступа: https://youtu.be/CzrpeHcXVI?si=MrdiWpPlur_CHFgP (дата обращения: 18.05.2024).

³ Bing. Режим доступа: <https://bing-ai.org/> (дата обращения: 18.05.2024).

Таким образом, интеграция нейросетей в процесс создания видеоигровых персонажей позволяет автоматизировать определенные этапы, облегчить разработку и сэкономить время и ресурсы, что несет пользу для разработчиков игр.

ВНЕДРЕНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ В ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ ОЗВУЧИВАНИЯ ДИАЛОГОВ ВИДЕОИГРОВЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Создание игровых персонажей – это важная, но в то же время небольшая часть процесса разработки виртуального игрового мира. Параллельно этому этапу авторы занимаются проработкой сюжета игры, диалогов персонажей и их вариативных реакций на окружающий мир. На поздних стадиях разработки весь этот текст озвучивается и внедряется в игру. Учитывая обширные возможности ИИ, его можно применить и в текущем процессе.

В традиционном подходе к озвучке диалогов в разработке игры зачастую участвуют геймдизайнеры, сценаристы и актеры озвучивания. Большие студии на этот этап разработки тратят внушительную часть бюджета и годы реализации из-за огромного объема текста. Например, в недавнем хите *Red Dead Redemption 2* от компании Rockstar Games 500 тыс. строк диалогов и 2 тыс. страниц сценария. Для сравнения объема можно взять роман Л.Н. Толстого «Война и мир», в котором 1,3 тыс. страниц текста. Сессии записи такой игры длились в общей сложности 2,2 тыс. дней (около 6 лет), при этом было задействовано 1,2 тыс. актеров.

Подобное количество времени и средств не могут позволить себе не только небольшие студии по разработке видеоигр, но и некоторые крупные компании. В связи с этим геймдизайнерами в процессы написания сценариев и озвучивания видеоигровых персонажей могут быть внедрены нейросети для сокращения затрат и более эффективного подхода. Для этого используются все те же бесплатные чат-боты, которые по текстовому запросу генерируют озвучивание на основе голоса профессионального актера. Порой трудно распознать, кем именно озвучивался диалог – актером или технологией, – потому что ИИ точно моделирует тембр голоса и манеру общения.

Процесс реализации озвучивания с использованием нейросетей осуществляется следующим образом: геймдизайнер пишет необходимый текст, выбирает актера для озвучивания в меню чат-бота и отправляет запрос на генерацию звукового файла, ИИ формирует звуковой файл на основе выбранного голоса профессионального актера. Разработчикам остается только вставить его в нужный фрагмент кода игры. Этот метод наиболее эффективно применяется при создании озвучивания для большого числа неигровых персонажей, которые населяют виртуальный мир и создают иллюзию живого окружения, но не требуют постоянного взаимодействия с игроком. Применение технологии нейросетей позволит малым студиям создавать игровые миры с большим количеством разных персонажей без значительных финансовых затрат и длительных лет разработки и тем самым конкурировать с крупными игроками на рынке. Большим студиям эта технология позволит сократить затраты, сконцентрироваться на озвучивании ключевых персонажей и ускорить выпуск готового продукта.

Таким образом, применение нейросетей в процессах реализации озвучивания видеоигровых персонажей упрощает разработку самой игры, но в то же время не оказывает негативное влияние на качество конечного продукта.

НЕЙРОСЕТЬ КАК ЦИФРОВОЙ ДВОЙНИК АВТОРА

Применение нейросетей при разработке видеоигр не ограничивается их использованием в качестве помощников в автоматизации отдельных этапов. В настоящее время активно предлагаются идеи использования данной технологии в качестве самого создателя продукта путем его генерации по ходу сюжета (в режиме live). Это совершенно новый подход, который может произвести революцию в индустрии видеоигр.

Идея использования нейросетей в качестве цифровых двойников авторов становится все более популярной и перспективной. Некоторые компании уже начали экспериментировать с этой технологией, представляя прототипы персонажей, оснащенных генеративным ИИ. Согласно сведениям ежегодной крупнейшей конференции профессиональных разработчиков компьютерных игр (*Game Developers Conference*), компанией Ubisoft были представлены первые видеоигровые персонажи, обладающие

генеративным ИИ⁴. Это означает, что в процессе игры они могут реагировать на голос игроков и предыдущие взаимодействия, передавая тем управление сюжетом.

Модернизация персонажей с использованием нейронных технологий позволила повысить натуральность их коммуникации с пользователями. Разработанные алгоритмы обеспечивают построение диалога на основе действий игрока, а не запрограммированных сценариев. Персонажи получили возможность вести не заранее подготовленные диалоги, а понимать контекст, выражать эмоции и осуществлять движения в реальном времени. Это превращает разговоры в собственную форму игрового процесса, которая может включать сбор информации и совместное принятие решений. Нейросеть эмоционально адаптируется под пользователя и реагирует на его намерения и действия в режиме реального времени. В результате применения такой технологии игроку передается незабываемый опыт от игры, ведь отчасти он сам является ее автором, а процесс становится максимально реалистичным и захватывающим. Режиссер и продюсер проекта по использованию нейросетей в качестве цифрового двойника автора К. Мансанарес указывал: «Игровой мир впервые действительно прислушивается к игрокам и динамически реагирует на них. Социальные взаимодействия и навыки становятся частью игрового процесса. Более умные видеоигровые персонажи могут стать прорывным дополнением к традиционным, которых мы видим в современных играх. Они дают возможность создавать еще более захватывающие миры и неожиданные истории»⁵.

Таким образом, применение нейросетей в видеоигровой индустрии дает обширные возможности разработчикам при создании продуктов и игрокам в процессе прохождения сюжета. То, о чем раньше и нельзя было мечтать, сейчас становится возможным с помощью технологии генеративного ИИ. Раньше и подумать нельзя было о реальном разговоре с героями любимой игры, а теперь будущее наступило.

ПРИМЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ НЕЙРОСЕТЕЙ УЧАСТНИКАМИ РЫНКА ВИДЕОИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ

Как уже было отмечено, нейросети постепенно внедряют в процесс разработки видеоигр как крупные компании из этой области, так и инди-студии. Первые наиболее статичны и придерживаются канонов разработки, поэтому неохотно переходят на использование новых технологий. Это связано с тем, что создание современных игр крупными компаниями занимает несколько лет и среди процесса кардинальные изменения в него не вносятся. Инди-разработчики, наоборот, активнее переходят к применению нейросетей, особенно для нересурсозатратных задач, то есть тех, которые можно будет выполнить с наименьшими потерями в случае неудачного опыта внедрения технологии.

Поскольку концепция применения нейросетей при разработке видеоигр не является чем-то базовым и распространенным, разработчики – в основном крупные компании – обычно не «кричат на каждом углу» об этом и не делятся своим опытом в данной сфере. Тем не менее есть несколько примеров использования нейросетей в разработке видеоигр. Одна инди-студия заменила полностью ручной труд на ИИ при создании всего 2D-искусства на своих проектах, что позволило им значительно увеличить скорость производства.

Один из авторов данной статьи также является инди-разработчиком, принимающим участие в процессе создания игрового сервера Blood Boots на базе игры Unturned, где активно применялись нейросети. На ранних этапах разработки (в конце 2022 г.) при моделировании персонажей команда разработчиков формировала технические задания на основе текстовых описаний и фотографий из сети «Интернет» ввиду отсутствия финансирования для привлечения концепт-художников. Затем техническое задание передавалось 3D-модельеру, который на основе текста и собственных представлений создавал первоначальный прототип. Данный подход приводил к тому, что на разработку персонажей в среднем уходило несколько недель, поскольку зачастую замысел геймдизайнера расходился с интерпретацией разработчика. В связи с этим для одного персонажа могло быть создано около 5–6 вариантов головного убора, лица, верхней одежды и аксессуаров, которые после утверждения окончательного варианта удалялись.

В 2023 г. с массовым распространением нейросетей ключевые участники разработки стали внедрять эту технологию в процесс написания технических заданий. На основе текстового описания создавалось несколько вариантов концепт-артов, отобранные экземпляры которых передавались 3D-модельеру.

⁴ GamesBeat. Ubisoft debuts GenAI-powered Neo NPCs and gameplay prototype. Режим доступа: <https://venturebeat.com/games/ubisoft-neo-npcs-nvidia-inworldai-gdc/> (дата обращения: 18.05.2024).

⁵ Там же.

Этот подход способствовал полному воссозданию замысла геймдизайнера благодаря концептам нейросетей, исключая расхождения с интерпретацией разработчика, который наглядно видел желаемый результат своей работы. Вследствие этого пропала необходимость разработки множества вариантов, и сразу создавался один подходящий вариант, что привело к значительному ускорению процесса создания игровых персонажей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нейросеть как цифровая технология изменяет бизнес-процессы в различных сферах деятельности, оптимизируя их за счет автоматизации отдельных задач или всего процесса в целом. Внедряя нейросети в видеонигровую индустрию, компании выигрывают от этого, так как значительно повышают эффективность, вариативность и инновационность своих разработок, одновременно с этим снижая и временные, и ресурсные затраты. Пользователи также могут отметить полезность применения нейросетей, ведь им предоставляется по-настоящему новый, интеллектуальный и технологичный продукт.

Для перехода от декларации полезности нейросетей в видеоиндустрии к практическим шагам их использования в работе предложена обобщенная схема разработки видеонигры. Это своеобразная модель верхнего уровня процесса создания видеонигры, позволяющая специфицировать этапы работ, их последовательность, решаемые на этих этапах задачи, а также определить исполнителей решения задач – участников разработки видеонигры. Обобщение имеющегося опыта разработки видеонигр в виде описания реально сформулированных или умозрительных алгоритмов решения отдельных задач (как это показано на примере модели создания видеонигровых персонажей) позволяет определить цифровую ценность применения технологии нейронных сетей в рамках таких алгоритмов. Чаще всего эта ценность связана с преодолением барьеров трудоемкости работ и временных затрат. При этом, как показано в статье, нейросеть способна стать креативным и интеллектуальным партнером участников разработки видеонигры, обеспечивая генерацию вариантов решений, эффективное взаимодействие разработчиков и т.п. Для подтверждения этих возможностей нейросетей в исследовании продемонстрировано их применение для создания видеонигровых персонажей и написания игровых сценариев, а также реализации озвучивания диалогов персонажей.

Накопление и расширение опыта применения технологии нейронных сетей на отдельных этапах создания видеонигр и в видеоиндустрии игр в целом, развитие возможностей самой технологии позволяют рассматривать это явление как систему, отвечающую всем запросам разработчика видеонигр и предоставляющую ему для работы современные и креативные инструментарии. По сути, формируется цифровой двойник разработчика видеонигр, а нейронные сети становятся неотъемлемой частью процесса разработки и реализации видеонигры. Развитие и применение этих технологий с учетом достижений генеративного искусственного интеллекта приведет к существенной автоматизации видеонигровой индустрии. Ожидаемые фундаментальные изменения будут связаны с формами взаимодействия игровых сущностей, резким увеличением их интеллекта в играх, характером принятия игровых решений, механизмами отслеживания игроков и адаптациям игровых сценариев к их действиям, появлением процедурно-генерируемых миров, существенной персонализацией игр и многими другими новыми возможностями современных, насыщенных и динамичных видеонигр, особенности которых будут обеспечены применением искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Плотников С.О., Сметанин Д.Ю., Басова А.В., Львутин П.А., Белоусова М.Н. Использование нейронной сети для создания цифрового помощника слабовидящим людям. *E-Management*. 2022;3(5):73–82. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-73-82>
2. Николаев С.В. Многоаспектность и системность цифровой трансформации: устойчивое развитие на примере транспортного комплекса. *E-Management*. 2023;3(6):39–50. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-39-50>
3. Годин В.В., Терехова А.Е. Современный опыт цифровизации образования. *Вестник университета*. 2021;4:37–43. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-37-43>
4. Gondek M., Konečný M., Világi R., Hadasik B. Analysis of the video game industry in the Czech Republic in 2016–2020. *Littera Scripta*. 2022;2(15):7–16. https://doi.org/10.36708/Littera_Scripta2022/2/1
5. Peri J. Video gaming industry in the US. *International Journal of Science and Research Archive*. 2024;1(11):1257–1265. <https://doi.org/10.30574/ijrsra.2024.11.1.0194>

6. Лескова И.В., Пирушкин М.В. Видеоигровая индустрия как объект и способ развития современной культуры. Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021;4(12). <https://doi.org/10.15862/42KLSK421>
7. Иншаков А.А., Егоров В.Г. Индустрия видеоигр: экономический анализ и обзор современных исследований. Постсоветский материк. 2023;4:71–95. https://doi.org/10.48137/23116412_2023_4_71
8. Nuoyan Fan. Evaluation of the Performance and Behavior of the Video Game Industry. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2023;1(30):54–64. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/30/20231425>
9. Davoodi O., Ashtiani M., Rajabi M. An Approach for the Evaluation and Correction of Manually Designed Video Game Levels Using Deep Neural Networks. *The Computer Journal*. 2022;3(65):495–515. <https://doi.org/10.1093/comjnl/bxaa071>
10. Seniva K. Ways to use neural networks and machine learning in computer games. 2021;2(295):97–100. <https://doi.org/10.31891/2307-5732-2021-295-2-97-100>
11. Bangole N., Mouhya R.B., Prantbi R., Reddy S. Game Playing (2048) Using Deep Neural Networks. *The Software Principles of Design for Data Modeling*. 2023;12. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-9809-5.ch010>
12. Filipovic A. The Role of Artificial Intelligence in Video Game Development. *Kultura polisa*. 2023;3(20):50–67. <https://doi.org/10.51738/Kpolisa2023.20.3r.50f>
13. Шелл А. Как создать игру, в которую будут играть все. Пер. с англ. Лысенко А. М.: Альпина Паблишер; 2019. 550 с.

References

1. Plotnikov S.O., Smetanin D.Yu., Basova A.V., Lvutin I.A., Belonova M.N. Use of a neural network in creating a digital assistant for blind and visually impaired people. *E-Management*. 2022;3(5):73–82. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-73-82>
2. Nikolaev S.V. Multidimensional and systematic digital transformation: sustainable development on the example of the transport industry. *E-Management*. 2023;3(6):39–50. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-39-50>
3. Godin V.V., Terekhova A.T. Contemporary experience of education digitalization. *Vestnik universita*. 2021;4:37–43. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-37-43>
4. Gondek M., Konečný M., Világi R., Hadasik B. Analysis of the video game industry in the Czech Republic in 2016–2020. *Littera Scripta*. 2022;2(15):7–16. https://doi.org/10.36708/Littera_Scripta2022/2/1
5. Peri J. Video gaming industry in the US. *International Journal of Science and Research Archive*. 2024;1(11):1257–1265. <https://doi.org/10.30574/ijrsra.2024.11.1.0194>
6. Leskova I.V., Pirushkin M.V. The video game industry as an object and method for the development of modern culture. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2021;4(12). (In Russian). <https://doi.org/10.15862/42KLSK421>
7. Inshakov A.A., Egorov V.G. The video game industry: an economic analysis and a review of modern research. *Post-Soviet Continent*. 2023;4:71–95. (In Russian). https://doi.org/10.48137/23116412_2023_4_71
8. Nuoyan Fan. Evaluation of the Performance and Behavior of the Video Game Industry. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2023;1(30):54–64. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/30/20231425>
9. Davoodi O., Ashtiani M., Rajabi M. An Approach for the Evaluation and Correction of Manually Designed Video Game Levels Using Deep Neural Networks. *The Computer Journal*. 2022;3(65):495–515. <https://doi.org/10.1093/comjnl/bxaa071>
10. Seniva K. Ways to use neural networks and machine learning in computer games. 2021;2(295):97–100. <https://doi.org/10.31891/2307-5732-2021-295-2-97-100>
11. Bangole N., Mouhya R.B., Prantbi R., Reddy S. Game Playing (2048) Using Deep Neural Networks. *The Software Principles of Design for Data Modeling*. 2023;12. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-9809-5.ch010>
12. Filipovic A. The Role of Artificial Intelligence in Video Game Development. *Kultura polisa*. 2023;3(20):50–67. <https://doi.org/10.51738/Kpolisa2023.20.3r.50f>
13. Schell J. How to create a game that everyone will play. Trans. from Eng. Lysenko A. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 550 p. (In Russian).

Инновационные технологии роста цифровой зрелости аудиторов

Рубан-Лазарева Наталья Владимировна^{1,2}

Д-р экон. наук, проф. каф. налогов и налогового администрирования¹,
проф. каф. государственных и муниципальных финансов²
ORCID: 0000-0002-3110-1539, e-mail: rubanlazareva@mail.ru

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

²Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Аннотация

Переменчивый, неизвестный, сложный, многозначный мир, охваченный инновациями, предъявляет новые требования к профессиональным компетенциям аудиторов, которые неразрывны от владения технологиями. Проанализированы инновационные технологии аудита региональных финансов и реального сектора экономики в целях обоснования ценности цифровой зрелости аудиторов при многообразии таких технологий. Количественные методы на основе статистических исследований подтвердили рост аудиторских, контрольных, экспертно-аналитических мероприятий, необходимость внедрения инновационных технологий для большего охвата контрольной совокупности данных. Представлены инновационные технологии, применяемые в практике аудита. Дано определение цифровой зрелости аудитора, обосновывающее потребность непрерывного обучения современным технологиям: цифровому инспектору государственного и муниципального финансового аудита, проведению и учету результатов общего аудита, обработке огромных массивов отчетных данных, аналитических панелей, инструментов проверки контрагентов с использованием анализа их долгов и рисков. Цифровую зрелость предлагается оценивать с учетом цифровой культуры, профессиональных знаний, навыков и компетенций владения инструментами, процессного мышления при осуществлении качественного сбора данных в ходе аудита. Планирование, проведение, автоматизация аудиторских контрольных мероприятий с инновационными технологиями создают основу для оперативного эффективного управления всем процессом аудита, ресурсами компаний и финансами регионов. Визуализация результатов верификации отчетности предусматривает их наглядность для пользователей в целях немедленного принятия управленческих решений, направленных на устойчивое финансовое развитие.

Ключевые слова

Цифровые технологии, аудит, финансы, субъект, регион, цифровая зрелость, аудитор, критерии

Для цитирования: Рубан-Лазарева Н.В. Инновационные технологии роста цифровой зрелости аудиторов // Вестник университета. 2024. № 8. С. 34–40.

Innovative technologies for growing digital maturity in auditors

Natalia V. Ruban-Lazareva^{1,2}

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Taxes and Tax Administration Department¹,

Prof. at the State and Municipal Finance Department²

ORCID: 0000-0002-3110-1539, e-mail: rubanlazareva@mail.ru

¹Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

²Plekhanov Russian Economic University, Moscow, Russia

Abstract

The changeable, unknown, complex, and multivalent world embraced by innovations makes new demands on auditors' professional competencies, which are inseparable from the mastery of technologies. Innovative auditing technologies of regional finance and real economy auditing have been analyzed to substantiate the value of auditors' digital maturity in the diversity of such technologies. Quantitative methods based on statistical studies confirmed the growth of audit, control, expert analytical activities, and the need to implement innovative technologies for greater coverage of the control data set. Innovative technologies used in audit practice have been presented. The definition of digital maturity in an auditor has been given, which substantiates the need for continuous training in modern technologies such as digital inspector of state and municipal financial audit, conducting and accounting of general audit results, and processing of huge arrays of reporting data, analytical dashboards, and tools for checking counterparties using the analysis of their debts and risks. Digital maturity has been proposed to be assessed by considering digital culture, professional knowledge, skills and competencies of tool ownership, and process thinking in quality data collection implementation during the audit. The planning, execution, and automation of audit control activities with innovative technologies create the basis for prompt effective management of the entire process, company resources, and regional finances. Visualization of the reporting verification results provides for their visibility for users in order to immediately make management decisions aimed at sustainable financial development.

Keywords

Digital technologies, audit, finance, subject, region, digital maturity, auditor, criteria

For citation: Ruban-Lazareva N.V. (2024) Innovative technologies for growing digital maturity in auditors. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 34–40.

ВВЕДЕНИЕ

Проведенный обзор релевантных научных источников показал, что состояние научного знания преимущественно охвачено анализом видов, проблем, качеств аудита. Достаточно активно обсуждаются основные преимущества практического использования информационных технологий, опуская конкретные результаты их применения, востребованные в практике государственного и частного общего аудита [1]. В оценке цифровой зрелости аудитора необходимо применение процессного мышления. Все большее значение для устойчивого развития территорий и управления региональными финансами приобретают оценки эффективности программ [2].

Отраслевая специализация аудитора связана с более высоким качеством работы [3]. Он оценивает риски отчетности путем раскрытия информации о них в более общем плане, что влияет на структуру гонораров, обозначая потребность «оцифровать» контроль [4; 5]. При этом не понятно, какие технологии помогают эффективно оценивать риски устойчивого развития бизнес-субъектов и регионов их активностей, не прослеживается влияние технологий на результат, что особенно важно в современных условиях.

Цифровизация обоснованно рассматривается современными учеными как «один из катализаторов развития экономики в любом современном государстве» [6]. Происходящие изменения в динамике макроэкономических показателей государства и его регионов, включая выпуск на душу населения, вынуждают «российские предприятия и компании уходить от экстенсивного типа экономического роста и переходить к интенсивному типу», а регионы – ускоренно переходить «от текущей экспортно-сырьевой модели развития экономики к ресурсно-инновационной, предполагающей гармоничное развитие с учетом реализации инновационного потенциала всей территории страны», что требует на практике новых качественных подходов к аудиту реального бизнеса и регионов [7; 8].

«Пробелы» научного знания видов инновационных технологий, востребованных в практике аудита, цифровых компетенций аудиторов являются ключевой актуальной проблемой исследования. Цель статьи – обосновать важность цифровой зрелости аудиторов в мире инновационных технологий в целях обеспечения устойчивого развития. Гипотеза исследования – комплексная система оценки цифровой зрелости аудиторов способствует повышению результативности проверок в целях обеспечения устойчивого развития бизнес-субъектов и регионов их активностей.

Применение в работе качественных методов методологического аппарата, основанных на исследовании сущностных характеристик технологий аудита, позволило обосновать важность цифровой зрелости аудиторов в мире инновационных технологий.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ АУДИТА

Применяемые виды инновационных технологий в рассматриваемой практике многообразны, направлены на аудит финансовых потоков бизнес-субъектов и регионов их активностей, охватывая различные технологии (рис. 1):

- учетно-аналитические и контрольные;
- планирования, проведения контрольных мероприятий и работы с данными;
- автоматизации непрерывного процесса обучения, информационно-правового сопровождения.

Актуальным для пользователей и общества от аудита сегодня является не формальное подтверждение достоверности опубликованных отчетных показателей без гарантий продолжения субъектом деятельности, но указание в деятельности проверяемых субъектов рисков для общества, не обеспечивающих устойчивое развитие бизнес-субъектов и регионов их активностей. Практика показывает, что объявление застройщика банкротом и невыплата дольщикам средств имеют место при подтверждении аудитором достоверности его отчетных показателей. Одна из проблем устойчивого развития – слабая воспринимаемая ценность полезности визуализированных результатов аудита для пользователей. Нельзя в ходе аудита ограничиваться финансовыми показателями, не охватывая все риски активностей, влекущие ненадлежащее исполнение обязательств, информационное обсуждение возникающих претензий у общества.

Учетно-аналитические и контрольные технологии	<ul style="list-style-type: none"> – ГИС ЕСГФК portal.audit.gov.ru, budget.gov.ru, bus.gov.ru; – zakupki.gov.ru, programs.gov.ru, spending.gov.ru, gasu.gov.ru, gossulzhba.gov.ru; – ach.gov.ru, roskazna.gov.ru, portal.audit.gov.ru, ИАС КПЭ; – pb.nalog.ru, bo.nalog.ru, nalog.ru; – fssp.gov.ru, kad.arbitr.ru; – 1С:Предприятие 9, 1С-Финконтроль 8
Технологии планирования, проведения контрольных мероприятий и работы с данными	<ul style="list-style-type: none"> – Machine Learning ML; intosai.org.ru; auditor-sro.org; – обработка данных автоматизированной отчетности, Stata; – Oracle Business Intelligence Enterprise Edition Plus OBI EE Plus; PolyAnalyst, data lake; – планирование, проведение контрольных мероприятий Miro; – автоматизация аудита АИС Цифровой инспектор; IT Аудит, AuditXP Professional
Технологии автоматизации непрерывного процесса обучения, информационно-правового сопровождения	<ul style="list-style-type: none"> – Robotic process automation RPA; – consultant.ru, garant.ru, pravo.gov.ru, sudact.ru; – rbc.ru, vedomosti.ru; – ng.ach.gov.ru, data-in.ru; – GoogleDocs, PowerPoint, Zoom

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Инновационные технологии аудита бизнес-субъектов и регионов их активностей

ПОТРЕБНОСТЬ В НЕПРЕРЫВНОМ АУДИТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ТРЕБОВАНИЯ К СОВРЕННОМУ АУДИТОРУ

Регион, перенасыщенный сомнительным, недлительно функционирующим бизнесом, подвержен не только рискам недополучения бюджетопоступлений от налогов, но и снижению устойчивого социально-экономического развития бизнеса, создающего рабочие места и рентабельный выпуск. Современный аудитор должен уметь применять цифровые инструменты работы с данными, владеть навыками анализа, передачи, обработки и интерпретации большого массива отчетной информации, а также современными средствами коммуникации и сквозными цифровыми технологиями.

Применение подхода DataDriven, основанного на управлении данными, позволяет опираться на результаты анализа (а не на констатацию стандартов) через следующую последовательность действий принятия решения data-driven: сбор и архивация исходной информации данных; формирование разумного, обоснованного по ним запроса; обобщение и анализ ответов объекта аудита и подготовка рекомендаций. Особое внимание заслуживают отраслевые аналитики поставщиков и обеспечение в аудите использования машинного интеллекта MindBridge для анализа необычных транзакций. Ключевое развитие помогают определять открытый банкинг управления финансами и аналитический инструментарий контроля за ними. Чем шире набор выборки, тем реальнее обнаружение ошибок.

Передовыми практиками становятся аналитические формы данных по объекту контроля на базе искусственного разума в тестировании доходов, оценке рисков занижения обязательства. Инновационной технологией будущего в поиске бизнес-аномалий выступает Clara на Microsoft Azure. Их выявление еще на стадии планирования снижает затраты на поиск отклонений учетно-отчетных показателей. Аудит в бизнесе все больше приобретает потребность в непрерывном (в режиме реального времени) проведении с использованием двух разумов – человеческого и искусственного – для разумного контроля одного над другим. Бессмысленный набор аномалий, не влекущих оценку рисков, не повышает результативность контрольного мероприятия, но позволяет проанализировать типичные процессы, аналогичные бизнес-тенденции, установить «скрытые» от учетно-налоговой среды транзакции. Рассылка запросов-подтверждений с инновационными платформами более оперативна и эффективна для повышения качества аудиторского мероприятия. Перспективной технологией в инвентаризации на протяженно-труднодоступных объектах выступают дроны с мобильными приложениями. Собственный excel-инструментарий без инновационных технологий тормозит качественное развитие аудита.

При проведении контрольных и экспертно-аналитических мероприятий главным контрольно-счетным органом страны больший удельный вес приходится на аудит формирования бюджета и его исполнения – 69 % при 26 % доле аудита реализации тематических мероприятий. Приоритетом является оперативное выявление рисков администрирования доходов и эффективного управления имуществом для совершенствования законодательства и устойчивого развития. Около 30 % внутреннего валового продукта приходится на корпоративные закупки, анализ контрактной системы которых является объектом внешнего финансового контроля.

Для качественного проведения контрольных мероприятий специалист в области аудита должен обладать цифровыми навыками, включающими практическое использование цифровых устройств, приложений связи для доступа и управления информацией об объекте аудита, а также навыками анализа и критической оценки информации с применением инновационных технологий.

Сегодня бизнес-субъекты в бюджетной и коммерческой сферах их активностей генерируют большие объемы данных, относящихся к движению активов, обязательств, капитала, получению и расходованию ресурсов, закупкам, оценке справедливой стоимости имущества и созданной ими добавленной стоимости, что заставляет аудиторов эффективно использовать инновационные технологии. Внедрение цифровых технологий для обработки больших массивов информации, с одной стороны, освобождает аудитора от рутинной счетно-аналитической работы и предоставляет возможность для внимательно-го выявления значимых рисков невыполнения обязательств и угроз устойчивого развития, а с другой – приводит к уменьшению продолжительности использования времени труда.

Аудитор способен осуществлять деятельность по планированию и контролю финансовых потоков и взаимоотношений на уровне субъектов и регионов их активностей, включая идентификацию, управление рисками, анализ конъюнктуры рынков, эффективности активностей, достоверности отчетных данных с учетом эконометрического моделирования в Excel, Stata. Проведение всесторонней оценки потоков активов и обязательств, доходов и расходов на основе данных систем государственного имущества и цифровых технологий ОВИ создает основу для обеспечения эффективных аудиторских мер и финансовых взаимоотношений. Идентификация и оценка рисков с применением средств цифровизации Excel, Stata, ОВИ способствуют разработке мероприятий реагирования. Сегодня аудитору особенно важно владеть навыками визуализации полученных результатов и навыками формирования технических заданий по цифровизации аудита.

Если государственный аудит через контрольно-счетные палаты помогает органам власти, организациям бюджетной сферы формировать достоверные данные отчетов устойчивого развития и комплексно оценивать риски недостижения целей, то частно-коммерческий аудит преследует исключительную цель – подтверждение достоверности отчетности стандартами. При этом не проводится оценка влияния последствий допущенных объектом аудита нарушений на недостижение показателей устойчивого развития региона, в котором осуществляется предпринимательская активность.

ЦИФРОВАЯ ЭКОСРЕДА АУДИТА И ЦИФРОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ АУДИТОРОВ

Сегодня востребован новый качественный уровень информационного обеспечения аудита по созданию цифровой экосреды. Важны комплексная перспективная оценка тенденций и рисков развития бизнеса и регионов, эффективное достижение национальных целей при имеющемся ресурсном обеспечении, результативности реализации государственных программ при переходе к комплексному государственному и муниципальному аудиту при полной интерактивности и открытости процессов принятия решений.

Современными направлениями модернизации технологий аудита должны стать:

- цифровизация методологии;
- кадровое оцифрованное обеспечение;
- непрерывно развивающаяся цифровая культура;
- обеспечение валидности данных;
- облачные решения с визуализацией результатов;
- процессное дизайн-мышление;
- инновационная эффективность.

На рис. 2 представлены ключевые требования оценки цифровой зрелости аудиторов.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Комплексная система оценки цифровой зрелости аудиторов

Под цифровой зрелостью аудитора понимается его способность осуществлять профессиональные обязанности с применением инновационных технологий в целях достижения наилучшего результата при меньших затратах времени на выполнение. Высокая цифровая зрелость является основой достойного вознаграждения, и наоборот. Знание и практическое применение инновационных технологий в ходе аудита позволяют достичь высокой ценности результатов. Цифровую зрелость аудитора нужно оценивать комплексно с учетом уровня цифровой культуры, профессиональных знаний, навыков, компетенций владения цифровыми инструментами, процессного мышления при качественном сборе данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рост контрольных мероприятий, охватывающих бюджетную и коммерческую сферы, предусматривает сохранение и улучшение качества результативности аудита для пользователей. Достижение желаемого возможно при широком внедрении инновационных технологий в практику аудита с обеспечением непрерывного обучения специалистов.

Вводимое научное определение цифровой зрелости аудитора, имея теоретическую значимость, создает предпосылку для применения инновационных технологий на практике. Гипотеза исследования подтверждается: через комплексную систему оценки цифровой зрелости аудиторов возможно достичь повышения результативности проверок в целях обеспечения устойчивого развития бизнес-субъектов и регионов их активностей. Необходимые навыки и компетенции аудиторов при применении цифровых инструментов позволяют оценить их цифровую зрелость, необходимую при осуществлении и модернизации аудиторских практик.

Полученный научный результат по формированию экономического содержания цифровой зрелости аудитора позволяет использовать систему критериев оценки в целях обоснования вознаграждений специалистам. Практическую значимость имеет исследование применяемых видов инновационных технологий в практике аудита для улучшения качества управления финансами бизнес-субъектов и регионов их активностей. Упрощение процедур и укрепление доверия к результатам сегодня определяют траекторию инновационного развития аудита в сторону роста его долгосрочной ценности и инвестиций в регионы деятельности. Высококачественный, интегрированный в цифровую среду аудит в интересах общества и бизнес-субъектов требует разработки результативных инновационных технологий и повышения цифровой зрелости аудиторов.

Список литературы

1. Абу Езза Х. Формирование информационно-аналитической учетной системы с позиции качества бухгалтерской отчетности. Аудит и финансовый анализ. 2020;4:33–36. <https://doi.org/10.38097/AFA.2020.74.94.003>

2. *Ишбина И.В.* Особенности проведения оценки эффективности государственных программ Российской Федерации. Аудит и финансовый анализ. 2020;2:6–14. <https://doi.org/10.38097/AFA.2020.87.30.001>
3. *Contessotto C., Knechel W.R., Moroney R.* How do audit team industry and client-specific experience impact audit effort and audit fees? *International Journal of Auditing*. 2021;1(25):249–268. <https://doi.org/10.1111/ijau.12219>
4. *Calderon T.G., Gao L.* Cybersecurity risks disclosure and implied audit risks: Evidence from audit fees. *International Journal of Auditing*. 2021;1(25):24–39. <http://dx.doi.org/10.1111/ijau.12209>
5. *Никитина А.С.* Цифровой контроль власти как фактор повышения качества жизни городского населения. Муниципалитет: экономика и управление. 2022;3(40):30–38. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2022-3-30-38>
6. *Косов М.Е.* Организационно-институциональные основы цифровизации международного финансового рынка. *E-Management*. 2024;2(7):4–15. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-4-15>
7. *Швачко А.А.* Векторы совершенствования стратегий развития российских предприятий в контексте предпосылок к трансформации российской экономики. *E-Management*. 2024;1(7):48–60. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-48-60>
8. *Афонин С.Е., Осипов В.С.* Основные результаты 20-летнего инновационного развития российских регионов. *E-Management*. 2023;4(6):41–52. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-41-52>

References

1. *Abu Ezza H.* Information-analytical accounting system formation from the perspective of accounting reporting quality. *Audit and Financial Analysis*. 2020;4:33–36. (In Russian). <https://doi.org/10.38097/AFA.2020.74.94.003>
2. *Ishina I.V.* Peculiarities of assessing Russian state programs effectiveness. *Audit and Financial Analysis*. 2020;2:6–14. (In Russian). <https://doi.org/10.38097/AFA.2020.87.30.001>
3. *Contessotto C., Knechel W.R., Moroney R.* How do audit team industry and client-specific experience impact audit effort and audit fees? *International Journal of Auditing*. 2021;1(25):249–268. <https://doi.org/10.1111/ijau.12219>
4. *Calderon T.G., Gao L.* Cybersecurity risks disclosure and implied audit risks: Evidence from audit fees. *International Journal of Auditing*. 2021;1(25):24–39. <http://dx.doi.org/10.1111/ijau.12209>
5. *Nikitina A.S.* Digital social control as a factor in improving the quality of the urban environment. *Municipality: Economics and Management*. 2022;3(40):30–38. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2022-3-30-38>
6. *Kosov M.E.* Organizational and institutional foundations of international financial market digitalization. *E-Management*. 2024;2(7):4–15. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-4-15>
7. *Shvachko A.A.* Vectors for improving development strategies of Russian enterprises in the context of prerequisites for transformation of the Russian economy. *E-Management*. 2024;1(7):48–60. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-48-60>
8. *Afonin S.E., Osipov V.S.* Main results of the 20-year innovative development of the Russian regions. *E-Management*. 2023;4(6):41–52. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-41-52>

Теоретические аспекты системы нематериальных активов в процессе стратегического управления предприятиями: определение, характеристики, классификации

Седелников Владислав Михайлович

Мл. науч. сотр.

ORCID: 0000-0003-0494-2647, e-mail: vms-1990@mail.ru

Лаборатория моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

Исследованы теоретические аспекты системы нематериальных активов в рамках стратегического управления предприятиями. В частности, выделены точки зрения отечественных и зарубежных ученых относительно дефиниции понятия «нематериальные активы». Предложено авторское определение нематериальных активов как совокупности ресурсов и активов компании, которые не имеют физической формы, задействуются в процессе создания товаров (услуг) в течение длительного периода времени (больше года), участвуют в создании ценностей, обеспечивающих компании конкурентное преимущество на рынке и отвечающие требованиям идентифицируемости (выделение объекта из других ресурсов), наличия будущих прибылей от их использования и прямого или косвенного контроля со стороны компании. В качестве базовых критериев выделения нематериальных активов выступают идентифицируемость, контроль над ними и наличие прибыли от их использования в будущем. Несмотря на многообразие имеющихся подходов в зарубежной литературе к классификациям нематериальных активов, в качестве основополагающей, на наш взгляд, выступает классификация, в которую входят человеческие, клиентские и структурные активы (капитал). Сделан вывод о смещении акцента исследований зарубежных авторов от организационных (структурных) нематериальных активов, таких как корпоративная культура, организационная структура, бренд, к потребительским и отношенческим (клиентским) нематериальным активам, таким как уровень удовлетворенности и лояльности потребителей, ценность взаимоотношений. В качестве направления дальнейших исследований выступает анализ методологических подходов к оценке нематериальных активов, вопросов их создания, моделирования и использования компаниями.

Ключевые слова

Стратегическое управление, нематериальные активы, классификации нематериальных активов, клиентский капитал, человеческий капитал, структурный капитал

Благодарности. Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ для Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2024 г.

Для цитирования: Седелников В.М. Теоретические аспекты системы нематериальных активов в процессе стратегического управления предприятиями: определение, характеристики, классификации // Вестник университета. 2024. № 8. С. 41–54.

Theoretical aspects of the intangible assets system in the process of enterprises strategic management: definition, characteristics, classifications

Vladislav M. Sedelnikov

Junior Researcher

ORCID: 0000-0003-0494-2647, e-mail: vms-1990@mail.ru

Laboratory of Modeling of Spatial Development of Territories the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Abstract

The article studies theoretical aspects of the intangible assets system in the process of enterprises strategic management. In particular, it highlights the points of view of Russian and foreign scientists regarding the definition of the intangible assets concept. The author's definition of intangible assets as a set of a company's resources and assets, which do not have a physical form, are used in the process of creating goods (services) for a long period of time (more than a year), are involved in the creation of values that provide a company a competitive advantage in the market and meet the requirements of identifiability (an object separation from other resources), the presence of future profits from their use, and direct or indirect control by a company. The basic criteria of intangible assets are identifiability, control over them, and the presence of future profits from their use. Despite the variety of available approaches in foreign literature to the intangible assets classification, in our opinion, the classification, which includes human, customer, and structural assets (capital), is fundamental. The article concludes that foreign authors shift their research focus from organizational (structural) intangible assets, such as corporate culture, organizational structure, and brand, to consumer and attitudinal (customer) ones, such as the level of customer satisfaction and loyalty and relationships value. The methodological approaches analysis to intangible assets assessment, the issues of their creation, modeling, and use by companies is a direction for further research.

Keywords

Strategic management, intangible assets, classifications of intangible assets, client capital, human capital, structural capital

Acknowledgments. The article was prepared in accordance with the research plan for the Laboratory of Modeling of Spatial Development of Territories the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024.

For citation: Sedelnikov V.M. (2024) Theoretical aspects of the intangible assets system in the process of enterprises strategic management: definition, characteristics, classifications. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 41–54.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация процесса стратегического управления предприятиями, заключающаяся в учете ценностных ориентаций потребителей и повышении уровня их клиентоориентированности как на этапе разработки, так и на этапе реализации стратегий, оказывает значительное влияние на изменение инструментария менеджмента, ключевых технологий и стратегических целевых ориентиров, повышение значимости нематериальных или немонетарных ценностей (доверие, обратная связь, удовлетворенность и инерционность клиентов, лояльность, приверженность) наряду с сохранением значимости финансовых показателей (объем рынка, доля на рынке, уровень прибыли и оборота).

В связи с ростом значения нематериальных активов в стратегическом управлении предприятиями актуализируется задача грамотного управления ими, оценки их стоимости и воздействия на эффективность компании, ее ключевые ценности. При этом стоит отметить, что в научной среде отсутствует единая дефиниция понятия «нематериальные активы» – рассматриваются их множественные характеристики и классификации в силу фрагментарности и разрозненности исследований.

Целью настоящего исследования является теоретический обзор имеющихся в отечественной и зарубежной литературе точек зрения ученых, а также подходы международных организаций, стандартов финансовой отчетности относительно дефиниции «нематериальные активы», выявление ключевых критериев нематериальных активов (далее – НМА), а также определение их базовых классификаций и моделей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Обзор имеющихся теоретических подходов отечественных и зарубежных ученых, международных организаций, а также международных и отечественных стандартов финансовой отчетности к определению дефиниции «нематериальные активы» позволил сделать вывод об отсутствии единой точки зрения относительно нее и фрагментарности исследований (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые подходы к определению понятия «нематериальные активы»

Название подхода	Ключевой источник (международные организации, стандарты финансовой отчетности, законодательная база, отечественные и зарубежные ученые)	Определение НМА
НМА как нефинансовые (нефизические) активы	Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), https://www.oecd.org/) ¹	Нефизические и нефинансовые активы (интеллектуальные активы), классифицируемые по трем направлениям: компьютерные программы и коммерческие базы данных; инновационные ресурсы (НИОКР, авторское право, дизайн); экономические ресурсы (рекламные ресурсы, капитал сотрудников и потребителей, капитал бренда, сетевые структуры, ноу-хау). Также дополнительно ОЭСР в качестве НМА выделяет опыт и компетенции сотрудников, знания и навыки руководителей, взаимоотношения с потребителями, поставщиками и другими стейкхолдерами
	Международный стандарт финансовой отчетности – МСФО (IAS 38) «Нематериальные активы» ²	Идентифицируемые нефинансовые активы, не имеющие физической формы, которые предназначены для использования в производстве, поставке товаров или услуг, для сдачи их в аренду другим лицам или для административных целей, и способные приносить будущие экономические выгоды

¹ Организация экономического сотрудничества и развития. Режим доступа: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 25.05.2024).

² Международный стандарт финансовой отчетности – МСФО (IAS-38) «Нематериальные активы» (п. 9). Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/img/uploaded/library/no_date/2012/IAS_38.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

Название подхода	Ключевой источник (международные организации, стандарты финансовой отчетности, законодательная база, отечественные и зарубежные ученые)	Определение НМА
НМА как нефинансовые (нефизические) активы	Положение о бухгалтерском учете «Учет нематериальных активов» ПБУ 14/07 ³	Активы, отвечающие следующим характеристикам: не имеют физической формы, начальная стоимость может быть выявлена достоверно; предназначены для использования сроком свыше 12 месяцев или обычного операционного цикла, если он превышает 12 месяцев, и не направлены на продажу в этот период; имеют возможность выделения или отделения (идентификации) объекта от других активов; используются в качестве средств труда при производстве продукции, выполнении работ или оказании услуг; способны приносить экономические выгоды
	C.P. Stickney, R.L. Weil, K. Schipper, J. Francis (2009) [1]	Ресурсы, не имеющие материально-вещественной формы и приносящие в будущем конкурентные преимущества (НИОКР, патенты, рекламные ресурсы, гудвилл)
	R. Moro-Visconti (2020) [2]	Неденежный актив, который проявляется в его экономических свойствах: он не имеет физической субстанции, но предоставляет права и экономические выгоды для его владельца, является основным компонентом современного конкурентного преимущества и выражает рычаги бизнеса над своими конкурентами
НМА как активы знаний, квалификации и мотивации персонала, взаимодействия с клиентами	European Valuation Standards (EVS), 9th ed., 2020, https://tegova.org/european-valuation-standards-evs ⁴	НМА рассматриваются с позиции «гудвилла», включающего деловую репутацию предприятия, создаваемые бренды, базы данных и списки клиентов, уникальную рыночную позицию, удобное месторасположение, знание и использование новых технологий, навыков и умений персонала и менеджмента компании
	L. Edvinsson (2000) [3]	Человеческий опыт, навыки, компетенции и знания, управленческие технологии, взаимоотношения с потребителями товаров (услуг), которые обеспечивают предприятие конкурентными преимуществами на рынке
	J.H. Daum (2003) [4]	Знания, навыки и компетенции, основанные на сетевых взаимодействиях, имеющие потенциал развития и создания ценности (стоимости)
НМА как интеллектуальный капитал и интеллектуальные активы	Гражданский кодекс Российской Федерации, ст. 1225 ⁵	Отождествляется с интеллектуальной собственностью, под которой понимаются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана
	Налоговый кодекс Российской Федерации, ст. 257 ⁶	Приобретенные и/или созданные налогоплательщиком результаты интеллектуальной деятельности и иные объекты интеллектуальной собственности (исключительные права на них), используемые в производстве продукции (выполнении работ, оказании услуг) или для управленческих нужд организации в течение длительного времени (продолжительностью свыше 12 месяцев)

³ Положение о бухгалтерском учете «Учет нематериальных активов» ПБУ 14/07 (п. 3, 4). Режим доступа: <https://base.garant.ru/12158476/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁴ European Valuation Standards (EVS), 9th ed., 2020. Режим доступа: <https://tegova.org/european-valuation-standards-evs> (дата обращения: 25.05.2024).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации, ст. 1225. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164072/67d167a9c81a778a371a6eb5a920465b/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации, ст. 257 (п. 3). Режим доступа: <https://base.garant.ru/10900200/c06ce0ee1908c8a873ad3e778e7ecccc/> (дата обращения: 25.05.2024).

Название подхода	Ключевой источник (международные организации, стандарты финансовой отчетности, законодательная база, отечественные и зарубежные ученые)	Определение НМА
НМА как интеллектуальный капитал и интеллектуальные активы	Т.А. Стюарт (2007) [5]	Совокупность интеллектуальных активов, включающая навыки, компетенции, знания, опыт взаимодействия с контрагентами, информационные и интеллектуальные ресурсы, используемые в процессе создания стоимости (ценности) и предоставляющие предприятию конкурентные преимущества
НМА как источник создания ценности (стоимости), стратегические ресурсы компании	Й. Руус, С. Пайк, Л. Фернстрем (2010) [6]	Нефинансовые ресурсы компании, которые полностью или частично находятся под контролем предприятия и используются при создании стоимости (ценности)
	F. Castilla-Polo, D. Gallardo-Vázquez (2016) [7]	Все ресурсы, которые, хотя не имеют физического содержания, приносят будущие выгоды организации, которой они принадлежат: ноу-хау, управление качеством, инновации, доверие потребителей и репутация среди других активов
	Т.Е. Ларина (2017) [8]	Стратегические ресурсы, являющиеся ключевым фактором производства в процессе создания стоимости (ценности) компании и позволяющие ей успешно конкурировать на рынке

Примечание: НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

Составлено автором по материалам исследования

Автором выделены четыре основных подхода к определению понятия «нематериальные активы»:

- 1) НМА как нефинансовые (нефизические) активы;
- 2) НМА как активы знаний, квалификации и мотивации персонала, взаимодействия с клиентами;
- 3) НМА как интеллектуальный капитал и интеллектуальные активы;
- 4) НМА как источник создания ценности (стоимости), стратегические ресурсы компании.

В рамках первого подхода «НМА как нефинансовые (нефизические) активы» нематериальные активы представляют активы (ресурсы), которые появились в результате прошлой деятельности компании и обладающие тремя ключевыми свойствами: не имеют физической формы, могут приносить выгоду в будущем и прямо или косвенно охраняются организацией⁷. Б. Лев рассматривает НМА как права на будущие выгоды, которые не имеют физического или финансового содержания [9].

Так, Международный совет по стандартам оценки (Independent Valuation Standards Council, IVSC) предлагает следующее определение НМА – это активы, основанные на правах франчайзинга; активы, используемые при построении взаимоотношений с потребителями, сотрудниками, поставщиками и другими стейкхолдерами компании; интеллектуальные активы, такие как патентные права, права на бренд и т.д.⁸.

Центр исследования нематериальных активов Школы Стерна Нью-Йоркского университета (NYU Stern – Intangibles Research Center) выделяет широкий и узкий подходы к определению НМА⁹. Широкий подход понимает под ними ресурсы, которые не имеют материально-вещественной формы, способные приносить прибыль в будущем для компании и служащие дополнением имеющихся у компании материальных или финансовых активов. Узкий подход понимает под нематериальными активами совокупность нефизических ресурсов, служащих основой для будущих прибылей компании, которые были разработаны внутри компании, приобретены извне или в результате обмена за счет идентифицируемых затрат, имеющих ограниченный срок службы и находящихся в собственности или под контролем компании.

⁷ Комитет по стандартам финансового учета. Режим доступа: <https://www.fasb.org/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁸ Международный совет по стандартам оценки. Режим доступа: <https://www.ivsc.org/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁹ Центр исследования нематериальных активов Школы Стерна Нью-Йоркского университета. Режим доступа: <https://www.stern.nyu.edu/> (дата обращения: 25.05.2024).

В Международном глоссарии терминов оценки бизнеса (International Glossary of Business Valuation Terms (IGBVT) под НМА понимаются ресурсы, не имеющие материально-вещественной формы, куда могут быть включены франчайзинговые договоры, права на бренды и гудвилл компании, патентные и авторские права, права на добычу полезных ископаемых, ценные бумаги, акции и партнерские контракты, что в совокупности представляет особую ценность для собственников этих нематериальных активов¹⁰.

Второй подход «НМА как активы знаний, квалификации и мотивации персонала, взаимодействия с клиентами» рассматривает нематериальные активы как совокупность знаний, навыков, компетенций и квалификаций сотрудников организаций, технологий и каналов коммуникаций, возможностей организации, которая позволяет ей создавать ценность совместно с потребителями и обеспечивать ее конкурентные преимущества на рынке.

К.-Э. Свейби выделяет НМА как неосязаемые активы, куда могут быть включены компетенции персонала, внутренняя и внешняя среда компании [10]. Ч.-Ф. Цай, Ю.-Х. Лю и Д.С. Йен представляют НМА как динамический потенциал компании, сформированный знаниями, организационной структурой, инновационным потенциалом, брендом, исследованиями и разработками, а также рыночной долей [11].

На основе третьего подхода «НМА как интеллектуальный капитал и интеллектуальные активы» под нематериальными активами понимается интеллектуальный капитал, который включает знания, навыки, компетенции, информационные ресурсы, участвует в создании совместных с потребителями ценностей и дает компании конкурентное преимущество на рынке.

Э. Брукинг понимает под нематериальными активами интеллектуальные ресурсы, состоящие из рыночных (удовлетворенность и лояльность потребителей, рыночный портфель, каналы распространения), человеческих (знания, навыки, лидерство и компетенции персонала компании), интеллектуальных (авторские права и патенты, права на бренд), инфраструктурных (корпоративная культура, управление человеческими ресурсами) ресурсов [12]. Н. Саламудин, Р. Бакар, М.К. Ибрахим и Ф.Х. Хассан в своем исследовании рассматривают нематериальные активы как интеллектуальный капитал, в который входят человеческие ресурсы и нематериальные процессы, основанные на знаниях, которые являются важными источниками будущих выгод [13]. Н.В. Макарова, Э.С. Кассис, Е.Р. Малицына представляют НМА как интеллектуальные способности, навыки и ресурсы, базы данных и системы взаимоотношений между различными стейкхолдерами, выступающие ключевым фактором инноваций и увеличения стоимости компаний, следовательно, реальными драйверами их роста [14].

Наконец, в рамках четвертого подхода «НМА как источник создания ценности (стоимости), стратегические ресурсы компании» под нематериальными активами понимаются стратегические ресурсы фирмы, которые позволяют организации создавать устойчивые ценности, но которые недоступны большому количеству фирм. Они ведут к потенциальным будущим выгодам, которые не могут быть получены другими и не могут быть воспроизведены конкурентами или заменены с использованием других ресурсов. Они не подлежат обмену или передаче на рынки факторов из-за корпоративного контроля.

И.Т. Лопез и А.М. Дж. Родригез в своем исследовании понимают под НМА совокупность ресурсов, таких как расходы на разработку, патенты и товарные знаки, торговые марки, базы данных, человеческие ноу-хау, стратегические союзы и процессы [15]. И. Рамирез Корколез выделяет НМА как нематериальные ресурсы (не имеющие физической субстанции), контролирующиеся юридическими лицами из предыдущих транзакций и приносящие будущие экономические выгоды предприятию [16].

На основе рассмотренных имеющихся подходов, определений международных организаций, стандартов финансовой отчетности и точек зрения отечественных и зарубежных ученых относительно дефиниции «нематериальные активы» автором предложено следующее определение – совокупность ресурсов и активов компании, которые не имеют физической формы, задействуются в процессе создания товаров (услуг) в течение длительного периода времени (больше года), участвуют в создании ценностей, обеспечивающих компании конкурентное преимущество на рынке и отвечающих требованиям идентифицируемости (выделения объекта из других ресурсов), наличия будущих прибылей от их использования и прямого или косвенного контроля со стороны компании.

¹⁰ International Glossary of Business Valuation Terms. Режим доступа: <https://us.aicpa.org/content/dam/aicpa/interestareas/forensicandvaluation/membership/downloadabledocuments/intl-glossary-of-bv-terms.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).

Рассмотрим основные критерии отнесения активов предприятия к нематериальным. В Положении по бухгалтерскому учету 14/2007 «Учет нематериальных активов» приведены критерии признания нематериальных активов¹¹:

- 1) объект НМА способен приносить организации экономические выгоды в будущем, в частности, объект предназначен для использования в производстве продукции, при выполнении работ или оказании услуг, для управленческих нужд организации либо для использования в деятельности, направленной на достижение целей создания коммерческой организации (в том числе в предпринимательской деятельности, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации);
- 2) организация имеет право на получение экономических выгод, которые такой объект НМА способен приносить в будущем (в том числе организация имеет надлежаще оформленные документы, подтверждающие существование актива и права организации на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации – патенты, свидетельства, другие охранные документы, договор об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, документы, подтверждающие переход исключительного права без договора и т.п.); также имеются ограничения доступа иных лиц к таким экономическим выгодам;
- 3) возможность выделения или отделения (идентификации) объекта НМА от других активов;
- 4) объект предназначен для использования в течение длительного времени, то есть срока полезного использования продолжительностью более 12 месяцев или обычного операционного цикла, если он превышает 12 месяцев;
- 5) организацией не предполагается продажа объекта в течение 12 месяцев или обычного операционного цикла, если он превышает 12 месяцев;
- 6) фактическая (первоначальная) стоимость объекта НМА может быть достоверно определена;
- 7) отсутствие у объекта НМА материально-вещественной формы.

Стоит отметить, что, если отсутствует один из вышеуказанных критериев, затраты, произведенные компанией, не признаются нематериальными активами и являются расходами организации.

Согласно п. 4 Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007), к нематериальным активам относятся произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин; изобретения; полезные модели; селекционные достижения; секреты производства (ноу-хау); товарные знаки и знаки обслуживания. В составе нематериальных активов учитывается также деловая репутация, возникшая в связи с приобретением предприятия как имущественного комплекса (в целом или его части). При этом нематериальными активами не являются: расходы, связанные с образованием юридического лица (организационные расходы); интеллектуальные и деловые качества персонала организации, их квалификация и способность к труду.

В рамках п. 9 Международного стандарта финансовой отчетности МСФО (IAS) 38 «Нематериальные активы» к нематериальным ресурсам относятся научные или технические знания, проектирование и внедрение новых процессов или систем, лицензии, интеллектуальная собственность, знания о рынке и товарные знаки (в том числе фирменные наименования и издательские права), компьютерное программное обеспечение, патенты, авторские права, кинофильмы, списки клиентов, права обслуживания ипотеки, лицензии на рыболовство, импортные квоты, франшизы, отношения с клиентами или поставщиками, лояльность клиентов, доля рынка и права на сбыт¹².

В ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации в качестве нематериальных активов выделяются произведения науки, литературы и искусства, программы для электронных вычислительных машин, базы данных, исполнения, фонограммы, сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (деятельность организаций эфирного или кабельного вещания), изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения¹³.

¹¹ Положение о бухгалтерском учете «Учет нематериальных активов» ПБУ 14/07 (п. 3, 4). Режим доступа: <https://base.garant.ru/12158476/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 25.05.2024).

¹² Международный стандарт финансовой отчетности – МСФО (IAS-38) «Нематериальные активы» (п. 9). Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/img/uploaded/library/no_date/2012/IAS_38.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации, ст. 1225. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164072/67d167a9c81a778a371a6eb5a920465b/> (дата обращения: 25.05.2024).

В п. 3 ст. 257 Налогового кодекса Российской Федерации отражены следующие виды нематериальных активов: изобретение, промышленный образец, полезная модель; использование программ для электронных вычислительных машин, базы данных, топологии интегральных микросхем; товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товаров и фирменное наименование; селекционные достижения; владение ноу-хау, секретной формулой или процессом, информацией в отношении промышленного, коммерческого или научного опыта; аудиовизуальные произведения¹⁴.

Наиболее полной, на наш взгляд, выглядит система критериев, представленных в Международных стандартах финансовой отчетности (МСФО) IAS-38 «Нематериальные активы». Она содержит три ключевых признака¹⁵:

1) идентифицируемость – актив удовлетворяет критерий идентифицируемости, если он является отделяемым, то есть может быть отсоединен или отделен от предприятия и продан, передан, защищен лицензией, предоставлен в аренду, обменен индивидуально или вместе с относящимся к нему договором, активом или обязательством независимо от того, намеревается ли предприятие так поступить, или является результатом договорных или других юридических прав независимо от того, можно ли эти права передавать или отделять от предприятия или от других прав и обязательств;

2) возможность контроля над НМА – предприятие контролирует актив, если обладает правом на получение будущих экономических выгод, проистекающих от лежащего в его основе ресурса, а также на ограничение доступа других лиц к этим выгодам;

3) наличие будущих экономических выгод от использования нематериальных активов – контроль основан на наличии прав на будущие экономические выгоды в зависимости от ресурса, который обеспечивает эту прибыль и ограничении доступа иных лиц к этой прибыли.

МОДЕЛИ СТРУКТУРЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Современные зарубежные исследования, которые касаются изучения нематериальных активов, посвящены таким аспектам, как природа НМА, их значение и классификации, методики учета, оценки и аудита НМА, оценка влияния НМА на эффективность и прибыльность, конкурентоспособность и экономическую безопасность субъектов предпринимательства [17–20].

В табл. 2 выделены ключевые модели, позволяющие классифицировать нематериальные активы и их основные составляющие.

Таблица 2

Модели структуры нематериальных активов и их составляющие

Модели структуры НМА	Составляющие НМА
Модель Э. Брукинга (2001)	– человеческие ресурсы (совокупность знаний, управленческих и предпринимательских навыков, компетенции, лидерства и мотивации персонала организации); – инфраструктурные ресурсы (внутренние процессы, методы и технологии, благодаря которым предприятие функционирует – корпоративная культура, управление человеческими ресурсами, методика оценки рисков и др.); – интеллектуальные ресурсы (авторское право, ноу-хау, патенты, коммерческая тайна); – рыночные ресурсы (клиентская лояльность, сила бренда, реклама и контракты, рыночный портфель, каналы распространения)
Модель Т. Стюарта (2007)	– человеческие ресурсы (знания, умения, навыки и компетенции персонала организации); – структурный капитал (стратегия, миссия компании, данные, системы, процедуры и технологии организации, организационная структура и корпоративная культура); – потребительские ресурсы (взаимоотношения со стейкхолдерами компании, в том числе с поставщиками и клиентами)

¹⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации, ст. 257 (п. 3). Режим доступа: <https://base.garant.ru/10900200/c06ce0ee1908c8a873ad3e778e7ecccc/> (дата обращения: 25.05.2024).

¹⁵ Международный стандарт финансовой отчетности – МСФО (IAS-38) «Нематериальные активы» (п. 9). Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/img/uploaded/library/no_date/2012/IAS_38.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

Модели структуры НМА	Составляющие НМА
Модель Scandia Navigator Л. Эдвинсона и М. Мелона (1997)	<ul style="list-style-type: none"> – человеческие ресурсы (знания, компетенции и навыки сотрудников организации, организационные ценности, философия компании и организационная культура); – организационные ресурсы (инновационные ресурсы, такие как лицензии, патенты, бренды и информационные ресурсы, технологии и бизнес-процессы компании); – клиентские ресурсы (ценность, создаваемая с клиентами, установление взаимовыгодных отношений с потребителями)
Модель К.Э. Свейби (2010)	<ul style="list-style-type: none"> – отношенческий капитал (все отношения, которые устанавливает организация с клиентами, потребителями, посредниками, представителями, поставщиками, партнерами, владельцами, кредиторами); – организационный капитал (бренды, интеллектуальная собственность, процессы, системы, организационные структуры, информация); – человеческий капитал (компетенции, отношение к работе, умения, неявные знания, личные связи – все качества, которые характеризуют индивидуумов как ресурсы для компании)

Составлено автором по материалам источника [21; 22]

Как мы можем видеть из таблицы, существует определенная идентичность всего многообразия моделей нематериальных активов. Часто в научной литературе встречается общее название для рассмотренных моделей – модель Свейби-Стюарта-Эдвинсона, которая включает три ключевые группы нематериальных активов – человеческий, структурный (организационный) и клиентский (отношенческий, потребительский) капитал [23].

Так, человеческий капитал представляет совокупность высококвалифицированных работников, нанятых организацией, с учетом имеющихся у них накопленных знаний, навыков, компетенций, лидерских качеств, способностей и профессионального опыта, а также имеющейся в организации корпоративной культуры. Он не отражается в составе активов компании, так как он компании не принадлежит, организация может лишь контролировать его.

Организационный (структурный) капитал представляет совокупность элементов, позволяющих человеческому капиталу эффективно функционировать и создавать стоимость: все организационные структуры, миссию, видение, стратегии, ценности и механизмы развития компании, коммуникации, процедуры и административные системы, высокотехнологичные ИТ-системы и системы программного обеспечения, информационные ресурсы, имеющиеся патентные права, специализированные базы данных, права интеллектуальной собственности, ноу-хау и др. В отличие от человеческого структурный капитал не только полностью контролируется компанией, но и находится в ее владении.

Клиентский (отношенческий, потребительский) капитал представляет систему взаимоотношений компании с потребителями ее товаров или услуг, направленную на максимально полное удовлетворение их потребностей, состоящую из лояльности и гибкости потребителей данной компании, ее имиджа (бренда) среди потребителей, информации о клиентах и истории взаимоотношений с потребителями, а также уровня ценности и стоимости данных взаимоотношений, в том числе на основе повторных контрактов с клиентами, анализа уровня их удовлетворенности и доверия, каналов продаж и портфеля заказов. Организация не владеет клиентским капиталом, но контролирует его через постоянное взаимодействие с клиентами, в связи с чем он в меньшей степени по сравнению с другими компонентами интеллектуального капитала формализован и в большей степени непостоянен.

КЛАССИФИКАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ

В отечественной и зарубежной научной литературе также не имеется единой точки зрения относительно классификации нематериальных активов. Б. Лев выделяет следующие: организационные активы (бизнес-процессы, организационная структура, корпоративная культура), человеческие активы, отношенческие активы и категория нематериальных активов, связанных с затратами на исследования и разработки [9; 21]. Н.В. Макарова, Э.С. Кассис и Е.Р. Малицына в своем исследовании выделяют следующие признаки: связанные с маркетингом (торговые марки, бренды); связанные с договорами (лицензионные

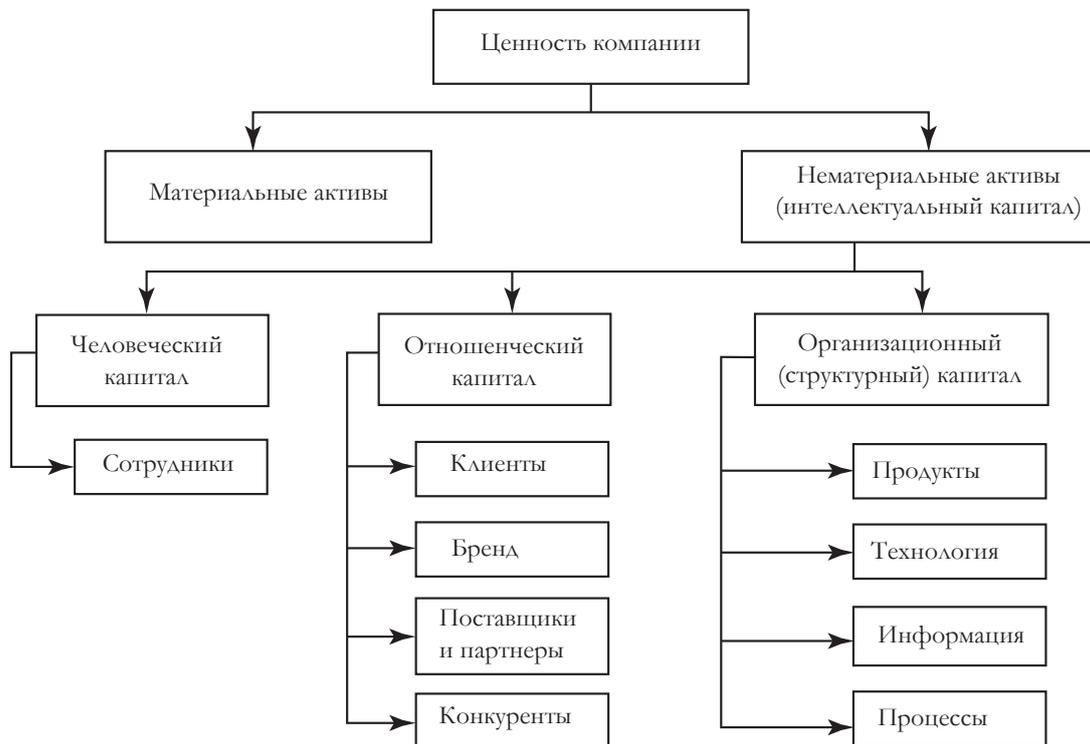
соглашения, договоры франчайзинга); связанные с технологиями (программное обеспечение, ноу-хау); связанные с клиентами (взаимоотношения с клиентами); связанные с творчеством (книги, журналы, газеты, картины и фотографии) [14].

В коллективном исследовании Н.Ф.Х.М. Рохаизад, Е. Хамза и др. на основе компиляции точек зрения ученых выделена классификация нематериальных активов, используемых при оценке стоимости инфраструктуры компании: безопасность (устойчивость и снижение рисков), мобильность, экономический прогресс (драйверы спроса), устойчивость (функциональность, удобство в эксплуатации, долговечность), социальная ценность (услуги, вносящие свой вклад в сообщество), качество окружающей среды (положительные внешние эффекты, экологический риск), интеллектуальная собственность (рекомендации по программному обеспечению, методы, процедуры и данные), имидж/деловая репутация (идентичность бренда, значение бренда, отзывы на бренд и отношение к бренду) и юридическая собственность (патенты, торговые марки, авторские права, дизайн, бренды, компьютерное программное обеспечение) [24].

Несмотря на то что существует достаточно большое количество критериев, подходов и классификаций нематериальных активов, в качестве основополагающих могут быть названы [8]:

- 1) человеческие ресурсы – знания и навыки персонала организации, социальные ресурсы и предпринимательские способности;
- 2) клиентские ресурсы – взаимоотношения с потребителями, производителями, финансовыми организациями и другими стейкхолдерами;
- 3) структурные ресурсы – все нематериальные активы, принадлежащие организации, такие как интеллектуальный капитал (патенты, бренд, авторские права), корпоративная культура, организационная структура.

На основе рассмотренных моделей структуры нематериальных активов автором представлена следующая классификация нематериальных активов, оказывающих влияние на создание ценности в компании (рисунок) [23].

Составлено автором по материалам исследования

Рисунок. Роль составляющих нематериальных активов в создании ценности компании

В исследовании К. Ито, С. Умеда, Х. Секийя отражена ретроспектива эмпирических исследований, изучающих взаимосвязь между корпоративной стоимостью и различными нематериальными активами, такими как человеческие активы (капитал), организационный капитал (структура), информационные активы, репутация, инновации, потребительские активы, бренд и отношенческие активы (табл. 3).

Ретроспектива исследований, касающихся изучения нематериальных активов

Исследования ученых	Анализируемые нематериальные активы							
	Человеческие активы (капитал)	Организационный капитал (структура)	Информационные активы	Репутация	Инновации	Потребительские активы	Бренд	Отношенческие активы
C.J. Fombrun, M. Shanley (1990)	-	-	-	+	-	-	-	-
A. Riahi-Belkaoui, E. Pavlik (1991)	-	-	-	+	-	-	-	-
A. Subramanian, S. Nilakanta (1996)	-	+	-	-	+	-	-	-
S.J. Kowalczyk, M.J. Pawlish (2002)	-	+	-	+	-	-	+	-
P.W. Roberts, G.R. Dowling (1997, 2002)	-	-	-	+	-	-	-	-
A. Carmeli (2004)	+	-	-	+	-	-	-	-
M.A. Youndt, M. Subramaniam, S.A. Snell (2004)	+	+	-	-	-	-	-	+
A. Carmeli, A. Tishler (2005)	+	+	-	+	-	+	-	+
C.-Y. Tseng, Y.-J. Goo (2005)	+	+	-	-	+	-	-	+
S. Hosomi (2014)	+	+	+	+	+	-	-	+
R.W.Y. Yee, A.C.L. Yeung, T.C.E. Cheng (2010)	+	+	-	-	-	+	-	+
K. Ito, H. Sekiya (2016); K. Ito, H. Shinmura, M. Sakurai (2011)	-	+	-	+	-	-	-	-
S.-H. Chien, M.-C. Chao (2011)	+	+	+	-	+	-	-	-
S. Mithas, N. Ramasubbu, V. Sambamurthy (2011)	-	+	+	-	+	+	-	-
L. Ponzi, C. Fombrun, N.A. Gardberg (2011)	-	+	-	+	-	-	-	-
H. Iwata (2012)	-	+	-	+	-	+	-	+
M.J. Donate, I. Peña, J.D. Sánchez de Pablo (2016)	+	+	-	-	+	+	-	+
K. Ito, H. Sekiya (2016)	-	+	+	+	+	-	-	-
A. França, O.L. Rua (2018)	+	+	+	-	-	-	-	+
M.F. Shubita (2019)	+	+	-	-	-	-	-	-
M.D. Ubaldo, I. Siedschlag (2021)	-	+	+	-	+	-	-	-

Составлено автором по материалам источника [25]

Как мы можем видеть из таблицы, за период 1990–2020 гг. в исследованиях зарубежных ученых в большей степени были проанализированы организационные активы, человеческий капитал и репутация бренда компании. Стоит отметить, что все вышеобозначенные исследования могут быть разделены на те, которые касаются определенных нематериальных активов, и те, которые под НМА понимают совокупность элементов. Кроме того, в настоящее время акцент смещается с организационных аспектов (организационная структура, корпоративная культура, бренд) на клиентские и отношенческие (ценностные) нематериальные активы, среди которых в качестве важнейших рассматриваются уровень лояльности потребителей, их удовлетворенности и желания участвовать в развитии предприятия и создании совместных ценностей (вовлеченности).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автором были сделаны следующие выводы.

1. Теоретический обзор результатов исследований отечественных и зарубежных ученых относительно дефиниции «нематериальные активы», подходов международных организаций, международных и отечественных стандартов финансовой отчетности позволил выявить фрагментарность и разрозненность исследований, на основе которых автором были сформированы четыре ключевых направления нематериальных активов: нефизических (нефинансовых) активов; активов знаний, квалификации и мотивации персонала, взаимодействия с клиентами; интеллектуального капитала и интеллектуальных активов; источника создания ценности (стоимости), стратегических ресурсов компании. На основе компиляции выделенных подходов предложена следующая дефиниция нематериальных активов – совокупность ресурсов и активов компании, которые не имеют физической формы, задействуются в процессе создания товаров (услуг) в течение длительного периода времени (больше года), участвуют в создании ценностей, обеспечивающих компании конкурентное преимущество на рынке и отвечающие требованиям идентифицируемости (выделения объекта из других ресурсов), наличия будущих прибылей от их использования и прямого или косвенного контроля со стороны компании.

2. На основании анализа Положения по бухгалтерскому учету (ПБУ) 14/2007 «Учет нематериальных активов», ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 3 ст. 257 Налогового кодекса Российской Федерации, а также п. 9 Международного стандарта финансовой отчетности (МСФО) IAS-38 «Нематериальные активы» автором выделены следующие ключевые характеристики нематериальных активов: идентифицируемость (НМА является отделяемым, то есть может быть отсоединен или отделен от предприятия и продан, передан, защищен лицензией, предоставлен в аренду или обменян индивидуально или вместе с относящимся к нему договором, активом или обязательством); возможность контроля над НМА (предприятие контролирует актив, если обладает правом на получение будущих экономических выгод, проистекающих от лежащего в его основе ресурса, а также на ограничение доступа других лиц к этим выгодам); наличие будущих экономических выгод от использования НМА (контроль обуславливается наличием прав на приобретение экономической выгоды в будущем, поступающей от лежащего в его основе ресурса, а также способностью в ограничении доступа иных предприятий и лиц к этим выгодам)^{16,17,18,19}.

3. Несмотря на существующее многообразие подходов и критериев классификаций нематериальных активов, в качестве наиболее часто используемых выступают человеческий капитал (знания, навыки и компетенции работников, ценности, культура и философия компании); клиентский капитал (создаваемая совместно с потребителями ценность, отношения с клиентами, партнерами, поставщиками, производителями и другими стейкхолдерами, информация о клиентах и история взаимоотношений с потребителями); структурный капитал (интеллектуальная собственность, организационная структура, корпоративная культура). Также в научной литературе дополнительно рассматриваются инфраструктурные активы (информация и инновации, технологии, методы и бизнес-процессы, процедуры, коммуникации, миссия, видение и стратегии компании), рыночные активы (лояльность клиентов, репутация, бренды, контракты и реклама, портфель заказов, каналы распределения, анализ повторных контактов с клиентами, степени их удовлетворенности и лояльности). На основании ретроспективы эмпирических исследований за период 1990–2020 гг. можно сделать вывод о смещении акцента от организационных (структурных) нематериальных активов, таких как корпоративная культура, организационная структура, информационные и инновационные ресурсы, репутационные риски, бренд, к потребительским и отношенческим (клиентским) нематериальным активам, таким как уровень удовлетворенности и лояльности потребителей, ценность взаимоотношений компании и потребителей.

¹⁶ Положение о бухгалтерском учете «Учет нематериальных активов» ПБУ 14/07 (п. 3, 4). Режим доступа: <https://base.garant.ru/12158476/53f89421b8daf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 25.05.2024).

¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации, ст. 1225. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164072/67d167a9c81a778a371a6eb5a920465b/> (дата обращения: 25.05.2024).

¹⁸ Налоговый кодекс Российской Федерации, ст. 257 (п. 3). Режим доступа: <https://base.garant.ru/10900200/c06ce0ee1908c8a873ad3e778e7ecccc/> (дата обращения: 25.05.2024).

¹⁹ Международный стандарт финансовой отчетности – МСФО (IAS-38) «Нематериальные активы» (п. 9). Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/img/uploaded/library/no_date/2012/IAS_38.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

В качестве направления дальнейших исследований необходимо рассмотреть методологические аспекты оценки нематериальных активов, в частности вопросы создания нематериальных ценностей и используемые при этом модели, методики и подходы.

Список литературы

1. *Stickney C.P., Weil R.L., Schipper K., Francis J.* Financial Accounting: An Introduction to Concepts, Methods and Uses. 13th ed. South-Western College Pub.; 2009. 959 p.
2. *Moro-Visconti R.* The Valuation of Digital Intangibles. Technology, Marketing and Internet. 1st ed. Palgrave Macmillan Cham; 2020. 536 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-36918-7>
3. *Edvinsson L.* Some perspectives on intangibles and intellectual capital 2000. Journal of Intellectual Capital. 2000;1(1):12–16. <https://doi.org/10.1108/14691930010371618>
4. *Daum J.H.* Intangibles Assets and Value Creation. 1st ed. John Wiley & Sons, Bognor Regis; 2003. 444 p.
5. *Стюарт Т.А.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций. М.: Поколение; 2007. 368 с.
6. *Руус Й., Пайк С., Фернстрем А.* Интеллектуальный капитал: практика управления. СПб.: Высшая школа менеджмента; 2010. 436 с.
7. *Castilla-Polo F., Gallardo-Vázquez D.* The main topics of research on disclosures of intangible assets: a critical review. Accounting, Auditing & Accountability Journal. 2016;2(29):323–356. <https://doi.org/10.1108/aaaj-11-2014-1864>
8. *Ларина Т.Е.* Система управления предприятием, основанная на нематериальных активах. Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2017;2(63):290–296. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2017-2-290-296>
9. *Lev B.* Intangibles: Management, Measurement, and Reporting. Washington, D.C.: Brookings Institution Press; 2001. 227 p.
10. *Sveiby K.-E.* Methods for Measuring Intangible Assets. Management and Organization. Helsinki; 2010. 12 p.
11. *Tsai Ch.-F., Lu Y.-H., Yen D.C.* Determinants of intangible assets value: The data mining approach. Knowledge-Based Systems. 2012;31:67–77. <https://doi.org/10.1016/j.knosys.2012.02.007>
12. *Бруклинг Э.* Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии. СПб.: Питер; 2001. 288 С.
13. *Salamudin N., Bakar R., Ibrahim M.K., Hassan F.H.* Intangible assets valuation in the Malaysian capital market. Journal of Intellectual Capital. 2010;3(11):391–405. <https://doi.org/10.1108/14691931011064608>
14. *Макарова Н.В., Кассис Э.С., Малицына Е.Р.* Инвестиции в нематериальные активы на предприятиях общественного питания. Актуальные вопросы современной экономики. 2022;5:837–846. <https://doi.org/10.34755/IROK.2022.45.77.051>
15. *Lopes I.T., Rodrigues A.M.G.* Intangible Assets Identification and Valuation – a Theoretical Framework Approach to the Portuguese Airlines Companies. The Electronic Journal of Knowledge Management. 2007;2(5):193–202.
16. *Ramírez Córcoles Y.* Towards the convergence of accounting treatment for intangible assets. Intangible Capital. 2010;2(6):185–201. <https://doi.org/10.3926/ic.2010.v6n2.p185-201>
17. *Kashkinbayev A., Jaxybekova G., Rustamov B., Zhaihylyk N.* The impact of intangible assets on the value of FMCG companies worldwide. Journal of Innovation & Knowledge. 2023;1(8):100330. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100330>
18. *Proskurina N.N., Gorokhovets Y.A.* Methodical approaches to the classification of intangible assets. Scientific Bulletin of the Odessa National Economic University. 2016;115–127.
19. *Ismailova P.I., Mamaeva U.Z.* Intangible assets as object of audit. Topical Issues of Modern Economics in the Global World. 2018;7:119–122.
20. *Biimyrzaeva E.M.* Intangible assets as a tool to increase the profitability and competitiveness of organizations. Science and Innovative Technologies. 2016;1-2(1):188–191.
21. *Nichita E.-M.* Intangible assets – insights from a literature review. Journal of Accounting and Management Information Systems. 2019;2(18):224–261. <https://doi.org/10.24818/jamis.2019.02004>
22. *Axtle Ortiz M.A.* Intellectual Capital (Intangible Assets) Valuation Considering the Context. Journal of Business & Economics Research (JBER). 2011;4(9):35–42. <https://doi.org/10.19030/jber.v4i9.2694>
23. *Madhani P.M.* Intangible Assets: Value Drivers for Competitive Advantage. Best Practices in Management Accounting. 2012;146-165. https://doi.org/10.1057/9780230361553_10
24. *Robaizad N.F.H.M., Hamzah E., Hashim H.A., Ismail A.* Tangible and intangible factors incorporated for infrastructure asset valuation. Planning Malaysia: Journal of the Malaysian Institute of Planners. 2021;3(19):1–12. <https://doi.org/10.21837/pm.v19i17.982>
25. *Ito K., Umeda S., Sekiya H.* Impact of Intangibles on Corporate Value. Journal of Human Resource and Sustainability Studies. 2020;2(8):131–150. <https://doi.org/10.4236/jhrss.2020.82008>

References

1. *Stickney C.P., Weil R.L., Schipper K., Francis J.* Financial Accounting: An Introduction to Concepts, Methods and Uses. 13th ed. South-Western College Pub.; 2009. 959 p.
2. *Moro-Visconti R.* The Valuation of Digital Intangibles. Technology, Marketing and Internet. 1st ed. Palgrave Macmillan Cham; 2020. 536 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-36918-7>
3. *Edvinsson L.* Some perspectives on intangibles and intellectual capital 2000. Journal of Intellectual Capital. 2000;1(1):12–16. <https://doi.org/10.1108/14691930010371618>
4. *Daum J.H.* Intangibles Assets and Value Creation. 1st ed. John Wiley & Sons, Bognor Regis; 2003. 444 p.
5. *Stewart T.A.* Intellectual capital. A new source of organizational wealth. Moscow: Pokolenie; 2007. 368 p. (In Russian)
6. *Raus J., Pike S., Fernström L.* Intellectual capital: management practice. St. Petersburg: Higher School of Management; 2010. 436 p. (In Russian)
7. *Castilla-Polo F., Gallardo-Vázquez D.* The main topics of research on disclosures of intangible assets: a critical review. Accounting, Auditing & Accountability Journal. 2016;2(29):323–356. <https://doi.org/10.1108/aaaj-11-2014-1864>
8. *Larina T.E.* Enterprise management system based on intangible assets. Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2017;2(63):290–296. (In Russian). <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2017-2-290-296>
9. *Lev B.* Intangibles: Management, Measurement, and Reporting. Washington, D.C.: Brookings Institution Press; 2001. 227 p.
10. *Sveiby K.-E.* Methods for Measuring Intangible Assets. Management and Organization. Helsinki; 2010. 12 p.
11. *Tsai Ch.-F., Lu Y.-H., Yen D.C.* Determinants of intangible assets value: The data mining approach. Knowledge-Based Systems. 2012;31:67–77. <https://doi.org/10.1016/j.knsys.2012.02.007>
12. *Brooking E.* Intellectual capital: the key to success in the new millennium. St. Petersburg: Piter; 2001. 288 p. (In Russian).
13. *Salamudin N., Bakar R., Ibrahim M.K., Hassan F.H.* Intangible assets valuation in the Malaysian capital market. Journal of Intellectual Capital. 2010;3(11):391–405. <https://doi.org/10.1108/14691931011064608>
14. *Makarova N.V., Kassis E.S., Malitsyna E.R.* Investments in intangible assets in public catering enterprises. Current issues of modern economics. (In Russian). 2022;5:837–846. <https://doi.org/10.34755/IROK.2022.45.77.051>
15. *Lopes I.T., Rodrigues A.M.G.* Intangible Assets Identification and Valuation – a Theoretical Framework Approach to the Portuguese Airlines Companies. The Electronic Journal of Knowledge Management. 2007;2(5):193–202.
16. *Ramírez Córcoles Y.* Towards the convergence of accounting treatment for intangible assets. Intangible Capital. 2010;2(6):185–201. <https://doi.org/10.3926/ic.2010.v6n2.p185-201>
17. *Kashkinbayev A., Jaxybekova G., Rustamov B., Zhaişbylyk N.* The impact of intangible assets on the value of FMCG companies worldwide. Journal of Innovation & Knowledge. 2023;1(8):100330. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100330>
18. *Proskurina N.N., Gorokhovets Y.A.* Methodical approaches to the classification of intangible assets. Scientific Bulletin of the Odessa National Economic University. 2016;115–127.
19. *Ismailova P.I., Mamaeva U.Z.* Intangible assets as object of audit. Topical Issues of Modern Economics in the Global World. 2018;7:119–122.
20. *Bimyrsaeva E.M.* Intangible assets as a tool to increase the profitability and competitiveness of organizations. Science and Innovative Technologies. 2016;1-2(1):188–191.
21. *Nichita E.-M.* Intangible assets – insights from a literature review. Journal of Accounting and Management Information Systems. 2019;2(18):224–261. <https://doi.org/10.24818/jamis.2019.02004>
22. *Axtle Ortíz M.A.* Intellectual Capital (Intangible Assets) Valuation Considering the Context. Journal of Business & Economics Research (JBER). 2011;4(9):35–42. <https://doi.org/10.19030/jber.v4i9.2694>
23. *Madhani P.M.* Intangible Assets: Value Drivers for Competitive Advantage. Best Practices in Management Accounting. 2012;146-165. https://doi.org/10.1057/9780230361553_10
24. *Rohaizad N.F.H.M., Hamzah E., Hashim H.A., Ismail A.* Tangible and intangible factors incorporated for infrastructure asset valuation. Planning Malaysia: Journal of the Malaysian Institute of Planners. 2021;3(19):1–12. <https://doi.org/10.21837/pm.v19i17.982>
25. *Ito K., Umeda S., Sekiya H.* Impact of Intangibles on Corporate Value. Journal of Human Resource and Sustainability Studies. 2020;2(8):131–150. <https://doi.org/10.4236/jhrss.2020.82008>

Повышение качества человеческих ресурсов региона на основе развития сферы образования

Агаркова Любовь Васильевна

Д-р экон. наук, проф. каф. финансов, кредита и страхового дела
ORCID: 0000-0002-6529-1959, e-mail: alv23@mail.ru

Остапенко Елена Анатольевна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансового менеджмента и банковского дела
ORCID: 0000-0002-6150-8030, e-mail: helen_07-84@mail.ru

Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь, Россия

Аннотация

Сфера образовательных услуг Ставропольского края занимает весомое место в развитии экономического сектора Российской Федерации, так как ее основной задачей является удовлетворение потребности региона, которому сегодня уделяется особое внимание со стороны государства, в квалифицированных кадрах. Именно конечный результат функционирования сферы образовательных услуг является надежным фундаментом формирования человеческих ресурсов данного субъекта. Рассмотрена роль образования и кадрового потенциала в развитии региональной экономики Ставропольского края. Проанализировано влияние образовательной системы на подготовку квалифицированных специалистов, необходимых для устойчивого развития региональной экономики. Изучены основные тренды и вызовы, связанные с развитием образования в регионе, а также предложены практические рекомендации для оптимизации образовательных программ и повышения качества подготовки кадров. Особое внимание уделено проблемам подготовки высококвалифицированных кадров и созданию благоприятных условий для их оставления в регионе. Проанализировано влияние человеческого фактора на развитие образовательных услуг в регионе посредством проведения SWOT-анализа. Целью исследования является разработка институциональных инструментов развития человеческого фактора сферы образовательных услуг. В качестве задачи исследования определено выявление форм и проблем развития человеческого фактора в изучаемой отрасли. Методология исследования представлена методами институционального анализа, статистическим методом, также применялся SWOT-анализ. Полученные результаты могут быть использованы для формирования и реализации стратегии улучшения системы образования с целью повышения конкурентоспособности региона.

Ключевые слова

Регион, региональная экономика, региональное развитие, внутренние ресурсы, образование, кадровый потенциал, ресурсный потенциал, человеческий потенциал

Для цитирования: Агаркова Л.В., Остапенко Е.А. Повышение качества человеческих ресурсов региона на основе развития сферы образования // Вестник университета. 2024. № 8. С. 55–62.

Educational services sphere as a tool for improving the quality of human resources in the region

Lyubov V. Agarkova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Finance, Credit and Insurance Department
ORCID: 0000-0002-6529-1959, e-mail: alv23@mail.ru

Elena A. Ostapenko

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Financial Management and Banking Department
ORCID: 0000-0002-6150-8030, e-mail: helen_07-84@mail.ru

Stavropol State Agrarian University Stavropol, Russia

Abstract

The educational services sphere of Stavropol Krai occupies a significant place in the Russian economic sector development, as its main task is to meet the needs of the region, which is currently receiving special attention from the state, in qualified personnel. It is the end result of the functioning of the sphere that is a reliable foundation for human resources formation in this constituent entity. The role of education and human resources in the development of the regional economy of Stavropol Krai has been considered. The influence of the educational system on qualified specialists training necessary for sustainable development of the regional economy has been analyzed. The main trends and challenges related to education development in the region have been studied, and practical recommendations for optimizing educational programs and improving the quality of training offered. Particular attention has been paid to the issues of training highly qualified personnel and creating favorable conditions for their retention in the region. The influence of the human factor on educational services development in the region by means of SWOT-analysis has been considered. The purpose of the study is to develop institutional tools for the human factor development in the educational services sphere. The objective of the study is the identification of forms and issues of human factor development in the sphere. The research methodology is represented by institutional analysis and statistical method, SWOT-analysis is also applied. The results obtained can be used for forming and implementing a strategy for improving the education system in order to increase the region's competitiveness.

Keywords

Region, regional economy, regional development, internal resources, education, human resources, resource potential, human potential

For citation: Agarkova L.V., Ostapenko E.A. (2024) Educational services sphere as a tool for improving the quality of human resources in the region. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 55–62.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях изменений в сторону постиндустриальной модели развития в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) особое внимание придается развитию сферы образовательных услуг в социально-экономических отношениях, поскольку именно здесь происходят ключевые процессы формирования человеческих ресурсов. Роль образования в формировании кадрового потенциала региона является одним из ключевых факторов, определяющих конкурентоспособность территории в современном мире. Оно не только обеспечивает профессиональное и культурное развитие индивидуума, но и является основой для успешной социально-экономической деятельности региона в целом.

Человеческие ресурсы играют ключевую роль в сфере инновационного развития государства, которая в свою очередь является составной частью сферы образования. В создании высококвалифицированной рабочей силы важное место занимают образовательные услуги, которые также формируют новые компетенции, обеспечивают конкурентоспособность экономических субъектов, действующих в пространстве развития экономики России. Способность государства развивать и привлекать квалифицированных специалистов, обеспечивать им доступ к образованию, науке, технологиям, а также создавать условия для творческого потенциала и предпринимательства имеет огромное значение для инновационного развития. Люди, обладающие знаниями и компетенциями в сфере новых технологий, могут стать двигателями прогресса, способствуя повышению производительности и конкурентоспособности всех сфер государственной деятельности, включая экономику.

Существует важная и актуальная проблема, которая заключается в недостатке квалифицированных кадров и снижении конкурентоспособности человеческого потенциала в экономике России. Ее наличие можно объяснить рядом факторов, среди которых отсутствие условий для формирования благоприятного инвестиционного климата в социальной сфере РФ, сложная структура управленческих органов, нерациональное распределение функций и полномочий между государственными институтами и др.

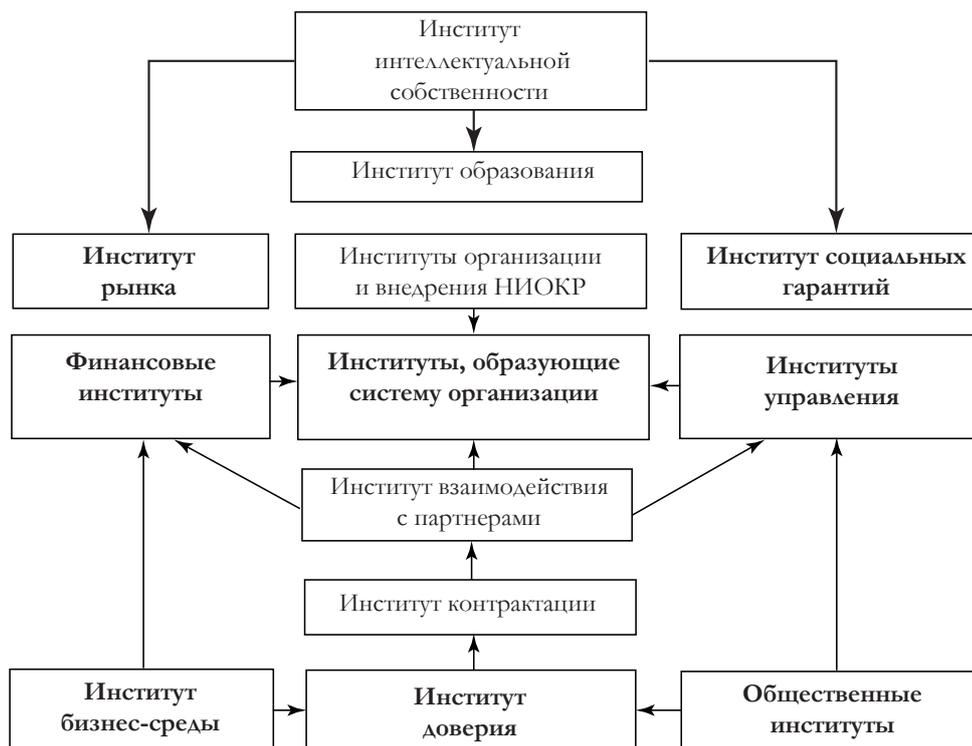
Сама по себе отечественная система образования в целом и предоставление образовательных услуг в частности являются фундаментом национальной экономической системы. Однако в современных условиях наблюдается недостаток высококачественных человеческих ресурсов. Именно поэтому важно комплексно рассмотреть определенный перечень образовательных задач [1].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Сфера образовательных услуг России подвержена влиянию негативных тенденций, которые в свою очередь приводят к значительным переменам во многих областях. Для того чтобы преодолеть подобные действия, необходимо провести детальный анализ развития человеческих ресурсов, а также рассмотреть их с использованием современного инструментария, ликвидируя неактуальные аспекты.

Понятие и категория «человеческий фактор» достаточно часто и активно используются в экономике и других сферах жизни общества. Это может быть связано с развитием теории производственной функции, сущность которой состоит в выявлении взаимосвязи результата деятельности национального хозяйства с внутренними и внешними факторами, которые оказывают на него непосредственное влияние. Важно отметить, что категория «человеческий фактор» базируется на единстве реализации человеческого потенциала в системе хозяйства. Так, он может проявляться в виде человеческих ресурсов, квалифицированной рабочей силы, человеческом капитале, потенциале, связанном с выполнением трудовых или предпринимательских функций. Полагается, что сформировать тривиальное представление о человеческом факторе возможно с опорой на самого человека, который рассматривается в качестве участника любого процесса, происходящего в хозяйстве. Данная категория обретает новые оттенки в сфере образовательных услуг, поскольку человеческий фактор, участвующий в образовательном процессе, ориентирован на формирование такого же фактора для всех остальных сфер экономической деятельности. [2;3].

При изучении опыта наиболее прогрессивных стран мира можно отметить, что с учетом развития экономического положения сфера образовательных услуг подвергается изменениям. Данные трансформации затрагивают не только структуру образовательных услуг и их содержание, но и способы их воспроизводства, так как именно они составляют основу всей системы экономических знаний. Ключевую позицию занимает институт образования (рис. 1).

Примечание: НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

Составлено авторами по материалам источника [1]

Рис. 1. Институциональная структура экономики знаний

В настоящее время внешние условия диктуют необходимость проведения модернизации сферы образовательных услуг. С учетом этого они должны быть ориентированы на функционирование многогранных технологических процессов и систем. Такие преобразования могут быть следствием стремительного развития мировой экономики, внесения корректировок в проводимую в государствах политику, внедрения в сферу цифровых инструментов и т.д. Таким образом, именно эта область в современных условиях должна стать одной из первостепенных и ключевых двигательных сил отечественной экономики [4].

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационно-эмпирической базой исследования послужили фактические данные, содержащиеся в отчетах Федеральной службы государственной статистики, работы различных авторов, посвященные сфере образовательных услуг и развитию человеческого фактора, аналитические обзоры и материалы научных конференций, электронные сетевые информационные ресурсы.

Методология исследования представлена методами институционального анализа, статистическим методом, также применялся SWOT-анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ставропольский край, являющийся одним из важных региональных центров РФ, обладает богатым и разнообразным образовательным потенциалом.

Одними из ведущих высших учебных заведений в Ставропольском крае принято считать (табл. 1):

- Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ);
- Ставропольский государственный аграрный университет (СтГАУ);
- Ставропольский государственный медицинский университет (СтГМУ).

Таблица 1

Ведущие высшие учебные заведения Ставропольского края

Высшее учебное заведение	Количество учащихся студентов в 2023 г., тыс. чел.	Количество факультетов	Количество выпускников в 2022 г., тыс. чел.	% работающих студентов по специальности после учебы
Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ)	23,7	7	3,5	80
Ставропольский государственный медицинский университет (СтГМУ)	более 4,5	10	0,5	85
Ставропольский государственный аграрный университет (СтГАУ)	18,5	10	1,0	85

Источник^{1,2,3}

Северо-Кавказский федеральный университет предлагает широкий спектр образовательных программ в различных областях знаний, включая гуманитарные, естественные и социальные науки, технические и медицинские науки, экономику и менеджмент. Он выпускает высококвалифицированных специалистов, оснащенных не только теоретическими знаниями, но и практическими навыками, готовых к эффективной работе в различных отраслях и сферах деятельности.

Ставропольский государственный аграрный университет занимает важное место в развитии региональной экономики. Учебное заведение предлагает образовательные программы, связанные с сельским хозяйством, агробизнесом, пищевой промышленностью и другими аспектами аграрной отрасли.

Ставропольский государственный медицинский университет предлагает широкий спектр образовательных программ в области медицины, фармацевтики, стоматологии и связанных с ними специальностей. Организация обладает высококвалифицированным преподавательским составом, состоящим из опытных специалистов и ученых, что позволяет обеспечивать высокий уровень образования и подготовки студентов.

Особенностью сферы образовательных услуг Ставропольского края является подготовка квалифицированных кадров для сельскохозяйственной отрасли. Как известно, именно аграрная сфера сегодня занимает лидирующие позиции в общей структуре привлекательных отраслей для направления долгосрочных финансовых вложений, в том числе иностранных инвесторов. Это справедливо, поскольку сельское хозяйство активно поддерживается и со стороны государственных органов, оно быстро развивается и обеспечивает высокий уровень национальной безопасности государства. Именно сфера образовательных услуг региона формирует человеческие ресурсы, которые являются основой для развития территории. Рассмотрим ключевые характеристики данного ресурса.

В экономической системе Ставропольского края представление о человеческих ресурсах как о рабочей силе воплощено в виде совокупного работника, распределенного по многим отраслям и сферам хозяйственной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Структура занятости населения Ставропольского края по видам экономической деятельности

Показатели	2020 г., тыс. чел.	2021 г., тыс. чел.	2022 г., тыс. чел.
Всего занято в экономике	1 247,8	1 272,9	1 292,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	180,8	177,5	178,4
Добыча полезных ископаемых	3,9	4,0	4,2
обрабатывающие производства	131,8	131,9	133,2

¹ Ставропольский государственный аграрный университет. Режим доступа: <https://stgau.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

² Северо-Кавказский федеральный университет. Режим доступа: <https://ncfu.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

³ Ставропольский государственный медицинский университет. Режим доступа: <https://stgmu.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

Показатели	2020 г., тыс. чел.	2021 г., тыс. чел.	2022 г., тыс. чел.
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	28,2	27,3	27,2
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	15,9	16,5	16,4
Строительство	101,2	106,1	105,9
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	266,0	275,7	283,4
Гостиницы и рестораны	35,8	37,7	39,0
Транспортировка и хранение	86,7	90,4	95,8
Деятельность в области информации и связи	16,0	16,0	15,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	24,4	25,6	25,2
Образование	85,3	84,2	83,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	90,9	92,1	90,8
Другие виды деятельности	180,9	187,9	194,0

Составлено автором по материалам источника⁴

Оценивая результаты анализа, представленные в таблице, отметим, что занятость трудоспособного населения Ставропольского края после пандемии COVID-19 переместилась из сельского хозяйства в оптовую и розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов. Вместе с тем занятость в базовых сферах социальной экономики (здравоохранение и предоставление социальных услуг, образование) относительно снижается, что отражает негативную для края тенденцию. Продолжается перемещение труда в сферу гостиничного и ресторанного дела.

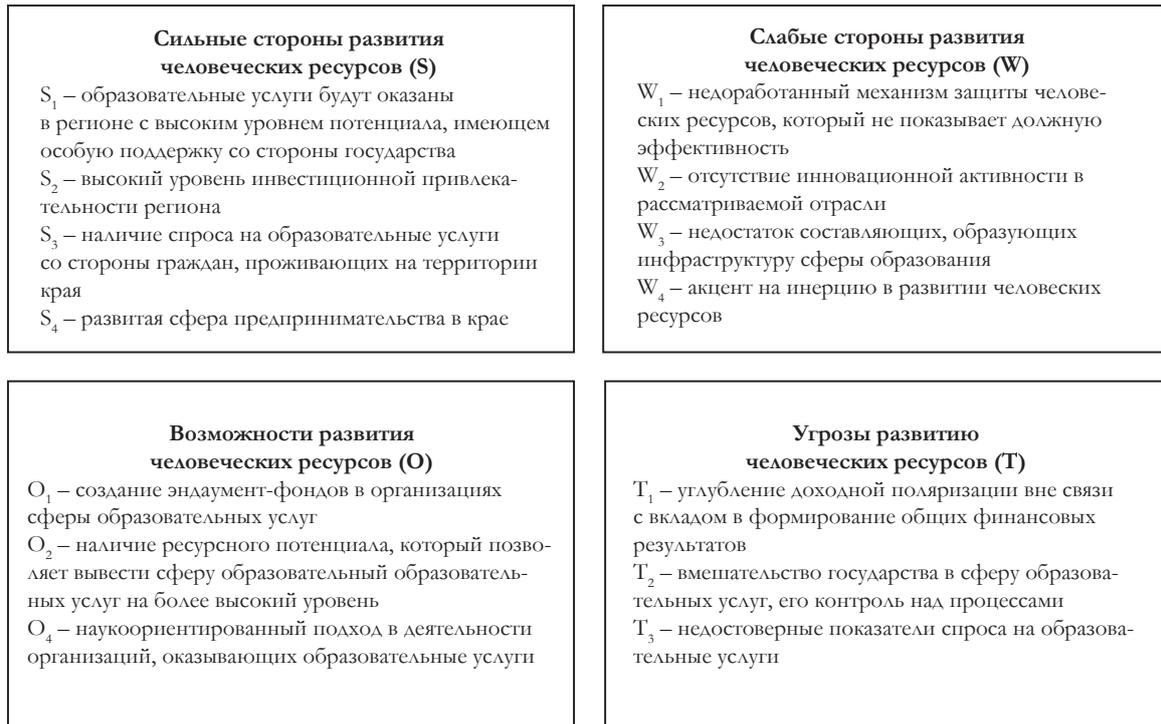
Правомерно сформулировать вывод о том, что структура совокупного работника региона не представляется прогрессивной – для нее характерны существенная инерция и преобладание трудового участия населения в торговле и аграрном секторе хозяйства. Динамика общей трудовой занятости, или динамика совокупного работника региона, представляется устойчивой.

Ставропольский край обладает значительным экономическим потенциалом, который можно использовать для обеспечения дальнейшего роста и развития региона. Кроме того, наличие квалифицированных и компетентных специалистов также играет важную роль в укреплении экономического потенциала региона. Для успешного развития потенциала региона необходимо иметь в составе сотрудников специалистов соответствующего профиля. Так, например, производственные секторы требуют специалистов высокого уровня квалификации для реализации научных и технических инноваций, улучшения технологических процессов, повышения производительности и сокращения затрат.

С учетом растущих потребностей экономики и стремительных изменений на мировом рынке кадровый потенциал региона остается ключевым фактором, который может способствовать укреплению позиций Ставропольского края в региональной экономике. Развитие высшего и среднего профессионального образования, наращивание программ дополнительного профессионального образования, университетско-индустриальных аналитических площадок и других способов будут способствовать увеличению квалифицированных специалистов, что стимулирует модернизацию региональной экономики.

Поскольку существует недостаток количественной информации, авторами был проведен SWOT-анализ ограничений развития человеческих ресурсов сферы образовательных услуг региона (рис. 2).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 25.04.2024).

Составлено авторами по материалам источника [6]

Рис. 2. SWOT-анализ ограничений развития человеческих ресурсов сферы образовательных услуг региона

Исходя из представленных данных, можно выделить сильные и слабые стороны, возможности, а также угрозы/ограничения дальнейшего развития образовательной сферы региона.

1. Отсутствие должного уровня финансирования мероприятий, направленных на повышение уровня развития человеческих ресурсов в рамках образовательных услуг, в связи с чем наблюдаются отрицательное влияние на развитие анализируемой сферы услуг, а также пробелы в работе государственных институтов, регулирующих данную сферу. Когда государство отходит от социальной экономики, а частный сектор не располагает достаточными ресурсами и стимулами для замещения государственных функций, возникает опасный вакуум, который заполняется нелегальными источниками доходов.

2. Отчуждение нелегальных источников дохода от общественных интересов в развитии образовательной сферы усугубляет функциональные, структурные и институциональные деформации в системе комплексной деятельности образования и иных отраслей национального хозяйства.

3. Деструктуризация и процессы оптимизации в системе образования оказывают негативное воздействие на развитие ее инновационного потенциала, соответственно, страдает наукоемкая сторона экономической системы государства.

4. Наличие кардинальных различий в государственной системе образования и частном бизнесе, из чего следуют низкий уровень развития системы образовательных услуг внутри региона и недостаточность мер, проводимых государством для развития данного сегмента рынка. Такой дисбаланс может означать наличие теневой конкуренции, когда субъекты рынка образовательных услуг соревнуются за бюджетное финансирование, однако при этом нет борьбы между государственными организациями и заведениями, управляемыми частными лицами. Помимо этого, присутствуют иные элементы квази конкуренции, такие как демпинг, формальность образования, упрощенный процесс сдачи испытаний и др.

5. Недостоверные показатели спроса на образовательные услуги, которые часто завышаются вследствие хаотичных изменений в отечественной системе образования [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Участие сферы образовательных услуг в процессе формирования кадрового потенциала региона актуализирует поиск инструментов развития человеческих ресурсов. Образование играет важнейшую роль в формировании кадрового потенциала региона, определяя его конкурентоспособность и устойчивое развитие.

На основе анализа было выявлено, что качество образования, его доступность и соответствие потребностям рынка труда непосредственно влияют на развитие экономики и социальной сферы Ставропольского края.

Важно отметить необходимость дальнейшего совершенствования образовательной системы региона с учетом современных вызовов и требований. Развитие информационных технологий, цифровизация образования, внедрение инновационных педагогических подходов и повышение качества подготовки педагогических кадров становятся приоритетными задачами.

С учетом полученных результатов можно утверждать, что для повышения качества человеческих ресурсов региона необходима разработка институциональных инструментов в сфере образовательных услуг. Правомерно акцентировать внимание на внедрении специализированного бюджета, средства которого будут направлены на обеспечение роста эффективности образовательных учреждений. Он будет иметь особый вид, согласно которому доходы и расходы будут тщательно обоснованы и сбалансированы. В основу данного бюджета ляжет анализ производственной функции, способствующей оказанию необходимых мер содействия наиболее важных факторов развития. К ним считается рациональным отнести человеческий капитал, новые технологии в научной среде, слияние науки и образования, а также других институтов.

Список литературы

1. *Озерова А.В., Ермоленко Н.Ю.* Анализ состояния системы образования России. В кн.: Экономика и управление в условиях современной России: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 28 февраля 2019 г. Краснодар: Российское энергетическое агентство Министерства энергетики Российской Федерации; 2019. С. 269–272.
2. *Костенькова Т.А.* Кадровый потенциал региона: сущность и основные факторы формирования. Экономика труда. 2019;3(6):1149–1158. <http://doi.org/10.18334/et.6.3.40946>
3. *Боровских Н.В., Кипервар Е.А.* Система профессионального образования как фактор развития кадрового потенциала: региональный аспект. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019;1(4):71–78. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-1-71-78>
4. *Морозова Е.А., Голубицкая Л.В., Кочнева О.П.* Кадровый потенциал региональной системы образования: понятие и подходы к оценке. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: политические, социологические и экономические науки. 2023;1(8):103–111. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-1-103-111>
5. *Симионеску М., Кривокопа Е., Фурсов В., Астахова Е.* Проблемы развития трудового потенциала регионов Российской Федерации с учетом их дифференциации. Terra Economicus. 2020;2(18):117–138. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-2-117-138>
6. *Никulina Ю.Н.* Особенности реализации региональной политики кадрового обеспечения экономики. В кн.: Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации: материалы Международной научно-практической конференции, Оренбург, 24–25 ноября 2021 г. Оренбург: ОГУ; 2021. С. 724–728.

References

1. *Ozerova A.V., Ermolenko N.Yu.* Analysis of the Russian education system state. In: Economics and management in modern Russia: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, February 28, 2019. Krasnodar: Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of the Russian Federation; 2019. Pp. 269–272. (In Russian).
2. *Kostenkova T.A.* Personnel potential of the region: essence and basic factors of formation. Ekonomika truda. 2019;3(6):1149–1158. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/et.6.3.40946>
3. *Borovskikh N.V., Kipervar E.A.* The system of vocational education as factor in development of human potential: regional aspect. Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity. 2019;1(4):71–78. (In Russian). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-1-71-78>
4. *Morozova E.A., Golubitskaya L.V., Kochneva O.P.* Staff potential of the regional education system: the concept and evaluation methods. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2023;1(8):103–111. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-1-103-111>
5. *Simionescu M., Krivokopa E., Fursov V., Astakhova E.* Labor capacity building in Russian regions: Effects of regional differentiation. Terra Economicus. 2020;2(18):117–138. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-2-117-138>
6. *Nikulina Yu.N.* Features of implementing regional policy of personnel support of economy. In: Development and interaction of the real and financial sectors of economy in the context of digital transformation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Orenburg, November 24–25, 2021. Orenburg: Orenburg State University; 2021. Pp. 724–728. (In Russian).

Проблемы российского рынка сжиженного природного газа в условиях санкционного давления и пути их решения

Лазник Анатолий Александрович¹

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики энергетики и промышленности
ORCID: 0009-0000-3087-3978, e-mail: laznikaa@gmail.com

Гордеева Татьяна Сергеевна²

Студент
ORCID: 0009-0008-5924-3513, e-mail: tsm082@yandex.ru

¹Московский энергетический институт, г. Москва, Россия

²Государственный университет управления, г. Москва, Россия

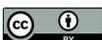
Аннотация

В настоящее время экспорт сжиженного природного газа является достаточно перспективной отраслью топливно-энергетического комплекса Российской Федерации. Транспортировка газа специальными газовозами позволяет поставлять ресурс независимо от трубопроводной системы. В последние годы роль рынка сжиженного природного газа является значимой для отечественной экономики. Данная отрасль не подверглась существенному ограничению экспорта со стороны других государств в отличие от экспорта трубопроводного газа. Однако в условиях введения санкций со стороны «недружественных» стран на поставки технологий и оборудования, необходимых для производства и транспортировки сжиженного газа, оказывается под угрозой не только развитие отрасли, но и реализация Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г. В особенности под угрозу попадает реализация крупных проектов на арктическом побережье страны. Все вышесказанное говорит об актуальности темы настоящего исследования, целями которой являются оценка отечественного рынка сжиженного природного газа в условиях введенных технологических ограничений, выявление возникших в результате сложившейся неблагоприятной ситуации ключевых проблем и определение направлений дальнейшего развития отрасли.

Ключевые слова

Сжиженный природный газ, экспорт, газозовозы, газовые турбины, санкции, импортозамещение, технологии и оборудование сжижения, «недружественные» страны, трубопровод

Для цитирования: Лазник А.А., Гордеева Т.С. Проблемы российского рынка сжиженного природного газа в условиях санкционного давления и пути их решения // Вестник университета. 2024. № 8. С. 63–68.

Issues of the Russian liquefied natural gas market in the context of sanctions pressure and ways to solve them

Anatoly A. Laznik¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Energy and Industry Economy Department
ORCID: 0009-0000-3087-3978, e-mail: laznikaa@gmail.com

Tatyana S. Gordeeva²

Student
ORCID: 0009-0008-5924-3513, e-mail: tsm082@yandex.ru

¹Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russia

²State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Liquefied natural gas export is currently a rather promising sector of the Russian fuel and energy complex. Gas transportation by special gas carriers makes it possible to supply the resource independently of the pipeline system. In recent years, the liquefied natural gas market role has been significant for the Russian economy. This industry has not been subject to significant export restrictions by other countries, unlike pipeline gas exports. However, under the conditions of sanctions imposed by “unfriendly” countries on the supply of technologies and equipment required for liquefied natural gas production and transportation, not only the industry development, but also implementation of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035 is threatened, especially major projects implementation on the Arctic coast of the country. All of the above speaks for the relevance of the study, the objectives of which are to assess the Russian market of liquefied natural gas in the context of the introduced technological restrictions, to identify the key problems arising as a result of this unfavorable situation and to determine the directions for the industry further development.

Keywords

Liquefied natural gas, export, gas carriers, gas turbines, sanctions, import substitution, liquefaction technologies and equipment, unfriendly countries, pipeline

For citation: Laznik A.A., Gordeeva T.S. (2024) Issues of the Russian liquefied natural gas market in the context of sanctions pressure and ways to solve them. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 63–68.

ВВЕДЕНИЕ

Технологические санкции, которые страны Европейского союза (далее – ЕС) ввели в отношении российского сектора сжиженного природного газа (далее – СПГ) после начала проведения специальной военной операции на территории Украины, резко сократили возможности для расширения отрасли и снизили вероятность того, что Российская Федерация (далее – РФ, Россия) сможет увеличить свою долю на мировом рынке СПГ. Также после введения пакета санкций 8 апреля 2022 г., направленного против энергетического сектора, экспорт в Россию продуктов и технологий, используемых при сжижении газа, был запрещен¹. Любая техническая, финансовая или логистическая помощь также была запрещена. Более того, цели РФ по производству данного энергетически значимого продукта формально не пересматривались, что означает, что сейчас их достижение существенно затруднено.

В свете политического решения Москвы сократить трубопроводные поставки природного газа в Европу сжиженный газ мог бы помочь России смягчить последствия сокращения экспорта энергоресурса до тех пор, пока не будут введены официальные ограничения на его импорт в ЕС. Это также могло бы гарантировать частичную зависимость европейских потребителей от российского газа. Однако жесткие ограничения на экспорт технологий в Россию значительно снизили вероятность того, что этот сценарий станет реальностью. Это связано с тем, что государству до сих пор удавалось устанавливать новые мощности по сжижению с использованием западных технологий, но, поскольку Россия в настоящее время потеряла доступ к ним, ей придется полагаться на отечественные решения для запуска новых заводов по производству СПГ, что представляет серьезную проблему. Западные санкции также вызвали проблемы с техническим обслуживанием объектов и эксплуатацией газозовов. Кроме того, оказывается трудным финансировать разработку отечественных технологий в условиях санкций – не в последнюю очередь из-за снижения доходов от нефтегазового сектора.

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА СПГ В 2023 Г.

В 2022 г. Россия была четвертым по величине экспортером СПГ в мире (около 8 % рынка) с объемом продаж около 33 млн т (46,3 млрд м³). В 2023 г. экспорт снизился на 1,9 % и составил 45,4 млрд м³². При этом по итогам 2023 г. доля объемов поставок СПГ в «недружественные» страны снизилась приблизительно на 6 %³. Такое небольшое снижение поставок говорит о том, что российский СПГ в отличие от газа, поставляемого по трубопроводам, продолжает беспрепятственно поступать в иностранные порты, в том числе в Европу. Хотя некоторые западные страны (Соединенные Штаты Америки, страны Балтии, Великобритания) ввели эмбарго на сжиженный газ из России, большинство стран ЕС пока ограничились рекомендацией не подписывать новые контракты. Стоит отметить, что такое снижение было в основном компенсировано ростом поставок СПГ в «дружественные» страны. По итогам 2023 г. рост доли поставок СПГ в данные государства составил около 6 % в сравнении с 2022 г.

Отечественная промышленность по производству СПГ развивается с конца 2000-х гг., когда был запущен первый экспортный завод «Сахалин-2», имеющий номинальную мощность 9,6 млн т в год, как совместное предприятие публичного акционерного общества (далее – ПАО) «Газпром» и японских компаний, значительная часть продукции которого направлялась в Японию [1]. Другим крупным заводом по производству СПГ является «Ямал СПГ», принадлежащий ПАО «Новатэк», проектной мощностью 17,4 млн т в год [2]. Сжиженный газ, частично предназначенный для экспорта, также производится на двух объектах среднего масштаба, расположенных в Балтийском море: контролируемом ПАО «Новатэк» предприятии «Криогаз-Высоцк», которое было введено в эксплуатацию в 2019 г. (660 тыс. т в год), и построенном ПАО «Газпром» заводе по производству СПГ «Портовая» (1,5 млн т в год), которое начало работу в сентябре 2022 г. Кроме того, в России насчитывается около 20 небольших заводов, которые производят в общей сложности около 300 тыс. т СПГ в год. Однако производимое ими топливо преимущественно предназначено для внутренних потребителей, и его значение в структуре экспорта невелико.

Говоря о российской промышленности по производству СПГ, стоит обратить внимание на проекты, направленные на крупнотоннажное производство СПГ, над которыми ПАО «Новатэк» уже активно

¹ Министерство экономического развития Российской Федерации. Информация о санкциях в отношении Российской Федерации. Режим доступа: <https://clck.ru/3CZJ6c> (дата обращения: 28.04.2024).

² SHELL. LNG Outlook 2023. Режим доступа: <https://clck.ru/3CZJ3i> (дата обращения: 28.04.2024).

³ Россия в 2023 году снизила экспорт трубопроводного газа на 29,9 %. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/19912925> (дата обращения: 28.04.2024).

ведет работу. В качестве примера можно привести крупный проект «Арктик СПГ 2». Данный завод начал свою работу на береговом газоконденсатном месторождении «Утреннее», расположенном на полуострове Гыдан. Он предполагает разработку вышеуказанного месторождения и строительство завода по сжижению природного газа. Завод расположен за полярным кругом, является вторым крупномасштабным проектом ПАО «Новатэк» и имеет решающее значение для достижения увеличения производства СПГ.

Экспорт энергоресурса, произведенного на «Арктик СПГ 2» может увеличить общий объем поставок, поскольку мир – и Европа в частности – становится все более зависим от переохлажденного топлива для удовлетворения своих энергетических потребностей. Европа по-прежнему импортирует значительные объемы российского СПГ, даже несмотря на то что поставки по трубопроводам в значительной степени прекратились. «Арктик СПГ 2» будет состоять из трех производственных линий, которые смогут производить в общей сложности 19,8 млн т в год. Ожидается, что первая линия выйдет на полную проектную мощность в 6,6 млн т в 2024 г., в то время как запуск второй и третьей производственных линий ожидается в 2024 г. и 2026 г. соответственно.

Также ведется разработка таких проектов, как «Балтик-СПГ» и «Мурманск-СПГ». Строительство «Балтик-СПГ» началось в 2021 г. в районе порта «Усть-Луга». Проектная мощность по производству СПГ на данном заводе составляет 13 млн т СПГ в год. [3] Планируется, что он станет крупнейшим по объему переработки газа в России и по объему производства СПГ в Северо-Западной Европе. Строительство завода «Мурманск СПГ» еще не началось, однако ПАО «Новатэк» в 2023 г. зарегистрировало компанию «Мурманск СПГ». Строительство первой линии завода проектной мощностью 6,8 млн т в год планируется начать в 2024 г.⁴

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО РЫНКА СПГ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Руководством РФ развитие сектора СПГ рассматривается как возможность стать независимыми от инфраструктурных и политических ограничений на транспортировку газа по трубопроводам. В условиях снижения поставок природного газа по трубопроводам в страны ЕС из-за введенных ограничений необходимость расширения экспортных мощностей России по производству СПГ кажется еще более актуальной. Следовательно, проблемы, с которыми сталкивается сектор, негативно влияют на будущее экспорта российского газа в целом.

Последовательные шаги по ужесточению режима западных санкций в отношении российского сектора СПГ усугубляют проблемы, с которыми он сталкивается, что ставит под угрозу его дальнейшее развитие. Технологическое эмбарго и другие ограничения привели к задержкам в строительстве новых установок по сжижению и множеству проблем, связанных с логистикой и финансированием. Санкции также приводят к дополнительным расходам государства и сокращению его доходов от продажи газа.

Фактического расширения российских мощностей по сжижению и последовательного увеличения экспорта СПГ будет нелегко достичь из-за технологической отсталости отечественных систем. Текущая зависимость сектора от западных является основной проблемой, о чем свидетельствуют действующие в настоящее время в России установки по сжижению. Все работающие производственные линии основаны на западных технологиях, которые непросто заменить отечественным оборудованием или оборудованием, произведенным не в странах Большой семерки (G7). Установка, действующая на заводе «Ямал СПГ», является исключением: хотя в ней действительно используются технологические решения российского производства, она по-прежнему в значительной степени зависит от импортных компонентов.

Чтобы повысить эффективность санкционного режима, западные лица, принимающие решения, обращали внимание на технологическую отсталость России и специфику ее рынка. Отключение России от западных технологий замедлило темпы работ по увеличению мощностей крупномасштабных предприятий по сжижению природного газа. Например, отечественным компаниям не удалось достичь всех поставленных целей, которые включали план по выходу на производственную мощность в 46–65 млн т СПГ в год к концу 2024 г., в то время как текущая фактическая номинальная мощность составляет около 35 млн т в год (в том числе первая линия «Арктик СПГ», которая была запущена в конце 2023 г. не на полную мощность).

Технологическое эмбарго вынудило российских производителей СПГ перенести сроки ввода в эксплуатацию установок по сжижению. Фактически это может быть равносильно отказу от строительства

⁴ НОВАТЭК зарегистрировал компанию Мурманск СПГ. Режим доступа: <https://clck.ru/3CZJfx> (дата обращения: 28.04.2024).

некоторых из них. ПАО «Газпром» совместно с акционерным обществом «РусГазДобыча» объявили о своем решении перенести запуск эксплуатации первой нитки «Балтик СПГ» с 2023 г. на 2026 г.⁵ Даже это кажется оптимистичным сценарием. Такое решение было мотивировано выходом из проекта немецкой компании «Linde», которая выступала одновременно в качестве генерального подрядчика и поставщика технологий.

Более того, из-за запрета на сотрудничество с западными компаниями Россия сталкивается с инфраструктурными и логистическими препятствиями, которые вынудили их изменить свои концепции для этих установок. Проект «Мурманск СПГ» сталкивается с последствиями технологического эмбарго, введенного против России и как таковой является лучшим примером подобной ситуации. Из-за отсутствия газовых турбин западного производства установка будет питаться электроэнергией, поступающей непосредственно с электростанции. Также предпосылки этого проекта способствовали возникновению конфликта между ПАО «Новатэк» и ПАО «Газпром» по различным вопросам, включая решение о том, какая компания должна финансировать строительство трубопровода, ведущего к установке.

Еще одна проблема связана с газовозами, которые транспортируют продукцию сектора. Из-за санкций западные верфи и компании, занимающиеся поставкой специальных компонентов для этих судов, прекратили сотрудничество с Россией или разорвали свои контракты. Таким образом, даже в случае ввода в эксплуатацию новых мощностей по производству СПГ их производство может быть намеренно сокращено из-за ограниченных возможностей транспортировки сжиженного СПГ.

НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ СПГ

В соответствии с предположениями российского руководства ожидается, что отечественные компании заменят западных подрядчиков в области технологий. На данный момент ПАО «Новатэк», которое является крупнейшим российским экспортером СПГ, запатентовало две технологии сжижения, одна из которых уже внедрена (однако информация о степени зависимости от компонентов российского производства на данный момент отсутствует) – «Арктический каскад» [4]. Данная технология среднетоннажного сжижения была применена на заводе «Ямал-СПГ» в 2021 г. Стоит отметить, что мощность линии по сжижению, использующей эту технологию, составляет всего 950 тыс. т СПГ в год.

Вторая технология, которая была разработана и запатентована ПАО «Новатэк» в 2023 г, называется «Арктический микс», ее проектная мощность составляет более 6 млн т СПГ в год. Ее применение планируется в рамках строительства СПГ-завода в Мурманской области мощностью 20,4 млн т в год [5]⁶. Это говорит о том, что российские газовые компании стремятся обрести независимость от импортных технологий и оборудования сжижения газа. Однако стоит отметить, что планы строительства объектов, полностью полагающихся на отечественные технологии, все еще находятся на стадии проектирования.

Говоря о перспективах развития производства газовых турбин в области СПГ, стоит обратить внимание на возможность производства данного оборудования российскими производителями. В ближайшие несколько лет планируется замена оборудования от Mitsubishi Heavy Industries на заводе по производству СПГ в Усть-Луге на отечественные газовые турбины ГТД-110М. Однако при такой замене необходимо учитывать, что данные турбины менее маневренные, чем японские. Учитывая данные обстоятельства, государству и российским газовым компаниям стоит акцентировать внимание на разработке мощного отечественного газотурбинного оборудования, увеличить финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в данном направлении.

Упомянув о газовозах для транспортировки СПГ, необходимо отметить, что сфера транспортировки СПГ является наиболее зависимой от иностранного судостроения. Учитывая факт отказа поставок газовозов со стороны других государств и растущую потребность в данных судах в России, проблема является существенной. По последним оценкам Министерства промышленности и торговли РФ, для будущих российских СПГ-проектов необходимо 75 газовозов.⁷ На данный момент завод «Звезда» уже заявил о готовности поставить 15 газовозов ПАО «Новатэк», но этого недостаточно. В связи с этим российским

⁵ Запуск завода по сжижению газа в Усть-Луге сдвинули на конец 2026 г. Режим доступа: <https://spb.vedomosti.ru/economics/articles/2023/08/02/988127-zapusk-zavoda-po-szhizheniyu-gaza> (дата обращения: 28.04.2024).

⁶ LNG production in Russia should grow 4 times by 2035. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/industry/energy_future/articles/2023/09/11/994392-proizvodstvo-spg-v-rossii-dolzno-virasti (дата обращения: 28.04.2024).

⁷ Нефтегазовая промышленность. Танкеры и газовозы: как формируют отечественный нефтегазовый флот. Режим доступа: <https://nprom.online/trends/tankyeri-ee-gazovozi-budyet-lee-u-rosseeee-svoiyi-flot/> (дата обращения: 28.04.2024).

газовым и судостроительным компаниям необходимо акцентировать внимание на строительстве данного вида судов. При планируемом росте производства СПГ в стране спрос на газозовы для транспортировки данного продукта будет только расти. Стоит отметить, что разработкой крупных отечественных газозовов уже начали заниматься в государственной корпорации «Росатом». Она планирует выпустить отечественный газозов, который сможет перевозить до 170 тыс. м³ СПГ. Если в ближайшие годы руководству удастся преодолеть трудности с наличием комплектующих для данного проекта, производство таких газозовов поспособствует осуществлению масштабной транспортировки СПГ до потребителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На ближайшие годы главной целью отечественных компаний в отрасли СПГ является обретение технологической независимости. Они, как и многие другие компании топливно-энергетического комплекса, из-за большого количества введенных санкционных ограничений со стороны множества государств столкнулись с проблемой возможности замещения импортного оборудования на отечественное. У российских компаний уже существуют собственные технологии сжижения природного газа (например, «Арктический каскад» и «Арктический микс»).

Однако отечественные технологии по производству газовых турбин и газозовов для транспортировки СПГ нуждаются в существенных финансировании и разработке. На данный момент газовые турбины по техническим характеристикам отстают от импортных, что в перспективе негативно скажется на скорости и объемах производства СПГ. Учитывая стратегию развития российского рынка СПГ и динамику поставок данного продукта, спрос на него будет увеличиваться. Следовательно, будет расти и спрос на газозовы. Учитывая это обстоятельство, отечественным компаниям необходимо активно развивать технологии и увеличивать объемы строительства этого вида судов. Стоит отметить, что наращивание выпуска СПГ в условиях отсутствия ограничения на экспорт данного ресурса в другие государства должно стать очередным «национальным проектом», ведь только в этом случае Россия в среднесрочной перспективе сохранит значимое присутствие на мировом газовом рынке.

Список литературы

1. Гафаров Т.Н., Облеков Р.Г., Троянов К.В., Пенязь Р.И., Пантелеев Д.В., Ю Л.А., Кириченко С.В., Царенко А.В., Дарищев А.Ю., Домбровский С.Е. Интегрированное моделирование и долгосрочное планирование добычи, производства и реализации углеводородов проекта «Сахалин-2». Газовая промышленность. 2023;7:32–36.
2. Вареничев А.А., Громова М.П., Потанов И.И. Сжиженный природный газ (СПГ) – драйвер развития российской Арктики. Обзор. Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2024;1:19–27.
3. Саушев А.В., Кузьменко Р.И., Рогачев Э.Е., Ткаченко О.В., Фалев Ю.А., Крюков О.В. Расширение производства сжиженного природного газа в России. Автоматизация и ИТ в нефтегазовой области. 2023;1:47–59.
4. Баранов А.Ю., Соколова Е.В., Иванов Л.В., Иконникова А.Ю. Перспективы развития технологий СПГ в Российской Федерации. Вестник Международной академии холода. 2023;1:23–34.
5. Платонов В.И., Че В.С., Гулков А.Н., Минакова П.С. Расширение российских технологий крупнотоннажного производства сжиженного природного газа. Международный журнал информационных технологий и энергоэффективности. 2023;8:62–66.

References

1. Gafarov T.N., Oblekov R.G., Troyanov K.V., Penyazh R.I., Pantelev D.V., Yu L.A., Kirichenko S.V., Tsarenko A.V., Radishchev A.Yu. Integrated modeling and long-term planning of hydroproduction, and sales at Sakhalin-2 project. Gas Industry. 2023;7:32–36. (In Russian).
2. Varenichev A.A., Gromova M.P., Potanov I.I. Liquefied natural gas (LNG) is a driver of the Russian Arctic development. Review. Environmental and Natural Resources Issues. 2024;1:19–27. (In Russian).
3. Saushev A.V., Kuzmenko R.I., Rogachev E.E., Tkachenko O.V., Falev Yu.A., Kryukov O.V. Expansion of liquefied natural gas production in Russia. Automation and IT in the oil and gas industry. 2023;1:47–59. (In Russian).
4. Baranov A.Yu., Sokolova E.V., Ivanov L.V., Ikonnikova A.Yu. Prospects for LNG technologies development in the Russian Federation. Journal of International Academy of Refrigeration. 2023;1:23–34. (In Russian).
5. Platonov V.I., Che V.S., Gudkov A.N., Minakova P.S. The expansion of Russian technologies for liquefied natural gas large tonnage production. International Journal of Information Technology and Energy Efficiency. 2023;8:62–66. (In Russian).

Особенности и перспективы развития российского гражданского авиастроения в условиях санкционного давления со стороны стран Запада

Лапушкин Виктор Валерьевич

Аспирант

ORCID: 0009-0001-9266-2970, e-mail: lapushkin.viktor99@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

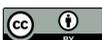
Аннотация

Рассмотрены специфика и перспективы развития российского гражданского авиапрома в условиях санкционного давления со стороны западных стран. Исследование базируется на анализе вторичных данных из открытых источников. Основные положения и выводы работы заключаются в следующем. Соединенные Штаты Америки и их европейские сателлиты ввели комплексные санкции против российских авиаперевозчиков, в том числе запрет на поставки авиатехники. Лизингодатели, в собственности которых находились зарубежные самолеты, выдвинули требования по их возврату, а зарубежные регистраторы приостановили действие сертификатов летной годности на отечественные самолеты. Санкции западных стран против российских авиакомпаний нанесли значительный ущерб Российской Федерации, но при этом стали серьезным стимулом развития отечественной авиационной промышленности. Для решения возникших проблем потребуются значительное время и инвестиции. Российская Федерация обладает необходимым потенциалом для того, чтобы восстановить авиастроение и обеспечить безопасные перевозки пассажиров и грузов в требуемом объеме. В настоящее время в стране ведется системная работа по возрождению авиапрома – внедряются передовые разработки и налаживается серийное производство широкой номенклатуры гражданских самолетов. Успех развития отечественной авиационной промышленности зависит преимущественно от усилий государства, так как в его руках сконцентрированы почти все производственные и конструкторские мощности. Кроме того, необходимы действенные меры по воздействию на отрасль авиаперевозок для балансировки спроса и предложения на воздушные суда.

Ключевые слова

Авиационная промышленность, авиаперевозки, воздушные суда, гражданское авиастроение, Россия, санкции, дотации, импортозамещение

Для цитирования: Лапушкин В.В. Особенности и перспективы развития российского гражданского авиастроения в условиях санкционного давления со стороны стран Запада // Вестник университета. 2024. № 8. С. 69–76.

Features and prospects of the Russian civil aircraft industry development under sanctions pressure from Western countries

Viktor V. Lapushkin

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0001-9266-2970, e-mail: lapushkin.viktor99@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract

The specifics and prospects of development of the Russian civil aircraft industry under sanctions pressure from Western countries have been considered. The study analyzes secondary data from open sources. The main provisions and conclusions of the work are as follows. The United States of America and its European satellites have imposed comprehensive sanctions against Russian air carriers, including a ban on aircraft deliveries. Lessors who owned foreign airplanes made demands for their return, and foreign registrars suspended airworthiness certificates for domestic airplanes. Western sanctions against Russian airlines have caused significant damage to Russia, but have also become a serious stimulus for the domestic aviation industry development. Significant time and investment will be required to resolve the problems encountered. Russia has the necessary potential to restore the aviation industry and ensure safe passenger and cargo transportation in the required volume. The country is currently working systematically to revitalize the industry, implementing advanced developments and establishing serial production of a wide range of civil aircraft. The success of the domestic aviation industry development depends mainly on the state's efforts, as it has the access to almost all production and design capacities. In addition, effective measures are needed to influence the air transportation industry in order to balance the supply and demand for aircraft.

Keywords

Aviation industry, air transportation, aircraft, civil aviation, Russia, sanctions, subsidies, import substitution

Для цитирования: Lapushkin V.V. Features and prospects of the Russian civil aircraft industry development under sanctions pressure from Western countries//Вестник университета. 2024. № 8. С. 69–76.

ВВЕДЕНИЕ

Масштабное санкционное давление стран Запада на Российскую Федерацию (далее – РФ, Россия) началось в 2014 г., после присоединения Крыма. Санкции направлены как на отдельных должностных лиц, так и на предприятия и целые отрасли. В последние 10 лет Россия постепенно адаптировалась к новым условиям. Однако после начала проведения специальной военной операции на территории Украины в феврале 2022 г. экономическое и политическое давление Соединенных Штатов Америки (далее – США) и их сателлитов на РФ резко усилилось, последовательно были введены несколько пакетов санкций. На текущий момент против страны действуют более 18 тыс. ограничений¹.

Под удар попали прежде всего отрасли, имеющие стратегическое значение для России. К их числу относятся авиаперевозки и авиационная промышленность. Западные страны ввели запрет на пролет российских воздушных судов над своей территорией, поставки в РФ самолетов и запасных частей к ним, арестовали борта, находящиеся в лизинге, ввели санкции против отечественных авиастроительных предприятий.

Санкционное давление на авиационный сектор принесло множество проблем. Ситуация усугубляется тем, что отечественный воздушный транспорт в значительной степени зависим от западных стран: в парках авиакомпаний преобладают самолеты европейского и американского производства, а собственное гражданское авиастроение за десятилетия, прошедшие после развала Советского Союза, сильно деградировало.

В последние годы принимаются комплексные меры по возрождению авиастроительной отрасли: ведутся разработка и модернизация воздушных судов различных типов, инвестируются значительные средства в организацию и расширение производства. Тем не менее на фоне эскалации санкционного кризиса требуется многократное ускорение процессов возрождения авиапрома.

Цель настоящей работы – исследовать специфику развития российской авиационной промышленности в условиях санкций, выявить основные проблемы и оценить перспективы отрасли.

САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА РОССИЙСКИЙ РЫНОК ПАССАЖИРСКИХ АВИАПЕРЕВОЗОК КАК СТИМУЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО АВИАСТРОЕНИЯ

В свете значительных кризисов, вызванных пандемией COVID-19 и введением санкций, возникает необходимость в анализе существующей ситуации в гражданской авиации России. В статье А.А.О. Дунымалиева освещены предложенные государственные меры поддержки и взаимодействия, направленные на обеспечение стабильности и развития данной отрасли, а также рассмотрены потенциальные стратегии и перспективы развития авиационных предприятий в условиях сложившихся вызовов [1]. И.В. Базикова писала о состоянии и перспективах развития российского экспорта гражданской авиационной техники [2]. М.В. Карпова и соавторы освещают трансформации авиационной отрасли в контексте санкций против России с 2014 г. и новой волны ограничений в 2022 г., а также влияние пандемии COVID-19 на ее функционирование [3]. А.А. Бычкова занималась имитационным моделированием рисков авиаперевозки в результате воздействий санкционных ограничений на государство [4].

Санкции «недружественных» стран против отечественного сектора гражданской авиации носят комплексный характер². После начала проведения специальной военной операции на территории Украины США и их европейские сателлиты ввели запрет на поставки авиатехники российским перевозчикам. Лизингодатели, в собственности которых находились зарубежные самолеты, выдвинули требования по их возврату. В результате Россия лишилась 76 пассажирских воздушных судов³. Она предпринимала попытки достичь соглашений с лизингодателями, однако эти усилия не дали результатов.

Большинство отечественных воздушных судов были зарегистрированы за рубежом – преимущественно на Бермудских островах и в Ирландии. Контроль состояния авиационной техники осуществлялся там же. После введения санкций в 2022 г. регистраторы приостановили действие сертификатов летной годности

¹Против России ввели уже почти 19 тысяч санкций, заявил Володин. Режим доступа: <https://ria.ru/20231219/sanktsii-1916633315.html> (дата обращения: 22.05.2024).

²Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 22.05.2024).

³Кагалтынов Э. Глава Минтранса: Россия из-за санкций потеряла 76 пассажирских самолетов. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6363805> (дата обращения: 22.05.2024).

на российские самолеты, аргументируя это тем, что в новых условиях они не могут осуществлять полноценный контроль состояния судов для обеспечения безопасности полетов. В качестве ответной меры Россия заморозила соглашения с Бермудами по контролю состояния воздушных судов и возложила эту функцию на Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиацию). Кроме того, была подготовлена нормативно-правовая база для передачи авиатехники в национальный реестр⁴.

После введения властями США и европейских стран запретов на пролеты российских самолетов над их территорией количество открытых зарубежных маршрутов отечественных авиакомпаний значительно уменьшилось. Часть высвободившихся воздушных судов российские перевозчики стали использовать в качестве доноров запасных частей. Это дало возможность получить определенный временной лаг для системного решения проблемы снабжения ремонтных мощностей запчастями за счет использования механизмов параллельного импорта через «дружественные» и нейтральные страны (Китай, Индия, страны Евразийского экономического союза и т.д.), а также за счет собственного производства.

Следует отметить, что многие российские компании, специализирующиеся на ремонте воздушных судов, а также соответствующие подразделения авиакомпаний имеют серьезную производственную базу, которая была сформирована еще в советское время, а затем модернизирована. Имеется возможность производства широкой номенклатуры запасных частей для американской и европейской авиатехники, и в настоящее время ведется работа по расширению производственных возможностей⁵. При этом активно перенимается опыт стран, уже попадавших в аналогичную ситуацию, в частности Ирана.

В последние десятилетия Россия попала в полную зависимость от поставок зарубежных воздушных судов и запасных частей к ним. Например, только за период с 2015 г. по 2020 г. отечественные авиаперевозчики закупили примерно 600 зарубежных самолетов и около 50 российских. На 93 % зарубежных воздушных судов приходится почти весь пассажирский авиатрафик страны. При этом Boeing и Airbus занимают около 60 % российского рынка. Суда этих производителей составляют основу авиапарка крупнейших российских перевозчиков («Аэрофлот», S7, UTair) и доминируют на средне- и дальнемагистральных рейсах⁶. Также на отечественном рынке представлены самолеты Bombardier (Канада), Embraer (Бразилия), ATR (Италия-Франция). Единственная авиакомпания, основу парка которой составляют отечественные суда (SSJ-100 и Tu-204), – Red Wings⁷.

Согласно статистике, приведенной в Транспортной стратегии Российской Федерации (далее – Стратегия), в 2022 г. у отечественных авиаперевозчиков находились в эксплуатации примерно 1,3 тыс. самолетов и 2,27 тыс. вертолетов⁸. Среди них самолетов иностранного производства было 824 ед. (64 %), вертолетов – 1,459 тыс. ед. (36 %).

В Стратегии указано, что к 2030 г. российским авиаперевозчикам потребуется около 700 новых самолетов и 438 вертолетов. Прогнозы авторов документа основаны на данных о потенциальном росте объема перевозок, а также на данных о необходимости замены более чем 800 летательных аппаратов иностранного производства, которые предстоит вывести из эксплуатации в связи с износом. Для обеспечения компаний авиатехникой планируется сформировать конкурентное предложение магистральных и региональных судов отечественного производства.

РАБОТА РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО АВИАПРОМА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Санкции западных стран против российских авиакомпаний нанесли значительный ущерб государству, но при этом стали серьезным стимулом развития отечественной авиационной промышленности⁹. Для решения возникших проблем потребуются значительное время и инвестиции. Россия обладает необходимым потенциалом для того, чтобы восстановить авиастроение и обеспечить безопасные перевозки пассажиров и грузов в требуемом объеме.

⁴Российская авиация включила режим облета санкций. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/876493> (дата обращения: 22.05.2024).

⁵Левинский А. В каком состоянии российский авиапарк. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/468749-s-nerabotausim-sortirom-nikto-ne-poletit-v-kakom-sostoanii-rossijskij-aviapark> (дата обращения: 22.05.2024).

⁶Ашуров И. «Сохранили отрасль»: как авиация пережила санкции и на чем сейчас летают россияне. Режим доступа: <https://vm.ru/society/1035590-sohranili-otrasl-kak-aviaciya-perezhlila-sankcii-i-na-chem-sejchas-letayut-rossiyane> (дата обращения: 22.05.2024).

⁷Там же.

⁸Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. Режим доступа: <https://rosavtodor.gov.ru/docs/transportnaya-strategiya-rf-na-period-do-2030-goda-s-prognozom-na-period-do-2035-goda> (дата обращения: 22.05.2024).

⁹Соловьева О. Новые санкции приземлят российские самолеты. Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2022-02-26/100_econ26022022_1.html (дата обращения: 22.05.2024).

США и их сателлиты ввели санкции не только против российских авиаперевозчиков, но и против компаний авиационной промышленности. В частности, в санкционные списки были внесены «Ростех» и входящие в него «Объединенная авиастроительная корпорация» (далее – ОАК), «Объединенная двигателестроительная корпорация» (ОДК), «Иркут» (в настоящее время «Яковлев»), «Вертолеты России», «Сухой». Этим компаниям запрещено привлекать капиталы на западных финансовых рынках, а также закупать оборудование и комплектующие в США и странах Европейского союза.

Санкционное давление на отечественный авиапром началось уже после 2014 г. (присоединение Крыма к РФ). Так, в 2018 г. США ввели санкции против компании «Аэрокомпозит», производящей композитное крыло для самолета МС-21, что стало причиной задержки сертификации лайнера на два года (это время потребовалось для импортозамещения)¹⁰. После февраля 2022 г. секционное давление на российскую авиационную промышленность приобрело системный характер.

Санкции нанесли серьезный ущерб отечественному авиапрому, учитывая его глубокую международную кооперацию. Особенно это коснулось производства регионального лайнера Sukhoi Superjet-100 (SSJ-100). Комплектующие для этого самолета поставляли Liebherr (Германия), Thales (Франция), Honeywell и Hamilton Sundstrand (США). Двигатели для авиалайнера (SaM146) производились в Рыбинске на совместном предприятии Safran-PowerJet (Франция) и «ОДК Сатурн»¹¹. Весной 2022 г. компания остановила поставки комплектующих для двигателя и отказалась осуществлять техническую поддержку и ремонт. В сложившихся условиях данная функция возложена на «ОДК-Сатурн». За последние годы создан значительный запас запчастей, который позволит обслуживать SSJ-100 в течение продолжительного времени.

Подробнее вопрос об импортозависимости российской гражданской авиационной промышленности изучал Е.А. Капогузов [5]. К настоящему времени уже сертифицирована импортозамещенная версия самолета Sukhoi Superjet (SJ-100), которая оснащается отечественными двигателями ПД-8, авионикой и другими системами. В планах на ближайшие годы – выпуск исключительно этой версии. Производство осуществляется на авиазаводе в Комсомольске-на-Амуре.

Значительную роль в импортозамещении в гражданской авиации должен сыграть среднемагистральный лайнер МС-21 вместимостью от 163 до 211 пассажиров. В его основу легли еще советские разработки (проект «Як-242»). Этот самолет выпускается в Иркутске, и в настоящее время идет подготовка к серийному производству¹². Для выхода на масштабное серийное производство МС-21 потребуется некоторое время, поэтому уже в ближайшие годы проблему дефицита среднемагистральных самолетов планируется решить за счет производства Ту-214 (вместимость до 210 пассажиров). Этот лайнер выпускается на Казанском авиазаводе. Он представляет модификацию классической модели Ту-204, разработанной в конце 1980-х гг. для замены на линиях морально устаревшего Ту-154 и производящейся также в Казани (с 1996 г.).

Ту-204 используются преимущественно государственными специальными заказчиками (специальный летный отряд «Россия», спецслужбы и т.д.). Однако несколько экземпляров работают на регулярных рейсах в парках отечественных авиакомпаний, например, Red Wings. Ранее их закупала компания «Трансаэро». Данный самолет по своим техническим, эксплуатационным и экономическим параметрам является аналогом Airbus A-321 и Boeing-757. Ту-204 в свое время не пошел в массовую серию, что было связано с ориентацией отечественных авиакомпаний на закупку импортных самолетов, а также с приоритетностью проекта Sukhoi Superjet. По информации Объединенной авиастроительной корпорации, он оснащен полностью российскими системами и независим от импорта, соответствует высоким стандартам качества и безопасности¹³.

Следует отметить, что за первое десятилетие существования ОАК были фактически заморожены проекты Ил-96-300 и Ту-334. В настоящее время серийно производится только SSJ-100, а Ил-96-300 – в единичных экземплярах, хотя еще в 2015 г. руководством ОАК официально было озвучено намерение выпускать этот самолет серийно. Тем не менее на текущий момент эти авиалайнеры находятся только в эксплуатации у специального летного отряда «Россия» (11 бортов) и кубинской авиакомпании Cubana

¹⁰Соловьева О. Новые санкции приземлят российские самолеты. Независимая газета. 26.02.2022 https://www.ng.ru/economics/2022-02-26/100_есоп26022022_1.html (дата обращения: 22.05.2024).

¹¹Кагалынов Э. Глава Минтранса: Россия из-за санкций потеряла 76 пассажирских самолетов. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6363805> (дата обращения: 22.05.2024).

¹²Гусаров Р. Без Boeing и Airbus: Как могут повлиять санкции на гражданскую авиацию России. Режим доступа: <https://tass.ru/opinions/13962951> (дата обращения: 22.05.2024).

¹³Рошупкина Е., Зайнуллина Э. Вместо «Боингов» и «Эйрбасов»: Казань получит заказ на 40 гражданских Ту-214. Режим доступа: <https://www.tatarinform.ru/news/aviatrasl-nacelilas-na-perevooruzenie-kazan-polucit-vesomyi-zakaz-na-grazdanskie-tu-5878957> (дата обращения: 22.05.2024).

de Aviación (три борта). Некоторое время один Ил-96-300 использовался на рейсах в «Аэрофлоте», однако впоследствии был выведен из эксплуатации¹⁴.

Также заслуживает внимания совместный российско-китайский проект разработки и производства широкофюзеляжного дальнемагистрального лайнера CR929. Он является долгосрочным (его планируется реализовать к 2045 г.) и в настоящее время не стоит в приоритете для отечественной авиационной промышленности. Следует учитывать, что данный проект планировалось реализовывать в условиях глубокой кооперации с западными производителями комплектующих. В частности, на CR929 планировалось устанавливать двигатели Rolls-Royce или General Electric¹⁵.

На текущий момент готовится серийное производство регионального самолета ИЛ 114-300. По своим техническим характеристикам он не сможет полноценно заменить SJ-100, однако рыночная ниша для него имеется.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ

Несмотря на санкционную войну, российский авиапром динамично развивается. Правительство РФ утвердило программу развития отрасли, в рамках которой к 2030 г. доля отечественных самолетов в парке российских авиакомпаний должна вырасти с текущих 33 до 81 %. Всего за это время планируется поставить перевозчикам 1,036 тыс. воздушных судов (таблица)¹⁶. Общий бюджет программы превышает 400 млрд руб.

Таблица

Фактические и прогнозные данные по объемам поставок воздушных судов отечественного производства в российские авиакомпании

Тип самолета	Вместимость, чел.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2027 г.	2028 г.	2029 г.	2030 г.	Всего, ед.
SSJ-NEW (SJ-100)	98–103	–	2	20	20	20	20	20	20	20	142
МС-21-310	181–211	–	–	6	12	22	36	50	72	72	270
ИЛ-114-300	64–68	–	–	2	8	12	12	12	12	12	70
Ту-214	150–215	–	3	7	10	10	10	10	10	10	70
Ил-96-300	237–300	–	–	–	2	2	2	2	2	2	12
ТВРС-44 «Ладога»	44	–	–	–	15	25	25	25	25	25	140
L-410	15–19	18	20	20	20	20	20	20	20	20	178
«Байкал» (ЛМС-901)	9	–	–	14	15	25	25	25	25	25	154
Итого	–	15	25	69	102	136	150	164	186	186	1 036

Источник¹⁷

Геополитическое противостояние с Западом внесло свои коррективы в планы России по проекту производства лайнера МС-21. Изначально планировалось оснащать этот самолет как отечественными двигателями ПД-14, так и американскими Pratt&Whitney. ОАК намеревалась поставить первую партию из четырех лайнеров с зарубежными двигателями до начала 2023 г., покупатель – авиакомпания «Россия». В связи с изменившимися обстоятельствами сроки производства первой партии были сдвинуты

¹⁴В России возобудят серийное производство Ил-96. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/11/07/il96-anons.html> (дата обращения: 22.05.2024).

¹⁵Величко А. Кто будет играть первую скрипку в проекте ШФДМС. Режим доступа: <https://aviation21.ru/kto-budet-igrat-pervuyu-skripku-v-proekte-shfdms/> (дата обращения: 22.05.2024).

¹⁶Российская авиация включила режим облета санкций. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/876493> (дата обращения: 22.05.2024).

¹⁷Российская авиация включила режим облета санкций. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/876493> (дата обращения: 22.05.2024).

на 2024 г. Согласно текущим планам, все самолеты МС-21 будут комплектоваться российскими двигателями¹⁸.

Диверсифицировать риски и достичь необходимой ритмичности производства в сегменте ближне- и среднемагистральных лайнеров позволит параллельный выпуск нескольких моделей самолетов (SJ-100, МС-21, Ту-214, Ил-114) в условиях широкой производственной кооперации. Потребность в широкофюзеляжных дальнемагистральных самолетах позволит закрыть производство Ил-96-300. Потребности региональной авиации будут удовлетворены за счет массового производства самолетов «Ладога», L-410 и «Байкал».

Крупнейший российский авиаперевозчик «Аэрофлот» в рамках заключенных соглашений уже в 2024 г. должен получить 18 МС-21, 34 SJ-100, и 11 Ту-214.¹⁹ Всего до 2030 г. «Аэрофлоту» планируется поставить 339 отечественных лайнеров. В планы закупок входят 210 МС-21, 89 SSJ-NEW и 40 Ту-214. Общая стоимость договоров превышает 1 трлн руб.

До введения санкций «Аэрофлот» планировал расширять свой авиапарк преимущественно за счет импортных самолетов. По состоянию на 31 января 2024 г. парк Группы «Аэрофлот» (включает компании «Аэрофлот», «Россия» и «Победа») насчитывал 349 воздушных судов, в том числе 59 широкофюзеляжных, 212 узкофюзеляжных среднемагистральных (производства Airbus и Boeing), а также 78 отечественных региональных Superjet 100²⁰.

Планы по заказу отечественной техники, в частности МС-21, имеет и один из крупнейших российских перевозчиков S7, парк которого в настоящее время состоит исключительно из зарубежных лайнеров. Однако эти планы ориентированы на долгосрочную перспективу.

Таким образом, в ближайшие годы российский авиапром планирует снабдить отечественных перевозчиков качественными, надежными и экономически эффективными самолетами в необходимых объемах. В стране имеется требуемая научно-техническая, кадровая и производственная база, и есть все основания ожидать, что намеченные планы будут в целом выполнены, хотя, учитывая имеющийся опыт, возможны некоторые сдвиги сроков. Тем не менее в сложившихся обстоятельствах авиастроительный комплекс должен обеспечить Россию отечественными воздушными судами и тем самым внести весомый вклад в транспортную и экономическую безопасность государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что давление стран Запада оказало серьезное влияние на российский сектор авиаперевозок, а также на гражданское авиастроение. Тем не менее страна в целом была готова к такому развитию событий и в настоящее время ведет системную работу по возрождению авиапрома – внедряет передовые разработки и налаживает серийное производство широкой номенклатуры гражданских самолетов.

Успех развития отечественной авиационной промышленности зависит преимущественно от усилий государства, так как в его руках сконцентрированы почти все производственные и конструкторские мощности. Кроме того, необходимы действенные меры по воздействию на отрасль авиаперевозок для балансировки спроса и предложения на воздушные суда. Существенную роль играет международная производственная кооперация с «дружественными» и нейтральными странами.

Задача вывода отечественного авиапрома на максимальную мощность является сложной и требует привлечения значительных финансовых и материальных ресурсов. Важно, чтобы отрасль была обеспечена квалифицированными кадрами. В связи с этим особое внимание следует уделить обучению молодых специалистов в средних и высших учебных заведениях, а также непосредственно на предприятиях, для чего необходимо активно развивать институт наставничества.

В целом санкции дали импульс для развития российской авиационной промышленности, которая в последние десятилетия серьезно деградировала. Учитывая, что санкционная война вряд ли прекратится в ближайшие годы, отечественные компании будут вынуждены заказывать воздушные суда российского производства. Основная задача в данном случае – обеспечить производство качественных, комфортных и безопасных самолетов в требуемых объемах и номенклатуре. Налаживание массового производства и построение сервисных сетей, ориентированных на обслуживание отечественных самолетов, позволит

¹⁸Кагалтынов Э. Глава Минтранса: Россия из-за санкций потеряла 76 пассажирских самолетов. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6363805> (дата обращения: 22.05.2024).

¹⁹Багазова Ф. В России начали часто ломаться самолеты: Насколько опасно теперь летать? Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2024/01/26/airplanes/> (дата обращения: 22.05.2024).

²⁰Аэрофлот. Самолетный парк. Режим доступа: https://www.aeroflot.ru/ru-ru/about/plane_park (дата обращения: 22.05.2024).

существенно снизить себестоимость перевозок и тем самым повысить экономическую эффективность использования воздушного транспорта. Авиационная промышленность является стратегически важной для России, поэтому вопрос ее развития является приоритетом национальной безопасности.

Список литературы

1. *Дунямалиев А.А.О.* Развитие отрасли гражданской авиации в условиях санкционного давления. Академическая публицистика. 2023;3(1):46–55.
2. *Базикова И.В.* Состояние и перспективы развития российского экспорта гражданской авиационной техники. Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М.: МГИМО; 2019. 186 с.
3. *Карпова М.В., Котелкова Е.Э., Боркова Е.А.* Текущее положение и перспективы развития авиационной промышленности в условиях санкций. Экономика и бизнес: теория и практика. 2022;12-1(94):153–158. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-1-153-158>
4. *Бычкова А.А.* Имитационное моделирование рисков авиатранспорта при воздействии санкций на Россию. Вестник университета. 2023;6:19–28. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-19-28>
5. *Каргогузов Е.А.* Импортозависимость российской гражданской авиационной промышленности. Вестник Томского государственного университета. 2022;58(4):58–76. <http://doi.org/10.17223/19988648/58/4>

References

1. *Dunyamaliyev A.A.O.* Development of the civil aviation industry under the conditions of sanctions pressure. Academic journalism. 2023;3(1):46–55. (In Russian).
2. *Bazikova I.V.* State and prospects for the development of Russian exports of civil aviation equipment. Dis. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.14. Moscow: MGIMO University; 2019. 186 p. (In Russian).
3. *Karpova M.V., Kotelkova E.E., Borkova E.A.* The current situation and prospects for the development of the aviation industry in the context of sanctions. Economy and Business: Theory and Practice. 2022;12-1(94):153–158. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-1-153-158>
4. *Bychkova A.A.* Air transport risk modelling simulation of the impact of the sanctions on Russia. Vestnik universiteta. 2023;6:19–28. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-19-28>
5. *Kargozov E.A.* Import dependency of the Russian civil aviation industry: Development prospects in the light of “Sanctions 2022”. Tomsk State University Journal of Economics. 2022;58(4):58–76. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/19988648/58/4>

Качество услуг как вектор расширения и развития сервисной деятельности

Софьянникова Ирина Юрьевна

Ст. преп. каф. таможенных операций и таможенного контроля
ORCID: 0000-0001-7066-0854, e-mail: i.sofyannikova@customs-academy.ru

Российская таможенная академия, г. Люберцы, Россия

Аннотация

Изучены проблемные аспекты расширения и развития сервисной деятельности в Российской Федерации. Целью исследования является анализ проблемных моментов развития услуговой сферы, а также изучение существующих и наиболее востребованных методов оценки качества услуг. Актуальность статьи обусловлена необходимостью расширения сервисного обслуживания в стране с учетом ориентации на интересы конечного потребителя и с одновременным улучшением качества обслуживания. Основными задачами исследования являются: выявление проблемных аспектов развития сервисной деятельности в Российской Федерации, выявление и анализ недостатков применяемых сервисными предприятиями методов оценки качества оказываемых услуг, предложение вариантов по их минимизации и устранению. В статье использовались как теоретические методы исследования – анализ действующих нормативно-правовых актов, а также научных трудов исследователей в данной области, – так и эмпирические методы – практическое обоснование необходимости повышения качества оказываемых клиентам услуг. На основе анализа наиболее востребованных и часто используемых методов оценки качества услуг выявлены преимущества и недостатки их применения. Результатами исследования являются выявление проблематики, оказывающей негативное влияние на развитие сервисной деятельности, и предложение возможных вариантов решения.

Ключевые слова

Качество услуг, государственные таможенные услуги, сервисная деятельность, оценка качества, контроль качества, методы оценки, цифровая эра, сервисное государство

Для цитирования: Софьянникова И.Ю. Качество услуг как вектор расширения и развития сервисной деятельности // Вестник университета. 2024. № 8. С. 77–86.

Quality of services as a vector for expansion and development of service activities

Irina Yu. Sofiyannikova

Senior Lecturer at the Customs Operations and Customs Control Department
ORCID: 0000-0001-7066-0854, e-mail: i.sofiyannikova@customs-academy.ru

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

Abstract

The article studies problematic aspects of expansion and development of service activities in Russia. The main purpose of the study is to analyze problematic aspects of the service sphere development and existing and most popular methods of assessing the quality of services. The relevance of the study is due to the need to expand service in the country, considering orientation on the interests of the end consumer and with simultaneous improvement of service quality. The main objectives of the study are: to identify problematic aspects of development of service activities in Russia, to identify and analyze the shortcomings of the methods used by service enterprises to assess the quality of services, and to propose options for their minimization and elimination. The article used both theoretical methods (analysis of current regulatory legal acts, as well as scientific works of researchers in this field) and empirical research methods (practical substantiation of the need to improve the quality of services provided to customers). On the basis of the analysis of the most popular and frequently used methods of service quality assessment the advantages and disadvantages of their application have been revealed. The study results are the problems identification that have a negative impact on service activities development and proposal of possible options for their solution.

Keywords

Quality of services, state customs services, service activities, quality assessment, quality control, assessment methods, digital era, service state

For citation: Sofiyannikova I.Yu. (2024) Quality of services as a vector for expansion and development of service activities. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 77–86.

ВВЕДЕНИЕ

Активное развитие сервисной (услуги́вой) деятельности начинается в постиндустриальном обществе, в котором производство поднимается на новый высокотехнологичный этап, в экономику внедряются инновационные технологии, а также происходят переориентация и преобладание сферы услуг над сферой производства.

Сервисная деятельность, являясь одной из отраслей экономики, имеет большое значение в развитии страны, повышении уровня качества жизни населения, создании новых рабочих мест, что естественным образом снижает ряд проблем внутренней экономики, в частности проблему безработицы, а также стимулирует внедрение инновационных технологий с целью повышения конкурентоспособности оказываемых услуг на рынке. При этом услуговая деятельность является и вектором развития внешней экономики как инструмент привлечения иностранных инвестиций в Российскую Федерацию (далее – РФ, Россия). Нельзя не отметить также, что она составляет значительную часть валового внутреннего продукта страны (для развитых стран оптимальное значение доли составляет не менее 70 %).

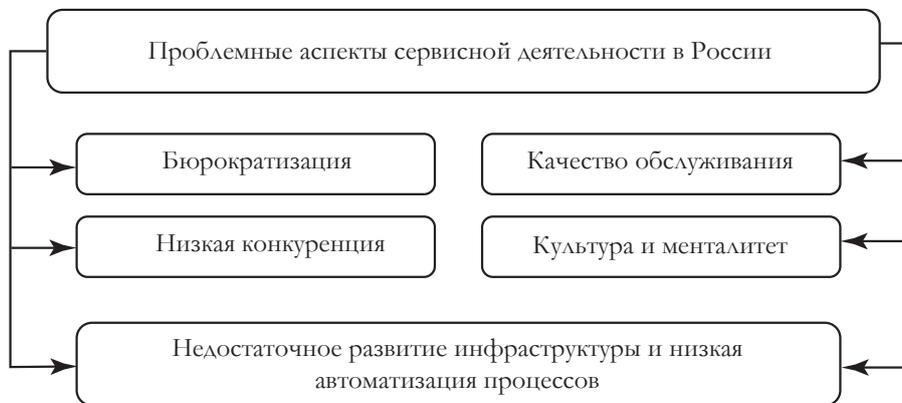
На сегодняшний день сервисная деятельность реализуется в различных направлениях посредством оказания таких услуг, как:

- медицинские;
- торговые и логистические;
- банковские (в том числе кредитные);
- ремонтные;
- туристические.

Предоставляемые услуги охватывают широкий спектр – от частных до государственных.

ПРОБЛЕМАТИКА РАШИРЕНИЯ СЕРВИСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В России, несмотря на стремительное развитие и актуализацию сферы услуг, в настоящее время существуют серьезные проблемы – наиболее актуальные из них представлены на рис. 1.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Проблематика сервисной деятельности в России

Рассмотрим более подробно представленные выше проблемные аспекты сервисной деятельности в России.

1. Под проблемой бюрократизации понимается наличие сложных и регламентированных действующим законодательством бюрократических процедур, которые естественным образом негативно влияют на оказание соответствующих услуг. Например, для получения необходимой информации могут потребоваться множество различных письменных запросов и предоставляемых документов, что негативно повлияет на временные издержки и, как следствие, на процесс оказания услуги и удовлетворенность конечного потребителя.

Для решения данной проблемы необходимо доработать действующее законодательство с учетом оптимизации и облегчения проведения необходимых процедур и бизнес-процессов.

Если взять пример из сферы государственных таможенных услуг, то приобретение статуса уполномоченного экономического оператора (далее – УЭО), а также выдача свидетельства соответствующего типа возможны только при соблюдении определенных условий. Для получения свидетельства I типа необходимо выполнить 7 условий, в том числе обеспечить:

- отсутствие во всех государствах-членах на день регистрации таможенным органом заявления не исполненной в установленный срок обязанности по уплате таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, пеней, процентов;
- отсутствие фактов привлечения во всех государствах-членах этого юридического лица к административной ответственности в течение года до дня регистрации таможенным органом заявления за административные правонарушения;
- наличие системы учета товаров, позволяющей сопоставлять сведения, предоставленные таможенным органам при совершении таможенных операций, со сведениями о проведении хозяйственных операций и обеспечивающей доступ (в том числе удаленный) таможенных органов к таким сведениям¹.

При этом ряд упрощений, предоставляемых УЭО, имеющих свидетельство I типа (к примеру, совершение таможенных операций, связанных с прибытием товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), убытием товаров с таможенной территории ЕАЭС, таможенным декларированием и выпуском товаров в первоочередном порядке), на сегодняшний день не являются актуальными при отнесении фирмы к низкому уровню риска и возможности осуществления автоматической регистрации и автоматического выпуска товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой².

На основании вышеизложенного целесообразно сделать вывод о необходимости пересмотра существующих требований для получения свидетельства УЭО, а также введения дополнительных мер поддержки.

2. Под низкой конкуренцией подразумевается существующий факт, что некоторые отрасли сервисных услуг в РФ могут быть оказаны только крупными компаниями-монополистами этой сферы или государственными структурами. Сюда можно отнести услуги железнодорожного транспорта (оказывает только крупнейший холдинг – открытое акционерное общество «Российские железные дороги»). Данный факт приводит к тому, что у потребителя отсутствует выбор при получении услуги, а у компаний-монополистов отсутствуют мотивация и стимулы для повышения качества обслуживания. Для устранения проблемы необходимо расширять количество организаций, уполномоченных оказывать однородные услуги для заинтересованных потребителей.

3. Говоря о качестве обслуживания, стоит учитывать тот факт, что вся сфера сервисной деятельности представляет непосредственное взаимодействие между поставщиком и заказчиком услуг (потребителем). При этом при получении услуг потребители достаточно часто сталкиваются с некомпетентными сотрудниками и низким качеством процесса получения услуги. Это связано с тем, что не все организации, оказывающие услуги, должным образом проводят обучение персонала и своевременную профессиональную переподготовку кадров, а также не уделяют достаточное внимание «обратной связи» от заказчиков. Соответственно, одним из ключевых векторов по развитию сервисной деятельности в России является повышение качества оказываемых услуг.

4. Культура и менталитет также являются важными аспектами в процессе оказания той или иной услуги. Важно учитывать не только профессиональные компетенции сотрудника, оказывающего услугу, но и его умение находить индивидуальный подход к заказчику. Для минимизации данной проблемы при приеме на работу новых сотрудников необходимо проводить различные опросы и тестирования с целью выявления потенциальной возможности претендента к принятию быстрых и компетентных решений в стрессовых и нестандартных ситуациях.

5. Для оказания качественных услуг современного уровня важно принимать во внимание необходимость модернизации существующей инфраструктуры предприятий и организаций, оказывающих услуги, а также максимальное внедрение автоматизации существующих «рутинных» процессов.

Рассматривая сферу государственных таможенных услуг, важно отметить, что таможенные органы оказывают услуги с 2016 г., что естественным образом позволило существенно уменьшить административную

¹Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29 мая 2019 г.) (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/43c3b2c7d7709999185500973887e8af5a41c9c6/ (дата обращения: 03.06.2024).

²Там же.

нагрузку на бизнес [1]. По состоянию на сегодняшний день таможенные органы оказывают 11 государственных услуг (рис. 2).

Примечание: ЕТН ВЭД ЕАЭС – Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности ЕАЭС

Источник³

Рис. 2. Государственные услуги, оказываемые таможенными органами

Все вышеперечисленные государственные услуги оказываются сотрудниками таможенных органов в установленном действующим законодательством порядке, при этом в условиях современного мира, в процессе внедрения цифровизации и искусственного интеллекта (далее – ИИ) во всю сферу услуг, целесообразно модернизировать и процесс оказания некоторых государственных таможенных услуг, таких как консультирование по вопросам таможенного дела и иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов, а также предоставления информации о выпуске товаров. Для обработки больших массивов информации необходимо развивать современную ведомственную инфраструктуру информационных технологий, работать с различными программами, системами и базами данных, а также иметь доступ к ресурсам министерств и ведомств [2]. Такие меры будут способствовать не только сокращению временных издержек при оказании таможенных услуг, но и являться значимыми факторами по реализации стратегического развития Федеральной таможенной службы РФ (далее – ФТС России).

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 23 мая 2020 г. № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» целью развития ФТС России к 2030 г. является формирование новой, насыщенной искусственным интеллектом, «умной» таможенной службы, незаметной для законопослушного бизнеса и результативной для государства⁴.

Переход от информационной эры в цифровую раскрывает ряд преимуществ, связанных с использованием информации не только для принятия оптимальных решений, но и для обработки большого массива релевантной информации в короткий срок для принятия решений и прогнозирования последствий их реализации [3].

Результатом полного перехода на цифровую основу в системе таможенного администрирования должно стать достижение определенных целей, среди которых снижение государственных издержек на предоставление государственных услуг и реализацию функций, а также издержек участников внешнеэкономической деятельности при осуществлении внешней торговли [4].

³ Федеральная таможенная служба. Список госуслуг. Режим доступа: https://customs.gov.ru/spisok_gosuslug (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года». Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/20rs1388/> (дата обращения: 03.06.2024).

Все вышеперечисленные проблемные аспекты влияют на развитие сервисной деятельности в той или иной степени, однако в настоящем исследовании особое внимание будет уделено рассмотрению одного более значимых из них – качеству обслуживания.

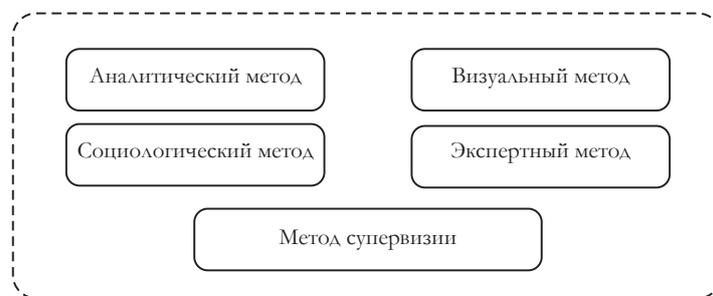
«ОЦЕНКА КАЧЕСТВА» И «КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА» КАК ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЕРВИСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевым вектором для осуществления перехода от эгоцентричного государства к «сервисному» является повышение качества обслуживания потребителей. Любое предприятие или организация на постоянной основе должны проводить мониторинг оказываемых услуг, степени удовлетворенности клиентов, а также формировать новые маркетинговые стратегии для развития.

С расширением сферы услуг конечные потребители (клиенты) становятся все более требовательны к процессу и качеству оказываемых для них услуг, в связи с чем вопрос оценки их качества становится наиболее актуальным и выходит на передние позиции.

Важно обратить внимание на тот факт, что понятия «оценка качества» и «контроль качества» не являются тождественными и равнозначными. Термин «контроль качества» подразумевает соответствие услуги (продукции) регламентированным техническим стандартам и условиям, соответственно, для его осуществления применяется незначительное количество показателей.

Методы для контроля качества услуг представлены на рис. 3.

Источник⁵

Рис. 3. Методы, используемые для контроля качества услуг

Под аналитическим методом понимается осуществление анализа документов предприятия, правильности их оформления. Визуальный метод предполагает непосредственный осмотр помещений, зданий и объектов инфраструктуры, в которых будет производиться оказание услуг. Социологический метод предусматривает проведение опросов и анкетирования клиентов (потребителей услуг), а также персонала, который непосредственно участвует в их оказании. В случае применения экспертного метода обеспечивается личное присутствие представителей контролирующего органа (эксперта) в процессе оказания конкретной услуги (чаще всего используется при возникновении жалоб со стороны клиента на качество оказываемых услуг).

Метод супервизии включает следующие составляющие:

- регулярный мониторинг и обсуждение нестандартных случаев в процессе оказания услуг;
- контроль работы отдельных специалистов, а также анализ эффективности полученных результатов;
- подведение итогов и их оценка.

Термин «оценка качества» является более сложным и обширным и предполагает разнообразное количество показателей. В первую очередь, «оценка качества услуги» – это степень удовлетворенности конечным потребителем той или иной услугой, которая была ему оказана. Важно обратить внимание на тот факт, что услугу оценить труднее, чем готовый товар. Это обусловлено специфичностью самого понятия «услуга», соответственно, оценка ее качества будет носить субъективный характер, основанный на восприятии и мнении клиента. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано следующее определение понятия «услуга» – действие, приносящее пользу, помощь другому⁶.

⁵ Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Методы контроля качества социальных услуг. Режим доступа: <https://cspstd-spb.ru/wp-content/uploads/2020/03/ГОСТ-Р-54342-2011.pdf> (дата обращения: 03.06.2024).

⁶ Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Услуга. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/услуга> (дата обращения: 03.06.2024).

На основании вышеизложенного можно трактовать термин «услуга» как деятельность человека, организации или предприятия для удовлетворения конкретной потребности потребителя (клиента). Соответственно, качество услуги будет определяться исходя из набора определенных показателей (характеристик), которые имеют свои отличительные черты:

- неосвязаемость и нематериальность услуги;
- невозможность разделения процессов производства и потребления услуги;
- отсутствие возможности численной оценки качества услуг;
- субъективный подход к оценке качества услуги;
- вовлеченность потребителя в процесс оказания услуги и т.д.

Для возможности определения показателя качества услуги можно построить формулу, основанную на сравнении двух показателей (ожидаемый (потенциальный) и фактический результат), которая будет выглядеть следующим образом:

$$LQ = PO - AR, \quad (1)$$

где LQ (level of quality) – показатель качества, PO (potential outcome) – ожидаемый результат, AR (actual result) – фактический результат.

На основании вышеприведенной формулы можно сделать вывод о том, что высоких показателей качества обслуживания возможно достичь посредством получения клиентами результатов, максимально приближенным к ожидаемым, что в свою очередь будет способствовать формированию устойчивой экономической конкурентоспособности предприятия.

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ СЕРВИСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОКАЗЫВАЕМЫХ УСЛУГ

В настоящее время существует достаточно большое разнообразие методов оценки качества услуг, которые отразили в своих трудах научные исследователи. Основные и наиболее распространенные из них представлены в таблице.

Таблица

Методы оценки качества услуг

Название метода	Автор	Метод сбора информации	Шкала оценки результатов	Тип оценки метода
SERVQUAL	В.А. Зейтгамл, А.Парасураман, Л.А. Берри	Анкетирование	7-бальная шкала Лайкерта	Количественный
SERVPERF	Дж. Кронин, С. Тейлор	Анкетирование	7-бальная шкала Лайкерта	Количественный
QUALITOMETRO	Франчесчини, Розетто	Анкетирование	7-бальная шкала Лайкерта	Количественный
Критических случаев	Дж. Фленэганом	Интервью	Индивидуальный подход	Качественный
Метод Кано	Н. Кано	Анкетирование	Шкала от «Полностью не нравится» до «Полностью нравится»	Количественный

Составлено автором по материалам исследования

Одним из самых известных и распространенных методов оценки качества услуг является метод SERVQUAL. Название данного метода состоит из сокращенных понятий service и quality, что в переводе с английского языка означает «сервис» и «качество». Он предполагает расчет средневзвешенного значения между ожидаемыми и фактическими результатами после получения услуги клиентами.

Основные параметры качества услуги: материальность, убежденность, надежность, сочувствие и отзывчивость. Он осуществляется посредством проведения анкетирования и подведения итогов, где:

- нулевое значение одного из параметров качества услуги трактуется как совпадение между ожидаемым и фактическим результатом;
- отрицательное (негативное) значение понимается как несоответствие ожиданий фактическому результату;
- положительные значения какого-либо параметра качества услуги указывают на то, что фактический результат удовлетворяет ожидания клиентов и близок к идеалу.

В процессе анализа и исследования данного метода было выявлено, что он не является универсальным для огромного разнообразия сферы услуг, а также на его основные параметры качества влияют такие факторы, как менталитет и образование потенциальных потребителей услуг. При этом важно отметить, что на его основе были разработаны и адаптированы более 30 производных методов оценки качества, в том числе LODGSERV, который используется в гостиничном бизнесе, и DINESERV – для услуг общественного питания.

Следующий метод носит название SERVPERF, что в переводе с английского языка дословно означает «оказание сервиса». Основным параметром для него является только уровень восприятия; не учитывается уровень ожидания клиентов. К положительным аспектам данного метода можно отнести более упрощенную процедуру оценки качества услуг для респондентов, а к недостаткам – тот факт, что он является усреднением (адаптацией) только субъективных оценок, данных потребителями.

Метод QUALITOMETRO основан на дифференциации по времени уровня ожидания (до момента получения услуги) и уровня восприятия (после ее получения). Такое разделение предполагает оценку качества конкретного, индивидуального случая оказания услуги потребителю, что позволяет минимизировать субъективность оценивания.

Метод «критических случаев» предполагает эмпирическое изучение взаимодействия клиентов и работников организации, оказывающей услугу, и основывается на психологических аспектах. Он реализуется посредством проведения интервью и опросов клиентов, а также наблюдения за потребителями и работниками сервисного предприятия в процессе оказания самой услуги. Такие меры необходимы для выявления ситуаций, которые могут привести к негативной оценке и отрицательному отзыву организации. Затем происходят подведение итогов, обобщение всех выявленных «критических случаев», их оценка и формирование предложений по улучшению качества обслуживания. К недостаткам данного метода можно отнести невозможность его использования в организациях, в которых отсутствует непосредственный контакт между потребителем услуги и работником предприятия, соответственно, его нельзя отнести к универсальным.

Метод Кано предполагает проведение опроса потребителей услуг, при этом отличие данного метода состоит в том, что набор параметров, характеризующих качество предоставляемых услуг, формируется непосредственно в процессе анкетирования. Н. Кано выделяет следующие категории оценки сервиса:

- привлекательность;
- последовательность (линейность);
- обязательность;
- безразличие;
- обратная связь;
- спорность.

Недостатками данного метода являются значительные временные издержки в процессе составления вопросов по каждому из вышеперечисленных параметров, а также большая вероятность необходимости проведения повторного опроса потребителей услуг.

Вышеперечисленные и проанализированные методы оценки качества услуг в настоящее время используются в работе различных сервисных предприятий. Несмотря на тот факт, что они зарекомендовали себя как действенные, они имеют свои положительные и отрицательные стороны, что является фактором, способствующим разработке и внедрению новых, актуальных в условиях развития экономической науки методов оценки, которые в дальнейшем должны быть интегрированы в действующую систему управления сервисной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в настоящем исследовании методы оценки качества услуг могут активно использоваться практически в любой сервисной организации. Они дают возможность анализа потребностей как внутренних, так и внешних клиентов, позволяют выявить потенциальные «критические пробелы» служебной деятельности, а также организовать обратную связь после получения услуги.

В зависимости от специфики работы организация выбирает один из рассмотренных или любой другой из существующих методов для оценки качества оказываемых услуг или использует комплексное применение нескольких методов, что будет наиболее эффективным вариантом и позволит получить более точные и конкретные результаты.

Важно понимать, что успешные преобразования происходят поэтапно. Более того, каждая компания должна принять стратегическое решение о конкретных выгодах, которые она должна получить [5].

Наличие достаточно большого количества методов оценки качества услуг и при этом отсутствие у них такого критерия, как универсальность, обусловлено несколькими факторами:

- множество критериев оценки (одновременно должны учитываться технические, технологические критерии, установленные документально требования, человеческий фактор и т.д.);
- разнообразие услуг;
- наличие большого количества объектов оценки;
- многогранность оценки качества (давать оценку могут клиенты, работники, оказывающие услуги, руководители предприятия, специалисты, эксперты и т.д.);
- недостаточная возможность получения количественно объективных и независимых данных в процессе оказания услуги.

Важно отметить, что оказание качественных услуг является фундаментальным критерием для работы и расширения любой сервисной организации, особенно в условиях растущей конкуренции на рынке услуг. При этом сам термин «качество услуги» в некоторой степени носит субъективный характер, соответственно, для возможности оценки необходимо использовать различные методы, а также их совокупность, исходя из специфики предприятия и оказываемых им услуг.

В современном мире сервисная деятельность является сферой получения потребителями большого разнообразия услуг с целью удовлетворения их первичных и вторичных потребностей, соответственно, она оказывает влияние не только на культурное развитие страны и повышение уровня жизни населения, но и на ее экономику в целом. На основании этого необходимо продолжать научную работу по актуализации и совершенствованию сервисной деятельности и ее развития.

Список литературы

1. Ворона А.А., Яковлев К.В. Совершенствование таможенного администрирования как фактор развития таможенных органов на современном этапе. Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 2019;1(69):17–21.
2. Ворона А.А. Повышение качества предоставления таможенных услуг в центрах электронного декларирования. Петербургский экономический журнал. 2019;2:154–164.
3. Асалиева З.А. Приоритеты цифрового развития регионов Российской Федерации. Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2022;6(19):78–86. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-78-88>
4. Муратов Р.А. Оперативный контроль процесса декларирования товаров в центрах электронного декларирования как инструмент таможенного администрирования. Вестник Российской таможенной академии. 2021;1:146–153.
5. Ляндау Ю.В., Бирюков Е.С. Цифровая трансформация организации, как способ повышения уровня цифровой зрелости индустрии 4.0. Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2022;6(19):11–15. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-11-16>

References

1. Vorona A.A., Yakovlev K.V. Improving customs administration as a factor of development of customs authorities at the present stage. Scientific notes of St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy. 2019;1(69):17–21. (In Russian).
2. Vorona A.A. Improve the customs services quality in the centers of electronic declaration. Petersburg Economic Journal. 2019;2:154–164. (In Russian).

3. *Asaliyeva Z.A.* Priorities of Digital Development in Russian Federation Regions. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2022;6(19):78–86. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-78-88>
4. *Muratov R.A.* Operational control of the process of declaring goods in electronic declaration centers as a tool of customs administration. Bulletin of the Russian Customs Academy. 2021;1:146–153. (In Russian).
5. *Lyandau Yu.V., Biryukov E.S.* Digital Transformation of Organization as Way to Raise the Level of Digital Maturity of Industry 4.0. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2022;6(19):11–15. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-11-16>

Особенности ресторанного рынка и потребительского поведения в сегменте московского ресторанного бизнеса: результаты исследования

Тимохович Александра Николаевна

Канд. психол. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0001-5326-5975, e-mail: an_timokhovich@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

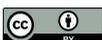
Аннотация

Представлены результаты комплексного исследования, направленного на выявление особенностей ресторанного рынка и потребительского поведения в сегменте московского ресторанного бизнеса. В рамках исследования реализованы три этапа. На первом этапе был проведен анализ макросреды московского ресторанного рынка для выявления внешних факторов воздействия на современный ресторанный бизнес. Структурированы и описаны внешние факторы положительного и отрицательного воздействия на развитие ресторанной отрасли. На втором этапе для выявления основных трендов московского ресторанного рынка был использован метод контент-анализа сайтов заведений ресторанного бизнеса Москвы, имеющих высокие рейтинговые показатели на основе данных нейросети «Яндекс». Основными трендами московского ресторанного рынка являются: ориентация ресторанов на приготовление блюд здорового питания и вегетарианской кухни; использование фермерских продуктов и локальных ингредиентов в приготовляемых блюдах; внедрение технологических инноваций, упрощающих потребительский опыт; ориентация на принципы устойчивого развития и экологичности в бизнес-модели; разнообразие ресторанных форматов. На третьем этапе исследования для выявления особенностей потребительского поведения был проведен опрос среди посетителей московских ресторанов и кафе. Выявленные потребительские практики на ресторанном рынке свидетельствуют, с одной стороны, об активном вовлечении аудитории в посещение московских ресторанов, кафе и баров, а с другой – об использовании услуг по доставке ресторанных блюд через сайты ресторанов или мобильных приложений. Выявлены доминирующее воздействие рациональных факторов при осуществлении выбора потребителями ресторана для посещения и изменение структуры потребительской мотивации при посещении ресторанов и кафе.

Ключевые слова

Ресторанный бизнес, потребительское поведение, факторы макросреды, ресторанные тренды, рынок, цифровые технологии, вовлечение аудитории, мотивация, принятие решения

Для цитирования: Тимохович А.Н. Особенности ресторанного рынка и потребительского поведения в сегменте московского ресторанного бизнеса: результаты исследования // Вестник университета. 2024. № 8. С. 87–94.

Features of the restaurant market and consumer behavior in the Moscow restaurant business segment: study results

Alexandra N. Timokhovich

Cand. Sci. (Psy), Assoc. Prof. at the Advertising and Public Relations Department
ORCID: 0000-0001-5326-5975, e-mail: an_timokhovich@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article presents a comprehensive study results aimed at identifying peculiarities of the restaurant market and consumer behavior in the Moscow restaurant business segment. Within the framework of the research three stages have been realized. At the first stage the Moscow restaurant market macroenvironment has been analyzed to identify external factors of influence on modern restaurant business. The external factors of positive and negative impact on the restaurant industry development have been structured and described. At the second stage to identify the main trends of the Moscow restaurant market the method of content analysis of the Moscow restaurant business establishments sites with high rating indicators based on the Yandex neural network data was used. The main trends of the Moscow restaurant market are: restaurants' focus on preparing healthy food and vegetarian cuisine; use of farm products and local ingredients in prepared dishes; technological innovations implementation that simplify consumer experience; focus on the principles of sustainable development and environmental friendliness in the business model; restaurant formats variety. At the third stage of the study, a survey has been conducted among visitors to Moscow restaurants and cafes to identify consumer behavior. The identified consumer practices in the restaurant market indicate, on the one hand, active involvement of the audience in visiting Moscow restaurants, cafes, and bars, and on the other hand, the use of restaurant meal delivery services via restaurant websites or mobile applications. The dominant influence of rational factors in consumers' choice of a restaurant to visit and changes in the consumer motivation structure when visiting restaurants and cafes have been revealed.

Keywords

Restaurant business, consumer behavior, macroenvironment factors, restaurant trends, market, digital technologies, audience engagement, motivation, decision making

For citation: Timokhovich N.T. (2024) Features of the restaurant market and consumer behavior in the Moscow restaurant business segment: study results. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 87–94.

ВВЕДЕНИЕ

Московский рынок ресторанов является разнообразным и динамично развивающимся. Несмотря на вызовы последних лет (пандемия COVID-19, уход с рынка зарубежных ресторанов, санкционные ограничения), рынок ресторанов восстановился, реконструировался. На московском рынке представлены рестораны широкого спектра разнообразия национальной кухни от классических русских ресторанов до японских суши-баров и итальянских пиццерий. Форматы заведений также отличаются разнообразием: от уличных кафе до ресторанов с квалификационными отметками «Мишлен».

Московский рынок имеет богатую историю, начиная с открытия первых ресторанов в XIX в.: тогда заведения предлагали своим гостям традиционные русские блюда – блины, уху и т.д. После Октябрьской революции 1917 г. многие частные рестораны были национализированы, и рынок стал регулироваться государством: советские граждане обедали в столовых и кафе, предлагавших стандартизированные блюда по относительно доступным ценам [1].

В период распада Советского Союза ресторанный рынок Москвы пережил существенные изменения, становясь более дифференцированным. В городе открывались иностранные рестораны и кафе, предлагающие блюда международной кухни. Постсоветский период также характеризуется развитием бизнес-ресторанов и мест с развлекательными программами.

В 2024 г. в Москве осуществляют деятельность 21,6 тыс. заведений общественного питания [2]. По данным аналитических исследований, рост выручки московских кафе, ресторанов и баров за 2023 г. составил 16 %, дойдя до показателя в 550 млрд руб. [3]. Посещаемость учреждений ресторанного бизнеса увеличилась на 18 % по отношению к показателям 2022 г.; средний чек увеличился на 44 руб. и составил 703 руб. [4].

По сравнению с другими регионами Российской Федерации (далее – РФ, Россия) московский ресторанный рынок является не только самым прибыльным, но и высококонкурентным [5]. В связи с существующим многообразием заведения вступают в борьбу за внимание и лояльность потребителей, поэтому наряду с качественными и вкусными блюдами, квалифицированным персоналом, атмосферой в заведении каждый успешный бизнес использует собственную маркетинговую стратегию для продвижения [6].

В настоящее время московский ресторанный рынок продолжает развиваться, реагируя на изменяющиеся потребительские предпочтения и новые тенденции. Одним из факторов успеха заведений является использование новых технологий и онлайн-сервисов. Многие рестораны предоставляют свои услуги через мобильные приложения, а также внедряют инструменты интернет-маркетинга и продвижения в социальных сетях для привлечения новых клиентов и удержания лояльных клиентов [7; 8].

Изучение особенностей ресторанного рынка и потребительского поведения посетителей ресторанов и кафе является актуальной темой.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящего исследования является выявление особенностей московского рынка ресторанных услуг и потребительского поведения на нем.

Объектом исследования являются московские рестораны и кафе, а также потребители блюд московских ресторанов и кафе. Предметом исследования выступают особенности ресторанного рынка и потребительского поведения посетителей московских ресторанов и кафе.

Дизайн исследования включает три основных этапа: проведение PEST-анализа для выявления внешних факторов воздействия на современный ресторанный бизнес; проведение контент-анализа сайтов заведений ресторанного бизнеса Москвы для выявления основных трендов рынка; проведение опроса среди посетителей и потребителей московского ресторанного рынка для выявления особенностей потребительского поведения.

АНАЛИЗ МАКРОСРЕДЫ МОСКОВСКОГО РЕСТОРАННОГО РЫНКА

На первом этапе исследования был проведен анализ макросреды московского ресторанного рынка с помощью PEST-анализа для выявления внешних факторов воздействия на современный ресторанный бизнес. PEST-анализ является инструментом оценки бизнеса, который используется для определения того, каким образом внешние факторы могут оказать влияние на деятельность компании [9].

Он также может быть применен как часть стратегического планирования для максимизации текущих условий, прогнозирования будущего развития и подготовки к немедленным изменениям для укрепления бизнеса и сохранения конкурентоспособности.

В качестве политических факторов обозначим следующие: напряженная политическая обстановка влияет на международные отношения, что отражается на определении цены, себестоимости производства блюд; политическая обстановка влияет на развитие внутреннего туризма (изменение состава гостей); фиксируется рост импортозамещения в условиях санкционных ограничений; вступают в действие законы о том, как должен работать ресторан (качество и безопасность продукции, лицензии, санитарная обработка, наличие медицинского осмотра у сотрудников, техническое регулирование и др.).

Экономическими факторами являются: рост инфляции; падение располагаемых доходов россиян; рост спроса на рестораны полного обслуживания; повышение стоимости сырья и оборудования в связи с ростом стоимости валюты; рост потоков внутреннего туризма (рост спроса на посещение ресторанов и кафе в туристических местах); государственная финансовая поддержка предпринимательского сектора, в частности поддержка московского ресторанного бизнеса с помощью грантов, субсидий, льготного кредитования; высокая конкуренция на московском ресторанном рынке.

Основными социально-демографическими факторами выступают: смещение спроса с фастфуда на органическую, полезную пищу; влияние пандемии COVID-19 на выбор потребителя в пользу доставки ресторанных блюд вместо посещения заведения; феномен «заедания стресса» как причина резкого роста объема ресторанного рынка, количества посещений и увеличения среднего чека в 2022–2023 гг.; трудности с международными путешествиями – россияне стали чаще выбирать внутренний туризм для отдыха, что привело к росту потребности в посещении ресторанов; высокая плотность населения в Москве, что способствует востребованности услуг ресторанного бизнеса; процессы трудовой миграции, которые активно представлены в столичном регионе.

К технологическим факторам отнесем использование POS-системы для повышения лояльности клиентов и оптимизации бизнес-процессов; рост актуальности онлайн-заказов (через агрегатор «Яндекс» или создание системы собственной доставки); начало автоматизации процесса приготовления блюд (внедрение робототехники для приготовления напитков/легких бургеров и т.д.).

На основе полученных результатов PEST-анализа можно сделать следующие выводы. Социально-демографические факторы являются наиболее стимулирующими развитие ресторанного рынка: с одной стороны – рост актуальности онлайн-заказов ресторанных блюд и доставок на дом, с другой – феномен «заедания стресса», развитие внутреннего туризма и выбор ресторанов в качестве развлечения.

Экономические и политические факторы имеют неоднозначное влияние на ресторанный рынок: как положительное (рост спроса на рестораны полного обслуживания, рост политики импортозамещения, поддержка государством предпринимательского сектора); так и отрицательное (снижение количества иностранных гостей, рост инфляции, падение располагаемых доходов россиян, повышение стоимости сырья и оборудования).

Технологические факторы, такие как использование POS-системы, автоматизации с помощью робототехники, сотрудничество с агрегаторами доставки или наличие собственной доставки, способствуют развитию ресторанной индустрии, если заведение использует эти возможности и внедряет инновационные решения в свои бизнес-процессы.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ САЙТОВ ЗАВЕДЕНИЙ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА МОСКВЫ

На втором этапе исследования для выявления основных трендов московского ресторанного рынка был использован метод контент-анализа сайтов заведений ресторанного бизнеса Москвы. В выборочную совокупность включены 50 заведений, пользующихся популярностью среди посетителей, с рейтинговыми оценками от 4,5 баллов (по версии нейросети «Яндекс»). Категориями анализа являлись тип кухни, разнообразие блюд и напитков, использование определенных продуктов при приготовлении блюд, технологические инновации, экологичность или следование принципам устойчивого развития, форматы заведений, качество сервиса, атмосфера в зале, удобство локации, наличие дополнительных сервисов, ценовая категория.

На основе результатов проведенного анализа были выявлены основные тренды, которые можно наблюдать на московском ресторанном рынке в 2024 г.

1. Ориентация на расширение гастрономического разнообразия и развитие новых кулинарных традиций. Московские рестораны предлагают разнообразие блюд и напитков со всего мира, позволяя гостям наслаждаться блюдами международной и региональной кухни без выезда за пределы города и страны. Многие рестораны в Москве экспериментируют с новыми кулинарными традициями и интегрируют разные стили кухни, что положительно воспринимается посетителями.

2. Приготовление блюд здорового питания и вегетарианской кухни. С ростом интереса к здоровому образу жизни и более осознанному питанию московские рестораны активно предлагают посетителям блюда, ориентированные на поддержание здоровья. Блюда вегетарианской, веганской и сыроедческой кухни становятся востребованными.

3. Использование фермерских продуктов и локальных ингредиентов при приготовлении блюд. Заведения акцентируют внимание на использовании местных и органических продуктов либо на прямых поставках экологических продуктов из других регионов и стран. Это позволяет создавать более экологичные и вкусные блюда.

4. Рост популярности крафтовых напитков. Крафтовое пиво, коктейли и вина становятся популярными среди посетителей московских ресторанов, и заведения начинают активно предлагать обозначенную линейку напитков.

5. Ориентация на высокий уровень обслуживания и персональный подход. Рестораны уделяют особое внимание качеству обслуживания и стараются удовлетворить индивидуальные потребности и запросы каждого гостя.

6. Использование разнообразных ресторанных форматов. В Москве можно найти рестораны различных форматов для удовлетворения запросов разных сегментов потребителей: от уличных кафе и фастфудов до ресторанов высшего класса и ресторанов с отличительными знаками «Мишлен».

7. Популярность доставки ресторанных блюд и услуги «еда навынос». С увеличением числа работающих из дома и самозанятых горожан доставка еды и возможность взять еду с собой становятся востребованными сервисами.

8. Внедрение технологических инноваций. Рестораны внедряют цифровые технологии для улучшения опыта посетителей. К современным технологическим инновациям можно отнести онлайн-заказы, электронные меню и системы бронирования столов через мобильные приложения.

9. Следование принципам устойчивого развития и экологичности в ресторанной бизнес-модели. Ресторанный бизнес в Москве становится более ориентированным на принципы устойчивого развития и экологической ответственности, что выражается в уменьшении использования одноразовой упаковки, оптимизации и структурировании отходов, переходе к экологичным источникам энергии.

Проанализировав деятельность лучших ресторанов Москвы по версии нейросети «Яндекс», можно сделать вывод о том, что залогом успеха заведения являются специализация кухни, качество блюд, использование технологических инноваций, а также уникальность (например, наличие собственного огорода у ресторана Twins Garden на крыше).

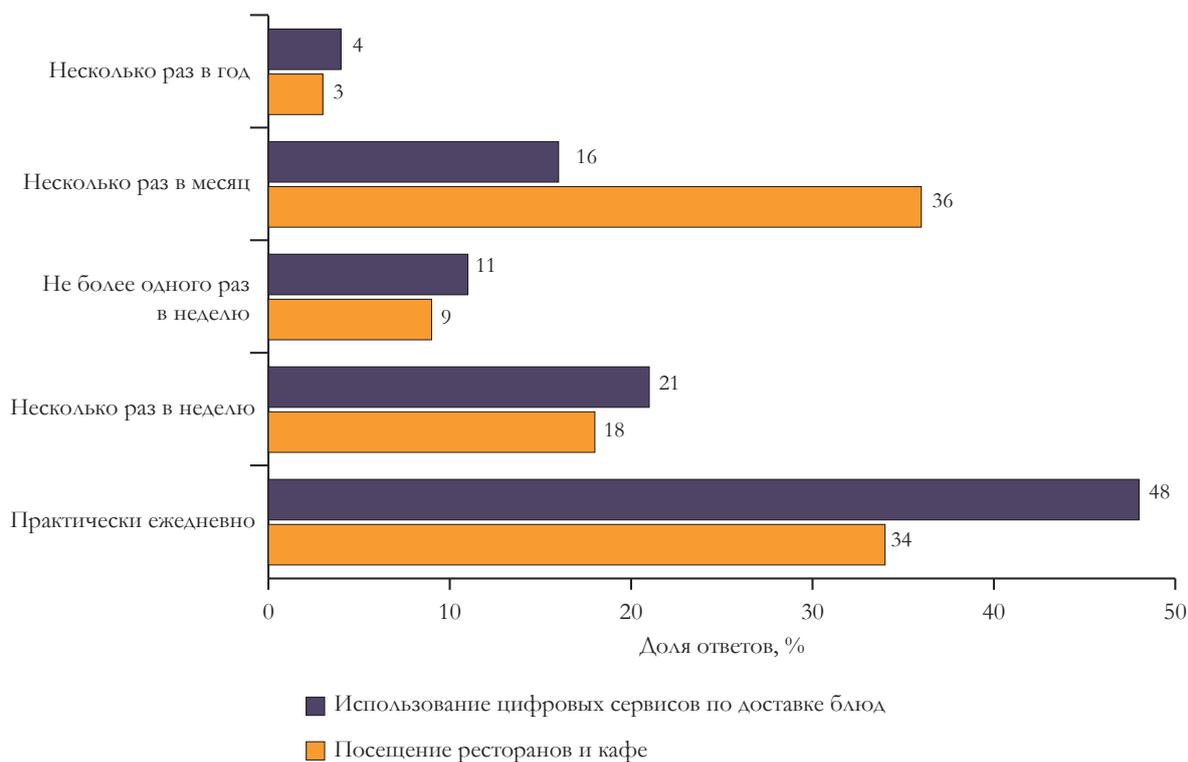
ОПРОС ПОСЕТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ РЕСТОРАНОВ

На третьем этапе исследования был проведен опрос среди посетителей московских ресторанов и кафе. Разработана анкета, блоки вопросов которой выявляли особенности потребительского поведения на рынке ресторанных услуг. В феврале и марте 2024 г. было опрошено 360 респондентов, квотно представляющих различные сегменты посетителей московских ресторанов (по типологии Г.А. Полинской), посещающих либо заказывающих доставку блюд из московских ресторанов [10].

Результаты опроса иллюстрируют наличие следующих особенностей в потребительском поведении на ресторанном рынке.

Первой особенностью является активное вовлечение аудитории в посещение московских ресторанов, кафе и баров: каждый второй респондент (52 %) отмечает регулярное посещение ресторанных заведений. Регулярность является разнообразной: практически ежедневно (34 %), несколько раз в неделю (18 %), не более одного раза в неделю (9 %), несколько раз в месяц (36 %), несколько раз в год (3 %). Следует отметить, что посещают заведения ресторанного бизнеса не только офисные работники, но и другие категории, в том числе самозанятые, фрилансеры и др.

Второй особенностью является ориентация на заказ блюд из московских ресторанов и кафе с использованием мобильных приложений и служб доставки (рис. 1).

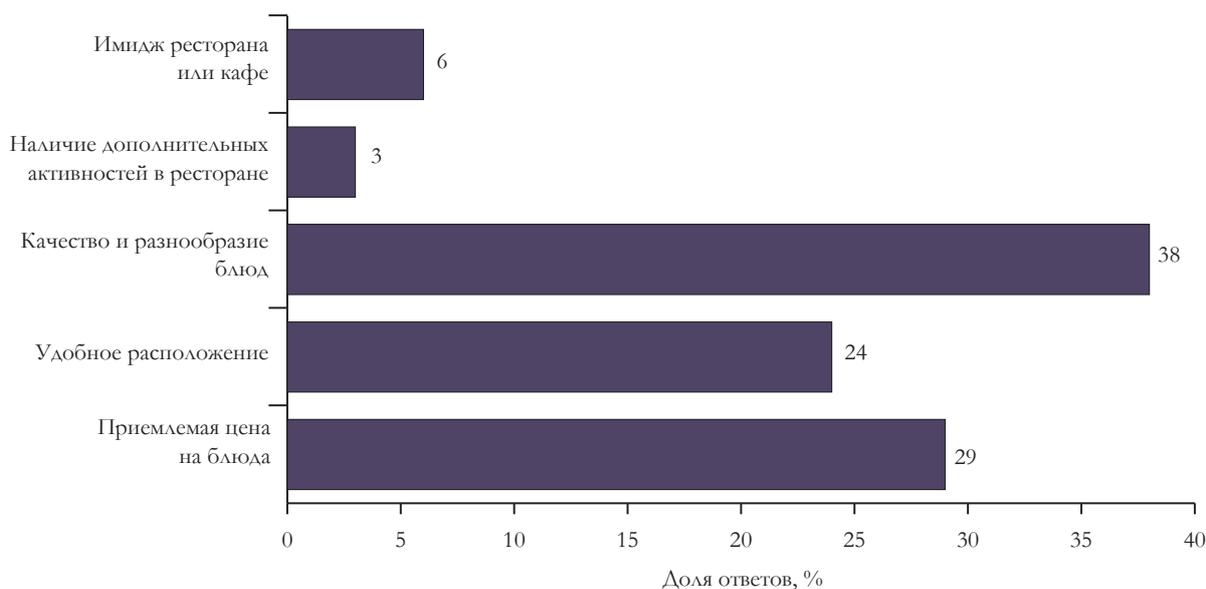

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Частота посещения ресторанов и кафе и использования услуг по доставке ресторанных блюд

73 % респондентов отмечают, что пользуются на регулярной основе данными возможностями: практически ежедневно (48 %), несколько раз в неделю (21 %), не более одного раза в неделю (11 %), несколько раз в месяц (16 %), несколько раз в год (4 %).

В качестве третьей особенности отметим доминирующее воздействие рациональных факторов при выборе точки посещения: для 29 % респондентов первостепенную важность имеет ценовой фактор; для 24 % – удобство локации (рядом с метро, в центре города, с возможностью парковки автомобиля и др.); для 38% – особенность предоставляемых блюд и напитков (разнообразие, наличие определенных ингредиентов в составе блюд, особенности приготовления блюд), для 3 % – наличие дополнительной развлекательной программы и иных услуг в ресторане (рис. 2).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Факторы выбора ресторана для посещения

Для части респондентов первостепенную значимость имеют символичные (нерациональные) факторы при выборе ресторана для посещения: 6 % респондентов считают, что имидж ресторана является наиболее важным фактором при принятии решения о его посещении.

Четвертой особенностью является изменение структуры потребительской мотивации при посещении ресторанов и кафе. Если несколько лет назад основными мотивами к посещению учреждений ресторанного бизнеса выступали празднование событий, проведение досуга, то сейчас респонденты наиболее часто выбирают иные мотивы: получение гастрономического и иных видов удовольствия от посещения ресторана (25 %), общение с друзьями и коллегами в рамках официальных и неофициальных встреч (61 %), удовлетворение потребности в пище (не готовить блюда самостоятельно) (12 %) [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты комплексного исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Комплекс политических, экономических, социально-демографических и технологических факторов оказывает разноплановое воздействие на московский ресторанный рынок в целом и на потребительское поведение в частности. Ряд факторов (распространение политики импортозамещения, рост популярности ресторанов полного обслуживания и востребованности онлайн-заказов и доставок ресторанных блюд) имеет стимулирующее воздействие на развитие ресторанного рынка; другие факторы (снижение количества зарубежных туристов, рост инфляции, падение доходов россиян, повышение стоимости сырья и оборудования) негативно воздействуют на ресторанный рынок.

2. Основными трендами московского ресторанного рынка являются: ориентация ресторанов на приготовление блюд здорового питания и вегетарианской кухни; использование фермерских продуктов и локальных ингредиентов в приготовляемых блюдах; внедрение технологических инноваций, упрощающих потребительский опыт; ориентация на принципы устойчивого развития и экологичности в бизнес-модели; разнообразие ресторанных форматов, блюд и напитков с учетом потребностей представителей различных сегментов потребителей; следование высокому уровню обслуживания и персональному подходу к потребителям; востребованность доставки ресторанных блюд и услуги «еда навынос».

3. Потребительские практики на ресторанном рынке свидетельствуют, с одной стороны, об активном вовлечении аудитории в посещение московских ресторанов, кафе и баров, а с другой – об использовании услуг по доставке ресторанных блюд через мобильные приложения и сайты ресторанов.

4. Выявлено доминирующее воздействие рациональных факторов при осуществлении выбора потребителями ресторана для посещения, что свидетельствует об осознанности потребителей в принятии решений.

5. Выявлено изменение структуры потребительской мотивации при посещении ресторанов и кафе. Основными потребностями, которые находятся в основе мотивов к посещению учреждений ресторанного бизнеса, являются потребность в коммуникации (общение с друзьями и коллегами в рамках официальных и неофициальных встреч в ресторанах) и потребность в получении удовольствия (гедонистический мотив).

В качестве направлений дальнейших исследований, соответствующих предметной области, обозначим: изучение изменения потребительских практик под воздействием условий VUCA-среды; изучение влияния цифровых и стандартных коммуникационных инструментов на принятие решения о посещении ресторана; изучение феномена посещения заведений ресторанного бизнеса клиентами с ограниченным бюджетом.

Список литературы

1. *Копылова Е.Е., Макушева О.Н., Тимохович А.Н.* Перспективы развития рекламной деятельности в индустрии туризма и гостеприимства. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023;3:70–74. <https://doi.org/10.17513/vaael.2742>
2. *Неуструева А.С.* Рынок общественного питания в России: особенности и тенденции развития. Дневник науки. 2024;2(86):87–98.
3. *Зарецкий Е.Н.* Критерии повышения уровня конкурентоспособности отечественного ресторанного бизнеса. Основы экономики, управления и права. 2023;2(37):89–94. https://doi.org/10.51608/23058641_2023_2_89
4. *Чаусов Н.Ю., Власенков А.А.* Качество обслуживания на предприятии общественного питания. Экономика и управление: проблемы, решения. 2023;7(139):72–81. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.07.02.005>
5. *Лаврова Т.А.* Экономические особенности деятельности ресторанов в условиях неблагоприятной конъюнктуры рынка. Вестник индустрии гостеприимства. 2022;10:50–53.
6. *Fields R.* Restaurant Success by the Numbers. USA: Ten Speed Press; 2014. 320 p.

7. Вютерс Б., Грози Ж. Онлайн-влияние. Как управлять поведением людей, чтобы они совершали покупки в онлайн. М.: Библос; 2021. 448 с.
8. Кетова Н.П., Бутусова Д.А. Стратегия социального медиа-маркетинга, стимулирующая потребительскую активность посетителей современного ресторана: управленческие аспекты. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет; 2021. 174 с.
9. Grigsby M. Marketing Analytics: A Practical Guide to Improving Consumer Insights Using Data Techniques. London: Kogan Page; 2018. 240 p.
10. Полюнская Г.А. Классификация посетителей традиционных ресторанов по уровню удовлетворенности: влияние когнитивных и эмоциональных составляющих. Маркетинг и маркетинговые исследования. 2020;3:218–229.
11. Латышова Л.С. Маркетинговый анализ: инструментарий и кейсы. М.: Дашков и Ко; 2021. 142 с.

References

1. Konovalova E.E., Makusheva O.N., Timokhovich A.N. Prospects for the development of advertising activities in the tourism and hospitality industry. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023;3:70–74. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.2742>
2. Neustrueva A.S. Public catering market in Russia: key features and development trends. Dnevnik nauki. 2024;2(86):87–98. (In Russian).
3. Zaretsky E.N. Problems of increasing the level of competitiveness of the domestic restaurant business. Economy, Governance and Law Basis. 2023;2(37):89–94. (In Russian). https://doi.org/10.51608/23058641_2023_2_89
4. Chausov N.Yu., Vlasenkov A.A. The quality of service at the catering company. Economics and management: problems, solutions. 2023;7(139):72–81. (In Russian). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.07.02.005>
5. Lavrova T.A. Economic features of restaurants' activities in the conditions of unfavorable market conditions. Bulletin of the hospitality industry. 2022;10:50–53. (In Russian).
6. Fields R. Restaurant Success by the Numbers. USA: Ten Speed Press; 2014. 320 p.
7. Wuters B., Groen J. Online Influence. How to manage people's behavior to shop online. Moscow: Biblos; 2021. 448 p. (In Russian).
8. Ketova N.P., Butusova D.A. Strategy of social media-marketing, stimulating consumer activity of modern restaurant visitors: managerial aspects. Rostov-on-Don: Southern Federal University; 2021. 174 p. (In Russian).
9. Grigsby M. Marketing Analytics: a Practical Guide to Improving Consumer Insights Using Data Techniques. London: Kogan Page; 2018. 240 p.
10. Polyinskaya G.A. Classification of traditional restaurants visitors by level of satisfaction: influence of cognitive and emotional components. Marketing and marketing research. 2020;3:218–229. (In Russian).
11. Latsysova L.S. Marketing analysis: tools and cases. Moscow: Dashkov & Co.; 2021. 142 p. (In Russian).

Вовлечение неиспользуемых земель в хозяйственный оборот аграрной сферы региона: институциональное регулирование и экономическая целесообразность

Трофимова Валентина Ивановна

Канд. с.-х. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0003-3765-2320, e-mail: nii_apk_sar@mail.ru

Поволжский научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса – обособленное структурное подразделение Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия

Аннотация

Показана необходимость институционального регулирования процесса вовлечения в хозяйственный оборот аграрной сферы региона неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения. Представлены количественная и качественная характеристики выведенных ранее из оборота сельскохозяйственных угодий земель, их территориальное распределение по почвенно-климатическим микроразонам и административным районам региона, продолжительность неиспользуемого периода, уровень остаточного плодородия (по содержанию гумуса), степень деградирования земельных участков. Разработан и предложен для использования расчетно-аналитический комплекс – алгоритм, представляющий четырехэтапный механизм анализа, подготовки и принятия решений по выбору способа восстановления земельных участков и варианта их дальнейшего использования. Рекомендуется использовать три варианта восстановления земельных участков: прямой возврат в хозяйственный оборот при непродолжительном сроке неиспользования; проведение культуртехнических мероприятий с последующим введением в оборот; перевод в другую категорию использования в случае высокой степени деградации и низкого уровня плодородия. Разработанный алгоритм вовлечения неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения направлен на сохранение земельного потенциала региона, укрепление системы рационального землепользования. Представленные этапы обеспечивают не только теоретико-методическую, но и практическую значимость. Область применения – научные организации, органы управления агропромышленного комплекса на муниципальном и региональном уровнях, сельхозпроизводители.

Ключевые слова

Институциональное регулирование, неиспользуемые земли сельскохозяйственного назначения, оценка плодородия почв, состояние пашни, введение земель в оборот, алгоритм

Для цитирования: Трофимова В.И. Вовлечение неиспользуемых земель в хозяйственный оборот аграрной сферы региона: институциональное регулирование и экономическая целесообразность // Вестник университета. 2024. № 8. С. 95–108.

Involving unused land in the economic turnover of the agricultural sector of a region: institutional regulation and economic feasibility

Valentina I. Trofimova

Cand Sci. (Agr.), Senior Researcher

ORCID: 0000-0003-3765-2320, e-mail: niu_apk_sar@mail.ru

Povolzhskiy Scientific Research Institute of Economic and Organization of Agroindustrial Complex –
Subdivision of the Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia

Abstract

The article shows the necessity of institutional regulation of the process of involving unused agricultural land into the economic turnover of the agrarian sphere of a region. It presents quantitative and qualitative characteristics of previously withdrawn agricultural lands, their territorial distribution by soil and climatic microzones and administrative districts of a region, unused period duration, residual fertility level (in terms of humus content), and land plots degradation degree. A calculation-analytical complex such as an algorithm representing a four-stage mechanism of analysis, preparation and decision-making on the choice of the land plots restoration method and their further use option has been developed and proposed for use. It is recommended to use three options for land plots restoration: direct return to economic turnover in case of a short period of non-use; carrying out cultural and technical measures with subsequent implementation into the turnover; transfer to another category of use in case of a high degree of degradation and low fertility level. The developed algorithm of unused agricultural land involvement is aimed at preserving the land potential of a region, strengthening the rational land use system. The presented stages provide not only theoretical and methodological, but also practical significance. Application scope is scientific organizations, agroindustrial complex management bodies at the municipal and regional levels, and agricultural producers.

Keywords

Institutional regulation, unused agricultural land, soil fertility assessment, arable land condition, land into circulation implementation, algorithm

For citation: Trofimova V.I. (2024) Involving unused land in the economic turnover of the agricultural sector of a region: institutional regulation and economic feasibility. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 95–108.

ВВЕДЕНИЕ

Решению проблемы вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения в настоящее время посвящено много исследований, в которых основная роль отводится институциональным преобразованиям, способствующим более быстрому вводу пустующих земель в оборот, в том числе за счет совершенствования правового механизма выявления неиспользуемых земель, принудительного прекращения прав на них и их предстоящего вовлечения в хозяйственный оборот, которое считается одной из приоритетных задач в сфере земельных отношений. Проблеме и решению нерационального использования земель сельскохозяйственного назначения уделяется достаточно внимания научной общественностью и органами государственной власти, однако до сих пор существенных изменений не произошло.

Все действия по решению данного вопроса должны быть основаны на законодательных нормах и институтах. Однако, поскольку сами институты изменяются в ходе экономического развития, возникают трудности, связанные с регулированием процесса перераспределения во времени объемов земельных ресурсов между собственниками и пользователями. Среди комплекса таких задач прежде всего необходимо отметить проблемы взаимодополняемости институтов, экономической эффективности их функционирования, обеспечения реализации конкретных механизмов, непосредственно влияющих как на процесс регулирования, так и на его результаты [1].

В трудах отечественных экономистов преобладает подход к институтам как к правилам и нормам, регулирующим взаимодействие экономических субъектов. В целом определение институтов можно свести к конкретизации неформальных и формальных правил [2–4]. По мнению Г.Н. Никоновой и А.Г. Трафимова, регулирование рынка земли должно опираться не на теорию либерализма, но на положения экономической концепции институционализма, где государство, рынок, собственность рассматриваются как институты в их взаимодействии и комбинации [2].

Оборот земли во все периоды истории был регулируемым, поэтому институты, то есть формальные и неформальные правила, направленные на регулирование экономических процессов и закрепленные в законодательных и нормативных актах, традициях сложившейся практики, определяют рамки этого регулирования, служат основой для вовлечения в оборот и влияют на состояние и динамику земельного оборота [5].

С точки зрения А.В. Карпушкиной, под институциональным регулированием подразумеваются разработка, дополнение, корректировка, а также введение институтов, обеспечивающих своевременное и непротиворечивое согласование и реализацию интересов взаимодействия экономических субъектов, что способствует устойчивому развитию экономики [6].

Свои видения институционального регулирования представили В.Е. Охлопков и А.Г. Потеенко [7; 8]. Первый видит в институциональном регулировании динамичный процесс и явление, так как существуют издержки и ограничения, требующие существенной коррекции процессов вмешательства. Его концепция включает модификацию формальных и неформальных норм. Второй рассматривает институциональное регулирование как особый вид упорядочения взаимодействий субъектов рыночной экономики, проявляющийся в формировании институтов и условий для реализации экономических интересов субъектов путем установления определенных правил и норм.

По данным С.Г. Кирдиной, процесс институциональных изменений понимается как процесс совершенствования институциональных форм [9]. Вопросами институциональных изменений занимались многие ученые [10–13]. В своих исследованиях Г.Б. Клейнер указывает на то, что в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) идет интенсивное и целенаправленное институциональное строительство, но результаты его пока не достигли полного удовлетворения для общества. Он отмечает необходимость глубокого переосмысления самой роли институтов в текущей экономической и социальной деятельности [11]. В работах В.И. Полтеровича рассматриваются проблемы трансплантации институтов из одной экономической среды в другую, но менее развитую. Разработанные приемы применяются для анализа реформирования экономики России [12].

Среди зарубежных ученых в области институционализма можно отметить Д. Норта, который считал, что институциональные изменения могут стать результатом изменений в формальных правилах, неформальных нормах или же их выполнении [14]. Свою лепту в институции внес Ф. Хайек – для него сознание неразрывно связано с внешней средой. Он отмечает, что институты должны находить объяснение

в терминах интенциональности человека, что означает способность сознания относиться к вещам, свойствам и ситуациям, то есть выражать их [15].

Цель исследования – институционально объяснить и экономически обосновать целесообразность, механизмы восстановления и варианты использования вовлекаемых в оборот земельных участков.

Теоретическую, методологическую и информационную базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, занимающихся вопросами институционального регулирования в области земельных отношений. В совокупности с монографическим методом для построения алгоритма вовлечения в оборот неиспользуемых земель применялись различные приемы познания, систематизации и обобщения аналитической информации. Источниками информации послужили материалы Федеральной службы государственной статистики, нормативно-правовые акты региональных и муниципальных органов власти, интернет-ресурсы.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБОРОТА ЗЕМЕЛЬ АГРАРНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

На этапе земельного оборота изучение формальных и неформальных правил и норм важно тем, что они задают определенное направление развитию земельных отношений и состоянию земельного оборота в определенный момент времени. С позиции Д. Ходжсона в земельном обороте институты являются регулируемыми, и это регулирование осуществляется на практике с учетом транзакционных издержек самого оборота. В своих исследованиях он рассматривает институты как «системы устойчивых и общепринятых социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия» [16, с. 37]. Перуанский экономист Э. де Сото приводит различные примеры, где нелегальный оборот участков земли идет активнее легального [17]. Российский ученый В.Л. Тамбовцев указывает на то, что между формальными и неформальными институтами возникает конкуренция, в результате чего побеждает тот, у кого степень распространения использования больше [18].

Институциональный анализ можно определить как методологию исследования, которая изучает влияние институтов и организаций на экономику, определяет транзакционные издержки, обусловленные ими, и в свою очередь признает ограниченную рациональность индивида и оппортунистическое поведение всех участников взаимоотношений. В соответствии с институциональным подходом в экономических исследованиях при разработке мероприятий, способствующих повышению эффективности использования земли, нельзя ограничиваться анализом только экономических процессов – необходимо включить в анализ такие институты, как институт земельного права, регулирующий оборот земель сельскохозяйственного назначения, а также институт частной собственности, решающий проблемы владения, пользования и распоряжения землей.

На основе системно-эволюционного подхода институциональное регулирование земель сельскохозяйственного назначения можно представить как воздействие на их предложение и спрос, включающее социальные и правовые структуры, нормы и правила, в целях обеспечения равновесия в соответствии с требованиями, предъявляемыми к поведению и интересам субъектов. Правовое регулирование отношений в области оборота земельных ресурсов осуществляется Конституцией РФ, Земельным кодексом РФ, Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и другими федеральными и региональными нормативными и правовыми актами^{1,2,3}.

Земля как средство производства выполняет важную роль в различных отраслях экономики, но для аграрного сектора она является главным средством производства, способствующим обеспечению продовольственной безопасности страны. В зоне проведения исследований (Саратовская область) земельный фонд в 2022 г. составлял 10 124,0 тыс. га. В структуре земельного фонда преобладают земли сельскохозяйственного назначения, на долю которых приходится 85,4 % общей земли, или 8 649,4 тыс. га. Большая часть земель сельскохозяйственного назначения занята пашнями, пастбищами, сенокосами и многолетними насаждениями. Вся посевная площадь в 2022 г. насчитывала 4 305 тыс. га⁴.

¹ Конституция Российской Федерации (с изменениями на 1 июня 2020 г.). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9004937?marker=64U0IK/> (дата обращения: 01.06.2024).

² Земельный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 16 февраля 2022 г.). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/74410000> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (с изменениями на 30 декабря 2021 г.). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901821169> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Режим доступа: <https://srtv.gks.ru> (дата обращения: 01.06.2024).

Отражением правового регулирования земельных отношений в земельном законодательстве являются требования целевого использования земельных участков, запрета нарушения плодородия почв и ухудшения экологической ситуации, а также применение мер экономического стимулирования охраны земель. Тем не менее повсеместно происходит сокращение самых ценных земель, осуществляются неуправляемый рыночный оборот земель сельскохозяйственного назначения и перевод их в другие категории, в частности в земли населенных пунктов [19]. Эффективность введения в активный оборот неиспользуемых земель в основном зависит от качества почв. Отрицательными последствиями для земель являются такие негативные процессы, как ветровая и водная эрозия, переувлажнение, подтопление, засоление, осолонцевание, дефляция и в конечном итоге деградация почв. Кроме того, для земель сельскохозяйственного назначения характерно зарастание различной древесной и кустарниковой растительностью, что приводит к их выбыванию из оборота.

Для повышения эффективности землепользования прежде всего необходимо стимулировать развитие рыночного оборота в сфере земельных отношений, а также способствовать свободному доступу к приобретению земли в собственность или в аренду. Главным регулятором земельных отношений является государственный сектор, которому как институту присущи институциональная среда и институциональные соглашения. Государственные органы должны быть гарантом реализации прав и свобод граждан и содействовать эффективной реализации экономического потенциала земли [20].

В настоящее время вопросам использования и сохранности сельскохозяйственных земель уделяется особое внимание, что отражено в постановлении Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 731 «О государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации на период с 2022 г. по 2031 год»⁵. Это связано с тем, что значительные территории плодородных земель в России используются нерационально. Основные причины – это низкая кадастровая стоимость земель первой категории, что не стимулирует их владельцев на бережное отношение, а также отсутствие спроса. Следствием сокращения и неиспользования пашни является слабое финансово-экономическое положение многих сельхозтоваропроизводителей, обуславливающее недостаточность мероприятий по мелиорации и восстановлению плодородия почв.

Одна из причин роста площади пустующих сельскохозяйственных земель – это неиспользуемые земельные доли, которые составляют по стране 14,2 млн га. Для решения этой проблемы законодательством предусмотрена возможность выделения земельных участков в счет «невостребованных» земельных долей с последующим признанием на них прав государственной или муниципальной собственности, что позволяет на легальной основе пользоваться земельными участками заинтересованным юридическим и физическим лицам, вводя их в активный оборот.

Вовлечение в хозяйственный оборот невостребованных земельных долей и неиспользованных земельных участков зависит от реализации ряда направлений: формирование информационных ресурсов об использовании земель сельскохозяйственного назначения; перераспределение данных земель более эффективным собственникам, пользователям и арендаторам; экономическое стимулирование использования данных земель. Назрела необходимость формирования достоверности сведений о количественных и качественных характеристиках сельскохозяйственных угодий, вовлекаемых в хозяйственный оборот, с последующим внесением всей информации о них в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН), а также в Единую Федеральную информационную систему о землях сельскохозяйственного назначения.

В 2020 г. Постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1482 регламентированы новые признаки, по которым земли сельскохозяйственного назначения считаются неиспользуемыми⁶:

- 1) четверть земельного участка не используется для нужд сельского хозяйства;
- 2) зарастание сорной растительностью на половине площади участка;
- 3) самовольные постройки;
- 4) загрязнение земельного участка химическими веществами;

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731 «О государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации на период с 2022 г. по 2031 год». Режим доступа: <https://base.garant.ru/400773886/> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 г. № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или неиспользования с нарушением законодательства Российской Федерации». Режим доступа: <https://base.garant.ru/74664078/> (дата обращения: 01.06.2024).

5) захламливание участка на площади более 20 %.

Проблему вовлечения неиспользуемых земель в активный сельскохозяйственный оборот стало возможным решить с помощью проведения инвентаризации земель сельскохозяйственного назначения с учетом их качественного состояния, что позволит определить и уточнить площади используемых угодий.

В России в качестве базовой категории оценки земли получила развитие бонитировка почв в соответствии с Общепринятой инструкцией в 1967 г. Однако, по мнению В.И. Кирюшина, существенным недостатком проводившейся бонитировки почв явилась слабая связь почвенных факторов с другими агроэкологическими условиями [21]. В настоящее время с применением наукоемких агротехнологий возрастает вклад человека в продуктивность земли, в связи с чем увеличивается количество агроэкологических показателей, которые устраняют или смягчают лимитирующие условия. В современном природопользовании оценка земель приобретает все более дифференцированный характер.

Земли сельскохозяйственного назначения относятся к отдельной категории земель. Для них установлен особый правовой режим, целью которого являются не только охрана и повышение плодородия почв, но и недопущение выведения таких земель из сельскохозяйственного оборота. Земельным кодексом РФ они не были отнесены ни к изъятым из оборота, ни к ограниченным в обороте и являются оборотоспособными. Решению задачи вовлечения в активное использование земель сельскохозяйственного назначения может способствовать комплекс эффективных мероприятий по стимулированию их целевого и рационального использования, связанных с правовым обеспечением, а также экономическим, экологическим и организационно-хозяйственным механизмами.

Одной из проблем невостребованных земель, требующей особого внимания, является проведение государственного и муниципального контроля за использованием земель сельскохозяйственного назначения. В связи с этим необходим систематический контроль исполнения требований земельного законодательства путем: административного обследования и выявления неиспользуемых земель; установления земельных участков, используемых не по назначению; проведения анализа правовых актов, принятых органами государственной власти и органами местного самоуправления по вопросам использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения.

Система учета земель включает две формы: основной и текущий учет. Формой основного учета является инвентаризация земель, которая проводится для выявления неиспользуемых, нерационально используемых или используемых не по целевому назначению земельных участков. Текущий учет земель, осуществляемый в форме государственного кадастрового учета, не может решить все проблемы, так как не все земельные участки прошли процедуру «Государственного кадастра недвижимости» и поставлены на учет без проведения кадастровых работ по установлению площади земельных участков и их границ по местоположению.

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ НЕИСПОЛЬЗУЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Саратовская область является одним из ведущих аграрных регионов России. В ней насчитывается 38 административных районов. С северо-запада на юго-восток ее пересекают четыре природные зоны: лесостепь, засушливая черноземная степь, сухая степь с темно-каштановыми и каштановыми почвами и полупустынная степь со светло-каштановыми и бурыми почвами.

Соотношение типов почв в земельных ресурсах области следующее: черноземы – 50,4 %; каштановые – 30,0%; солонцовые комплексы – 11,5%; аллювиальные почвы – 6,3%; прочие – 1,8%. В табл. 1 приводятся сведения о качестве сельскохозяйственных угодий региона.

Таблица 1

Качественное состояние сельскохозяйственных угодий по признакам, отрицательно влияющих на плодородие почвы Саратовской области

Качественная характеристика	Площадь сельскохозяйственных угодий, тыс. га	Доля от общей площади, %
Засоленные	1 091,5	12,8
С солонцовыми комплексами	1 233,0	14,5

Окончание табл. 1

Качественная характеристика	Площадь сельскохозяйственных угодий, тыс. га	Доля от общей площади, %
Кислые	13,2	0,2
Переувлажненные	133,2	1,6
Заболоченные	15,7	0,2
Каменистые	133,2	1,6
Покрытые кочками	9,9	0,1
Заросшие кустарником	28,7	0,3
Заросшие лесом	13,5	0,2
Сбитые (пастбища)	1 027,0	12,1

Составлено автором по материалам источника [22]

Данные таблицы указывают на то, что в регионе значительные площади почв являются засоленными и солонцовыми, что предусматривает их гипсование.

В соответствии с почвенно-климатическими зонами область подразделяется на 7 природно-экономических микрзон: Западная правобережная, Центральная правобережная, Северная правобережная, Пригородная, Северная левобережная, Центральная левобережная, Юго-Восточная левобережная. Все микрзоны различаются по своему плодородию, которое зависит от содержания гумуса – чем мощнее гумусовый горизонт, тем почва качественнее [23].

В исследованиях выполнялась работа по выявлению неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения в регионе, где по всем районам дана оценка их плодородия (по степени гумусированности почвы: низкая, средняя, высокая), по периоду неиспользования земли (до двух лет, от двух до 10 и более 10 лет), по состоянию неиспользуемых земель (закустаренность, залесенность, заболочивание, засоление, эрозия водная и ветровая) (табл. 2) [23]⁷.

Неиспользуемая пашня свойственна для 6 микрзон. В Северной левобережной микрзоне незадействованные земли отсутствуют. В остальных имеется пустующая пашня. Для территории Западной микрзоны характерны наиболее высокий уровень увлажнения и наименьшая континентальность климата в сравнении с другими микрзонами. Здесь не используется всего 800 га земли, в том числе 100 га не обрабатывается до 10 лет, а 700 – более 10. Преобладают в основном черноземы типичные с содержанием гумуса в почве от 6,1 до 8,1 %. Это указывает на ее качество, от которого зависит ценность земли, что важно при вовлечении ее в хозяйственный оборот. Мощность перегнойного горизонта этих почв составляет от 40 до 56 см. Состояние данных земель характеризуется закустаренностью и местами заболоченностью. Наблюдается водная эрозия, степень эродированности – 25–50 %.

Почвенные ресурсы Центральной правобережной микрзоны относятся к черноземам обыкновенным и типичным. Мощность гумусного горизонта составляет от 40 до 50 см; имеются маломощные щебенчатые черноземы. Последние характерны для Красноармейского района, где из-за большого количества таких почв используется всего до 40 % пашни. Не обрабатываются до двух лет – 5,1 тыс. га земли, более 10 лет – 7,8 тыс. га, и почвы характеризуются низким содержанием гумуса. Еще в двух районах этой микрзоны имеются неиспользуемые земли: в Екатериновском более 10 лет без обработки находится 2,6 тыс. га, в Лысогорском – 3,4 тыс. га до 10 лет. В целом по микрзоне не обрабатывается 20,2 тыс. га пашни. Пустующие земли в некоторой степени закустарены и подвержены водной эрозии со степенью эродированности от 25 до 50 %.

Из 7 районов Северной правобережной микрзоны в 6 имеется необрабатываемая пашня с распространением различных почв от светло-серых до черноземов и содержанием гумуса от низкого до среднего (3,5–6,1 %). Мощность перегнойного слоя в некоторых местах достигает до 40 см. Меньшие площади без обработки находятся в Новобурасском и Петровском районах. Больше всего таких земель в Вольском районе – 25,3 тыс. га с периодом неиспользования более 10 лет. В данной зоне насчитывается 31,1 тыс. га пустующей пашни. По своему состоянию она отличается закустаренностью и залесенностью. Для рассматриваемой микрзоны присущи повышенный сток весенних вод и значительное проявление водной эрозии, степень эродированности достаточно высокая и составляет 50–75 %.

⁷ Государственная станция агрохимической службы «Саратовская». Режим доступа: <https://saraग्रохим.рф> (дата обращения: 01.06.2024).

Таблица 2

Неиспользуемая пашня в Саратовской области и содержание гумуса

Район	Площадь, пашни всего, тыс. га	Неиспользуемая пашня				Содержание гумуса		Содержание гумуса		
		Всего		в том числе		%	Площадь, %	%	Площадь, %	
		Тыс. га	%	До 2 лет	От 2 до 10 лет					Более 10 лет
Западная микроразона										
Ртищевский	155,2	0,8	0,5	0,0	0,1	0,7	6,1-7,0	37	7,1-8,1	45
Центральная правобережная микроразона										
Екатериновский	224,6	2,6	1,2	0,00	0,0	2,6	< 5	29	6,1-7,0	55
Красноармейский	163,4	14,2	8,7	5,10	1,3	7,8	4,1-4,5	59	4,6-5,0	32
Львовский	128,7	3,4	2,6	0,00	3,4	0,0	< 5	6	5,1-6,0	94
Северная правобережная микроразона										
Базарно-Карабулакский	133,5	1,9	1,4	0,00	1,9	0,0	-	-	5,1-6,1	78
Балтайский	67,5	2,4	3,6	0,20	0,6	1,6	< 5	78	5,1-6,1	19
Вольский	148,1	26,2	17,7	0,00	0,9	25,3	5,1-6,0	81	-	-
Воскресенский	72,8	0,7	1,0	0,04	0,0	0,6	3,5-4,0	86	-	-
Новобураский	101,1	0,9	0,9	0,00	0,9	0,0	5,1-6,0	64	6,1-7,0	23
Петровский	167,8	0,9	0,5	0,70	0,0	0,9	5,1-6,0	60	6,1-7,0	32
Пригородная микроразона										
Гагаринский	88,0	21,9	24,9	6,00	15,2	0,7	< 3,5	69	-	-
Татищевский	103,4	0,3	0,3	0,00	0,3	0,0	5,1-6,0	23	7,1-8,0	57
Энгельский	165,6	2,6	1,6	0,02	0,17	2,5	2,6-3,0	63	3,1-3,5	37

Окончание табл. 2

Район	Площадь, пашни всего, тыс. га	Неиспользуемая пашня				Содержание гумуса		Содержание гумуса		
		Всего		в том числе		%	Площадь, %	%	Площадь, %	
		Тыс. га	%	До 2 лет	От 2 до 10 лет					Более 10 лет
Центральная левобережная микрорегиона										
Ершовский	320,9	7,2	2,2	0,00	7,2	0,0	2,6–3,0	36	3,1–3,5	64
Краснокутский	208,1	7,9	3,8	0,00	0,3	7,6	2,1–2,5	66	> 3,5	25
Краснопартизанский	171,1	1,5	0,9	0,10	1,4	0,0	< 3,1	34	3,1–3,5	66
Ровенский	122,8	9,1	7,4	2,90	0,7	5,5	3,6–4,0	–	> 4,0	73
Федоровский	205,0	8,3	4,0	7,30	0,0	1,0	2,6–3,0	26	3,1–3,5	74
Юго-восточная микрорегиона										
Александровогайский	87,1	21,1	24,2	0,00	5,0	16,1	непахотно-пригодные	40	–	–
Дергачевский	328,6	55,2	16,8	0,10	0,0	55,2	2,1–2,5	25	2,6–3,1	74
Новоузенский	255,8	45,5	17,8	0,00	18,0	27,5	2,1–2,5	75	2,6–3,0	25
Озинский	251,9	22,5	10,4	0,00	0,0	22,5	2,1–2,5	40	2,6–3,0	60
Питерский	192,1	46,7	24,3	11,00	20,1	15,6	2,1–2,5	83	–	–

Составлено автором по материалам источника [23]⁸⁸ Государственная станция агрохимической службы «Саратовская». Режим доступа: <https://saratrohim.rf> (дата обращения: 01.06.2024).

Преобладающими почвами Пригородной микрозоны являются черноземы южные глинистые и черноземы обыкновенные глинистые с очень низкой обеспеченностью гумусом (2,6–3,0 %) и мощностью перегнойного слоя до 37–40 см. Пашня здесь не обрабатывается до двух и более 10 лет. Значительные площади пустуют в Гагаринском районе и составляют почти 22 тыс. га. Существенно меньше таких земель в Энгельском (1,6 тыс. га) и Татищевском (0,3 тыс. га) районах, в целом без обработки находится 24,8 тыс. га. Эти земли характеризуются в большей степени заустаренностью, имеются даже с очаговой залесенностью. В Энгельском районе наблюдается ветровая эрозия со степенью эродированности в 25 %, в двух других районах – водная эрозия, достигающая 50–75 % эродированности.

Среди почв Северной левобережной микрозоны распространены в основном черноземы южные с мощностью гумусового горизонта от 32 до 47 см. Все земельные массивы обрабатываются, площадь пашни засеивается сельскохозяйственными культурами.

В Центральной левобережной микрозоне почвенный покров сравнительно однообразен и обусловлен темно-каштановыми почвами со средней и низкой обеспеченностью гумусом (3,1–3,5 %). У таких почв мощность перегнойного слоя составляет от 20 до 45 см. Из 6 районов зоны в пяти присутствуют необрабатываемые земли от 1,5 до 9,1 тыс. га, всего по зоне числится 24,8 тыс. га. Пашня без обработки в периоде до 10 и более лет. Почвы подвержены водной и ветровой эрозии, степень эродированности составляет до 50 %.

На территории Юго-Восточной микрозоны почвенный покров неоднороден, преобладают в основном каштановые и светло-каштановые почвы. Распространены комплексы с преимуществом солонцов и других засоленных почв. Мозаичность почвенного покрова обусловлена засушливостью климата, малым количеством выпадающих осадков и их высокой испаряемостью. Содержание гумуса в почве низкое (2,1–2,5 %), имеются средние показатели (2,6–3,0 %), он занимает до 60–74 % от всей площади. В Александровогайском районе насчитывается до 40 % непригоднопахотных земель из-за солончаковатых солонцов. Всего в данной микрозоне неиспользуемые земли составляют около 170 тыс. га. Преобладает водная эрозия, степень эродированности почв достигает от 50 до 75 %.

Анализ состояния неиспользуемой земли показал, что с продвижением с северо-запада на юго-восток ее площадь увеличивается. Причины этого заключаются не только в хозяйственной деятельности ряда районов, но и в основном в почвенно-климатических условиях. На сельскохозяйственных угодьях региона наблюдается заметное увеличение пашни с солонцовыми почвами, подверженных засухам, эрозии и дефляции (выветривание). По данным государственной станции агрохимической службы «Саратовская», в области более 2,7 тыс. га пашни (около 50 %) характеризуется низким содержанием гумуса, а его среднегодовой дефицит составляет 0,2 т на га.

АЛГОРИТМ ЭКОНОМИЧЕСКИ ЭФФЕКТИВНОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ В ОБОРОТ НЕИСПОЛЬЗУЕМЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ

Процесс вовлечения земель сельскохозяйственного назначения в оборот основывается на реализации таких направлений, как формирование информационных ресурсов об использовании данных земель, их количественная и качественная характеристика, мероприятия по улучшению плодородия и принятие решения о целесообразности ввода в сельскохозяйственный оборот.

По данным критериям был разработан алгоритм вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения (рис. 1).

Алгоритм состоит из четырех этапов. Первый этап включает выявление неиспользуемого земельного участка с непосредственным участием Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр), Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, а также администраций муниципальных образований с определением на него прав собственности, обозначения точных границ.

В рамках первого этапа алгоритма рассматриваются несколько блоков. Определение местонахождения земельного участка и его недостатков выполняет блок А, в котором можно использовать несколько решений: кадастровый номер (регион, район, хозяйство, севооборот); по адресу с отображением земельного участка по кадастровой карте; осмотр на местности (визуально).

Примечание: Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, Россельхознадзор – Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Алгоритм вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения

После выявления земельного участка проводится оценка его плодородия по содержанию гумуса в почве (блок Б). Этот показатель в зависимости от качества почвы варьируется от низкого (5,1–6,0 %) до высокого (более 8 %). В наших исследованиях большая часть пашни характеризовалась низким и средним содержанием гумуса, меньшая часть – повышенным и высоким. Для введения в хозяйственный оборот неиспользуемых земель необходимо точное представление о площадях, находящихся на данный момент в обработке, а также о количестве неиспользуемых земель и их качественном состоянии в настоящее время. В целом количественный и качественный состав определяется в процессе инвентаризации земель сельскохозяйственного назначения. Инвентаризация земель проводится также для выявления неиспользуемых, нерационально используемых или используемых не по целевому назначению и не в соответствии с разрешенным использованием земельных участков.

Блок В отражает период неиспользования земельного участка. В исследовании выделялись три категории: до двух лет, от двух до 10 и более 10 лет. Землям сельскохозяйственного назначения свойственно зарастание различной древесно-кустарниковой растительностью, что представляет основную причину их выбывания из оборота. По данным агрохимической службы Саратовской области, в большинстве районов земельные участки не обрабатываются более 10 лет и насчитывают 185,4 тыс. га, от двух лет неиспользования до 10 площадь составляет 75,3 тыс. га, меньше всего пустующей земли до двух лет – 33,5 тыс. га, что соответствует 61,0 %, 25,5 % и 11,0 % соответственно от всей неиспользуемой пашни.

Блок Г анализирует состояние неиспользуемой пашни, выявляет наличие кустарников, древесной растительности, сорных растений, водной и ветровой эрозии почв и степень эродированности.

Проведение всех мероприятий по данным блокам дает основание перейти к выполнению следующего второго этапа алгоритма, который заключается в принятии управленческого решения по вовлечению неиспользуемых земель в хозяйственный оборот. Здесь принимают участие Министерство сельского хозяйства региона, территориальный орган государственной статистики, Росреестр, районные муниципалитеты, а также сельскохозяйственные организации, на территории которых находятся необрабатываемые земельные участки. Анализируются данные об объекте управления (изучение свойств земли путем обследования и инвентаризации); ведение земельного кадастра (регистрация, оценка); мониторинг земель. По результатам проведенных мероприятий принимаются управленческие решения:

зонирование территорий, прогнозирование и проектирование использования земель сельскохозяйственного назначения.

Зонирование территорий осуществляется путем проведения обследований и оценочных работ. Прогнозирование и проектирование оформляется в виде отдельных документов, схем, включая технико-экономическое обоснование, а также планов и проектов, разрабатываемых для системы землепользования.

Далее следует третий этап выполнения алгоритма, включающий реализацию управленческого решения. В него входят: перераспределение земель (отвод, изъятие); финансирование мероприятий по улучшению качества земли, регулированию рыночного оборота земель; экономическое стимулирование рационального землепользования. Экономико-управленческие решения по организации рационального использования земель сельскохозяйственного назначения принимаются органами самоуправления. Мероприятия по вовлечению в оборот неиспользуемых участков начинаются со сбора информации, которая считается как государственный информационный ресурс и хранится в ЕГРН. Принятие коллегиального решения по судьбе каждого необрабатываемого земельного участка приводит к заключению, каким образом в дальнейшем его использовать. Предлагаются три варианта: возврат земли в сельскохозяйственный оборот, проведение культуртехнических мероприятий, перевод земель в другую категорию.

Выявление и возврат в хозяйственный оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения (прежде всего пашни) являются важными управленческими задачами. Однако введению в оборот неиспользуемых земель мешает такая проблема, как несовершенство законодательной базы по отношению к землям сельскохозяйственного назначения, которые находятся в долевой собственности юридических и физических лиц. В настоящее время эффективными мерами, влияющими на вовлечение земельных участков в активный оборот, являются штрафы за нецелевое использование земель и повышенный земельный налог. Также применяется механизм изъятия участка, который не используется более трех лет, что предусмотрено ст. 6 Федерального закона № 101-ФЗ. Для проведения необходимых процедур оценки пригодности пустующих земель и вовлечения их в активный оборот в первую очередь разрабатывается план культуртехнических и мелиоративных мероприятий. Эффективность введения в хозяйственный оборот неиспользуемых земель напрямую зависит от их плодородия и степени зарастания. На местном уровне органами самоуправления готовится и утверждается план предстоящих работ по вовлечению таких земель в оборот.

При неиспользовании земельных участков до двух лет можно обойтись сравнительно малыми затратами по восстановлению, чтобы обеспечить их возврат в сельскохозяйственный оборот. Пустующие до 10 лет земли требуют более существенных затрат. Учитывается оценка качества земель сельскохозяйственного назначения, которая основывается на особенностях климата, свойствах почв, рельефа, естественной растительности.

Земли, не используемые более 10 лет, согласно Федеральному закону от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель», предусматривают проведение таких культуртехнических мероприятий, как расчистка от древесной и травянистой растительности, кочек, пней, камней, мелиоративная обработка солонцов, рыхление, землевание, пескование, глинование и др. Оценивается стоимость мелиоративных и других работ с учетом прогноза производства и реализации продукции с земельного участка на ближайший период (от трех до пяти лет). На данном этапе разрабатывается инвестиционный проект, формируются земельные участки для потенциальных инвесторов, правообладателей и заинтересованных лиц, рассчитывается объем инвестиций, осуществляется расчет экономической эффективности восстановления плодородия земельного участка и сроков окупаемости затрат на восстановление. По результатам проделанной работы подготавливается необходимый документ, который учитывает информационную базу, хранящуюся в ЕГРН, опирается на нее, содержит все экономические расчеты эффективности вовлечения необрабатываемых земельных участков сельскохозяйственного назначения в хозяйственный оборот, а также предложения и рекомендации управленческих решений в осуществлении рационального использования этих земель.

Путем согласованного управленческого решения брошенные земельные участки могут быть переведены в другую категорию, например, в категорию земель населенных пунктов, отчуждения под строительство. Введение в оборот неиспользуемых земель представляет длительный и трудозатратный процесс, предполагающий применение высоких агротехнологий и специальной техники, а также требующий вложения значительных инвестиций.

Четвертый этап включает введение земельного участка в оборот. Путем проведения всех расчетов принимается решение о целесообразности или невозможности ввода участка в сельскохозяйственный оборот.

Представленные в алгоритме этапы обеспечивают не только методическую эффективность, но и практическую значимость определения потенциала земель. Использование алгоритма направлено на сохранение земельного потенциала региона и укрепление системы рационального землепользования. Главная задача по введению в активный оборот земель сельскохозяйственного назначения состоит в создании условий для увеличения уровня производства сельскохозяйственной продукции и повышения занятости населения в сельской местности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При решении вопроса вовлечения в хозяйственный оборот аграрной сферы неиспользуемых земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения следует привлекать инструменты институционального регулирования земельных отношений, определяющего возможность и процедуру этого процесса, а также расчетные механизмы, устанавливающие допустимые границы экономической целесообразности. Принятию решения по вовлечению в оборот неиспользуемых земель должен предшествовать анализ их современного состояния по следующим параметрам: почвенному плодородию, продолжительности неиспользования, степени деградации.

Восстановление заброшенных земельных участков целесообразно осуществлять под контролем четырехэтапного расчетного комплекса «Алгоритм», позволяющего принимать три варианта управленческих решений по видам будущего использования земельного участка: возврат в хозяйственный оборот, проведение культуртехнических мероприятий с последующим введением в оборот, перевод в другую категорию земель.

По результатам исследования могут быть разработаны методические рекомендации по процедуре восстановления неиспользуемых земель и программный продукт для непосредственного внедрения в сельское хозяйство Саратовской области. Применение алгоритма направлено на сохранение земельного потенциала региона и укрепление системы рационального землепользования.

Список литературы

1. *Никонова Г.Н.* Институциональные аспекты регулирования земельных отношений. Никоновские чтения. 2006;11:372–373.
2. *Никонова Г.Н., Трафимов А.Г.* Институциональные основы государственного регулирования рынка земли в аграрном секторе. Экономика нового мира. 2017;4(8):37–51.
3. *Федюнина Е.Н., Оганесян А.О.* Институциональные факторы функционирования рынка сельскохозяйственных земель. Журнал экономической теории. 2019;4(8):810–823.
4. *Трофимова В.И.* Экономическое поведение субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения. Управление 2023;4(11):90–99. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-90-99>
5. *Шагайда Н.И.* Институциональные предпосылки оборота сельскохозяйственных земель в России. М.: ЭРД; 2006. 151 с.
6. *Карпушкина А.В.* Институциональное регулирование взаимодействия властных и предпринимательских структур. Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013;1:111–114.
7. *Охлопков В.Е.* Институциональные основы системы подготовки кадров высшей квалификации в Республике Саха (Якутия): состояние и перспективы. Якутск; 2003. 148 с.
8. *Потееенко А.Г.* Совершенствование институтов, обеспечивающих улучшение соотношения «инвестиции – инновации». Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011;4(38):181–184.
9. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию. СПб.: Нестор-История; 2014. 468 с.
10. *Аузан А.А.* Институциональная экономика для чайников. М.: Фешн Пресс; 2011. 127 с.
11. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука; 240 с.
12. *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов. Экономическая наука современной России. 2001;3:24–50.
13. *Сухарев О.С.* Институциональная теория и институциональная политика. Кн.1. Институциональная теория. Методический эскиз. М.: Экономика; 2007. 516 с.
14. *Норт Д.С.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики; 2010. 256 с.
15. *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум; 2020. 424 с.

16. Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М.: Дело; 2003. 464 с.
17. Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy; 1995. 320 с.
18. Тамбовцев В.А. Институциональные изменения в российской экономике. *Общественные науки и современность*. 1999;4:44–53.
19. Емельянова Т.А., Столяров В.М., Ломакин Г.В., Мельникова А.А. Актуальные проблемы введения в оборот неиспользуемых земель. *Московский экономический журнал*. 2019;11.
20. Кустова С.Б. Совершенствование методов государственного регулирования земель сельскохозяйственного назначения в регионе. *Проблемы современной экономики*. 2019;2(70):219–222.
21. Кирюшин В.И. Методология комплексной оценки сельскохозяйственных земель. *Почвоведение*. 2020;7: 871–879. <https://doi.org/10.31857/S0032180X20070060>
22. Синицына Н.Е., Гришин П.Н., Варюхин А.М. Почвенный покров Саратовской области и его агроэкологическая характеристика. Саратов: Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова; 2010. 124 с.
23. Гришин П.Н., Кравченко В.В., Болдырев В.А. Почвы Саратовской области, их происхождение, состав и агрохимические свойства. Саратов: Изд-во Саратовского университета; 2011. 174 с.

References

1. Nikonova G.N. Institutional aspects of land relations regulation. *Nikonovskie chteniya*. 2006;11:372–373. (In Russian).
2. Nikonova G.N., Trafimov A.G. Institutional bases of land market state regulation in the agrarian sector. *Ekonomika novogo mira*. 2017;4(8):37–51. (In Russian).
3. Fedyunina E.N., Oganesyan L.O. Institutional Factors of Agricultural Land Market Functioning. *Journal of Economic Theory*. 2019;4(8):810–823. (In Russian). <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.16>
4. Trofimova V.I. Economic behavior of agricultural land market subjects. *Upravlenie/Management (Russia)*. 2023;4(11):90–99. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-90-99>
5. Shagaida N.I. Institutional prerequisites of agricultural land turnover in Russia. Moscow: ERD; 2006. 151 p. (In Russian).
6. Karpushkina A.V. Institutional regulation of interaction between government and business structures. *Vestnik South Ural State University*. 2013;1:111–114. (In Russian).
7. Okhlopkov V.E. Institutional bases of higher qualification training system in the Republic of Sakha (Yakutia): state and prospects. Yakutsk; 2003. 148 p. (In Russian).
8. Potenko A.G. Perfection of the institutions providing improvement of the investments–innovations ratio. *Vestnik Saratov State Socio-Economic University*. 2011;4(38):181–184. (In Russian).
9. Kirdina S.G. Institutional matrices and development of Russia: introduction to X-Y-theory. St. Petersburg: Nestor-Istoria; 2014. 468 p. (In Russian).
10. Anzhan A.A. Institutional Economics for Dummies. Moscow: Fashion Press; 2011. 127 p. (In Russian).
11. Kleiner G.B. Evolution of institutional systems. Moscow: Nauka; 240 p. (In Russian).
12. Polterovich V.M. Economic institutions transplantation. *Economic Science of Modern Russia*. 2001;3:24–50. (In Russian).
13. Sukharev O.S. Institutional theory and institutional policy. Vol. 1. Institutional theory. Methodical sketch. Moscow: Ekonomika; 2007. 516 p. (In Russian).
14. North D.S. Understanding the process of economic change. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2010. 256 p. (In Russian).
15. Hayek F. Individualism and economic order. Chelyabinsk: Sotsium; 2020. 424 p. (In Russian).
16. Hodgson D. Economic theory and institutions. Moscow: Delo; 2003. 464 p. (In Russian).
17. Soto E. de. A different path. Invisible Revolution in the Third World. Moscow: Catallaxy; 1995. 320 p. (In Russian).
18. Tambortsev V.L. Institutional changes in Russian economy. *Sotsialnye nauki i sovremennost*. 1999;4:44–53. (In Russian).
19. Emelyanova T.A., Stolyarov V.M., Lomakin G.V., Melnikova A.A. Current issues of unused lands into turnover implementation. *Moscow Economic Journal*. 2019;11. (In Russian).
20. Kustova S.B. Improving the methods of state regulation over the market of agricultural lands in the region (Russia, Magadan). *Problems of Modern Economics*. 2019;2(70):219–222. (In Russian).
21. Kiryushin V.I. Methodology for integrated assessment of agricultural lands. *Eurasian Soil Science*. 2020;7:871–879. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0032180X20070060>
22. Sinitsina N.E., Grishin P.N., Varyukhin A.M. Soil cover of the Saratov region and its agroecological characterization. Saratov: Saratov State Vavilov Agrarian University; 2010. 124 p. (In Russian).
23. Grishin P.N., Kравченко V.V., Болдырев V.A. Soils of the Saratov region, their origin, composition and agrochemical properties. Saratov: Saratov University Publ. House; 2011. 174 p. (In Russian).

Устойчивое развитие республики Башкортостан Российской Федерации: текущее состояние и перспективы

Акчулпанов Юлай Киньябаевич

Проректор по научной и инновационной работе
ORCID: 0000-0002-5233-9036, e-mail: yulay_87@mail.ru

Институт развития образования Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия

Аннотация

Рассмотрены проблемы и перспективы устойчивого развития Республики Башкортостан с акцентом на инновационные аспекты для разработки рекомендаций по обеспечению долгосрочного прогресса региона. Методология исследования основана на анализе и сравнении экономических, социальных и экологических факторов устойчивого развития, оценке роли инноваций в каждой сфере, изучении успехов и опыта других субъектов Российской Федерации и зарубежных стран, а также на предложениях по созданию региональных центров оценки и мониторинга устойчивого развития, которые в своей деятельности будут ориентированы на комплексные исследования в региональных социально-экономических системах с учетом инновационной компоненты. Определены и представлены основные сферы и компоненты обеспечения устойчивого развития региона. Основными полученными результатами исследования являются: определение ключевых аспектов устойчивого развития Республики Башкортостан; выявление проблем и возможностей в развитии экономики, социальной и экологической сферах; анализ роли инноваций в обеспечении устойчивого развития; выработка рекомендаций по созданию региональных центров оценки и мониторинга устойчивого развития. Устойчивое развитие республики является одной из главных стратегических задач субъекта федерации. Для его достижения необходимо продолжать успешно проводимую работу, а также усилить внимание к инновациям, образованию и системе управления. Создание центров может способствовать системному анализу и оценке процессов устойчивого развития, а также выработке рекомендаций и стратегий для улучшения экономического, социального и экологического состояния территории.

Ключевые слова

Устойчивое развитие, инновации, экологичность, социальная сфера, развитие региона, перспективы развития, территориальное развитие, прогноз, анализ, фактор, рост, прогресс

Для цитирования: Акчулпанов Ю.К. Устойчивое развитие республики Башкортостан Российской Федерации: текущее состояние и перспективы // Вестник университета. 2024. № 8. С. 109–118.

Sustainable development of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation: current state and prospects

Yulay K. Akchulpanov

Vice-Rector for Scientific and Innovation Work
ORCID: 0000-0002-5233-9036, e-mail: yulay_87@mail.ru

Institute for Educational Development of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

Abstract

The issues and prospects of sustainable development of the Republic of Bashkortostan with a focus on innovation aspects have been considered in order to develop recommendations to ensure the long-term progress of the region. The research methodology is based on the analysis and comparison of economic, social, and environmental factors of sustainable development, assessment of the role of innovation in each sphere, study of successes and experience of other constituent entities of the Russian Federation and foreign countries, as well as on the proposals for creating regional centers for assessing and monitoring sustainable development that in their activities will be focused on comprehensive research in regional socio-economic systems, considering the innovation component. The main spheres and components of ensuring sustainable development of the region have been defined and presented. The main study results are: identification of key aspects of sustainable development of the Republic of Bashkortostan; identification of issues and prospects in developing the economy and social and environmental spheres; analysis of the role of innovation in ensuring sustainable development; recommendations development for creating regional centers for assessing and monitoring sustainable development. Sustainable development of the territory is one of the main strategic objectives of the constituent entity. In order to achieve it, it is necessary to continue the work, as well as to increase attention to innovations, education and management systems. The centers creation can contribute to the system analysis and assessment of sustainable development processes, as well as the development of recommendations and strategies to improve the economic, social, and environmental condition of the territory.

Keywords

Sustainable development, innovation, environmental friendliness, social sphere, regional development, development prospects, territorial development, forecast, analysis, factor, growth, progress

For citation: Akchulpanov Yu.K. (2024) Sustainable development of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation: current state and prospects. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 109–118.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, в условиях глобализации и стремительных темпов трансформации мировой экономики, проблема устойчивого развития регионов Российской Федерации (далее – РФ, Россия) становится особенно актуальной. Устойчивое развитие как концепция предполагает гармоничное сочетание экономического роста, социального благополучия и экологической сохранности, что является ключевым условием для обеспечения долгосрочного прогресса каждого региона и страны в целом. В России с ее огромными территориями, разнообразием природных условий и экономических специализаций регионов проблема устойчивого развития сталкивается с рядом специфических вызовов и препятствий. Ввиду снижения мировой потребности в традиционных энергоносителях, изменения климатических условий и глобальных технологических трансформаций регионам России необходимо адаптировать свои модели развития для обеспечения долгосрочной конкурентоспособности и социально-экологической устойчивости.

Рассмотрим основные аспекты устойчивого развития регионов России в современных условиях, а также стратегии и механизмы их реализации на практике на примере одного из социально-экономически развитого субъекта РФ – Республики Башкортостан. Определим целью исследования выявление текущего состояния и перспектив устойчивого развития региона, а также установление ключевых факторов и механизмов, способствующих и препятствующие достижению его устойчивого развития.

В ходе исследования будет проанализирована экономическая, социальная и экологическая сферы развития региона, а также рассмотрены инновационные аспекты устойчивого развития. Гипотеза исследования заключается в том, что для успешного достижения устойчивого развития Республики Башкортостан необходимо использовать системный подход, охватывающий все аспекты экономического, экологического и социального развития. Важными элементами являются создание партнерских отношений между государственными структурами, бизнес-сообществом и общественными организациями, а также активное использование инновационных решений в различных сферах.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В Республике Башкортостан активно ведется работа над обеспечением устойчивого развития территории. В ее рамках реализуются широкомасштабные программы по рациональному использованию природных ресурсов, снижению уровня загрязнения окружающей среды, повышению энергоэффективности и развитию альтернативных источников энергии. Кроме того, проводится работа по обеспечению социальной устойчивости, включая повышение уровня занятости, поддержку сельских территорий и малого предпринимательства.

Уровень социально-экономического развития Республики Башкортостан можно оценить как высокий. Регион имеет разнообразную экономику, включающую нефтегазовую промышленность, химическое производство, машиностроение, сельское хозяйство и другие отрасли¹.

Башкортостан также обладает развитой инфраструктурой, включая транспортную систему, образовательные и медицинские учреждения и культурные центры. Республика активно развивает туризм и инвестиционные проекты, что способствует росту экономики и уровня жизни населения.

Благополучие региона также подтверждается уровнем доходов населения, доступностью социальных услуг, индексами образования и здравоохранения. В целом сочетание различных отраслей экономики, развитая инфраструктура и социальные программы делают республику одним из регионов-лидеров по уровню социально-экономического развития [1].

Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в сравнении с другими субъектами РФ можно оценить по нескольким ключевым показателям:

- 1) валовой внутренний продукт на душу населения выше среднероссийского уровня, что свидетельствует об относительно высоком уровне экономического развития региона;
- 2) уровень безработицы в регионе ниже среднероссийского показателя, что говорит о наличии рабочих мест и более приемлемых условий и возможностей для обеспечения населения рабочими местами, занятостью;

¹Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение Республики Башкортостан. Режим доступа: <https://02.russtat.gov.ru/folder/65473/document/65479> (дата обращения: 03.06.2024).

3) уровень инвестиций в реальный сектор экономики остается относительно высоким, что способствует развитию технологических проектов в республике;

4) социальные показатели региона устойчиво высокие в Приволжском федеральном округе – особое внимание уделяется развитию образовательных и медицинских учреждений, что способствует социальной защищенности населения.

Республика Башкортостан имеет благоприятное социально-экономическое положение по сравнению регионами России в целом. Основные социально-экономические показатели субъекта представлены на рис. 1. Эти показатели отражают тренды развития и носят волнообразный характер, позволяя оценить устойчивое развитие региона и дать интерпретацию им [2].

Источник^{2,3}

Рис. 1. Динамика основных показателей социально-экономического развития Республики Башкортостан за 2012–2022 гг.

Экологическая сфера устойчивого развития в республике обеспечивает сохранение биоразнообразия и бережное использование природных ресурсов. Уникальная природная среда региона требует особого внимания к экологическим проблемам, таким как охрана водных бассейнов и лесов, утилизация отходов и снижение загрязняющих атмосферу выбросов.

Инновационная сфера устойчивого развития включает развитие новых технологий, методов управления и производства, направленных на уменьшение негативного воздействия на окружающую среду. Регион активно поддерживает инновационные проекты в области альтернативных источников энергии, энергоэффективности, экологичности строительства и рационального природопользования.

Социальная сфера устойчивого развития включает обеспечение защиты и равных возможностей для населения – это развитие системы образования, здравоохранения, культуры и спорта, создание условий для достойной жизни всех слоев населения. В связи с этим регион активно развивает социальную инфраструктуру, повышает доступность социальных услуг и тем самым улучшает уровень жизни населения.

² Федеральная служба государственной статистики. Статистический сборник «Республика Башкортостан в цифрах». Режим доступа: https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/kompleksnyi-sbornik_2022.pdf (дата обращения: 03.06.2024).

³ Федеральная служба государственной статистики. Республика Башкортостан. Статистический справочник 2021–2023. Режим доступа: https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/kompleksnyi-sbornik_2022.pdf (дата обращения: 03.06.2024).

В настоящее время экономическая, экологическая, инновационная и социальная сферы устойчивого развития Республики Башкортостан демонстрируют тесную взаимосвязь и направлены на обеспечение устойчивого, здорового и процветающего общества, использование природных ресурсов без ущерба для окружающей среды и достижение высоких показателей качества жизни жителей региона (рис. 2).

Тем не менее успехи в социально-экономическом развитии региона не говорят об отсутствии ряда проблем в данной области, которые требуют усиления и отчасти сдерживают устойчивое развитие Республики Башкортостан. Это и истощение природных ресурсов, и недостатки в системе управления, и социальные проблемы, решение которых требует комплексного подхода, включающего как экономические, так и социальные и экологические аспекты устойчивого развития территорий.

Определяя перспективы развития республики, следует отметить, что в первую очередь необходимо закрепить достижения региона с учетом положительного опыта работы в данной области. Это может быть продолжение усилий по сокращению выбросов вредных веществ в атмосферу, повышению энергоэффективности, развитию альтернативных источников энергии, которые будут способствовать улучшению экологической ситуации и охране природных ресурсов региона.

Кроме того, важно развивать социальную инфраструктуру и обеспечить доступ к качественным услугам для всех слоев населения. Это касается не только создания рабочих мест, но и доступности образования, здравоохранения, культурных и спортивных мероприятий.

Следует также активно развивать сферу инноваций и высоких технологий, что поспособствует созданию новых рабочих мест, повышению экономической активности и увеличению привлекаемых объемов инвестиций. Развитие современных технологий также позволит улучшить экологическую ситуацию, обеспечивая эффективное использование ресурсов и снижение вредного воздействия на окружающую среду [3].

Как нам представляется, для достижения устойчивого развития на территории Республики Башкортостан необходимо использовать комплексный подход, который охватывает все аспекты экономического, экологического и социального развития. Это подразумевает взаимосвязанное развитие отдельных секторов экономики, социальной сферы и охраны окружающей среды.

Важным элементом такого подхода является развитие партнерских отношений между государственными структурами, бизнес-сообществом и общественными организациями. Совместная работа по разработке и реализации программ устойчивого развития позволит учитывать интересы всех сторон и обеспечить максимальный эффект от проводимых мероприятий.

Особое внимание следует уделить образованию и популяризации устойчивого образа жизни. Знание принципов устойчивого развития и экологической ответственности является важным элементом формирования нового менталитета, направленного на сохранение ресурсов и поддержку равновесия в природной среде.

Перспективы экономического прогресса Республики Башкортостан, на наш взгляд, заключаются в соблюдении принципов устойчивого развития и включают следующие ключевые направления: нефтегазовый сектор, сельское хозяйство, туризм, образование и наука [4].

Республика Башкортостан является одним из крупных регионов России по добыче нефти и газа. Перспективы в данной области включают освоение новых месторождений, внедрение новых технологий добычи и переработки углеводородов, а также развитие нефтеперерабатывающей промышленности.

Кроме того, субъект обладает значительным потенциалом для развития сельского хозяйства, в том числе выращивание зерновых, молочного и мясного скотоводства. Перспективы в данной области включают

Источник ^{4,5}

Рис. 2. Механизм взаимодействия компонент устойчивого развития региона

⁴ Организация Объединенных Наций. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды». Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 03.06.2024).

⁵ Центр компетенций по взаимодействию с международными организациями. Доклад ОЭСР по сотрудничеству в целях развития. Режим доступа: <https://globalcentre.hse.ru/news/325251244.html> (дата обращения: 03.06.2024).

модернизацию сельскохозяйственных предприятий, внедрение современных технологий и увеличение экспортных возможностей республики [5].

Регион также обладает богатым культурным наследием и красивой природой, включая горы и реки Урала, что позволяет активно развивать туризм в регионе. Перспективы в данной области включают развитие инфраструктуры для туристов, создание новых туристических маршрутов и продвижение региона как популярного туристического направления.

Для обеспечения устойчивого развития названных направлений в регионе необходимо обоснование, что требует модернизации системы образования и проведения научных исследований. Перспективы в данной области включают развитие высокотехнологичных отраслей, внедрение инновационных проектов и подготовку квалифицированных специалистов [6].

Предлагаемые направления могут способствовать устойчивому развитию региона и улучшению качества жизни его населения.

ОПЫТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Рассмотрим примеры устойчивого развития зарубежных стран, их особенности и преимущества, то есть благодаря каким особенностям и в каких сферах сумели обеспечить высокие показатели компонент устойчивого развития.

Одним из ярких примеров в данном контексте является Германия, которая имеет одну из самых развитых и эффективных систем устойчивого развития регионов в мире. Системы сосредотачиваются на инвестициях в возобновляемые источники энергии, улучшении энергоэффективности и создании рабочих мест.

Канада, Норвегия, Швеция и Дания активно развивают регионы, сосредотачиваясь на экологически чистой энергии, строительстве и внедрении инновационных технологий, инвестируя в экологически чистые проекты, поддерживая местные сообщества и эффективное использование природных ресурсов. Нидерланды достигают успеха своими инновационными подходами к устойчивому развитию регионов, такими как устойчивое строительство, велоинфраструктура и охрана окружающей среды. Пример Австралии является одним из самых впечатляющих, поскольку государство активно работает над сохранением своих природных ресурсов и развитием возобновляемой энергии.

Рассмотрим примеры устойчивого развития и его обеспечения в регионах России.

Калининградская область славится развитой туристической индустрией и обработкой морепродуктов с учетом охраны и сохранения биоразнообразия Балтийского моря. Республика Татарстан добивается высоких показателей за счет развитой нефтяной и химической промышленности с использованием передовых технологий, а также устойчивого управления природными ресурсами. Преимущества Краснодарского края – это развитый агропромышленный комплекс региона, включающий экологически чистое производство и продажу сельскохозяйственной продукции, логистику. Ямало-Ненецкий автономный округ отличается устойчивым развитием добычи и переработки природного газа с учетом сохранения природной среды и прав коренных народов. Республика Алтай продолжает развивать экотуризм и сельское хозяйство с применением органических методов производства.

На наш взгляд, во всех трех основных сферах устойчивого развития ключевую роль определяет инновационная сфера, которую также необходимо учитывать как одну из отдельных компонент устойчивого развития региона. Рассмотрим роль инноваций в каждой сфере устойчивого развития:

В экономической сфере инновации способствуют устойчивому развитию региона несколькими способами:

1) разработка и внедрение инновационных технологий, таких как возобновляемые источники энергии, энергоэффективные системы и цифровые технологии, снижают зависимость от ископаемых видов топлива, повышают производительность и стимулируют экономический рост;

2) обеспечивается цикличность процессов (циркулярная экономика), где отходы одного процесса становятся ресурсами для другого, что может сократить потребление ресурсов, снизить выбросы и создать новые рабочие места.

3) использование технологий интернета вещей (IoT), искусственного интеллекта (AI) и аналитики данных может оптимизировать использование ресурсов, улучшить транспортные системы и повысить качество жизни населения, что в конечном итоге приведет к экономическому росту [7; 8].

Успешность социальной сферы также зависит от инновационной активности региона, где инновации могут способствовать достижению социальной справедливости. Разработка и реализация социальных инноваций, таких как доступное жилье, здравоохранение и образование, могут повысить эффективность данной сферы, обеспечивая равные возможности для жителей субъекта. Кроме того, создание инклюзивных моделей экономического роста, которые приносят пользу всем членам общества независимо от их происхождения или социально-экономического статуса, способствует социальной сплоченности и стабильности общества. Наконец, вовлечение местных сообществ в процессы принятия решений и развития служит основой для повышения чувства сопричастности и ответственности, способствуя устойчивому развитию региона [9].

Инновации в экологической сфере имеют решающее значение для обеспечения экологической устойчивости региона. Путем использования зеленых технологий, таких как возобновляемые источники энергии, экологичные строительные материалы и системы управления отходами, можно снизить воздействие на окружающую среду и сохранить природные ресурсы. Разработка и внедрение устойчивых методов ведения сельского хозяйства, таких как органическое земледелие и агролесоводство, способствуют сохранению биоразнообразия, защите почвы и уменьшению выбросов от парниковых газов. Кроме того, инновационные подходы к управлению водными ресурсами, такие как водосберегающие технологии, системы сбора дождевой воды и очистка сточных вод, могут обеспечить устойчивое водоснабжение и способствовать защите водной экосистемы региона [10].

В связи с этим для стимулирования инноваций и ускорения прогресса в достижении устойчивого развития необходимо создавать и совершенствовать инновационные экосистемы в регионах. Они должны включать сотрудничество и партнерство между исследовательскими учреждениями, предприятиями, правительственными структурами и общественными организациями. Например, инновационные центры, такие как инкубаторы, акселераторы и научно-технологические парки, могут предоставить предпринимателям и стартапам доступ к ресурсам, наставничеству и финансированию развития инновационных решений. Разработка благоприятной политики и регулирования, которое стимулирует инновации, защищает окружающую среду и содействует социальной справедливости, а также имеет решающее значение для создания условий для устойчивого развития региона.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Анализ роли инноваций в обеспечении устойчивого развития регионов выявил следующие направления, которые можно реализовать и в Республике Башкортостан.

1. «Умные» сети используют технологии интернета вещей и аналитику данных для оптимизации распределения электроэнергии, повышения энергоэффективности и интеграции возобновляемых источников энергии. Это может привести к снижению выбросов в атмосферу, повышению надежности энергоснабжения и снижению затрат на электроэнергию [11].

2. Устойчивое развитие сельского хозяйства базируется на использовании инновационных методов для повышения урожайности сельскохозяйственных культур, защиты окружающей среды и обеспечения продовольственной безопасности как региона, так и страны в целом (органическое земледелие, агролесоводство и вертикальное земледелие).

3. Инклюзивные инновации направлены на создание решений, которые доступны и полезны для всех членов общества независимо от возможностей их здоровья или происхождения (доступные технологии, адаптированный транспорт и инклюзивное образование).

4. Циркулярная экономика направлена на сокращение отходов и сохранение ресурсов путем повторного использования, переработки и восстановления материалов. Она состоит из системы обмена, ремонтных кафе и переработки отходов в энергию [12].

5. Социальные инновации направлены на решение проблем данной сферы и повышение качества жизни (микрокредитование, социальное предпринимательство и т.д.).

6. Обеспечение устойчивого развития региона не представляется без четкой оценки и мониторинга его состояния, что является одной из нерешенных проблем современности на региональном уровне в субъектах РФ, в том числе в Республике Башкортостан [13].

Оценка и мониторинг процессов обеспечения устойчивого развития имеют решающее значение, поскольку разработка комплексных показателей устойчивости, которые охватывают экономические,

социальные и экологические аспекты, может помочь отслеживать прогресс и определять сферы и отрасли для улучшения позиций региона. Внедрение систем мониторинга с использованием технологий интернета вещей и аналитики данных может обеспечить своевременность информации о воздействии инновационных решений на устойчивое развитие территорий. Регулярная оценка и мониторинг инновационных инициатив позволят извлекать уроки, вносить коррективы и обеспечить подотчетность в достижении целей устойчивого развития [14; 15].

Для решения данной проблемы возможным стало бы создание региональных центров оценки и мониторинга устойчивого развития территорий, которые в зависимости от специфики и схожести субъектов могут быть межрегиональными.

В свете вышесказанного считаем целесообразным создание в регионах центров оценки и мониторинга устойчивого развития, цель которых будет состоять в том, чтобы обеспечить системное и комплексное изучение состояния и тенденций развития субъекта, а также прогнозирование будущих изменений в экономической, экологической и социальной сферах, инновационной деятельности. Основными задачами региональных центров оценки и мониторинга устойчивого развития территорий могут быть следующие:

- 1) создание и развитие системы мониторинга и оценки устойчивого развития региона, включая разработку и внедрение стандартов и показателей, необходимых для анализа и прогнозирования;
- 2) консультирование органов исполнительной власти региона, местных администраций и других заинтересованных сторон по вопросам устойчивого развития на основе полученных данных и аналитических исследований;
- 3) осуществление аналитической работы, включая анализ текущего состояния региона, выявление проблем и угроз, а также прогнозирование будущих изменений и возможностей развития в различных сферах;
- 4) разработка рекомендаций и предложений для органов исполнительной власти региона, местных администраций и других заинтересованных сторон по улучшению условий для устойчивого развития территории;
- 5) организация и проведение научных исследований, конференций, семинаров и других мероприятий, направленных на обмен опытом и информацией о практиках устойчивого развития в регионах;
- 6) сотрудничество с национальными и международными организациями, занимающимися вопросами устойчивого развития, для обмена опытом и информацией, а также привлечения инвестиций и ресурсов для устойчивого развития региона;
- 7) формирование и распространение информации о достижениях и успехах региона в области устойчивого развития среди населения, бизнеса и других заинтересованных сторон.

На наш взгляд, создание центров даст регионам определенные преимущества:

- системное и комплексное понимание устойчивого развития региона, включая экономические, социальные и экологические аспекты;
- возможность проводить систематический мониторинг процессов устойчивого развития и своевременно реагировать на изменения и проблемы;
- улучшение качества принятия решений и стратегического управления регионом, основанного на исследованиях и данных мониторинга;
- поддержка и развитие сотрудничества между различными участниками и заинтересованными сторонами, направленного на устойчивое развитие региона;
- усиление потенциала региона и повышение его конкурентоспособности на национальном и международном уровнях и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для обеспечения устойчивого развития субъектов РФ необходимы знания об экономическом, социальном, экологическом и инновационном потенциалах территорий, что требует комплексного анализа. Также нужен мониторинг данных для выявления особенностей и тенденций развития территорий. Этого можно добиться путем создания центров оценки и мониторинга устойчивого развития территорий в регионах.

Предлагаемые к созданию региональные центры выступают эффективным инструментарием в обеспечении устойчивого развития субъекта РФ и позволят решить проблемные вопросы комплексного анализа и оценки эффективности процессов устойчивого развития территорий, а также в предоставлении рекомендаций и стратегий для улучшения экономического, социального и экологического состояния региона. Региональные власти смогут оперативно получать объективную информацию и анализировать

текущее состояние экономики, экологической и социальной сфер, инфраструктуры региона с целью определения проблем и возможностей территорий.

Это раскроет возможности ведения систематического наблюдения за динамикой развития региона и изменениями в ключевых показателях устойчивого развития, позволит определять направления исследований и анализа для выявления причин и последствий изменений в устойчивом развитии субъекта, разработки рекомендаций, стратегий и программ развития для улучшения экономического, социального и экологического состояния региона. В региональной социально-экономической системе образуется ключевое звено, связанное с предоставлением информации о состоянии устойчивого развития субъекта различным участникам и заинтересованным сторонам, а также нацеленное на сотрудничество с региональными органами власти, научными и образовательными учреждениями, неправительственными организациями и бизнесом в целях обеспечения устойчивого развития территории.

Таким образом, обеспечение устойчивого развития Республики Башкортостан является одной из главных стратегических задач региона. Работа в этом направлении требует комплексного подхода, включающего развитие экономики, экологической и социальной сфер. Продолжение успешной работы, проводимой в настоящее время, а также усилия в направлении развития инноваций, образования и системы управления позволят республике добиться устойчивого развития. Инновационные аспекты играют ключевую роль в создании благоприятных условий для сохранения и улучшения качества жизни, эффективного использования ресурсов и развития экономики, социальной инфраструктуры и социокультурной среды. Для достижения этого необходимы комплексные подходы, которые позволят решить сложные проблемы и обеспечить устойчивость на долгосрочную перспективу.

Список литературы

1. *Валиахметова Г.Р., Янгиров А.В.* Экономический потенциал развития Республики Башкортостан. В кн.: Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы VIII Международной научно-практической интернет-конференции, Вологда, 17–19 мая 2023 г. Вологда; 2023. С. 37–40.
2. *Трофимова Н.В., Мамлеева Э.Р., Пиназарова З.М.* Прогноз основных параметров социально-экономического развития Республики Башкортостан. Региональная экономика: теория и практика. 2023;11(21):2004–2028. <https://doi.org/10.24891/re.21.11.2004>
3. *Губайдуллина Т.Н., Глазкова И.Н.* Концептуальный подход к ESG-оценке как фактору устойчивого развития компании. Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2023;1(56):5–15. <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2023.1.5>
4. *Ахметов В.Я., Гатауллин Р.Ф.* Возрождение и устойчивое развитие потребительской кооперации как фактор развития депрессивных сельских территорий. Экономика сельского хозяйства России. 2020;11:87–93. <https://doi.org/10.32651/2011-87>
5. *Афонин С.Е., Осипов В.С.* Региональные экономические диспропорции и устойчивость региональных экономических систем в условиях санкций 2022 г. Управление. 2023;11(4):119–128. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-119-128>
6. *Байгузина А.З.* Проблемы развития высшего образования как фактор модернизации экономики (на примере Республики Башкортостан). Региональный экономический журнал. 2020;3(30):77–84.
7. *Аблаев И.М., Гарифуллин И.Н.* Инновационная рента в современной экономике. Экономический вестник Республики Татарстан. 2022;2:41–46.
8. *Israfilov N., Ablaev I., Seisimbina A., Sakulyeva T.* Impact of supply chain management strategies on the performance indicators of small and medium-sized businesses. International Journal of Supply Chain Management. 2020;4(9):544–552.
9. *Пиназарова З.М.* Управление социально-экономическим развитием Российской Федерации в условиях цифровизации. В кн.: Государственное и муниципальное управление: вызовы и приоритеты: материалы Первой международной научно-практической конференции, Челябинск, 13–14 декабря 2022 г. Челябинск: ЮУрГУ; 2023. С. 111–117.
10. *Голова Е.Е., Гапон М.Н.* Влияние экономики на экологическое развитие региона (на примере Омской области). Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022;5-1:11–16.
11. *Шарафуллина Р.Р., Гайнанова А.М.* Цифровизация и инновации в бережливом производстве. Вектор экономики. 2020;5(47).
12. *Сафиуллин М.Р., Гафаров М.Р., Ельшин А.А.* Импортзамещение как инструмент обеспечения устойчивого развития экономики в условиях системных преобразований: регионально-отраслевой аспект. Экономические отношения. 2022;3(12):407–432. <http://doi.org/10.18334/eo.12.3.115210>

13. *Акчулпанов Ю.К.* Пути решения проблем прогнозирования социально-экономического развития региона. Уфимский гуманитарный научный форум. 2023;4(16):13–22. <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2023-4-13-22>
14. *Ахундов Р.Р.* Региональная проекция развития национальной экономики в условиях санкционного давления: экономическая устойчивость и социальные вызовы (на примере Республики Башкортостан). Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023;3(171):66–74. <https://doi.org/10.34773/EU.2023.3.11>
15. *Шацкий А.А.* Оценка роли внедрения цифровых технологий в российскую региональную экономику в современных условиях. E-Management. 2023;2(6):82–90. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-82-90>

References

1. *Valiakmetova G.R., Yangirov A.V.* Economic development potential of the Republic of Bashkortostan. In: Issues of economic growth and sustainable development of territories: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference, Vologda, May 17–19, 2023. Vologda; 2023. Pp. 37–40. (In Russian).
2. *Trofimova N.V., Mamleeva E.R., Ishnazarova Z.M.* Forecasting the key parameters of socio-economic development of the Republic of Bashkortostan. Regional Economics: Theory and Practice. 2023;11(21):2004–2028. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/re.21.11.2004>
3. *Gubaydullina T.N., Glazkova I.N.* Conceptual approach to ESG assessment as a factor of sustainable development of the company. Vestnik of Volga State University of Technology. Series “Economics and Management”. 2023;1(56):5–15. (In Russian). <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2023.1.5>
4. *Akhmetov V.Ya., Gataullin R.F.* Revival and sustainable development of consumer cooperation is as a factor in the development of depressed rural areas. Economics of Agriculture in Russia. 2020;11:87–93. (In Russian). <https://doi.org/10.32651/2011-87>
5. *Afonin S.E., Osirov V.S.* Regional economic disproportions and sustainability of regional economic systems under the 2022 sanctions. Upravlenie / Management (Russia). 2023;11(4):119–128. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-119-128>
6. *Bayguzina L.Z.* Problems of development of higher education as a factor of modernization of the economy (on the example of the Republic of Bashkortostan). Regional Economic Journal. 2020;3(30):77–84. (In Russian).
7. *Ablaev I.M., Garifullin I.N.* Innovative rent in the modern economy. Economic Vestnik of the Republic of Tatarstan. 2022;2:41–46. (In Russian).
8. *Israfilov N., Ablaev I., Seisimbinova A., Sakulyeva T.* Impact of supply chain management strategies on the performance indicators of small and medium-sized businesses. International Journal of Supply Chain Management. 2020;4(9):544–552.
9. *Ishnazarova Z.M.* Management of socio-economic development of the Russian Federation in the context of digitalization. In: State and municipal administration: Challenges and priorities: Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, December 13–14, 2022. Chelyabinsk: South Ural State University; 2023. Pp. 111–117. (In Russian).
10. *Golova E.E., Gapon M.N.* The Impact of the Economy on the Ecological Development of the Region (on the Example of the Omsk Region). Vestnik Altai Academy of Economics and Law. 2022;5-1:11–16. (In Russian).
11. *Sharafullina R.R., Gainanova L.M.* Digitalization and Innovation in Lean Manufacturing. Vector of Economy. 2020;5(47). (In Russian).
12. *Safiullin M.R., Gafarov M.R., Elshin L.A.* Import substitution as a tool for ensuring sustainable economic development amidst systemic transformations: regional and sectoral aspect. Journal of International Economics Affairs. 2022;3(12):407–432. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/eo.12.3.115210>
13. *Akchulpanov Yu.K.* Ways to Solve the Problems of Forecasting the Socio-Economic Development of the Region. Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2023;4(16):13–22. (In Russian). <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2023-4-13-22>
14. *Akhunov R.R.* Regional projection of the development of the national economy under the conditions of sanctions pressure: economic stability and social challenges (on the example of the Republic of Bashkortostan). Economics and Management: Scientific and Practical Journal. 2023;3(171):66–74. (In Russian). <https://doi.org/10.34773/EU.2023.3.11>
15. *Shatsky A.A.* Assessing the role of the Russian regional economy digitalization in modern conditions. E-Management. 2023;2(6):82–90. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-82-90>

Разработка и развитие математических и эконометрических моделей анализа макроэкономических процессов (в т.ч. в исторической перспективе) и их прогнозирования

Ануфриева Анна Петровна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической безопасности
ORCID: 0000-0001-8032-7078, e-mail: gubskaya-a@mail.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

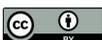
Аннотация

Рассмотрена практическая польза факторно-векторной авторегрессии, которая позволяет изучить влияние макроэкономических процессов на состояние денежно-кредитной политики, провести полномасштабный мониторинг и выявить влияние экономического роста на нее. Проанализированы публикации, посвященные проблемам нестабильного экономического развития, и математические модели, описывающие процесс экономической динамики в условиях высокой инфляции и нестабильного развития. Приведен базовый сценарий в экономике. Исследовано влияние денежной политики на макроэкономические переменные с использованием векторных авторегрессионных (VAR) моделей. В качестве основных инструментов дана оценка модели FAVAR с международными резервами в качестве переменной денежно-кредитной политики, а также MIACR, где реакции однолетней ставки по государственным облигациям и потребительского индекса были положительными. Приведенные реакции на импульс указывают на то, что у российских властей была недостаточная независимость денежно-кредитной политики из-за высокой зависимости страны от секторов нефти и природного газа, что не выявляет доказательств влияния политики на снижение потребительских цен.

Ключевые слова

Экономические процессы, кризисные ситуации, инфляция, математическая модель, бюджетный дефицит, криптовалюта, рецессия, денежно-кредитная политика

Для цитирования: Ануфриева А.П. Разработка и развитие математических и эконометрических моделей анализа макроэкономических процессов (в т.ч. в исторической перспективе) и их прогнозирования // Вестник университета. 2024. № 8. С. 119–127.

Development and evolution of mathematical and econometric models for the analysis of macroeconomic processes (including historical perspective) and their forecasting

Anna P. Anufrieva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Security Department
ORCID: 0000-0001-8032-7078, e-mail: gubskaya-a@mail.ru

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

Practical usefulness of factor-vector autoregression has been considered, which makes it possible to study macroeconomic processes impact on the monetary policy state, to conduct full-scale monitoring and to identify economic growth impact on monetary policy. Publications devoted to the issues of unstable economic development and mathematical models describing the process of economic dynamics under conditions of high inflation and unstable development have been analyzed. The basic scenario in economy has been given. Monetary policy impact on macroeconomic variables using vector autoregressive (VAR) models has been studied. The FAVAR model with international reserves as the monetary policy variable and MIACR where the responses of one-year government bond rate and consumer index were positive have been estimated as the main instruments. The impulse responses shown indicate that the Russian authorities had a lack of monetary policy independence due to the country's high dependence on the oil and natural gas sectors, which does not reveal evidence of monetary policy impact on lower consumer prices.

Keywords

Economic processes, crisis situations, inflation, mathematical model, budget deficit, cryptocurrency, recession, monetary policy

For citation: Anufrieva A.P. (2024) Development and evolution of mathematical and econometric models for the analysis of macroeconomic processes (including historical perspective) and their forecasting. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 119–127.

ВВЕДЕНИЕ

Периоды экономических спадов, высокой волатильности на крупных товарных и активных рынках, а также рост потребительских цен особенно интересны для экономистов, поскольку они несут в себе причинно-следственные связи, раскрывающие природу нестабильности экономических процессов. За последние 25 лет мир пережил несколько таких рецессий, причины которых имели различный характер. Если азиатский кризис 1998 г. затронул в основном страны Юго-Восточной Азии, то кризис 2008–2009 гг. уже имел глобальный характер, затрагивая в первую очередь развитые экономики, прежде всего страны Северной Америки и Западной Европы. Пандемия COVID-19 своим масштабом и быстрым распространением практически парализовала всю мировую экономику в 2020 г., но этот шок был преодолен относительно быстро. В работе Акаева с соавторами предложена возможная модель восстановления экономического роста для развивающихся стран на период после пандемии COVID-19.

События вокруг Украины, которые последовали после февраля 2022 г., привели страны Европейского союза к самой высокой инфляции в ее истории, и очевидно, что на ее сдерживание потребуются более года. В условиях нестабильного развития ключевые вопросы, на которые все участники рынка хотят получить ответы, – это сроки преодоления такого спада и инструменты, которые будут использованы для восстановления экономики [1].

Хотя экономическая практика уже разработала традиционные и нетрадиционные механизмы решения кризисных ситуаций, причины самих рецессий могут иметь различный характер. Необходимость быстрого внедрения и адаптации международного финансового рынка к цифровым технологиям и трансформация международных валютно-кредитных отношений – вот основные тенденции развития цифровизации международного финансового рынка в современных условиях [2].

Некоторые из причин нестабильности экономических процессов имеют микроэкономическую природу, при которой фирмы и предприниматели накапливают долги или делают ошибочные инвестиции в конкурентной среде. В связи с этим неслучайно, что стратегия компаний по накоплению долгов в качестве средства увеличения капитала для бизнес-операций все больше привлекает внимание исследователей.

Другая область исследований на уровне предприятия и компании – это прогностическое моделирование банкротства/неплатежеспособности. В этом случае общее благополучие и финансовая стабильность фирмы оцениваются путем определения критических и ключевых финансовых показателей, а также других характеристик предприятия и экономической и национальной среды, в которой она действует. Новые технологические возможности, которые не одинаково доступны компаниям, работающим на развитых и развивающихся рынках, также могут быть скрытой причиной кризисов, как в случае с пузырем дот-ком и различными криптовалютами, однако они могут предложить новую надежду на развитие, как в случае с новыми финансовыми технологиями.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В исследовании Евгенидиса с соавторами предлагается использовать доходность разности (разница между доходностью долгосрочных и краткосрочных государственных ценных бумаг) в качестве одного из эффективных предикторов будущего состояния экономики. Этот предиктор доказал свою особую эффективность в прогнозировании таких переменных, как рост производства и инфляция, однако с тем замечанием, что в странах с хорошо развитыми фондовыми рынками цены на акции могут быть более надежным ведущим индикатором экономической активности, чем дисперсия доходности.

В исследованиях Мольнара с соавторами был применен тест Грейнджера, чтобы определить, могут ли индексы акций помочь прогнозировать снижение валового внутреннего продукта (далее – ВВП) в странах В4. В литературе также описаны целевые модели для тестирования эффективности различных политических сценариев по решению проблемы высоких долговых нагрузок на ВВП, такие как макроэконометрическая модель греческой экономики. Этот документ предлагает математическую модель, описывающую процесс экономической динамики в условиях высокой инфляции и нестабильного развития. Авторы осознают, что универсальные модели, характеризующие такие процессы, найти невозможно, но предложенную модель можно рассматривать как один из возможных подходов к описанию процесса нестабильного экономического развития и возможных мер, которые могут быть приняты для изменения экономической ситуации.

Публикации, посвященные проблемам нестабильного экономического развития, можно условно разделить на две основные группы.

1. Первая группа изучает различные аспекты взаимосвязи между инфляцией и экономическим ростом. Некоторые авторы отмечают отсутствие строго определенной зависимости между уровнем инфляции и темпами экономического роста, что позволяет достичь роста как при наличии инфляции, так и без нее. Другие эксперты категорично утверждают, что инфляция не способствует экономическому росту. Третьи исследователи предполагают, что стабильность цен является благоприятным условием для экономического роста.

Тем не менее некоторые ученые считают, что даже низкие или умеренные уровни инфляции временно негативно влияют на темпы роста, что приводит к значительному и постоянному снижению дохода на душу населения. Также эмпирические данные о высокой инфляции поспособствовали выводу о том, что в периоды кризисов с высокой инфляцией экономический рост сначала резко снижается, но затем быстро восстанавливается. Модели коинтеграции, примененные для оценки инфляции и роста ВВП в четырех странах (Бангладеш, Индия, Пакистан и Шри-Ланка), показали долгосрочную положительную связь между ростом ВВП и инфляцией; умеренная инфляция способствует росту, но более быстрый экономический рост питает ее.

Исследователи Ито и Сато применили векторную авторегрессию для анализа полного воздействия изменений обменного курса на внутренние цены в странах Восточной Азии [3]. Стоит отметить, что после азиатского валютного кризиса 1997–1998 гг. в большинстве стран-участниц кризиса инфляция не возросла резко (за исключением Индонезии, где на высокую инфляцию повлияла значительная номинальная девальвация рупии).

Интересные эмпирические факты касательно экономики Гонконга предполагаются заслуживающими внимания. После азиатского финансового кризиса экономика перешла из периода высокой инфляции в начале 1990-х гг. к стадии высокой дефляции, что привело к значительному снижению цен на жилье (на 65 %), сокращению доходов и серьезному бюджетному дефициту. Применение динамической пороговой модели для оценки значений инфляции для обеспечения долгосрочного экономического роста на данных 124 стран показало, что для индустриализированных стран инфляция не должна превышать 2 %, а для непромышленных стран инфляция на уровне 17 % связана с более низкими темпами экономического роста. Применение той же модели для стран со строгой инфляционной целью показало, что инфляция на уровне 4,18 % является порогом, после которого она негативно сказывается на экономическом росте. Таким образом, существует некоторая солидарность относительно необходимости целевого инфляционного контроля, причем пороговые значения могут отличаться для развитых и развивающихся экономик.

2. Вторая группа публикаций связана с проблемами нестабильного развития, растущей инфляции и регулятивными мерами, которые могут быть полезны для преодоления экономических спадов. Следует особо отметить финансовый кризис 2008–2009 гг., требовавший значительных фискальных вливаний и пакетов нестандартных финансовых мер со стороны как Правительства Российской Федерации (далее – РФ, Россия), так и Центрального банка РФ (далее – ЦБ РФ, Банк России). Эти меры, которые позволили преодолеть системный кризис, стали неотъемлемой частью денежно-кредитной политики многих центральных банков. Например, Европейский центральный банк (далее – ЕЦБ) активно использует такие нестандартные инструменты, как отрицательная процентная ставка, прямое управление, программы покупки активов и целевые операции по долгосрочному рефинансированию для банков.

Тем не менее проблема прогнозирования инфляции остается одним из ключевых вопросов при рассмотрении сценариев нестабильного развития. Для повышения точности оценки месячной инфляции предлагается использовать модели сезонного авторегрессионного интегрированного скользящего среднего (SARIMA), когда рекурсивные экс-пост прогнозы рассчитываются для очень нестабильного периода.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Одним из инструментов управления процессами кредитного расширения и сокращения ВВП в нестабильной экономике, основанным на теории финансовой нестабильности, является математическая модель прогнозирования циклической рецессии в экономике Соединенных Штатов Америки (далее – США), предложенная в работе Акаева. Эта модель позволила достичь довольно высокой

точности в прогнозировании роста ВВП США в 2022 г. (прогноз – 2,3 %, фактический показатель – 2,1 %). Однако онп не смогла предсказать рыночные стрессы, которые возникли в марте 2023 г. в результате банкротства двух крупных банков и политического тупика из-за увеличения предела государственного долга. Экономическая интерпретация аналитических результатов моделирования убедительна и показательна, что объясняет как «потерянные двадцать лет» японской экономики, характеризующиеся дефляционной депрессией, так и новую макроэкономическую политику Японии, называемую «Абеномика», начатую в 2013 г. [4].

В российском сегменте данного исследования отмечаются работы, в которых предлагаются краткосрочные математические модели экономической динамики в условиях высокой инфляции (от 10 до 30 % в год) и нестабильного развития для прогнозирования уровней инфляции и экономического роста (рецессии) в России на период с 2015 г. по 2018 г. Эти модели не учитывали динамику обменного курса национальной валюты из-за изменений цен на товары, что типично для развивающихся стран. По этой причине была разработана другая математическая модель, которая уточнила среднесрочную экономическую динамику в контексте стагфляции, учитывая колебания обменного курса рубля из-за волатильности цен на нефть, и была использована для прогнозирования экономического развития России на период до 2020 г.

События последнего года, когда инфляция взлетела в Еврозоне, стимулировали исследования, которые могут объяснить причинно-следственные связи этого явления. Как отмечается в одной из них, высокая инфляция была результатом сочетания отрицательных ударов по предложению и положительных ударов по спросу, которые были усугублены ростом цен на энергоносители и проведением специальной военной операции на территории Украины, когда фирмы «передали» шок от новых затрат потребителям, повышая цены и сохраняя свои маржи [5].

В другом исследовании повышение инфляции, наблюдаемое в Еврозоне с начала 2021 г., связывается с нарушениями в поставках из-за ухудшения логистики после пандемии и энергетического кризиса, которые при жесткой денежно-кредитной политике могут привести к рецессии в экономике Еврозоны. Динамика инфляции, как отмечается в другом труде, будет зависеть от изменения цен на энергоносители и продукты питания, которые объясняют около двух третей текущего всплеска, а экономические издержки в связи с ситуацией на Украине создают дополнительные риски стагфляции, если ЕЦБ не перейдет к политике ужесточения кредитных условий.

Как показывают последние решения ЕЦБ, ставка по основным операциям рефинансирования и ставки по маржинальному кредитованию и депозитному кредитованию были повышены до 4,00 %, 4,25 % и 3,50 % соответственно с 21 июня 2023 г. По мнению сотрудников Международного валютного фонда, инфляция в европейских странах более чувствительна к внутренней рецессии и внешнему давлению на цены, особенно к мировым ценам на товары, что объясняет недооценку ее всплеска в 2021–2022 гг. по традиционным моделям.

Как говорилось выше, особое внимание при построении модели следует уделить оценке эффективности денежно-кредитной политики. Исходя из нашей точки зрения, она должна учитывать гибкость инструментов и их способность адаптироваться к различным экономическим условиям. Тем не менее авторы уделяют недостаточно внимания тому, как изменения в использовании инструментов могут влиять на результаты. В условиях определенных экономических кризисов или нестабильности денежно-кредитная политика может иметь более выраженное воздействие, ее эффективность может проявиться не только в момент ее применения, но и в перспективе.

Разработка инструментов денежно-кредитной политики (далее – ДКП) не сводится к выбору одного из его «идеальных типов», но состоит в ее приспособлении к уже существующим институциональным и экономическим условиям. В связи с этим все упомянутые тенденции приводят к необходимости совершенствования инструментов ДКП в условиях быстрой и нестабильной динамики социально-экономических показателей.

В настоящее время основные направления развития ДКП включают:

- управление инфляцией;
- планомерное снижение основной процентной ставки.

Согласно данным ЦБ РФ, уровень инфляции вернется к целевым показателям в 2024 г. и в дальнейшем будет находиться на отметке 4 %. Однако для этого потребуются проведение длительных и решительных действий со стороны Банка России, таких как контролирование денежных масс, таргетирование инфляции. Согласно его прогнозам, в 2023 г. ключевая ставка должна была составить 9,9 %, в 2024 г. –

будет находиться в диапазоне 12,5–14,5 %, а в 2025 г. – снизится до 7,0–9,0 %. В 2026 г. предполагается, что среднегодовая ключевая ставка будет составлять 6,0–7,0 % (таблица)¹.

Таблица

Базовый сценарий в экономике

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.
Инфляция в год, %	11,9	7,0–7,5	4,0–4,5	4,0	4,0
Валовой внутренний продукт	– 2,1	2,2–2,7	0,5–1,5	1,0–2,0	1,5–2,5
Ключевая ставка, % годовых, в среднем за год	10,6	9,9	12,5–14,5	7,0–9,0	6,0–7,0
Требования банковской системы к экономике в иностранной валюте, в том числе	12,0	17,0–20,0	5,0–10,0	8,0–13,0	8,0–13,0
к организациям	13,2	16,0–19,0	5,0–10,0	8,0–13,0	8,0–13,0
к населению, в том числе	9,4	20,0–23,0	5,0–10,0	8,0–13,0	8,0–13,0
ипотечные жилищные кредиты	17,7	24,0–27,0	7,0–12,0	10,0–15,0	10,0–15,0

Источник²

РАЗРАБОТКА И РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ АНАЛИЗА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) от 2006 г., уровень инфляции в России фактически снижался, несмотря на быстрый рост денежной массы, поскольку спрос на деньги укреплялся в условиях улучшенного доверия к рублю и соответствующей дедолларизации [6]. По данным ОЭСР от 2009 г., быстрый рост денежной массы не полностью привел к росту инфляции, так как спрос на рубль увеличивался в широком процессе дедолларизации [7]. Кроме того, для смягчения негативного влияния роста денежной массы на инфляцию в экономике власти принимали шаги по поглощению ликвидности через Стабилизационный фонд. Укрепление рубля вместе с ростом цен на нефть побудило ЦБ РФ вмешаться в процессы на валютном рынке, что привело к увеличению денежной базы. Укрепление рубля создало спрос на самого себя. Отрицательные ответы индекса потребительских цен на экспансивный шок денежной базы могут отражать эти обстоятельства.

Многие исследования рассматривали влияние денежной политики на макроэкономические переменные с использованием векторных авторегрессионных (VAR) моделей. Мы также оцениваем модель FAVAR, используя ставку рефинансирования в качестве переменной денежной политики для сравнения. Доверительные интервалы для всех выбранных переменных (за исключением ставки на государственные облигации сроком на год) включают ноль. Таким образом, ставка рефинансирования не действовала как переменная денежной политики. С другой стороны, ставка на государственные облигации сроком на год положительно реагировала на экспансивный шок ставки рефинансирования. Это в некоторой степени загадочно, но может отражать денежно-кредитную политику Банка России.

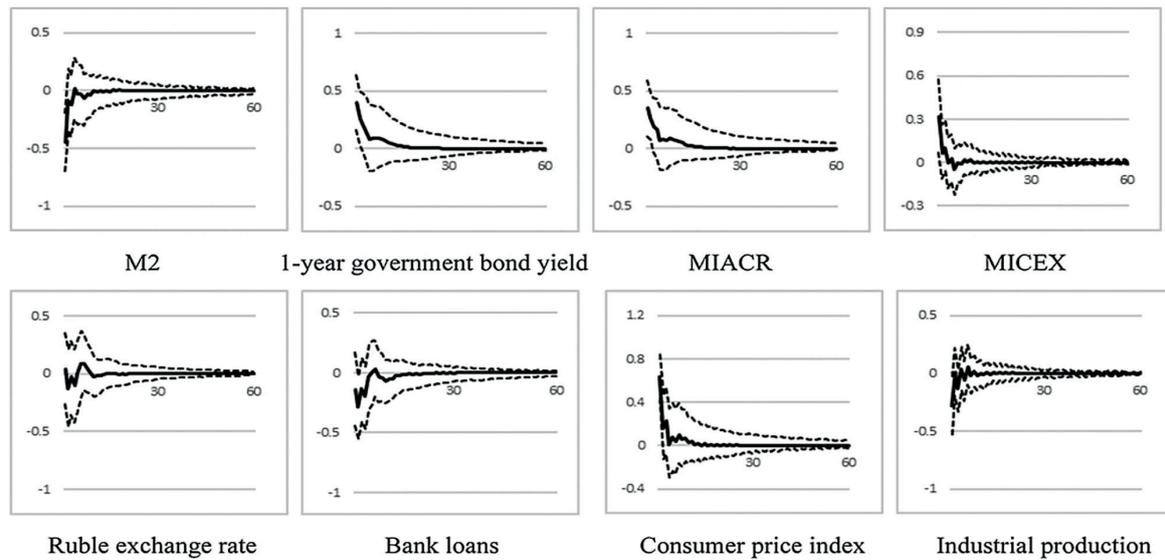
Денежно-кредитная политика ЦБ РФ использовала процентный коридор. С начала 2004 г. нижний предел был установлен на уровне 0,5 % для ставки депозита том-некст, а верхний предел составлял 16 % для ставки рефинансирования, которая применялась для ставки за кредит в течение ночи. ЦБ РФ постепенно сужал процентный коридор, снижая ставку рефинансирования и повышая ставку депозита. В конце 2007 г. первая составляла 5 %, а вторая – 2,75 %. Рыночные процентные ставки имели тенденцию к росту под воздействием увеличения ставки депозита Банка России, что могло вызвать положительные реакции ставки на государственные облигации сроком на год.

Далее рассмотрим R-правила для определения неожиданных изменений в денежно-кредитной политике России в подпериоде A (до кризиса 1998 г.). Используем ставку ключевой ставки в качестве

¹ Решетников М. О сценариях развития экономики РФ до 2030 года. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/06/09/2022/6316f1759a794798d4a7b8d8> (дата обращения: 28.05.2024).

² Центральный Банк Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 28.05.2024).

переменной денежно-кредитной политики при оценке. Реакции на однопроцентный положительный шок ключевой ставки показаны на рис. 1.

Примечание: 1 year government bond yield – доходность по государственным облигациям сроком на год, MIACR (Moscow InterBank Actual Credit Rate) – средневзвешенная фактическая ставка по кредитам, которые предоставляются московскими банками, MICEX (Московская биржа) – крупнейший российский биржевой холдинг, ruble exchange rate – курс рубля, bank loans – банковские кредиты, consumer price index – индекс потребительских цен, industrial production – промышленное производство

Источник³

Рис. 1. Реакции на одноточечный негативный шок денежной базы (сентябрь 2013 г. – декабрь 2019 г.)

Доверительные интервалы для реакций пяти переменных находятся выше или ниже нуля, тогда как в других периодах доверительные интервалы всех, кроме одной переменной, включают ноль. Эти результаты свидетельствуют о том, что ЦБ РФ смог усилить влияние ключевой ставки на макроэкономические показатели.

Реакции банковских кредитов и товарооборота розничной торговли отрицательны, в то время как доходность государственных облигаций сроком на год и MIACR положительны, что согласуется со стандартной монетарной теорией. Результаты указывают на то, что каналы кредита и процентных ставок являются каналами передачи денежно-кредитной политики. С другой стороны, реакции индекса потребительских цен на положительный шок ключевой ставки положительны.

ЦБ РФ в 2015 г. описал экономическую ситуацию следующим образом. В 2013 г. в большинстве стран с развивающимися рынками наблюдались масштабный отток капитала и падение цен на активы, что усилилось в 2014 г. Главными факторами этого оттока были ожидания увеличения ставки Федеральной резервной системы США и падение цен на глобальных товарных рынках. Резкое снижение стоимости валют наблюдалось в странах, экономики которых зависели от экспорта товаров, связанных с сырьевой базой, или притока иностранного капитала для финансирования дефицита счета текущих операций (к тому же кризис в Крыму в 2014 г. и санкции против России повлияли на курс валют). Центральные банки нескольких стран предприняли меры по стабилизации национальных валют, включая повышение ставок и вмешательство на валютных рынках. Международные резервы РФ упали на 124,1 млрд долл. США в 2014 г., составив 385,5 млрд долл. США на начало 2015 г. Ускоренный рост цен на широкий спектр товаров и услуг вызван в первую очередь девальвацией рубля.

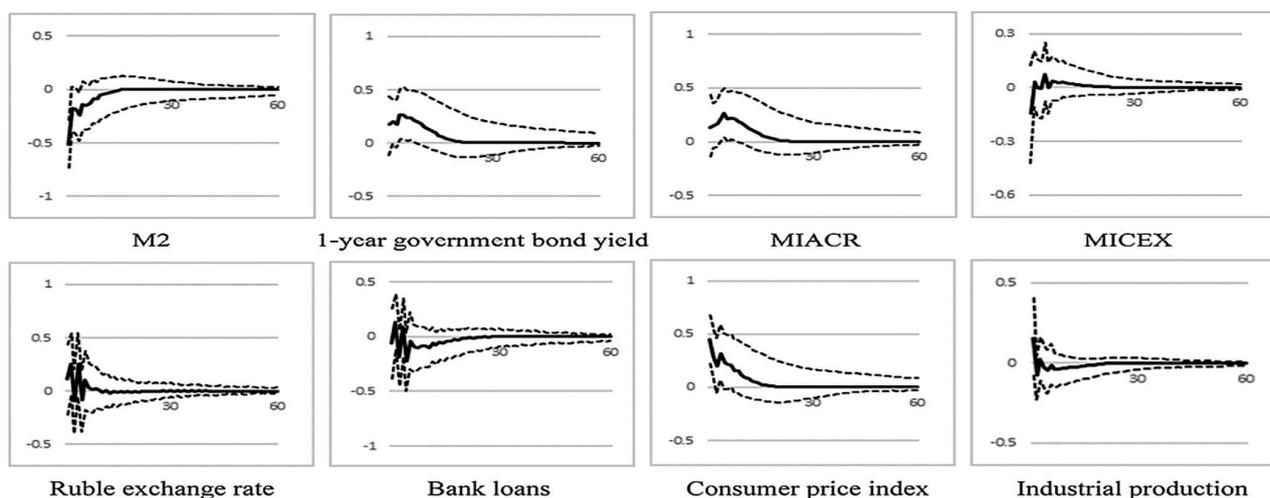
В этих условиях с марта 2014 г. ЦБ РФ принял решение о повышении ключевой ставки 6 повышениями в общей сложности на 11,50 п.п. Таким образом, падение стоимости рубля сопровождалось повышением ключевой ставки Банка России, а индекс потребительских цен увеличился с запозданием из-за девальвации рубля. Положительные реакции индекса потребительских цен на положительный шок ключевой ставки могут отражать эти обстоятельства [8]. В связи с этим для эффективного управления проблемой регионального доходного неравенства целесообразно вместо прямых методов финансового регулирования использовать косвенные методы и воздействовать на доходное неравенство

³Центральный Банк Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 28.05.2024).

через показатели валового регионального продукта на душу населения в регионах РФ, создавая условия для роста уровня жизни и среднего дохода [9].

Мы оцениваем модель FAVAR, используя денежную базу в качестве переменной денежно-кредитной политики. Импульсные ответы на однопроцентный отрицательный шок денежной базы показаны на рис. 1. Автор настоящего исследования также обнаруживает отрицательные реакции М2, банковских кредитов и товарооборота розничной торговли. С другой стороны, индекс потребительских цен и занятость показывают положительные реакции. Индекс потребительских цен отмечает те же реакции, что и модель, использующая ключевую ставку в качестве переменной денежно-кредитной политики.

Для FAVAR-модели с международными резервами в качестве переменной денежно-кредитной политики показано, что М2 отрицательно реагирует на одноточечный негативный шок международных резервов, в то время как реакции однолетней ставки по государственным облигациям, МІАСR и потребительского индекса были положительными (рис. 2) [10].

Примечание: 1 year government bond yield – доходность по государственным облигациям сроком на год, MIACR (Moscow InterBank Actual Credit Rate) – средневзвешенная фактическая ставка по кредитам, которые предоставляются московскими банками, MICEX (Московская биржа) – крупнейший российский биржевой холдинг, ruble exchange rate – курс рубля, bank loans – банковские кредиты, consumer price index – индекс потребительских цен, industrial production – индустриальное производство

Источник⁴

Рис. 2. Реакции на импульс при одноточечном негативном шоке международных резервов (сентябрь 2013 г. – декабрь 2019 г.)

В подпериоде В (после кризиса 1998 г.) мы также используем R-правила для выявления неожиданных изменений в монетарной политике России. Доходность однолетних государственных облигаций и МІАСR имеют положительные реакции, в то время как уровень банковских кредитов отрицателен. Как и в подпериоде А, монетарная трансмиссия происходит через кредитный и процентный каналы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Падение обменного курса рубля вынудило ЦБ РФ ввести меры по смягчению его девальвации. В условиях роста потребительских цен, вызванного девальвацией рубля, Банк России проводил жесткую денежно-кредитную политику. Результаты реакции на импульс указывают на то, что у российских властей была недостаточная независимость денежно-кредитной политики из-за высокой зависимости страны от секторов нефти и природного газа, что не выявляет доказательств влияния денежно-кредитной политики на снижение потребительских цен. Потребительские цены могли стабилизироваться после снижения обменного курса рубля. ЦБ РФ вновь вынужден был временно уступить стабильности обменного курса на фоне свободных капиталовложений, ограничив независимую денежно-кредитную политику в условиях «невозможного треугольника».

⁴Центральный Банк Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 28.05.2024).

Таким образом, нами была доказана практическая польза факторно-векторной авторегрессии, которая позволяет проанализировать влияние вышеназванных факторов на состояние денежно-кредитной политики, провести полномасштабный мониторинг и выявить влияние экономического роста на нее.

Список литературы

1. *Сухарев О.С.* Денежно-кредитная политика экономического роста в России: тормозящий накопительный эффект. *Общество и экономика.* 2023;1:5–26. <https://doi.org/10.31857/S020736760023986-3>
2. *Косов М.Е.* Организационно-институциональные основы цифровизации международного финансового рынка. *E-Management.* 2024;2(7):4–15. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-4-15>
3. *Ломиворотов Р.В.* Использование байесовских методов для анализа денежно-кредитной политики в России. *Прикладная эконометрика.* 2015;2(38):41–63.
4. *Солонина С.В., Ануфриева А.П.* Обеспечение экономической безопасности региональной банковской системы Краснодарского края. *Экономика и предпринимательство.* 2015;10-2(63):458–462.
5. *Глазьев С.Ю., Сухарев О.С., Афанасьева О.Н.* Монетарная политика России: негативный накопительный эффект в рамках неоклассической модели и его преодоление. *Микроэкономика.* 2022;2:5–38. <http://dx.doi.org/10.33917/mic-2.103.2022.5-38>
6. *Гарышинова А.Р.* Влияние экономических санкций на денежно-кредитную политику ЦБ РФ. *Молодой ученый.* 2022;22(417):158–161.
7. *Глазьев С.Ю.* О механизмах реализации целей национального развития России в условиях смены технологических мирохозяйственных укладов. *Научные труды Вольного экономического общества России.* 2021;4(230):66–70. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-66-70>
8. *Родин Д.Я., Антонцева А.А., Кузнецов Т.А.* Проблемы реализации денежно-кредитной политики России в современных условиях. *Вестник Академии знаний.* 2023;2(55):369–374.
9. *Дорофеев М.А.* Взаимосвязи между доходным неравенством и экономическим ростом в регионах России: новые результаты на основе теста казуальности Грейнджера. *E-Management.* 2024;1(7):15–27. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-15-27>
10. *Розанова Н.М.* Денежно-кредитная политика. М.: Юрайт; 2016. 410 с.

References

1. *Sukharev O.S.* Monetary Policy For Economic Growth In Russia: Accumulative Slowing Effect. *Society and Economics.* 2023;1:5–26. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S020736760023986-3>
2. *Kosov M.E.* Organizational and institutional foundations of international financial market digitalization. *E-Management.* 2024;2(7):4–15. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-4-15>
3. *Lomivorotov R.V.* The use of Bayesian methods for the analysis of monetary policy in Russia. *Applied Econometrics.* 2015;2(38):41–63. (In Russian).
4. *Solonina S.V., Anufrieva A.P.* Ensuring economic security of the regional banking system of the Krasnodar Territory. *Ekonomika i predprinimatelstvo.* 2015;10-2(63):458–462. (In Russian).
5. *Glazhev S.Yu., Sukharev O.S., Afanasyeva O.N.* Monetary policy in Russia: negative cumulative effect in the framework of the neo-classical model and its overcoming. *Microeconomics.* 2022;2:5–38. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.33917/mic-2.103.2022.5-38>
6. *Garyshinova A.R.* Economic sanctions impact on the monetary policy of the Central Bank of the Russian Federation. *Molodoi uchenyi.* 2022;22(417):158–161. (In Russian).
7. *Glazhev S.Yu.* On the mechanisms of realizing the goals of Russia's national development in the context of changing technological and world economic structures. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia.* 2021;4(230):66–70. (In Russian). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-66-70>
8. *Rodin D.Ya., Antonseva A.A., Kuznetsov T.A.* Problems of implementation of Russia's monetary policy in modern conditions. *Bulletin of the Academy of Knowledge.* 2023;2(55):369–374. (In Russian).
9. *Dorofeev M.L.* Correlation between income inequality and economic growth in Russian regions: new results based on the Granger causality test. *E-Management.* 2024;1(7):15–27. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-15-27>
10. *Rozanova N.M.* Monetary policy. Moscow: Yurait; 2016. 410 p. (In Russian).

Вектор низкоуглеродного развития в условиях циркулярной экономики

Белик Ирина Степановна¹

Д-р экон. наук, проф. каф. экономической безопасности производственных комплексов
ORCID: 0000-0001-7405-3226, e-mail: irinabelik2010@mail.ru

Никулина Наталья Леонидовна²

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.
ORCID: 0000-0002-6882-3172, e-mail: nikulina.nl@uiecc.ru

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

²Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Аннотация

В рамках концепции «Индустрия 4.0» все более актуальным становится переход от линейной модели экономики к циркулярной, направленной на энергосбережение, регенеративное экологически чистое производство, обращение и потребление. Целью исследования является обоснование непротиворечивости модели низкоуглеродного развития целям и задачам циркулярной экономики (далее – ЦЭ) для последующей разработки стратегии «зеленого» роста. Задачи исследования: использование критериев и методов ЦЭ для разработки инструментария перехода к низкоуглеродной экономике и формирования стратегии ее развития. Использованы общенаучные методы, в частности анализа, синтеза, периодизации. Выявлены критерии роста «зеленой» экономики, в соответствии с ними установлены этапы ЦЭ: концептуальный, институциональный, регуляторный. Предложен авторский вариант комбинированной системы регулирования, основанной на сочетании административных и экономических мер. Сформированы матрицы проблемных ситуаций по отдельным видам деятельности. В результате исследования авторами обозначены этапы циркулярной экономики, обоснованы возможность низкоуглеродной трансформации в рамках ЦЭ, опирающейся на управление выбросами углерода, внедрение низкоуглеродных технологий, введение системы финансирования «зеленых» проектов. Определены инструменты стимулирования «зеленого» роста: налог на выбросы парниковых газов, система торговли квотами на выбросы, субсидирование альтернативной энергетики, экологических проектов, развитие энергосберегающих технологий и их внедрение в производственный процесс. Новизна исследования заключается в разработке схемы выстраивания стратегии низкоуглеродного развития экономики, направленной на достижение целей по снижению выбросов парниковых газов на уровне как региона, так и промышленных предприятий.

Ключевые слова

Циркулярная экономика, инструментальный низкоуглеродного развития, низкоуглеродная трансформация, регулятивные меры, выбросы парниковых газов, «зеленый» рост, «зеленая» экономика, углеродное регулирование

Для цитирования: Белик И.С., Никулина Н.А. Вектор низкоуглеродного развития в условиях циркулярной экономики // Вестник университета. 2024. № 8. С. 128–137.

© Белик И.С., Никулина Н.А., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Low-carbon development vector in circular economy

Irina S. Belik¹

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economic Safety of Industrial Complexes Department
ORCID: 0000-0001-7405-3226, e-mail: irinabelik2010@mail.ru

Natalia L. Nikulina²

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
ORCID: 0000-0002-6882-3172, e-mail: nikulina.nl@uiec.ru

¹Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

²Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Abstract

Within the framework of the Industry 4.0 concept, transition from a linear economy model to a circular economy model aimed at energy saving, regenerative green production, circulation, and consumption is becoming increasingly relevant. The purpose of the study is to substantiate the low-carbon development model consistency with the goals and objectives of circular economy (hereinafter referred to as CE) for subsequent development of a green growth strategy. Objectives of the study: to use the criteria and methods of CE to develop a toolkit for transition to low-carbon economy and to formulate its development strategy. The study used general scientific methods, in particular, analysis, synthesis, and periodization. In the course of the study the criteria for green economy growth have been identified, and in accordance with them the stages of CE have been established such as conceptual, institutional, and regulatory. The author's variant of the combined regulatory system based on a combination of administrative and economic measures has been proposed. Matrices of problem situations by individual types of activity have been formed. As the study result, the authors outlined the circular economy stages, substantiated the possibility of low-carbon transformation within the framework of CE, relying on carbon emissions management, low-carbon technologies and a system of financing "green" projects implementation. The tools to stimulate "green" growth have been defined: a tax on greenhouse gas emissions, emissions trading system, subsidizing alternative energy, environmental projects, energy-saving technologies development and their implementation into the production process. The novelty of the study lies in a scheme development for building a low-carbon economic development strategy aimed at achieving the goals of reducing greenhouse gas emissions at the level of both the region and industrial enterprises.

Keywords

Circular economy, low-carbon development tools, low-carbon transformation, regulatory measures, greenhouse gas emissions, green growth, green economy, carbon regulation

For citation: Belik I.S., Nikulina N.L. (2024) Low-carbon development vector in circular economy. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 128–137.

ВВЕДЕНИЕ

Смена экономической парадигмы, построенной на принципах максимизации потребления, стратегии устойчивого развития, ориентированной на соблюдение баланса социо-эколого-экономических интересов общества, практически понуждает экономику переходить от линейной модели функционирования к циркулярной.

Более 30 лет назад циркулярную экономику (далее – ЦЭ) в качестве самостоятельного направления выделили такие исследователи, как Д. Пирс и Р. Тернер [1]. Определяя в свое время ЦЭ как экономику природных ресурсов и экономику окружающей среды (environmental economics), авторы рассматривали ее как составной элемент традиционной экономической науки. Э.П.М. Велентурф и Ф. Пернелл позиционируют ее как ориентированную на технологии концепцию, которая может способствовать экономическому росту, одновременно уменьшая давление на окружающую среду [2].

«Зеленая» экономика идеологически лежит в той же плоскости, однако в большей степени определяется прикладным характером и направленностью на формирование практических мер экономической политики. Вследствие этого ряд государств, принимая принципы циркулярной экономики, на практике при реализации мер «озеленения» экономики расставляют акценты на политике в области ресурсосбережения, низкоуглеродного развития и охраны окружающей среды. К лидерам в данном направлении можно отнести Японию, Германию, Китай, Южную Корею, страны Северной Европы. Стратегии и дорожные карты развития ЦЭ приняты в Китае, Дании, Финляндии, Франции, Греции, Фландрии, Шотландии¹.

Европейская комиссия ввела «зеленую» инициативу в контекст стратегии по достижению целей устойчивого развития, полагая, что следование целям ресурсоэффективности и сохранения природного капитала обеспечит дальнейшее благосостояние населения с учетом того обстоятельства, что развитие должно осуществляться по типу «зеленой» экономики². В перспективе рост экономики должен привести к нулевой эмиссии парниковых газов (далее – ПГ) и устойчивому абсолютному декарбонизации, то есть достижению положительных темпов роста при снижении потребления материальных и энергетических ресурсов.

Вопросы развития ЦЭ рассматриваются и в трудах таких российских исследователей, как А.В. Гребенкина, Е.О. Вегнер-Козловой, Е.В. Шкарупеты, А.В. Синельниковой, С.В. Ратнер и др. [3–6] Д.В. Валько анализирует подходы и методики оценки развития ЦЭ на макроуровне [7]. Н.А. Кузнецова выделяет ее основные элементы, которые взаимосвязаны между собой и являются ее инструментами [8]. Е.А. Ильина в своем исследовании делает акцент на потенциале ЦЭ и разработке практических рекомендаций с применением современных технологий [9].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Методологические подходы циркулярной экономики имеют значительные возможности для перехода к модели низкоуглеродного развития и содействия декарбонизации производства. Авторами в рамках настоящего исследования была поставлена цель – обосновать непротиворечивость развития экономики по низкоуглеродному типу целям ЦЭ. Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие задачи:

- выделить этапы развития ЦЭ и обосновать непротиворечивость модели низкоуглеродного развития целям и задачам циркулярной экономики;
- раскрыть критерии «зеленой» экономики и разработать инструментарий ее роста в разрезе каждого этапа ЦЭ;
- предложить авторский вариант комбинированной системы регулирования, основанной на сочетании административных и экономических мер, дополняющих друг друга при выстраивании стратегии низкоуглеродного развития;
- сформировать матрицы проблемных ситуаций по отдельным видам деятельности;
- определить направления и инструментарий «зеленого» регулирования с помощью матриц проблемных ситуаций.

¹ Сачек П., Точичкая И., Батова Н. Замыкая круг: законодательное стимулирование внедрения циркулярной экономики. Режим доступа: <https://beroc.org/upload/iblock/7dc/7dcf97d13679097d699072cebbb6d45c.pdf> (дата обращения: 30.05.2024).

² European Commission. The European Green Deal. COM(2019) 640 final. Document 52019DC0640. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1576150542719&uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (дата обращения: 30.05.2024).

При проведении исследования были использованы общенаучные методы, в частности анализа, синтеза и периодизации. С помощью методов анализа и синтеза выделены основные критерии, характеризующие низкоуглеродное развитие экономики, обосновано применение отдельных оценок ЦЭ для характеристики перехода к низкоуглеродной экономике в динамике. Метод периодизации позволил систематизировать и выстроить в хронологическом порядке этапы развития ЦЭ. Для периодизации были использованы критерии «зеленой» экономики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Учитывая хронологию подходов к оценке развития циркулярной экономики и типовых характеристик каждого рассматриваемого периода, авторы выделили этапы ЦЭ и проанализировали их на предмет наполняемости методов, отвечающих критериям развития рассматриваемого типа экономики (табл. 1).

Таблица 1

Периодизация циркулярной экономики в разрезе критериев «зеленого» роста

Концептуальный этап (2000–2010 гг.)	Институциональный этап (2010–2020 гг.)	Регуляторный этап (2020–2030 гг.)
Экономическая и ресурсная эффективность		
Рациональное использование природных ресурсов; энергоэффективность; использование вторичных ресурсов на основе сервисных платформ; ресурсоэффективность	Углеродная эффективность; сервисная платформа твердых коммунальных отходов; информационно-технические справочники по наилучшим доступным технологиям; информационная база по технологиям декарбонизации	Таксономия «зеленых» проектов; финансирование «зеленых» проектов
Природные активы		
Продуктивность экосистем; оценка уровня поглощения CO ₂ ; запас минерально-сырьевых и др. ресурсов; изменение ассимиляционного потенциала	Кадастры выбросов CO ₂ по регионам и предприятиям	Калькулятор выбросов ПГ отраслями и промышленностью
Меры в области «озеленения» экономики		
Оценка выбросов CO ₂ ; отчетность; оптимизация структуры экономики с точки зрения зеленого роста	Экспертная платформа по программам адаптации к изменениям климата; углеродное регулирование	Формирование платформы торговли CO ₂ ; «зеленые» сертификаты
Социо-экономические аспекты зеленого роста		
Калькулятор экологического следа; оценка уровня экологической опасности производств; нефинансовая отчетность и усиление позиций стейкхолдерского подхода	Углеродная отчетность для юридических лиц, индивидуальных предпринимателей	Бизнес-модели, повышающие ресурсоэффективность и снижающие воздействие на окружающую среду
Базовые инструменты низкоуглеродного развития экономики		
Оценка выбросов CO ₂ ; оценка уровня углеродоемкости продукции	Стратегия углеродного регулирования; информационно-технические справочники по декарбонизации; дорожные карты по декарбонизации отраслей, предприятий	Масштабирование технологий, повышающих углеродную эффективность; организация цифровой платформы по торговле квотами CO ₂ ; «зеленые» сертификаты

Составлено авторами по материалам исследования

Представленная авторами периодизация ЦЭ в разрезе критериев «зеленого» роста предполагает выделение трех этапов: концептуального, институционального и регуляторного. На каждом из них рассмотрены меры по ключевым критериям: экономическая и ресурсная эффективность, природные активы, меры

по «озеленению» экономики, социальные и экономические аспекты «зеленого» роста. Также в разрезе трех этапов ЦЭ систематизированы базовые инструменты низкоуглеродного развития экономики. Предложены регулятивные меры, направленные на сокращение эмиссии ПГ, и, по мнению авторов, они должны составить основу программ по углеродному регулированию как на местном, так и на региональном уровнях.

Однако на практике вопрос о достаточности предпринимаемых мер и их приоритетности с точки зрения сохранения требуемого уровня окружающей среды по-прежнему остается открытым. По этой причине появляется необходимость в анализе и оценке результативности методов регулирования. Традиционно выделяют административные методы, которые так или иначе присутствуют в виде законодательно закрепленных экологических нормативов и экологических требований, и экономические, или рыночные, методы.

Административные методы направлены на ограничение, контроль и нормирование количественных показателей. Так, в случае их применения к целям «озеленения» экономики они связываются с контролем выбросов тех или иных веществ, выдвижением требований на использование или отказ от определенных технологий в процессе хозяйственной деятельности, утверждением нормативов по показателям эффективности использования энергии и ресурсов и др.

Экономические методы, являясь наиболее гибкими, в случае применения к низкоуглеродному развитию мотивируют эмитентов к сокращению выбросов и формируют экономическую заинтересованность предприятий. В качестве побуждения часто используются такие инструменты, как штраф, налог, субсидия, право на льготное кредитование.

Однако экономические методы имеют и существенные недостатки, к которым можно отнести ресурсозатратность и сложность с точки зрения контроля за исполнением. Последнее подчеркивает преимущество административных мер, которые требуют менее тщательного подхода к каждому элементу хозяйственной деятельности.

При этом следует признать, что часть экономических методов, которая направлена на финансовые санкции для предприятий, является более результативной, чем административные меры. Так, например, при введении системы ценообразования на CO_2 -экв. предприятия, осуществляющие выбросы ПГ, будут платить за это. Согласно данным Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, плата за углеродный след российских компаний может составить от 3 до 5 млрд евро при цене в 25 евро/т CO_2 -экв. [10]. По прогнозам Института естественных монополий, суммарные прямые и косвенные воздействия на российскую промышленность могут составить 2,2 млрд долл. США³. Таким образом, совокупные издержки компаний возрастут, и, как следствие, появится заинтересованность в сокращении эмиссии ПГ.

Следует подчеркнуть, что фиксация экономических методов на результате дает возможность компаниям самостоятельно устанавливать бюджет, который будет приемлемым, что является плюсом. В то же время некоторые административные методы (например, запреты или предписания на использование определенных технологий) обеспечивают равное распределение требований между хозяйствующими субъектами, что в лучшую сторону отличает их от экономических.

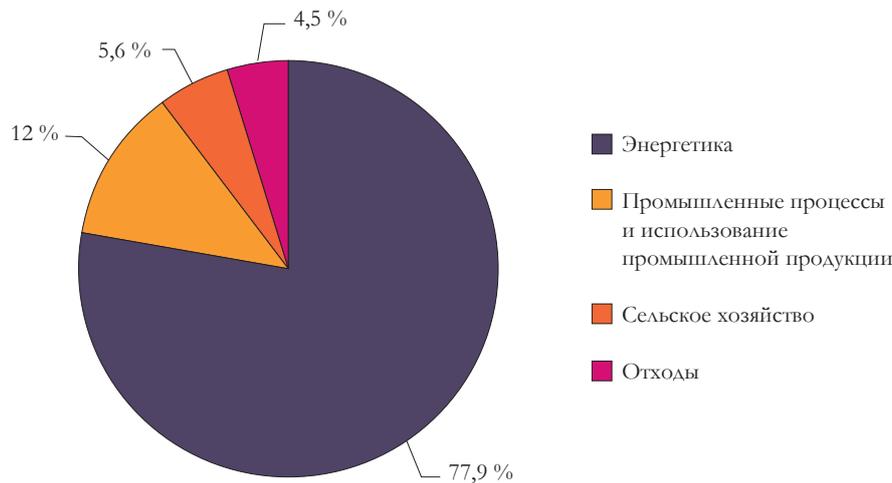
С учетом проведенного анализа авторы при выборе методов «зеленого» роста экономики останавливаются на варианте комбинированных (гибридных) систем регулирования, так как административные и экономические меры дополняют друг друга при выстраивании стратегии и разработке механизмов ее реализации.

Процесс выбора методов требует и определения сферы охвата «озеленения» экономики, и выделения тех секторов, которые в первую очередь попадают в контур углеродного регулирования. Как следует из динамики выбросов ПГ, такими секторами являются энергетика и промышленность (рис. 1).

Анализ структуры выбросов в разрезе отраслей, согласно представленным статистическим данным в Четвертом двухгодичном докладе Российской Федерации, позволяет использовать отраслевой подход в разработке стратегии их развития, так как он дает возможность определить приоритетные виды деятельности, учесть особенности, обусловленные структурой производства/потребления, инвестирования, финансирования и др.⁴. Кроме того, учет данных о приоритетных отраслях-эмитентах CO_2 и их взаимодействиях в регионах и промышленных кластерах позволяет сформулировать меры «озеленения» экономики в рамках ЦЭ.

³ Институт проблем естественных монополий. Трансграничное углеродное регулирование в ЕС: как не допустить дискриминации российских экспортеров. Режим доступа: <https://www.ruscable.ru/other/ipem.pdf> (дата обращения: 30.05.2024).

⁴ Четвертый двухгодичный доклад Российской Федерации, представленный в соответствии с решением 1/CP.16 Конференции Сторон Рамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Режим доступа: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/10469275_Russian%20Federation-BR4-1-4BR_RUS.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

Примечание: без учета выбросов и поглощения парниковых газов, связанных с землепользованием и лесным хозяйством
 Источник⁵

Рис. 1. Структура выбросов ПГ по секторам в 2021 г.

В табл. 2 представлена структура выбросов по промышленности, из которой следует, что приоритетными отраслями для становления модели низкоуглеродного развития экономики являются металлургическая и химическая промышленность, а также производство минеральных материалов.

Таблица 2

Выбросы ПГ, связанные с промышленными процессами и использованием продукции

Категории источников	Газ	2011 г., млн т CO ₂ -эquiv.	2012 г., млн т CO ₂ -эquiv.	2013 г., млн т CO ₂ -эquiv.	2014 г., млн т CO ₂ -эquiv.	2015 г., млн т CO ₂ -эquiv.	2016 г., млн т CO ₂ -эquiv.	2017 г., млн т CO ₂ -эquiv.	2021 г., млн т CO ₂ -эquiv.
Производство минеральных материалов	CO ₂	40,11	42,10	43,52	43,07	40,01	36,51	37,12	41,52
Химическая промышленность	CO ₂	36,64	36,08	37,62	37,61	39,24	41,31	43,37	49,31
	CH ₄	0,41	0,41	0,45	0,43	0,45	0,45	0,48	0,52
	N ₂ O	5,65	5,50	5,76	5,56	6,01	6,32	6,57	7,27
	F-газы	4,42	9,08	11,50	13,13	9,46	9,16	17,99	20,24
Металлургия	CO ₂	100,34	103,82	101,22	103,17	104,13	103,75	104,82	116,78
	CH ₄	0,13	0,13	0,13	0,13	0,14	0,13	0,13	0,16
	F-газы	3,15	3,18	3,28	2,90	3,36	3,49	3,01	3,37
Использование растворителей и неэнергетических продуктов из топлива	CO ₂	1,18	1,30	1,20	1,50	1,59	1,69	1,39	1,56
Использование фторированных заменителей озоноразрушающих веществ	F-газы	7,07	8,92	10,47	11,85	13,05	14,63	16,43	18,17

Источник^{6,7}

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Основные показатели охраны окружающей среды. Режим доступа: clck.ru/3BPKeY (дата обращения: 30.05.2024).

⁶ Четвертый двухгодичный доклад Российской Федерации, представленный в соответствии с решением 1/CP.16 Конференции Сторон Рамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Режим доступа: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/10469275_Russian%20Federation-BR4-1-4BR_RUS.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Основные показатели охраны окружающей среды. Режим доступа: clck.ru/3BPKeY (дата обращения: 30.05.2024).

Выявление приоритетных отраслей дает возможность построить матрицу проблемных ситуаций как по отдельным видам деятельности, так и в региональном разрезе (табл. 3).

Таблица 3

Матрица проблемных ситуаций в секторах экономики

Проблема	Задача	Направление	Инструмент
Стадия добычи сырья			
1. Использование бензина, дизельного топлива для техники, работающей в шахтах и карьерах 2. Использование угля, природного газа, нефти, торфа, горючих сланцев, дров, сланцевого газа	1. Замена бензина и дизельного топлива на виды топлива с низкими выбросами CO ₂ 2. Снижение использования ископаемого топлива	1. Использование электрооборудования, биодизельного топлива, водорода, синтетического бензина, синтетической солянки, этилового спирта, метанола, синтетического бензина из растительного сырья, видов топлива серии Р 2. Применение ядерного топлива, энергии солнечных батарей, ветров и приливов, водородного топлива, использование в качестве топлива биогаза, отходов, спирта	– наилучшие доступные технологии или технологии декарбонизации (сокращение использования ископаемого топлива, расширение использования альтернативных видов топлива); – субсидирование и «зеленые» финансы (инвестиции в технологии и инновации и т.д.); – система торговли выбросами; – «зеленые» сертификаты
Стадия производства продукции			
Использование видов топлива с высокими выбросами CO ₂ Расход энергии Потери тепло- и электроэнергии	1. Замена бензина и дизельного топлива на виды топлива с низкими выбросами CO ₂ 2. Снижение расхода энергии от невозобновляемых источников энергии 3. Снижение использования ископаемых видов сырья 4. Сокращение потерь тепло- и электроэнергии	1. Использование электрооборудования, биодизельного топлива, водорода, синтетического бензина, синтетической солянки, этилового спирта, метанола, синтетического бензина из растительного сырья, видов топлива серии Р 2. Применение ядерного топлива, энергии солнечных батарей, ветров и приливов, водородного топлива 3. Использование вторичного сырья 4. Обновление устаревшего оборудования и схем производства с высокими выбросами CO ₂ 5. Применение современного оборудования, отвечающего требованиям энергосбережения	– наилучшие доступные технологии или технологии декарбонизации; – субсидирование и «зеленые» финансы; – налог на выбросы ПГ; – система торговли выбросами; – «зеленые» сертификаты
Стадия распределения и потребления готовой продукции			
Высокие потери тепло- и электроэнергии при транспортировке и потреблении	Снижение потерь тепло- и электроэнергии при транспортировке и потреблении	Применение современного электротехнического оборудования, отвечающего требованиям энергосбережения	– наилучшие доступные технологии или технологии декарбонизации; – субсидирование и «зеленые» финансы; – налог на выбросы ПГ; – система торговли выбросами; – «зеленые» сертификаты

Составлено авторами по материалам исследования

Матрица проблемных ситуаций позволяет обобщить и сгруппировать существующие проблемы промышленности, поставить задачи по видам деятельности, определить направления и инструментарий «зеленого» регулирования, провести анализ важнейших из них.

Налог на выбросы ПГ – наименее затратный инструмент климатической политики. При его введении государство возлагает дополнительные издержки на эмитента, тем самым увеличивая себестоимость продукции предприятий, что заставляет экономические субъекты снижать углеродоемкость продукции.

Другим инструментом углеродного регулирования является система торговли выбросами (далее – СТВ). Создавая общую площадку торговли на территории как региона, так и страны, государство объединяет сервисную платформу торгов и тем самым обеспечивает доступ к ней множеству предприятий-эмитентов ПГ. Согласно СТВ, устанавливается лимит выбросов ПГ на бесплатный объем выбросов, при этом эмитенты в соответствии с выданными разрешениями/квотами могут покупать дополнительные объемы выбросов по установленной цене на CO₂-экв. Организация цифровой платформы по торговле квотами CO₂-экв., на которой предметом торговли являются квоты/разрешения/сертификаты на выбросы, дает возможность контролировать результат по сокращению эмиссии CO₂. Платная часть квот потенциально может быть продана на аукционах. Так, доход от аукционов в Европейской системе торговли выбросами в 2021 г. составил 31 млрд евро (37 млрд долл. США)⁸.

Еще одним экономическим инструментом «зеленого» регулирования выступает субсидирование. В этом случае государство отказывается от субсидирования «грязных» отраслей и углеродоемких проектов, при этом реализуется направление поддержки субсидиями альтернативной энергетики и экологических проектов, развития энергосберегающих технологий. Подобная финансовая поддержка необходима для развития «зеленых» отраслей.

«Зеленое» финансирование, призванное развить современные зеленые технологии, способно ускорить процесс адаптации к новой модели низкоуглеродной экономики и позволяет сохранить рабочие места и объемы выпуска продукции с одновременной постепенной нейтрализацией углеродного следа.

Рассмотренные основные инструменты «зеленого» регулирования позволяют разработать направления и стратегию низкоуглеродного развития, а также сформировать дорожную карту (табл. 4).

Таблица 4

Направления и инструментарий стратегии низкоуглеродного развития экономики

Направления	Инструменты		
Снижение расхода энергии от невозобновляемых источников энергии	Использование вторичного сырья	Внедрение наилучших доступных технологий и технологий декарбонизации	Субсидирование и «зеленые» финансы (инвестиции в технологии и инновации и т.д.), система торговли выбросами, налог на выбросы парниковых газов, «зеленые» сертификаты
Замена ископаемого топлива на виды топлива с низкими выбросами CO ₂	Применение ядерного топлива, энергии солнечных батарей, ветров и приливов, водородного топлива	Использование электромобилей, биодизельного топлива, водорода, синтетического бензина, синтетической солянки, этилового спирта, метанола, синтетического бензина из растительного сырья, видов топлива серии Р	Использование в качестве топлива биогаза, отходов, спирта
Снижение потерь при производстве, транспортировке и потреблении продукции	Обновление устаревшего оборудования и схем производства с высокими выбросами CO ₂	Применение современного оборудования, отвечающего требованиям энергосбережения	–

Составлено авторами по материалам исследования

⁸ International Carbon Action Partnership. EU Emissions Trading System (EU ETS). Режим доступа: <https://icapcarbonaction.com/en/ets/eu-emissions-trading-system-eu-ets> (дата обращения: 30.05.2024).

Таким образом, в рамках ЦЭ определена приоритетность такого направления, как низкоуглеродное развитие экономики. Оно было представлено в тех же временных рамках, что и ЦЭ. В качестве методов, стимулирующих переход к низкоуглеродному типу развития экономики, авторами предложены комбинированные (гибридные) системы регулирования, сочетающие административные и экономические меры. Для выявленных приоритетных отраслей построена матрица проблемных ситуаций, которая позволила обобщить и сгруппировать существующие проблемы промышленности, поставить задачи по видам деятельности, определить направления и инструментарий «зеленого» регулирования. В дальнейшем это позволит сформировать основные направления и стратегию низкоуглеродного развития экономики.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования авторами показано, что циркулярная экономика, основанная на возобновлении ресурсов, формирует направление низкоуглеродного развития экономики. По мнению таких авторов, как М. Рен, П. Лу, Х. Лю и др., Л.С. Плакиткина, Ю.А. Плакиткин, К.И. Дьяченко, И.С. Белик, Н.В. Стародубец, Т.В. Майорова, А.И. Ячменева, А. Усов, И. Барсолу, В. Лукин, К. Клепча, В. Иктисанов, Ф. Шкруднев, М.М. Соколов и др., последнее имеет целью уменьшение выбросов CO₂ и перестройку экономики и топливно-энергетического сектора [11–15]⁹.

По мнению авторов настоящего исследования, подходить к формированию политики низкоуглеродного развития экономики необходимо с позиций единства корневой базы циклической экономики, также стоит выстраивать модель развития на принципах и критериях ЦЭ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Низкоуглеродная стратегия развития является составной частью модели циклической экономики, разворачиваемой в направлении сокращения выбросов углерода. В статье обозначены этапы и тенденции ЦЭ, отмечены значение и необходимость низкоуглеродной трансформации экономики на основе управления выбросами углерода, введения низкоуглеродных технологий, СТВ, субсидирования и финансирования «зеленых» проектов. Авторами предложены направления и инструментарий «зеленого» регулирования экономики, способствующие скорейшему достижению целей минимизации и нейтрализации выбросов углерода, приведена схема выстраивания стратегии низкоуглеродной трансформации, применяемой на уровне как региона, так и отдельных промышленных предприятий.

Список литературы

1. Pearce D., Turner R. Economics of Natural Resources and the Environment. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1989. 378 p.
2. Velenturf A.P.M., Purnell Ph. Principles for a sustainable circular economy. Sustainable Production and Consumption. 2021;27:1437–1457. <https://doi.org/10.1016/j.spc.2021.02.018>
3. Гребенкин А.В., Вегнер-Козлова Е.О. Теоретические и прикладные аспекты концепции циркулярной экономики. Журнал экономической теории. 2020;2(17):399–411.
4. Шкафурета Е.В. Концептуальные основы циркулярной экономики. Цифровая и отраслевая экономика. 2022;2(27):121–124.
5. Синельникова А.В. Переход к циркулярной экономике: проблемы и перспективы. Экономический вестник ИПУ РАН. 2022;1(3):64–75. <https://doi.org/10.25728/econbull.2022.1.6-sinelnikova>
6. Ратнер С.В. Циркулярная экономика: теоретические основы и практические приложения в области региональной экономики и управления. Инновации. 2018;9:2–10.
7. Валько Д.В. Устойчивое развитие и циркулярная экономика: межстрановое измерение. Управление в современных системах. 2020;1(25):3–12.
8. Кузнецова Н.А. Циркулярная экономика: основные элементы и возможности. Экономика высокотехнологичных производств. 2023;2(4):121–132. <https://doi.org/10.18334/evp.4.2.117359>
9. Ильина Е.А. Циркулярная экономика: концептуальные подходы и механизмы их реализации. Организатор производства. 2022;3(30):21–30.
10. Плакиткина Л.С., Плакиткин Ю.А., Дьяченко К.И. Декарбонизация экономики как фактор воздействия на развитие угольной промышленности мира и России. Черная металлургия. Бюллетень научно-технической и экономической информации. 2021;8(77):902–912. <https://doi.org/10.32339/0135-5910-2021-8-902-912>

⁹Клепча К. Пионеры низкоуглеродного следа. Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2021/23/pionery-nizkouglerodnogo-sleda/> (дата обращения: 30.05.2024).

11. Ren M., Lu P., Liu X., Glynn J., Dai H. Decarbonizing China's iron and steel industry from the supply and demand sides for carbon neutrality. *Applied Energy*. 2021;298:117209. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2021.117209>
12. Белик И.С., Стародубец Н.В., Майорова Т.В., Ячменева А.И. Механизмы реализации концепции низкоуглеродного развития экономики. Уфа: Омега Сайнс; 2016. 119 с.
13. Усов А., Барсоло И., Лукин В. Углеродный след. Нефть России. 2017;4:18–21.
14. Иктисанов В., Шкруднев Ф. Декарбонизация: взгляд со стороны. *Энергетическая политика*. 2021;8(162):42–51. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_8162_42
15. Соколов М.М. Стратегии России по введению трансграничного углеродного регулирования в ЕС. *Геоэкономика энергетики*. 2021;3(15):84–97. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_15_3_84

References

1. Pearce D., Turner R. *Economics of Natural Resources and the Environment*. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1989. 378 p.
2. Velenturf A.P.M., Purnell Ph. Principles for a sustainable circular economy. *Sustainable Production and Consumption*. 2021;27:1437–1457. <https://doi.org/10.1016/j.spc.2021.02.018>
3. Grebenkin A.V., Vegner-Kozlova E.O. Theoretical and applied aspects of the concept of circular economy. *Journal of Economic Theory*. 2020;2(17):399–411. (In Russian).
4. Shkarupeta E.V. Conceptual foundations of circular economy. *Digital and Industrial Economy*. 2022;2(27):121–124. (In Russian).
5. Sinebnikova A.V. Transition to a circular economy: problems and prospects. *Economic Bulletin of ICS RAS*. 2022;1(3):64–75. (In Russian). <https://doi.org/10.25728/econbull.2022.1.6-sinebnikova>
6. Ratner S.V. Circular economy: theoretical foundations and practical applications in the field of regional economy and management. *Innovatsii*. 2018;9:2–10. (In Russian).
7. Valko D.V. Sustainable development and circular economy: cross-country measurement. *Management in Modern Systems*. 2020;1(25):3–12. (In Russian).
8. Kuznetsova N.A. Circular economy: basic elements and opportunities. *Ekonomika vysokotekhnologichnykh proizvodstv*. 2023;2(4):121–132. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/evp.4.2.117359>
9. Ilyina E.A. Circular economy: conceptual approaches and implementation mechanisms. *Organizer of Production*. 2022;3(30):21–30. (In Russian).
10. Plakitkina L.S., Plakitkin Yu.A., Dyachenko K.I. Decarbonization of economy as a factor of influence on the development of coal industry of the world and Russia. *Bulletin "Ferrous Metallurgy"*. 2021;8(77):902–912. (In Russian). <https://doi.org/10.32339/0135-5910-2021-8-902-912>
11. Ren M., Lu P., Liu X., Glynn J., Dai H. Decarbonizing China's iron and steel industry from the supply and demand sides for carbon neutrality. *Applied Energy*. 2021;298:117209. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2021.117209>
12. Belik I.S., Starodubets N.V., Mayorova T.V., Yachmeneva A.I. Mechanisms for implementing the concept of low-carbon economic development. Ufa: Omega Sains; 2016. 119 p. (In Russian).
13. Usov A., Barsola I., Lukin V. Carbon footprint. *Neft Rossii*. 2017;4:18–21. (In Russian).
14. Iktisanov V., Shkrudnev F. Decarbonization: outside view. *Energy Policy*. 2021;8(162):42–51. (In Russian). https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_8162_42
15. Sokolov M.M. On possible directions of Russia's strategy for the introduction of cross-border carbon regulation in the EU. *Geoeconomics of Energetics*. 2021;3(15):84–97. (In Russian). https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_15_3_84

Постсоветский обрыв экономических связей между Россией и Африкой: причины и последствия

Махамат Мустафа Махамат

Аспирант

ORCID: 0009-0002-4130-5428, e-mail: moustaphamahamat056@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализированы причины и последствия постсоветского обрыва экономических связей между Россией и Африкой. Постсоветский период (с 1991 г.) привел к обрыву экономических связей между ними. Это означает, что торговля, инвестиции и другие формы экономического сотрудничества между двумя сторонами значительно сократились или прекратились полностью. После распада Советского Союза по инициативе М.С. Горбачева Африка действительно стала «не субъектом» для дипломатов и военных, дислоцированных в регионе, и некоторые экономические субъекты стали свидетелями первых инициатив Москвы. Только в начале 2018 г., по случаю прибытия в Банги первых партий российского оружия и десятков «советников» из Москвы, французские средства массовой информации узнали о «великом возвращении» России в Африку. Эта центральноафриканская призма мощно формирует восприятие в Париже: участие России было бы новым явлением, перекликающимся с конфронтацией между Востоком и Западом, а Центральная Африка стала бы решающим звеном в грандиозной стратегии в масштабах континента, где Россия будет на пути к тому, чтобы зарекомендовать себя как крупный игрок. Обрыв экономических связей между Россией и Африкой имеет отрицательные последствия для обоих регионов, включая сокращение торговли, инвестиций и политического влияния, и недостаток ресурсов и изменение политических приоритетов России после распада Советского Союза являются основными причинами этого.

Для цитирования: Махамат М.М. Постсоветский обрыв экономических связей между Россией и Африкой: причины и последствия // Вестник университета. 2024. № 8. С. 138–143.

Ключевые слова

Международные экономические отношения, страны Африки, Российская Федерация, торговля, российско-африканские экономические отношения, африканские страны, международные взаимоотношения, обрыв, причины, последствия, Чад

Благодарности. Выражаю благодарность своему научному руководителю д-ру экон. наук, проф. каф. мировой экономики и международных экономических отношений Олегу Борисовичу Аникину (Государственный университет управления, г. Москва, Россия).

The post-Soviet break in economic ties between Russia and Africa: causes and consequences

Mustafa M. Mahamat

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0002-4130-5428, e-mail: moustaphamahamat056@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the causes and consequences of the post-Soviet breakdown of economic ties between Russia and Africa. The post-Soviet period (since 1991) has led to a breakdown of economic ties between them. It means that trade, investment, and other forms of economic cooperation between the two sides have been significantly reduced or stopped completely. After the collapse of the Soviet Union at the initiative of Mikhail Gorbachev, Africa really became a “non-subject” for diplomats and military personnel stationed in the region, and some economic actors witnessed Moscow’s first initiatives. It was only in early 2018, on the occasion of the arrival of the first shipments of Russian weapons and dozens of “advisers” from Moscow in Bangui, that the French media learned of Russia’s “great comeback” in Africa. This Central African prism powerfully shaped perceptions in Paris: Russian involvement would be a new phenomenon echoing the confrontation between East and West, and Central Africa would be a crucial link in a grand strategy on a continental scale, where Russia would be on its way to establishing itself as a major player. The severing of economic ties between Russia and Africa has negative consequences for both regions, including reduced trade, investment, and political influence, and Russia’s lack of resources and changing political priorities since the collapse of the Soviet Union are the main reasons for it.

For citation: Mahamat M.M. (2024) The post-Soviet break in economic ties between Russia and Africa: causes and consequences. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 138–143.

Keywords

International economic relations, African countries, Russian Federation, trade, Russian-African economic relations, African countries, international relations, breakage, causes, consequences, Chad

Acknowledgements. I want to express my gratitude to my scientific supervisor: Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the World Economics and International Relations Department Oleg B. Anikin (State University of Management, Moscow, Russia).

ВВЕДЕНИЕ

В 1991 г. в связи с распадом Советского Союза вплоть до 2000-х гг. обозначился некий обрыв экономических связей между Российской Федерацией (далее – РФ, Россия) и Центральной Африкой. Эта новая эра ознаменована закрытием 9 российских посольств и трех консульств на африканском континенте, большинства торговых представительств и 13 из 20 культурных центров – от Того до Лесото и от Буркина-Фасо до Сан-Томе и Принсипи [1]. Большинство проектов помощи, инициированных Советским Союзом, закрыты, в том числе сталелитейный завод в Аджакуте, Нигерия, который тем не менее практически завершён на 98 %.

Вместе с тем расширение в 1998 г. «Группы 7» (G7) до «Группы 8» (G8) за счет включения в нее России (даже если она не участвует систематически во встречах министров финансов) укрепляет доверие и сигнализирует о ее присоединении к «экссклюзивному» экономическому клубу.

После распада Советского Союза по инициативе М.С. Горбачева Африка действительно стала «не субъектом» для дипломатов и военных, дислоцированных в регионе, и некоторые экономические субъекты стали свидетелями первых инициатив Москвы. Только в начале 2018 г. по случаю прибытия в Банги первых партий российского оружия и десятков «советников» из Москвы французские средства массовой информации узнали о «великом возвращении» России в Африку. Эта центральноафриканская призма мощно формирует восприятие в Париже: участие России было бы новым явлением, переключением с конфронтацией между Востоком и Западом, а Центральная Африка стала бы решающим звеном в грандиозной стратегии в масштабах континента, где Россия будет на пути к тому, чтобы зарекомендовать себя как крупный игрок.

Хотя десятилетие 1990-х гг. ознаменовалось повсеместным ослаблением позиций России на международной арене (за исключением Китая), Африка является регионом мира, где этот процесс идет наиболее быстро и ярко выражен. Еще в 1992 г. Москва объявила о закрытии 9 посольств, трех консульств и 13 из 20 культурных центров, которые до этого были у нее на континенте. Большинство офисов, бывших советских информационных агентств, которые часто служили прикрытием для Комитета государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик и Главного управления Генерального штаба Вооруженных сил РФ, были распущены из-за отсутствия финансирования и интереса со стороны Центра. Товарооборот между Африкой и Россией в 1993 г. составил всего 760 млн долл. США, или менее 2 % внешней торговли страны. Продолжая политику М.С. Горбачева, администрация Б.Н. Ельцина отрезала Россию от Африки, что стало синонимом экономической отсталости и разрушительных геополитических авантюр для Москвы. Приоритетом, по словам тогдашнего министра иностранных дел А.В. Козырева, стало «присоединение к сообществу цивилизованных государств» [2].

В конце 1990-х гг. Москву посетили несколько президентов и глав правительств африканских стран (в том числе Н. Мандела, который посетил столицу с государственным визитом в апреле 1999 г.), но только в 2001 г. появились первые признаки ошутимого интереса постсоветской России к Африке. В декабре бывший премьер-министр (1998–1999 гг.) и экс-министр иностранных дел (1996–1998 гг.) Е.М. Примаков, назначенный новым президентом В.В. Путиным главой Торгово-промышленной палаты России, совершил поездку в Анголу, Намибию, Танзанию и Италию. Однако пройдет еще почти пять лет, прежде чем произойдет первый в этом столетии прорыв России на африканский континент [3].

За 1990-е гг. в экономике Центральной Африки произошли незначительные структурные изменения, хотя ситуация в странах была разной. Эволюция структуры экономики региона в период 1990–2011 гг. характеризовалась увеличением доли добывающего сектора в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) в большинстве экономик региона и постепенным снижением вклада обрабатывающей промышленности и сектора услуг, даже несмотря на некоторые особенности по странам. Если брать регион в целом, то доля добывающего сектора снизилась с 10,3 % в 1990 г. до 6,2 % в 2011 г., в то время как доля сектора услуг за тот же период сократилась с 42 до 27,5 %. Эти тенденции противоречат одному из основных стилизованных фактов экономических преобразований, который проявляется в значительном увеличении вклада этих двух секторов в формирование ВВП, что имеет решающее значение для повышения общей производительности экономики, а также для расширения и обеспечения устойчивого роста. По состоянию на конец 2011 г. ни в одной из стран региона доля добывающего сектора в ВВП не превышала 10 %, за исключением Камеруна, который имеет самый важный промышленный

сектор. Наконец, хотя снижение доли сельского хозяйства в ВВП обычно рассматривается как показатель структурных преобразований в экономике, это в большей степени связано с открытием природных ресурсов в случае стран Центральной Африки.

РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ ЧАД В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Остановимся подробнее на развитии Республики Чад в указанный период, поскольку автор статьи родом из этой страны.

Республика Чад – государство в Центральной Африке, которое граничит с Нигерией, Камеруном, Ливией, Суданом, Центральноафриканской Республикой. Официальный язык – французский.

В декабре 1990 г. произошли государственный переворот против Хиссена Хабре и приход к власти Идрисса Деби, лидера Патриотического движения спасения, который стал президентом Республики в марте 1991 г.

В 1993 г. была проведена конференция по национальному примирению, а также назначен премьер-министр Юга.

В 1996 г. осуществлено избрание Идрисса Деби на первый срок. В январе 2000 г. была подана жалоба на Хиссена Хабре по обвинению в преступлениях против человечности. Он был арестован в 2005 г. в Сенегале, а затем освобожден после нескольких дней содержания под стражей в полиции.

Всю историю Чада, флаг которого состоит из трех цветов, можно поделить на три больших периода: доколониальный, затем время владения территорией французами и после – независимость республики.

Республика Чад – это сухопутное государство в Центральной Африке. Приведем основные характеристики этой страны:

- расположена в центральной части африканского континента, граничит с Ливией на севере, Суданом на востоке, Центральноафриканской Республикой на юге, Камеруном и Нигерией на западе;
- является пятой по величине страной в Африке и имеет площадь около 1,284 млн км²;
- численность населения составляет примерно 16,6 млн чел.; страна характеризуется большим разнообразием этнических групп, среди которых ава, хаджа и канури;
- французский язык является официальным в Чаде, но также широко используются арабский и различные местные языки;
- Чад является президентской республикой с единоличным руководством, контроль за государственной властью осуществляется президентом и его администрацией;
- является одной из наименее развитых стран в мире с низким уровнем жизни и высокой зависимостью от сельского хозяйства и добычи нефти, однако страна обладает значительными запасами нефти, каменного угля и некоторых минералов;
- Чад богат разнообразием культурных традиций и обычаев: различные этнические группы имеют свои особенности в музыке, танцах, ремеслах и религии;
- сталкивается с рядом социально-экономических и политических проблем, таких как низкая образованность, невысокая продолжительность жизни, нищета, наличие вооруженных конфликтов и сложная ситуация с правами человека.

В целом, хотя Чад имеет свои проблемы и вызовы, страна обладает богатством природных ресурсов и культурным наследием, которые могут сыграть важную роль в ее будущем развитии.

Чад только в 1960-е гг. стал независимым государством и до сих пор до конца не избавился от колониальной системы. Сначала политика была сосредоточена на том, чтобы урегулировать отношения с соседями, а затем финансовое состояние стало сильно зависеть от развитых стран, которые оказывали помощь и диктовали свои правила [4].

ПОСТСОВЕТСКИЙ ОБРЫВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ ЧАД

Постсоветский обрыв экономических связей между Россией и Республикой Чад был вызван рядом причин и имел серьезные последствия для обеих стран.

Одной из причин были экономические трудности, с которыми столкнулась Россия после распада Советского Союза. Снижение промышленного производства и экономическая нестабильность внутри страны привели к сокращению экономической помощи Республике Чад, которая ранее являлась союзником государства.

Другой причиной были военные конфликты и политическая нестабильность в Республике Чад. В 1990-е гг. страна переживала бурные события, включая гражданскую войну и вооруженные конфликты на границе с соседними странами. Это привело к тому, что Россия решила остановить экономическую и военную помощь Чаду, чтобы не оказывать поддержку во время конфликтов [5].

Последствия обрыва экономических связей были серьезными для обеих стран. Россия лишилась союзника в Центральной Африке и потеряла интересы и рынки для своих продуктов и услуг. Республике Чад стало трудно справиться с экономическим и социальным развитием без помощи РФ. Это привело к дальнейшей политической нестабильности и экономическому ухудшению в стране.

Таким образом, постсоветский обрыв экономических связей между Россией и Республикой Чад был вызван экономическими трудностями в России и военными конфликтами в Чаде. Последствия включали потерю интересов и рынков для первой, а также экономическое и социальное ухудшение во втором.

Примечательно, что Чад еще до конца не избавился от пережитков колониальной системы, в то время как внешняя политика правительства становится все более унитарной. На протяжении 1970–1980-х гг. внешняя политика государства была сосредоточена на разрешении диспутов с соседями, что часто выливалось во взаимную поддержку повстанческих групп.

После обретения независимости Чад в значительной степени зависел от внешнего финансирования, в основном предоставляемого западными странами – в первую очередь Соединенными Штатами Америки и Францией, что в большой мере повлияло на его внешнеполитическую ориентацию.

Причины обрыва экономических связей между Россией и Африкой в постсоветский период представляются следующими:

1) смена мировой эпохи – распад Советского Союза и окончание «холодной» войны изменили геополитическую карту мира, что повлияло на приоритеты России в международных отношениях: она обратила больше внимания на развивающиеся регионы, такие как Азия и Латинская Америка, вместо Африки;

2) недостаток ресурсов – после распада Советского Союза Россия столкнулась с экономическим кризисом и дефицитом средств, следовательно, она не могла продолжать финансировать проекты и программы в Африке, как делала раньше;

3) изменение политических приоритетов – Россия сконцентрировала свое внимание на укреплении отношений с Западом и поиске новых рынков для экспорта своих товаров и в результате стала реже участвовать в африканских проектах и программах инициативах, что привело к обрыву экономических связей.

Последствиями обрыва экономических связей между Россией и Африкой в постсоветский период являются:

1) уменьшение торговли – обрыв экономических связей привел к сокращению взаимной торговли между Россией и африканскими странами: объем импорта и экспорта значительно снизился, что ограничило доступ к товарам и услугам из обоих регионов;

2) снижение инвестиций – прекращение экономического сотрудничества означает, что Россия больше не инвестирует в африканские страны, и наоборот, и это ограничивает возможности для развития экономики и создания новых рабочих мест в обоих регионах;

3) политические последствия – обрыв экономических связей может также иметь влияние на политические отношения между Россией и африканскими странами, а более ограниченная экономическая связь может уменьшить влияние России на политические и экономические процессы в Африке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение 1990-х гг. отношения между Россией и странами Центральной Африки ухудшались. Распад Советского Союза разорвал практически все связи и поставил крест на идеологической миссии государства по распространению социализма. Россия была не в состоянии поддерживать свои субсидии «клиентским» режимам, а Африка отступила от своих приоритетов. Отношения с некоторыми африканскими государствами обострились в конце 1991 г., когда президент Б.Н. Ельцин прекратил любую иностранную помощь и потребовал немедленного погашения всех долгов. С восстановлением экономики в России, а также под влиянием открытости, проявленной новыми лидерами, ситуация постепенно улучшилась.

Список литературы

1. Юрик Н.Н. Африка и Россия: что дальше? Молодой ученый. 2020;13(303):188–191.
2. Maefr. Russia Making the Transfer to the AU Peace Fund. Moscou: Ministère des Affaires étrangères; 2013. 257 p.

3. *Arkhangelskaya A.* Images and Prospects of BRICS in Africa. Madrid: Document de conférence présenté lors du Congreso Iberico de Estudios Africanos; 2012. 215 p.
4. *Корендясов Е.Н.* Российско-африканские отношения на новом старте. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016;2:203–214.
5. *Arquimedes João F. Varimelo.* La décentralisation en Angola et au Mozambique: Du discours à la consécration juridique. Université de Bordeaux; 2017. 471 p.

References

1. *Yurik N.N.* Africa and Russia: what's next? *Molodoy uchenyi.* 2020;13(303):188–191. (In Russian).
2. *Maefr.* Russia Making the Transfer to the AU Peace Fund. Moscou: Ministère des Affaires étrangères; 2013. 257 p.
3. *Arkhangelskaya A.* Images and Prospects of BRICS in Africa. Madrid: Document de conférence présenté lors du Congreso Iberico de Estudios Africanos; 2012. 215 p.
4. *Korendyasov E.N.* Russian-African relations at a new start. *Vestnik RUDN. International Relations.* 2016;2:203–214. (In Russian).
5. *Arquimedes João F. Varimelo.* La décentralisation en Angola et au Mozambique: Du discours à la consécration juridique. Université de Bordeaux; 2017. 471 p.

Анализ востребованности управленческих и педагогических кадров со знанием русского языка в экономике Объединенной Республики Танзания

Никитин Николай Александрович

Зам. начальника отдела научных исследований и грантов, науч. сотр.

ORCID: 0000-0003-1387-2556, e-mail: nikitin@pgsga.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия

Аннотация

Проведенный анализ и экономическая оценка предпосылок востребованности профессии «учитель русского языка» в системе образования Танзании показывают рост межгосударственных проектов Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и Танзании, требующих не только политического и правового, но и образовательного обеспечения. Деятельность отечественных структур (Россотрудничество, Министерство просвещения РФ, бизнес-структуры) на территории Танзании создают экономические предпосылки востребованности русского языка в экономике страны. Учитывая возросший уровень межгосударственных отношений двух государств, благодаря изменению внешнеполитического курса России можно прогнозировать возрастающий спрос на специалистов в области русского языка, а также на знание языка как конкурентного преимущества на рынке труда Танзании. В результате проведенного анализа присутствия ассоциированных с Россией структур либо планируемого присутствия целесообразно открытие центров подготовки учителей русского языка в административных районах Танзании, таких как Занзибар, Кигома, Пемба, Руква, Мбея, Аруша, Мванза. В данных административных единицах осуществляется либо планируется взаимодействие двух стран, что приведет к повышению востребованности специалистов, владеющих русским языком, подготовку которых проводят в рамках основной профессиональной деятельности учителя русского языка из числа прошедших соответствующую подготовку местных специалистов.

Ключевые слова

Учитель русского как иностранного, Россия–Африка, Танзания, система образования Танзании, экономические предпосылки, внешняя политика России, международные отношения

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства Просвещения Российской Федерации в рамках государственного задания «Проектирование этноориентированной модели подготовки учителя русского языка как иностранного для образовательных организаций зарубежных стран в системе российского непрерывного педагогического образования (на примере Объединенной Республики Танзания)».

Для цитирования: Никитин Н.А. Анализ востребованности управленческих и педагогических кадров со знанием русского языка в экономике Объединенной Республики Танзания // Вестник университета. 2024. № 8. С. 144–150.

Analysis of demand for managerial and teaching staff (with knowledge of the Russian language) in the economy of the United Republic of Tanzania

Nikolai A. Nikitin

Deputy Head of Research and Grants Department, Researcher
ORCID: 0000-0003-1387-2556, e-mail: nikitin@pgsga.ru

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Abstract

The analysis and economic evaluation of the prerequisites of demand for Russian language teachers in the education system in Tanzania show the Russian and Tanzanian interstate projects growth, which require not only political and legal, but also educational support. The activities of domestic structures (Rossotrudnichestvo, Ministry of Education of the Russian Federation, and business structures) in Tanzania create economic prerequisites for demand for the Russian language in the country's economy. Considering the increased level of interstate relations between the two states, due to the changes in Russia's foreign policy course, it is possible to predict increasing demand for specialists in the field of Russian language, as well as knowledge of the language as a competitive advantage in Tanzania's labor market. As a result of the analysis of the presence or planned presence of the structures associated with Russia, it is advisable to open centers for Russian language teachers training in the administrative districts of Tanzania, such as Zanzibar, Kigoma, Pemba, Rukwa, Mbeya, Arusha, and Mwanza. In these administrative units the interaction between the two countries is carried out or is planned, which will lead to an increase in demand for specialists speaking the Russian language, whose training is carried out as part of the main professional activity by Russian language teachers from among locally trained specialists.

Keywords

Russian language teacher, Russia–Africa, Tanzania, education system in Tanzania, economic prerequisites, Russian foreign policy, international relations

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education of the Russian Federation within the framework of the state task “Designing an ethnically oriented model of training a teacher of Russian as a foreign language for educational organizations in foreign countries in the system of Russian lifelong learning for teachers (on the example of the United Republic of Tanzania)”.

For citation: Nikitin N.A. (2024) Analysis of demand for managerial and teaching staff (with knowledge of the Russian language) in the economy of the United Republic of Tanzania. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 144–150.

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация (далее – РФ, Россия) на современном этапе развития внешнеполитического взаимодействия придает особое значение развитию межгосударственных отношений со странами Африки, что отражено в заявлениях и распоряжениях Президента РФ В.В. Путина, Концепции внешней политики РФ, постановлениях и приказах профильных Министерств и ведомств, осуществляющих реализацию внешнеполитических действий^{1,2}.

Объединенная Республика Танзания образована в 1964 г. До обретения независимости Танганьика и Занзибар являлись подконтрольными территориями Великобритании. Колониальный характер ведения хозяйства определил структуру экономики страны и основные экономические тенденции. В структуре валового внутреннего продукта (далее – ВВП) страны преобладают сельское хозяйство и сфера услуг, промышленность представлена в основном добывающей отраслью. Характерна экспортная ориентированность экономики [1].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проводимое исследование затрагивает сферы образования, управления, экономического анализа. В работе использовались методы анализа первоисточников, экспертных оценок, экономических показателей отраслевой структуры, двусторонних соглашений в части обеспечения экономической деятельности.

Перспективы востребованности профессии «учитель русского языка» в системе образования Танзании оценивались на основе объемов двусторонних отношений, требующих определенного количества работников, владеющих русским языком, а также запросов населения на изучение русского языка, измеряемых определенными способами, размещенных в открытом доступе с согласия респондентов.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИКИ ТАНЗАНИИ

Обособленную часть ВВП Танзании представляют международные инвестиции, в структуре которых преобладают инвестиции в добывающую промышленность и разведку полезных ископаемых. Формирование налога на добавленную стоимость приурочено, как правило, к добывающим отраслям, что затрудняет перераспределение и модернизацию стагнирующих отраслей экономики [2]. Государство является членом нескольких региональных интеграционных объединений, крупнейшие из них – Африканский союз и Восточноафриканское сообщество, Экономическое сообщество стран Восточной и Южной Африки. Танзания располагает доказанными запасами нефти, природного газа, золота, урана, а выгодное экономико-географическое положение и устойчивая политическая система делают ее перспективным внешнеполитическим и экономическим партнером России в выстраивании отношений с Африкой и глобальным Югом.

Дипломатические отношения Танзании и Советского Союза установлены в 1961 г. Россия и ассоциированные с ней структуры осуществляют деятельность в области добывающей промышленности, геологоразведки, инфраструктурных проектов.

Как отмечают исследователи, влияние инвестиций на реальный сектор не до конца позволяет обеспечить экономический рост Танзании вследствие недостаточности профессиональной подготовки кадров, в то время как вложения в сектор образовательных услуг во многом позволяют повысить доступность образования и отчасти решить данную проблему [3; 4].

Ключевая отрасль экономики Танзании – сельское хозяйство – сталкивается с рядом организационных, управленческих и научных проблем, влияющих как на общие экономические показатели, так и на экологическую обстановку в стране, снижающие качество жизни населения [5–8]. Внедрение российских методов рационального природопользования позволит взять под контроль скотоводческие проблемы сельского хозяйства, проблему нехватки питьевой воды и повышения урожайности ключевых культур [9; 10]³.

¹ Статья Владимира Путина «Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/71719> (дата обращения: 19.05.2024).

² Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 19.05.2024).

³ 11 сентября на заседании комиссии «Общественная оценка нормативно-правовых актов» обсудили подготовку темы двустороннего сотрудничества Минприроды России со странами Африки для доклада на заседании Общественного совета 21 сентября. Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/press/news/11_sentyabrya_na_zasedanii_komissii_obshchestvennaya_otsenka_normativno_pravovykh_aktov_obsudili_pod/?sphrase_id=673959 (дата обращения: 19.05.2024).

Решение обозначенных проблем при расширении существующего уровня взаимодействия позволит создать систему экономических предпосылок востребованности профессии «учитель русского языка», что в свою очередь поспособствует удовлетворению спроса на данную профессию.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Двусторонние отношения Российской Федерации и Объединенной Республики Танзания развиваются в нескольких направлениях. Основные отрасли экономики Танзании, в которых имеет место сотрудничество и географическая привязка к административным районам страны, показаны в таблице.

Таблица

Сотрудничество России и Танзании в ключевых отраслях экономики и присутствие ассоциированных с Россией структур в административных районах страны

Отрасль экономики	Заключен договор о сотрудничестве	Планируется заключение договора о сотрудничестве	Ведется активное взаимодействие	Административные районы Танзании
Сельское хозяйство	–	+	–	Рувума, Маньяра, Танга, Табора
Промышленность	+	–	–	Дар-эс-Салам, Танга
Сфера услуг	–	+	–	Занзибар, Пемба
Транспорт	–	+	–	Руква, Мбея, Аруша, Мванза
ВПК	+	–	+	Дар-эс-Салам
Добыча полезных ископаемых	+	–	+	Рувума, Руква, Кигома
Образование и наука	+	–	+	Додома, Дар-эс-Салам

Примечание: ВПК – военно-промышленный комплекс

Составлено автором по материалам исследования

Согласно приведенным данным, наибольшие объемы сотрудничества России и Танзании сосредоточены в областях военно-промышленного комплекса, добычи полезных ископаемых, образования и науки.

Военно-техническое сотрудничество построено на основе Соглашения между Правительством РФ и Правительством Объединенной Республики Танзании о военно-техническом сотрудничестве от 11 января 2018 г⁴. Оно регламентирует взаимодействие двух стран в поставке вооружений и военной техники, обеспечении ремонта, модернизации и эксплуатации техники, командировании специалистов для оказания содействия в организации эксплуатации техники, подготовки кадров в соответствующих учебных заведениях. Данный объем сотрудничества, а также эксплуатация отечественной военной техники, использование сопровождающих документов на русском языке создают запрос на специалистов-танзанийцев, владеющих русским языком. Подготовка военных по программам дополнительного образования в рамках военных учебных заведений Танзании (The Tanzania Military Academy (ТМА) потребует наличия в штате учителей русского языка. Как показывают итоги саммита «Россия-Африка 2023», в ближайшее время будет расширен ассортимент поставляемой техники⁵.

В области добычи полезных ископаемых Россия осуществляет несколько проектов, которые можно разделить на геологоразведку и непосредственно добычу. В сфере геологоразведки деятельность осуществляют структуры Российской академии наук, государственной корпорации «Росатом», акционерного общества «Зарубежгеология». Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения Российской академии наук проводит разведку золотоносных пород и россыпей в пределах форм рельефа, позволяющих прогнозировать их проектную и промышленную мощность⁶. Предполагается, что компания «Золотодобывающая корпорация» окажет услуги по добыче

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Объединенной Республики Танзании о военно-техническом сотрудничестве от 11 января 2018 г. Режим доступа: <https://tanzania.mid.ru/upload/iblock/2e0/23gn11pw4sjhvl9h1qarlbblquqq9pqh.pdf> (дата обращения: 19.05.2024).

⁵ Ростех. Возвращение в Африку. Режим доступа: <https://rostec.ru/news/vozvrashchenie-v-afriku/> (дата обращения: 19.05.2024).

⁶ Федеральное агентство по недропользованию. Магаданские ученые искали золото в Восточной Африке. Режим доступа: <https://www.rosnedra.gov.ru/article/12953.html> (дата обращения: 19.05.2024).

золота и развитию отрасли. В целом имплементация российского опыта золотодобычи и формирование сферы под влиянием отечественных методов организации производства позволит создать область востребованности русского языка в долгосрочной перспективе.

Деятельность танзанийской энергетической компании Mantra Tanzania, входящей в российский концерн Uranium One, который включен во внешний контур управления государственной корпорации «Росатом», является на сегодняшний день одним из самых успешных инфраструктурных проектов в Восточной Африке⁷. Комплексное решение социальных, экономических, управленческих, образовательных проблем в рамках проекта Mukuju River Project в районе Рувума показывает результаты мирового уровня.

Организация природоохранной деятельности и борьбы с браконьерством в границах ответственности компании ведется с 2013 г., в рамках программы осуществляются подготовка егерей, поставка техники для патрулирования территории. Предпосылкой востребованности русского языка может служить использование российских природоохранных методик и учебных программ⁸. Плановый показатель подготовки специалистов составляет 20 человек в год. В рамках проекта реализуются программы по развитию местного агросектора, закупки продовольствия для нужд проекта. Ведется активная работа по созданию благоприятных условий развития инициатив местного самоуправления, поддержки талантливой молодежи, местных экологических комитетов, движений, организаций.

Поддержка местных школ в части обеспечения базовыми материалами и объектами образовательной инфраструктуры способствует стабилизации положения в критически важных областях⁹. Данный инфраструктурный проект может считаться экономической перспективой востребованности русского языка и учителей в объеме до 10 человек и позволит обеспечить удовлетворение запроса на изучение языка с целью подготовки студентов к поступлению в высшие учебные заведения России по квотам Министерства образования и науки РФ, а также стипендиям отечественных компаний и фондов.

Туристический сектор Танзании испытал скачок популярности в ходе пандемии COVID-19 вследствие смягчения ограничительных мер. Как показывает исследование Всемирного банка, в период действия ограничительных мер в 2020–2021 гг. туристы из России занимали второе место в сложении туристического потока в страну¹⁰. Основным регионом, принимавшим их, являлся Занзибар. Знание русского языка на базовом уровне работниками сферы услуг будет являться очевидным конкурентным преимуществом. Введение профессии «учитель русского языка» в учебных заведениях, готовящих соответствующих специалистов, позволит создать прочные экономические предпосылки ее востребованности.

Система образования Танзании в целом является одной из ключевых точек приложения усилий России по имплементации образовательного, политического, социального опыта в экономику страны¹¹. Министерство просвещения РФ ведет активную работу по продвижению отечественного образовательного опыта в Танзании. При финансовой поддержке Министерства проведены научные исследования и обобщен имеющийся потенциал внедрения образовательных моделей преподавания на русском языке и обеспечения кадрового потенциала проектируемой деятельности [11]. Разработаны учебные программы дополнительного образования по направлению русский как иностранный не только для Танзании, но и для стран со схожей лингво-культурной традицией (суахилиязычные).

На данный момент на территории Танзании функционируют Общеобразовательная школа при Посольстве РФ в Танзании, Центр открытого образования на русском языке и обучения русскому языку, русскоязычная школа при Русском доме в Дар-эс-Саламе^{12,13,14}. Учреждения располагаются в Дар-эс-Саламе

⁷ Mantra Tanzania. Creative & Innovative Solutions. Режим доступа: <https://mantratanzania.co.tz/> (дата обращения: 19.05.2024).

⁸ Uranium One. Mantra Tanzania и правительство Танзании договорились о дальнейших мерах по борьбе с браконьерством. Режим доступа: <https://clck.ru/3Cgigi> (дата обращения: 19.05.2024).

⁹ Uranium One. Корпоративная социальная ответственность. Режим доступа: <https://uranium1.com/ru/corporate-social-responsibility/#tanzania> (дата обращения: 19.05.2024).

¹⁰ World Bank. Tanzania economic update. Режим доступа: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/794611627497650414/pdf/Transforming-Tourism-Toward-a-Sustainable-Resilient-and-Inclusive-Sector.pdf> (дата обращения: 19.05.2024).

¹¹ Министерство просвещения. Россия предлагает расширить спектр международных образовательных программ со странами Африки. Режим доступа: <https://edu.gov.ru/press/7335/rossiya-predlagaet-rasshirit-spektr-mezhdunarodnyh-obrazovatelnyh-programm-so-stranami-afriki/> (дата обращения: 19.05.2023).

¹² Общеобразовательная школа при Посольстве Российской Федерации в Танзании. Режим доступа: <https://sh-tanzaniya-midru.gosweb.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 19.05.2024).

¹³ Центр открытого образования на русском языке и обучения русскому языку в Объединенной Республике Танзания. Режим доступа: <https://russiaafrica.spbu.ru/education/centre-v-tanzanii/> (дата обращения: 19.05.2024).

¹⁴ Русский дом. В школе Дар речи при Русском Доме стартовал интенсив по русскому языку. Режим доступа: <https://tanzania.rs.gov.ru/news/v-shkole-dar-rechi-pri-russkom-dome-startoval-intensiv-po-russkomu-yazyku/> (дата обращения: 19.05.2024).

и позволяют обеспечить занятость учителей в прилегающих районах. На нынешнем этапе развития межгосударственных отношений и уровне востребованности специалистов со знанием русского языка целесообразны курирование и открытие центров их подготовки в районах присутствия российского бизнеса либо в районах, где в обозримом будущем планируется такое присутствие, такие как Занзибар, Кигома, Рувума, Аруша и др. Министерство науки и высшего образования РФ организует сотрудничество на уровне высших учебных заведений¹⁵.

Транспортное строительство и модернизация существующих дорог также являются актуальными направлениями сотрудничества. На сегодняшний день Танзания заинтересована в модернизации двух существующих железнодорожных магистралей (Центральная железная дорога Дар-эс-Салам–Кигома и железная дорога Tanzam (Ганзанийско-Замбийская железная дорога Дар-эс-Салам (Танзания)–Капири-Мпоши (Замбия)). С 2017 г. ведется строительство Северной железной дороги, которая соединит танзанийскую дорогу с железными дорогами Конго, Бурунди, Руанды. Открытое акционерное общество «РЖД» ведет переговоры с Правительством Танзании об участии компании в модернизации существующих и строительстве новых дорог. В планах указаны мероприятия по организации программ по обмену опытом, поставке технологий и технологических решений в строительстве железных дорог¹⁶. Развитие центров обучения русскому языку в районах планируемого присутствия организации с привлечением учителей русского языка позволит создать экономические предпосылки востребованности профессии в данных районах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные направления сотрудничества России и Танзании с точки зрения формирования экономических предпосылок востребованности профессии «учитель русского языка» складываются из нескольких компонентов – это отрасль экономики, в которой происходит сотрудничество, и административно-территориальная единица, на территории которой данное сотрудничество осуществляется. Учитывая эти сведения, возможно направленное проведение организационных мероприятий по созданию и функционированию центров подготовки учителей русского языка, либо вновь открывая, либо используя имеющуюся образовательную инфраструктуру.

Список литературы

1. Шленская С.М. Объединенная республика Танзания. М.: Институт Африки РАН; 2010. 243 с.
2. Balistreri E.J., Tarr D.G., Yonezawa H. Deep Integration in Eastern and Southern Africa: What are the Stakes? *Journal of African Economies*. 2015;5(24):677–706. <https://doi.org/10.1093/jae/ejv012>
3. Lugina E.J., Mwakalobo A.B.S., Lwesa F. Effects of industrialization on Tanzania's economic growth: a case of manufacturing sector. *Future Business Journal*. 2022;8(62). <https://doi.org/10.1186/s43093-022-00177-x>
4. Mgaima S.J., Poncian J. Public–private partnership in higher education provision in Tanzania: implications for access to and quality of education. *Bandung Journal of Global South*. 2013;1(3). <https://doi.org/10.1186/s40728-016-0036-z>
5. Ganatra A.A., Kandie F.J., Fillinger U. et al. Calibration of the SPEAR pesticides bioindicator for cost-effective pesticide monitoring in East African streams. *Environmental Sciences Europe*. 2011;33:58. <https://doi.org/10.1186/s12302-021-00497-9>
6. Gustafson C.R., VanWormer E., Kazwala R. et al. Educating pastoralists and extension officers on diverse livestock diseases in a changing environment in Tanzania. *Pastoralism*. 2015;5:1. <https://doi.org/10.1186/s13570-014-0022-5>
7. Mgalula M.E., Wasonga O.V., Hülsebusch C. et al. Greenhouse gas emissions and carbon sink potential in Eastern Africa rangeland ecosystems: A review. *Pastoralism*. 2021;19:11. <https://doi.org/10.1186/s13570-021-00201-9>
8. Mlimbila J., Mbamba U.O.L. The role of information systems usage in enhancing port logistics performance: evidence from the Dar Es Salaam port, Tanzania. *Journal of Shipping and Trade*. 2018;3:10. <https://doi.org/10.1186/s41072-018-0036-z>
9. Nelson F. Natural conservationists? Evaluating the impact of pastoralist land use practices on Tanzania's wildlife economy. *Pastoralism*. 2015;15:2. <https://doi.org/10.1186/2041-7136-2-15>
10. Kaliba A.R., Mazyimavi K., Gregory T.L. et al. Factors affecting adoption of improved sorghum varieties in Tanzania under information and capital constraints. *Agricultural and Food Economics*. 2018;6:18. <https://doi.org/10.1186/s40100-018-0114-4>

¹⁵ Министерство науки и высшего образования. В России, Алжире и Танзании стартовал российско-африканский межвузовский форум. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/60711/> (дата обращения: 19.05.2024).

¹⁶ РЖД оформляют билет в Танзанию. Режим доступа: <https://gudok.ru/content/infrastructure/1482444/> (дата обращения: 19.05.2024).

11. *Бондарева В.В., Дичинская Л.Е., Лапина А.Ю., Никитин Н.А., Позднякова О.К., Торгашева М.А.* Проектирование модели организационно-методического и кадрового обеспечения образовательной деятельности на русском языке в системе образования Танзании: отчет о НИР (итоговый). № ГР 224012500859-8. Инв. № И224010400040-7. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет; 2023. 396 с.

References

1. *Sblenskaya S.M.* United Republic of Tanzania. Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences; 2010. 243 p. (In Russian).
2. *Balistreri E.J., Tarr D.G., Yonezawa H.* Deep Integration in Eastern and Southern Africa: What are the Stakes? *Journal of African Economies*. 2015;5(24):677–706. <https://doi.org/10.1093/jae/ejv012>
3. *Lugina E.J., Mwakalobo A.B.S., Lwesya F.* Effects of industrialization on Tanzania's economic growth: a case of manufacturing sector. *Future Business Journal*. 2022;8(62). <https://doi.org/10.1186/s43093-022-00177-x>
4. *Mgaima S.J., Poncian J.* Public–private partnership in higher education provision in Tanzania: implications for access to and quality of education. *Bandung Journal of Global South*. 2013;1(3). <https://doi.org/10.1186/s40728-016-0036-z>
5. *Ganatra A.A., Kandie F.J., Fillingner U. et al.* Calibration of the SPEARpesticides bioindicator for cost-effective pesticide monitoring in East African streams. *Environmental Sciences Europe*. 2011;33:58. <https://doi.org/10.1186/s12302-021-00497-9>
6. *Gustafson C.R., VanWormer E., Kazwala R. et al.* Educating pastoralists and extension officers on diverse livestock diseases in a changing environment in Tanzania. *Pastoralism*. 2015;5:1. <https://doi.org/10.1186/s13570-014-0022-5>
7. *Mgalula M.E., Wasonga O.V., Hülsebusch C. et al.* Greenhouse gas emissions and carbon sink potential in Eastern Africa rangeland ecosystems: A review. *Pastoralism*. 2021;19:11. <https://doi.org/10.1186/s13570-021-00201-9>
8. *Mlimbila J., Mbamba U.O.L.* The role of information systems usage in enhancing port logistics performance: evidence from the Dar Es Salaam port, Tanzania. *Journal of Shipping and Trade*. 2018;3:10. <https://doi.org/10.1186/s41072-018-0036-z>
9. *Nelson F.* Natural conservationists? Evaluating the impact of pastoralist land use practices on Tanzania's wildlife economy. *Pastoralism*. 2015;15:2. <https://doi.org/10.1186/2041-7136-2-15>
10. *Kaliba A.R., Mazvimavi K., Gregory T.L. et al.* Factors affecting adoption of improved sorghum varieties in Tanzania under information and capital constraints. *Agricultural and Food Economics*. 2018;6:18. <https://doi.org/10.1186/s40100-018-0114-4>
11. *Bondareva V.V., Dichinskaya L.E., Lapshina A.Yu., Nikitin N.A., Pozdnyakova O.K., Torgasheva M.A.* Designing a model of organizational, methodological and personnel support for educational activities in Russian in the education system of Tanzania: research report (final). No. GR 224012500859-8. Inv. No. I224010400040-7. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education; 2023. 396 p. (In Russian).

Управление финансовыми потоками торговых компаний на основе моделирования бизнес-процессов

Библя Галина Николаевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления инновационными системами
ORCID: 0009-0006-6797-643X, e-mail: galinabibla@yandex.ru

Третьякова Светлана Николаевна

Д-р экон. наук, проф. каф. мировой экономики и менеджмента
ORCID: 0000-0003-3307-6389, e-mail: kir-tret@mail.ru

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация

Выделены проблемы внедрения процессного подхода в систему управления финансовыми потоками предприятия. Определены стадии управления финансовыми потоками в рамках модели бизнес-процессов. Выявлены преимущества сбалансированной системы показателей. Предложен подход к управлению финансовыми потоками, опирающийся на модели бизнес-процессов и методы их оптимизации. Подход к управлению процессами предприятия базируется на основе цикла Деминга-Шухарта. В качестве инструментов управления процессами и контроля метрик рассмотрена стратегическая карта. Предложен состав сбалансированной системы показателей, отражающий зависимость прибыли, дебиторской задолженности, скорости оборота собственного капитала от ключевых показателей стоимости, фрагментации и времени выполнения задач модели бизнес-процессов AS-IS и TO-BE. Рассмотрены причинно-следственные связи между задачами бизнес-процессов и финансовыми показателями компании. Приведены результаты анализа и визуализация динамики изменения показателей в зависимости от трансформации модели бизнес-процесса. Для снижения рисков и повышения эффективности внедрения результатов оптимизации процессов проведен ряд имитационных экспериментов для компании, активно развивающей каналы онлайн-продаж. Выработаны практические рекомендации и обоснованы изменения в системе управления ключевым бизнес-процессом. Получен системный эффект от внедрения результатов имитационного моделирования.

Ключевые слова

Финансовые потоки, система сбалансированных показателей, моделирование бизнес-процессов, имитационное моделирование, стратегическая карта, цикл Деминга-Шухарта, финансовые показатели, диаграмма Исикавы

Для цитирования: Библя Г.Н., Третьякова С.Н. Управление финансовыми потоками торговых компаний на основе моделирования бизнес-процессов // Вестник университета. 2024. № 8. С. 151–162.

Financial flow management of trading companies based on business process modeling

Galina N. Byblya

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management of Innovative Systems Department
ORCID: 0009-0006-6797-643X, e-mail: galinabibla@yandex.ru

Svetlana N. Tretyakova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the World Economy and Management Department
ORCID: 0000-0003-3307-6389, e-mail: kir-tret@mail.ru

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract

The issues of process approach implementation in enterprise financial flows management system have been highlighted. The stages of financial flows management within the framework of business processes model have been defined. The advantages of the balanced scorecard have been revealed. The approach to financial flows management based on business process models and their optimization methods has been proposed. The approach to enterprise process management is based on the Deming-Shewhart cycle. The strategic map has been considered as tools for process management and metrics control. The composition of balanced scorecard has been proposed, reflecting the dependence of profit, accounts receivable, and equity turnover rate on the key indicators of cost, fragmentation, and time of fulfilling tasks of the AS-IS and TO-BE business process models. The cause-and-effect relationships between the business processes tasks and a company's financial performance have been considered. The paper presents the results of the analysis and visualization of the dynamics of change in indicators depending on business process model transformation. In order to reduce risks and increase the efficiency of implementing process optimization results, a number of simulation experiments have been conducted for a company actively developing online sales channels. Practical recommendations have been developed and changes in the key business process management system justified. The system effect from simulation modeling results implementation has been obtained.

Keywords

Financial flows, balanced scorecard, business process modeling, simulation modeling, strategic map, Deming-Shewhart cycle, financial indicators, Ishikawa diagram

For citation: Byblya G.N., Tretyakova S.N. (2024) Financial flow management of trading companies based on business process modeling. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 151–162.

ВВЕДЕНИЕ

Изменение макроэкономической ситуации стимулирует способность экономики Российской Федерации (далее – РФ, Россия) отвечать на новые вызовы. Меры по стабилизации обстановки в стране сопровождаются усложнением структуры, порядка, динамики движения финансовых потоков на всех уровнях национальной экономики. Углубляются проблемы, связанные с неравномерностью распределения финансовых ресурсов по регионам. Вопросы эффективности управления финансовыми потоками становятся ключевыми для повышения конкурентоспособности и снижения издержек предприятий. Одним из инструментов анализа и оптимизации деятельности компаний является моделирование бизнес-процессов, позволяющее находить внутренние резервы для сокращения издержек и повышения качества работы.

Наиболее остро проблема финансирования стоит перед предприятиями торговли, так как в этой сфере цикл оборота капитала является сложным и требует безошибочной корректировки стратегии управления финансами в условиях быстро меняющегося рынка. «Сквозное» управленческое планирование, реализация, контроль и анализ в области финансов предприятия требуют эффективного и комплексного подхода ко всем стадиям финансового цикла, поскольку они имеют важное значение для устойчивого функционирования и развития экономики как на уровне одного предприятия, так и на уровне региона в целом. Влияние модели бизнес-процессов компании на эффективность управления финансовыми потоками является особенно актуальным для торговых компаний, развивающих каналы онлайн-продаж.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ В РАМКАХ МОДЕЛИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

Финансовые потоки представляют направленное перемещение денежных средств, формирующихся в результате хозяйственной, финансовой и инвестиционной деятельности экономического субъекта и предназначенных для обеспечения его стабильного функционирования [1]. Основной целью управления финансовыми потоками является обеспечение стабильности предприятия путем сбалансированного поступления и расходования денежных средств.

К этапам управления денежными средствами можно отнести:

- планирование различных видов денежных потоков;
- анализ данных по движениям денежных средств;
- контроль и исследование причинно-следственных связей, оказывающих воздействие на процессы формирования денежных потоков;
- формирование предложений по оптимизации управления финансовыми потоками [2].

Вопросы оптимизации денежных потоков являются сложными – их решение базируется на результатах сравнительного анализа. Под оптимизацией денежных потоков понимается выбор лучших форм и способов их организации с учетом условий и особенностей производственно-финансовой деятельности [3].

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в сфере управления финансовыми потоками и моделирования системы сбалансированных показателей, среди которых можно назвать Р.С. Каплана, Д.П. Нортон, Д. Теннента, Б. Коласса, И.А. Бланка, В.В. Бочарова, С.В. Большакова. Вопросы внедрения процессного подхода занимают В.В. Коптелов, А.К. Елиферов, В.Г. Репин [4–6].

Нами принято определение бизнес-процесса, предложенное В.Г. Репиным: «Бизнес-процесс – это связанная совокупность функций, в ходе выполнения которых потребляются определенные ресурсы и создается продукт (предмет, услуга)» [6, с. 320–326].

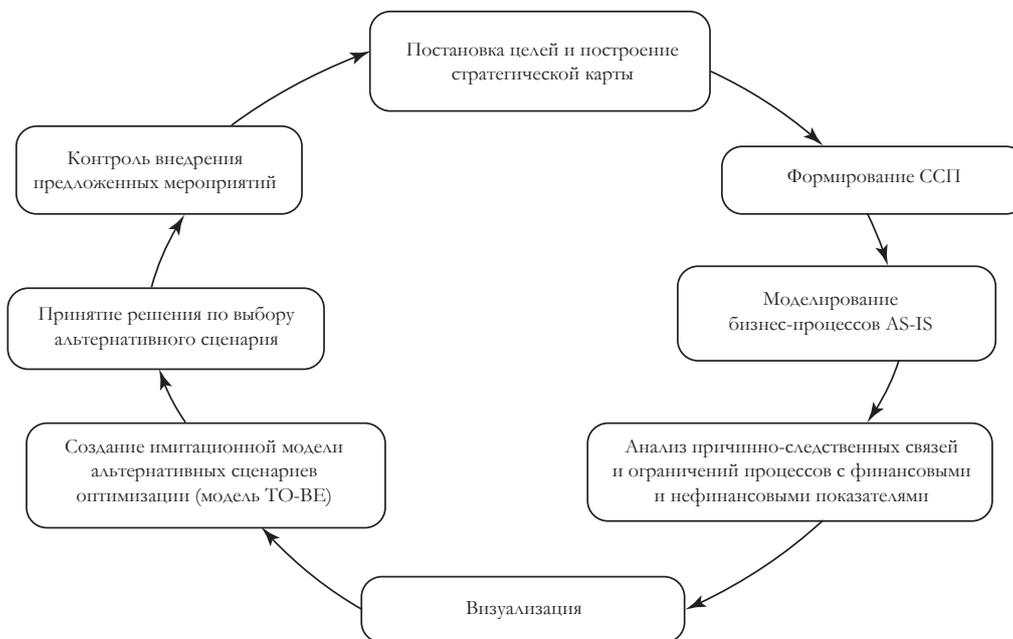
Проблемы внедрения процессного подхода в систему управления предприятием включают неэффективное использование имеющихся ресурсов, в том числе финансовых, неверное определение процессов на предприятии, отсутствие мотивации к внедрению изменений, неверное распределение зон ответственности. Формализация задач бизнес-процессов предполагает описание целей, входных и выходных данных, последовательности выполнения и ответственных лиц. В ходе анализа результатов работы определяются неоптимальные процессы и проблемные места в деятельности персонала и отделов. Оптимизация направлена на снижение издержек, затрат времени, что ведет к повышению эффективности работы всей системы в целом. Преимуществами такого подхода являются прозрачность бизнеса,

повышение уровня проникновения современных технологий в деятельность предприятия, а также возможность тиражирования процессов, что способствует повышению эффективности управления и сокращению издержек.

Для автоматизации управления задачами бизнес-процессов разрабатываются нотации, дающие наглядное представление о структуре процессов. Нотация IDEF0 является одной из самых популярных методологий моделирования и позволяет отобразить основные функции бизнес-процесса. С помощью графических элементов создается иерархическое представление о деятельности компании. Система представляется на верхнем уровне, затем производится декомпозиция каждой функции на более мелкие подсистемы. Нотация IDEF0 взаимодействует с другими нотациями, которые предназначены для логического представления задач в рамках процессов.

Методология IDEF3 предназначена для декомпозиции и документирования диаграмм, представленных в нотации IDEF0. Она является моделью логической последовательности процесса, которая может содержать параллельные и последовательные операции, перекрестки и объекты ссылок. В рамках исследования использовалась методология IDEF0, а также нотация Business Process Modeling Notation (BPMN) для декомпозиции моделей процессов нижнего уровня.

Цикл управления, согласно концепции Business Process Management (BPM), включает стадии постановки цели, планирования, выбора показателей, выполнения и мониторинга. Эти стадии соответствуют идее Деминга-Шухарта о непрерывном улучшении процессов на всех этапах организационного развития. Предлагается декомпонировать стадии цикла и дополнить их до следующей последовательности (рис. 1).

Примечание: ССП – сбалансированная система показателей

Составлено авторами по материалам источников [7–9]

Рис. 1. Стадии управления финансовыми потоками в рамках модели бизнес-процессов

Эта идея легла в основу предлагаемой методики управления финансовыми потоками и включает разработку стратегической карты, сбалансированной системы показателей (далее – ССП), визуализации динамики показателей в зависимости от изменения модели бизнес-процессов и имитационной модели, которая обеспечивает снижение рисков при внедрении принятых мер по оптимизации деятельности торгового предприятия.

На стадии постановки целей разрабатываются стратегическая карта и ССП, проводится анализ причин и последствий отказов в системе управления бизнес-процессами, что дает финансовому менеджменту новый инструмент, который позволяет отображать логические связи между основными факторами, влияющими на состояние предприятия в настоящий момент, и направлениями развития в долгосрочной перспективе. При разработке ССП использовалась методика Нортон и Каплана [10].

Выделим показатели компании по принципу значимости, измеримости и влияния на будущее развитие, разделив их согласно методике Нортон и Каплана на четыре проекции: финансовые показатели (прибыльность, соотношение собственных и заемных средств, интересы инвесторов) и нефинансовые, к которым относятся удовлетворенность и привлечение клиентов, показатели эффективности внутренних бизнес-процессов и развития (обучение, внедрение инновационных технологий). Преимущества и недостатки ССП представлены в табл. 1.

Таблица 1

Достоинства и недостатки ССП

Достоинства ССП	Недостатки ССП
Представляет деятельность предприятия с учетом инновационных тенденций развития, поскольку содержит соответствующую проекцию и показатели	Сложно сформулировать ограниченное количество показателей, которые бы полностью отражали все тенденции развития предприятия
Нацеленность стратегии на инновационное развитие способствует улучшению всех сфер деятельности, а также состояния внутренних процессов предприятия	Требуется много времени для выявления причинно-следственных связей между показателями и проверкой эффективности системы
Способствует концентрации компаний на основных целях, налаживая взаимодействия между подразделениями	Некоторые компании вместо улучшения деятельности концентрируются на совершенствовании ССП
Повышает согласованность стратегии, позволяет отслеживать комплексное инновационное развитие	Не все компании могут применить ССП, так как она требует определенного уровня развития информационных технологий и зрелости бизнес-процессов

Составлено авторами по материалам источников [10–12]

Анализ результатов применения ССП показывает, что концентрация на основных целях способствует налаживанию взаимодействия между подразделениями компании, определяет четкую связь с подцелями нижнего уровня, за счет чего сотрудники компании хорошо понимают свою роль в достижении основной цели, а также снижаются издержки и риски.

Систему используют предприятия торговли, страхования, компании сферы информационных технологий, предприятия строительной отрасли. Среди российских компаний можно выделить предприятия добывающей отрасли, например, публичное акционерное общество «Уралкалий», горно-металлургическая компания «Норильский никель», публичное акционерное общество «Распадская», а из торговых – публичные акционерные общества «Магнит» и MFLAVITSA, а также сеть гипермаркетов HOFF. Каскадирование ССП для отделов и конкретных бизнес-единиц необходимо, чтобы все сотрудники могли составить индивидуальные планы. При этом принципы причинно-следственной связи распространяются на все уровни управления и влияют на планы каждого отдела. На этапе контроля оценивается, насколько изменились показатели по подразделениям и сотрудникам и какой вклад они внесли в достижение общей цели. Каскадирование системы повышает вероятность достижения стратегических целей всей компании. Кроме того, оно помогает улучшить координацию между различными подразделениями и повысить эффективность работы каждого из них.

Имитационное моделирование дает возможность выполнить анализ спроектированных процессов в совокупности и учесть расход ресурсов как в количественном, так и в стоимостном выражении, что способствует снижению финансовых и организационных рисков. В ходе реализации задач моделей, построенных в нотации IDEF0 и их декомпозиции в BPMN, накапливается статистическая информация о расходе ресурсов, занятости персонала, модального времени выполнения операций. Анализ полученных отчетов позволяет оптимизировать процессы после проведения множества операций. Модели процессов, использующие общие ресурсы, но реализованные для различных видов услуг или продукции, относят к многопродуктовым моделям. Для таких моделей анализируется степень загрузки задач и интенсивность потоков. При разветвляющейся модели последовательность функциональных блоков определяют бизнес-правила и условия внешней среды. Для моделей с кооперативными связями ведутся объединение множества функций в одну и передача ее на выполнение отдельному подразделению или внешней компании. Целью построения имитационной модели является оценка стоимости операций при передаче внешнему исполнителю [13].

В работе проведена апробация методики, позволяющей оценить влияние этапов внедрения ВРМ-системы на динамику финансовых показателей компании.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ И ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ

Нами рассмотрены финансовые потоки торговых предприятий и трансформация их бизнес-процессов в условиях активной цифровизации. Объективной предпосылкой этому послужил анализ темпов роста торговли через сеть «Интернет», который показал, что предприятия торговли опережают по этому показателю другие секторы экономики. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2022 г. доля продаж через сеть «Интернет» выросла в 3,3 раза по сравнению с 2018 г.¹

Анализ финансовых показателей ряда компаний позволил более детально представить финансовое состояние и положение на рынке. Среди факторов, ограничивающих деятельность торговых компаний, выделены неплатежеспособность покупателей, высокий уровень налогов, высокие транспортные расходы, недостаток собственных финансовых средств. При этом положение торговых предприятий зависит не только от покупательской способности населения, но и от развития технологий продаж, общей экономической ситуации и конкуренции.

Особенностями формирования структуры капитала, то есть баланса активов и пассивов, является то, что пассив представляет обязательство компании перед конкурентами, а также облигации и другие долги. В пассив включаются и собственный капитал компании, акционерный капитал и нераспределенная прибыль. Активы в структуре капитала торгового предприятия представляют все ресурсы, которые необходимы для получения прибыли. К активам относят товары на складе, оборудование, недвижимость, инвестиции, также материальный и нематериальные активы, которые приносят прибыль соотношению. Баланс источников формирования капитала определяет финансовое состояние организации. Запасы предприятия увеличиваются быстрее, чем растет собственный капитал. Структуру собственного капитала составляют соотношения различных видов активов и пассивов. Поскольку рост капитала происходит медленнее роста запасов, можно утверждать, что для развития компаний требуются постоянные финансовые вложения, которые увеличивают долю запасов ежегодно [14].

Анализ финансовых потоков компаний, занимающихся онлайн-продажами, касается прежде всего скорости оборота средств, поскольку платежеспособность зависит от того, насколько быстро средства, вложенные в активы, превращаются в реальные деньги. Проводилось исследование уровня и динамики финансовых показателей оборачиваемости и управления активами компаний. Рассчитанный индекс деловой активности, который равен произведению оборачиваемости функционирующего капитала и рентабельности основной деятельности, составляет в среднем 42,5 % для 60 % компаний. Необходимо отметить, что за последние пять лет он значительно снизился. Выявлены проблемы управления финансовыми потоками: низкая эффективность контроля движения денежных средств, рост сроков погашения дебиторской задолженности за последние два года в три и более раза, рост себестоимости продаж на 25–30 % за 2022 г., рост доли запасов в оборотных активах, снижение платежеспособности².

Исследование проводилось на примере открытого акционерного общества (далее – ООО) «СБ-ЮГ», для которого проанализированы возможности внедрения принципов управления качеством, основанные на теории Деминга-Шухарта³. На этапе предварительной диагностики наряду с финансовыми потоками были исследованы проблемы управления бизнес-процессами: длительный сложный этап обработки товара, перегрузка исполнителей задач, что влечет за собой увеличение сроков отгрузки товара на склад маркетплейса.

Детализация результатов анализа проблем торговой компании ООО «СБ-ЮГ» в динамике за три года показала, что проблемным местом ключевого бизнес-процесса являются задачи фотографирования и дизайна, заполнение карточки в 1С, неверное распределение зон ответственности при согласовании результатов обработки товара. Были выявлены причинно-следственные связи ряда задач бизнес-процесса «Продвижение и продажи» с показателями дебиторской и кредиторской задолженности, а также скоростью оборота собственного капитала, которые более детально рассмотрены ниже.

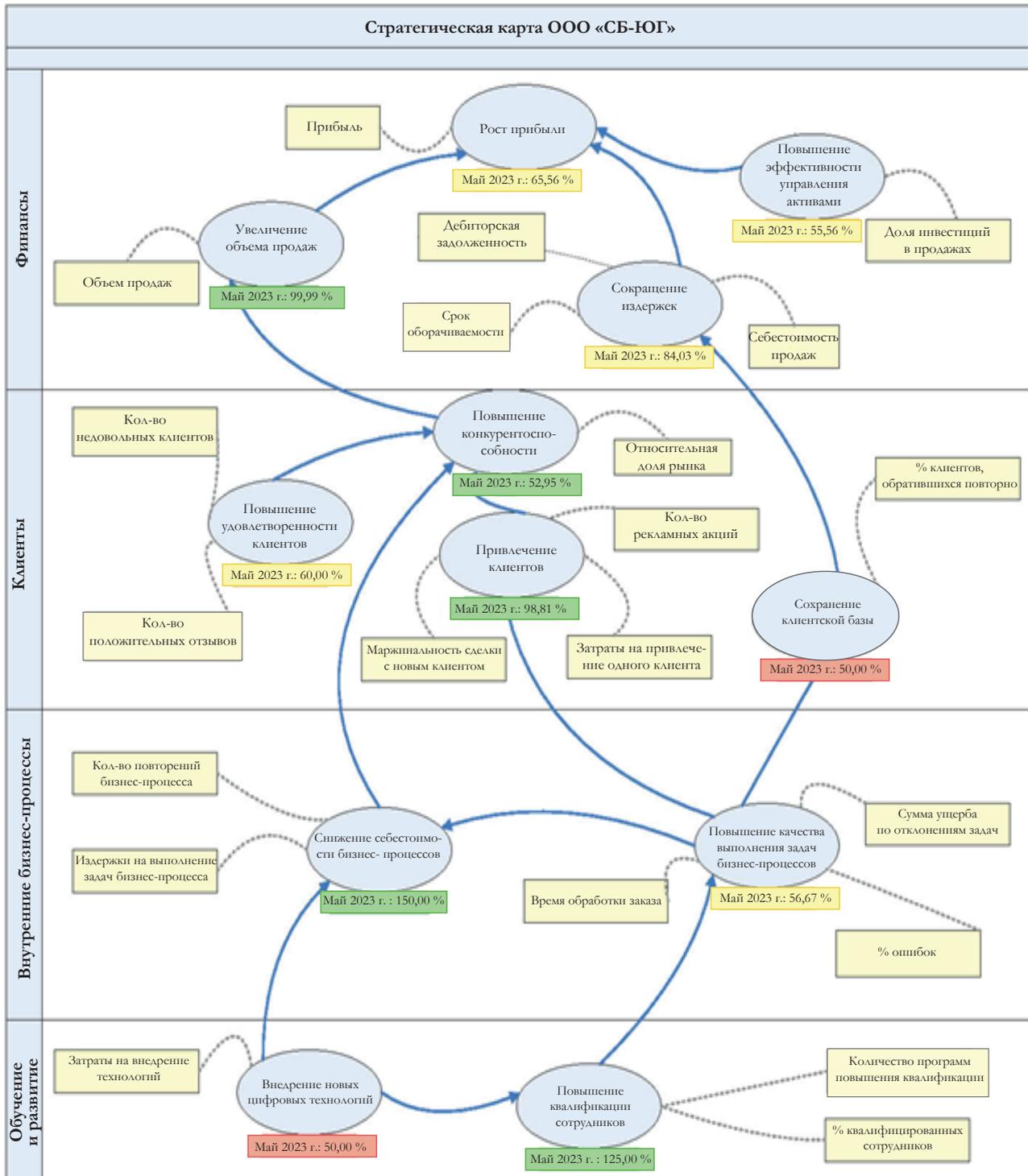
¹Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.05.2024).

²Мой склад. Режим доступа: <https://www.moysklad.ru> (дата обращения: 14.05.2024).

³Audit-it.ru. Контрагент ООО «СБ-ЮГ». Режим доступа: https://www.audit-it.ru/contragent/1132311000810_ooo-sb-yug (дата обращения: 14.05.2024).

Выполнен анализ организационной структуры и финансового состояния компании за три года, по результатам которого выделены основная финансовая цель и связанные с ней нефинансовые компоненты проекций стратегической карты.

Для компании построена стратегическая карта (рис. 2). Показатели отражают зависимость прибыли, дебиторской задолженности, скорости оборота собственного капитала от ключевых показателей стоимости, фрагментации и времени выполнения задач бизнес-процессов. Динамика изменения показателей визуализируется по принципу светофора, что позволяет повысить скорость принятия решений и анализировать эффективность управления финансовыми потоками.

Источник⁴

Рис. 2. Стратегическая карта торговой компании ООО «СБ-ЮГ»

⁴Audit-it.ru. Контрагент ООО «СБ-ЮГ». Режим доступа: https://www.audit-it.ru/contragent/1132311000810_ooo-sb-yug (дата обращения: 14.05.2024).

Проведем каскадирование ССП по видам бизнес-процессов и по отделам. Для отдела продаж и склада предлагается в рамках бизнес-процесса «Продвижение и продажи» учитывать, кроме стандартных показателей эффективности сотрудников (объем продаж в расчете на одного менеджера, количество выполненных задач), следующее:

- уровень выдачи карточек товара по запросу потенциального покупателя;
- оценка качества выполненных листингов (по пятибалльной шкале);
- доля товаров в общем объеме, срок ожидания вывоза которых превысил три недели;
- доля затрат на привлечение клиентов в общем объеме затрат;
- количество возвратов;
- количество ошибок склада.

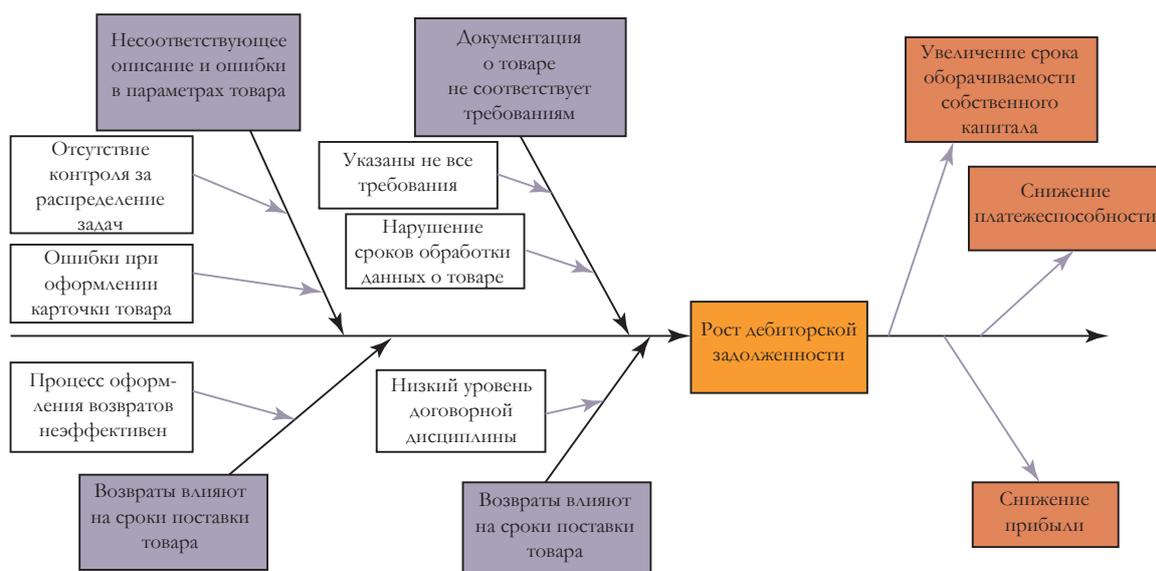
Данный набор показателей отражает организационную эффективность бизнес-процесса отдела продаж и склада.

Для решения проблем управления финансовыми потоками в рамках бизнес-процесса «Продвижения и продажи» были разработаны диаграммы процесса AS-IS и рассмотрены альтернативные сценарии TO-BE.

Расширенная аналитика в рамках бизнес-процессов позволила визуализировать причинно-следственные связи между проблемами неэффективного контроля денежных потоков компании и проблемными местами бизнес-процессов на основе построения диаграмм Исикавы, включающие связь показателей дебиторской задолженности и срока оборачиваемости собственного капитала с рядом неоптимальных задач бизнес-процесса «Продвижение и продажи», что позволяет ускорить процесс принятия решений при управлении финансовыми потоками. В ходе анализа подходов управления издержками было выявлено, что данный фактор является существенным для общей системной проблемы неэффективного контроля денежных потоков. Серьезное влияние на прогресс проблемы оказывает нехватка собственных источников финансирования. Углубленный анализ проводимой финансовой политики показал, что рост данного показателя указывает на усиление зависимости компании от внешних источников финансирования и нарушает ее устойчивость.

Постоянный контроль уровня обеспечения оборотными активами ведет к росту финансовых показателей деятельности и снижает издержки за счет ритмичности оперативной деятельности и слаженной работы, что повышает платежную дисциплину контрагентов и снижает риски невыполнения обязательств перед клиентами [15].

Рассмотрим декомпозицию причинно-следственных связей на уровне бизнес-процесса «Продвижение и продажи», которая предназначена для анализа проблем управления задачами обработки товара при отправке на маркетплейс (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Диаграмма причинно-следственных связей для исследования проблем бизнес-процесса «Продвижение и продажи»

Применение диаграммы Исикавы для принятия решений позволило ответить на вопрос о том, как проблемы бизнес-процесса влияют на выгоды, которые возвращаются в компанию в форме дохода. Анализ метрик, влияющих на срок оборачиваемости дебиторской задолженности (затраты на привлечение клиента, время выполнения задач бизнес-процесса, % ошибок) показывает, что они оказывают прямое влияние. Также наблюдается косвенное влияние на % инвестиций в рентабельности и маржинальности продаж. Эффективность проводимого мониторинга изменений показателей будет настолько высока, насколько глубоко в систему управления внедрены принципы каскадирования ССП и насколько высок уровень развития цифровых технологий. Созданная в результате экономии издержек стоимость позволит снизить вероятность рисков ликвидности и платежеспособности и стабилизирует отношения с клиентами и поставщиками.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ И ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ

Результаты анализа системы управления финансовыми потоками, а также построенная матрица ответственности стали материалом для разработки имитационных моделей бизнес-процесса, которые визуализированы в виде сценариев AS-IS и TO-BE в среде «Бизнес-студии».

Для моделей бизнес-процесса «Продвижение и продажи» параметрами имитации выступали количество исполнителей, временные, финансовые и материальные ресурсы, которые необходимы для реализации задач. Графики работ штатных сотрудников настроены согласно базовому календарю. Настройки стартового события содержат четыре временных интервала, в рамках которых моделируется случайная величина согласно нормальному закону распределения. Для каждого временного интервала определены средние значения и математическое ожидание. Максимальное количество задач, генерируемых стартовым событием, за весь период имитации для модели AS-IS составляет 60 шт., для модели TO-BE – 100 шт.

В ходе оптимизации проведены эксперименты с различным количеством задач и исполнителей. Получены несколько сценариев модели TO-BE, из которых экспертным путем выбран вариант, максимально сокращающий сроки выполнения задач. Рассчитан объем финансирования и затрат времени при увеличении входящего потока. Выявлено, что при росте количества товарных позиций на 30 % затраты ресурсов вырастут на 14 %, а при росте числа задач – еще на 25 %, сотрудники также справятся с их выполнением в оптимальные сроки при незначительном росте издержек на 15 % для реализации. Данные для сравнения сценариев модели приведены в табл. 2.

Таблица 2

Выходные данные имитационных моделей

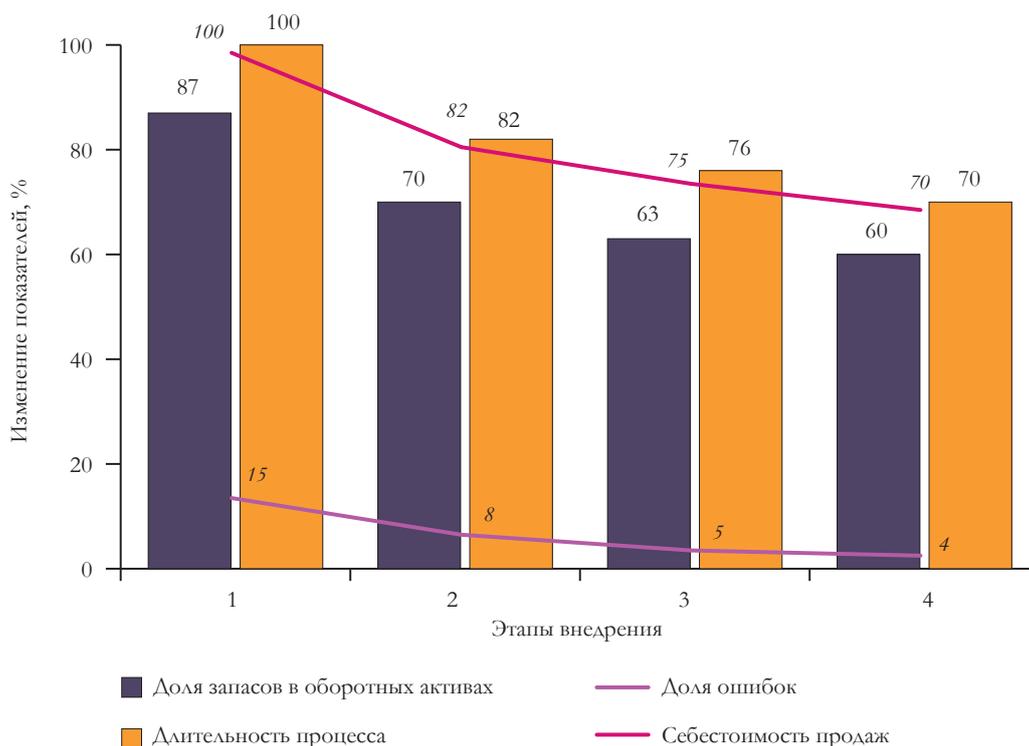
Тип данных	Ед. изм.	AS-IS	TO-BE
Среднее время выполнения операций	ч	70 ч 25 мин.	49 ч 00 мин.
Исполнители	чел.	6	9
Финансовые ресурсы, необходимые для выполнения операции	руб.	85 382,3	40 796,00

Составлено авторами по материалам исследования

Рационализация связей «компания–заказчик» позволила усовершенствовать организационную структуру торговой компании за счет привлечения внештатных сотрудников, что должно создать условия, при которых уполномоченный менеджер обеспечивает единый канал связей с поставщиком. Рационализация горизонтальных связей реализована за счет привлечения к работе фрилансеров. Данная мера используется разово, в том случае, когда требуется выполнять много задач обработки больших потоков видео- и фотоматериалов и дизайна. Срочно будут выполнены только те задачи, для которых это целесообразно.

Сохранились положительные моменты централизации управления, которые заключаются в том, что сотрудники предприятия через информационные системы и облачные технологии получают доступ централизованному хранилищу информации, что обеспечивает целостность и высокую скорость

обмена данными при сохранении автономности работы. В результате эффективность выполнения бизнес-процесса увеличилась как в части длительности обработки задач, так и в части снижения себестоимости продаж (рис. 4).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Динамика показателей на этапах внедрения

Реализация модели на практике показала, что сокращаются сроки погашения дебиторской задолженности на 30 % за счет системного эффекта, который выражается в следующем:

- сокращении среднего времени выполнения операций в 1,8 раза;
- исключении потери заявки на оформление товара;
- сокращении доли возвратов в четыре раза из-за неверного оформления заказа;
- организации работы по договорам с поставщиками;
- сокращении времени пребывания товаров на складе компании в ожидании описания и комплектации перед отправкой на склад маркетплейса на 40–50 %, что позволило снизить долю запасов в оборотных активах.

Необходимо отметить, что при резком росте количества задач (например, в случае поступления на склад большого ассортимента товаров, требующих подготовки контента и его загрузки) потребуются услуги внештатных сотрудников. При росте числа входных задач до максимально возможного значения, равного 120, не происходит скачкообразного увеличения нагрузки на исполнителей, и все справляются с поставленной задачей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования был проведен анализ системы управления финансовыми потоками деятельности торговых предприятий, у которых развивается направление онлайн-продаж, и влияния на данную систему модели бизнес-процессов. Предложены меры по совершенствованию методики управления финансовыми потоками, включающие разработку стратегической карты, ССП, визуализацию динамики показателей в зависимости от изменения модели бизнес-процессов и применения имитационного моделирования, обеспечивающие снижение рисков при внедрении принятых мер по оптимизации деятельности торгового предприятия.

Исследование показало, что наблюдается общий системный эффект оптимизации модели бизнес-процессов за счет увеличения стабильности и управляемости процессов, исключения потери заявки

на оформление товара и повышения уровня контроля за финансовыми и нефинансовыми показателями, визуализированными на стратегической карте. Данные меры обеспечивают повышение эффективности принятия решений по управлению финансовыми потоками торгового предприятия.

Список литературы

1. Мамий Е.А., Тимченко А.И. Управление денежными потоками как инструмент повышения эффективности транспортной компании в условиях цифровизации. Экономика устойчивого развития. 2020;2(42):227–233.
2. Лукманова Ю.И. Денежные потоки в системе обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Science Time. 2022;4(100):40–45.
3. Шардан С. К., Юсупова Т.А., Биджиева М.А. Модель эффективного управления финансовыми ресурсами предприятия. Естественно-гуманитарные исследования. 2019;4(26):222–225.
4. Суттело Н.П. Определение факторов, влияющих на формирование чистого денежного потока торгового предприятия. Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2020;1(32):55–62. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-1-55-62>
5. Бургонов О.В., Алмазов К.В. Формирование системы сбалансированных показателей для комплексной оценки эффективности системы управления организации. Экономика и управление. 2022;4(28):340–350. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-340-350>
6. Репин В.И. Моделирование бизнес-процессов в нотации BPMN в Business Studio 5. Практическое руководство. М.: Инфра-Инженерия; 2022. 90 с.
7. Коновалова С.Н. Системный подход к управлению бизнес-процессами на предприятии. В кн.: Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы Национальной научно-практической конференции, Воронеж, 21–30 марта 2023 г. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I; 2023. С. 320–326.
8. Бардаков А.А., Корнилов Д.А. Комплексная система показателей эффективности бизнес-процесса «Управление производством» как инструмент управления рисками устойчивого развития предприятия. В кн.: Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций: материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 16 ноября 2022 г. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева; 2022. С. 91–94.
9. Степанова А.П. Трансформация цикла Деминга в условиях цифровизации экономики. Маркетинг и логистика. 2021;3(35):68–78.
10. Иванов Д.А., Споднейко Т.А., Мажиборода В.А. Применение стратегических карт систем сбалансированных показателей для задач внедрения систем внутреннего предпринимательства. Актуальные вопросы современной экономики. 2023;6:462–469.
11. Библия М.Ю., Библия Г.Н. Показатели контроллинга ключевых бизнес-процессов компании. В кн.: Основные проблемы информатизации бизнес-процессов и образования в регионах России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ставрополь, 13–14 октября 2021 г. Ставрополь: АГРУС; 2021. С. 86–91.
12. Елиферов В. Г., Репин В.В. Бизнес-процессы: регламентация и управление. М.: ИНФРА-М; 2024. 319 с.
13. Нарыжная Н.Ю., Библия М.Ю., Геворкян Г.В. Особенности имитационного моделирования бизнес-процессов. В кн.: Актуальные проблемы экономической теории и практики. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2019. С. 40–48.
14. Бургонов О.В., Голубецкая Н.П., Смешко О.Г. Влияние цифровых технологий на развитие системы управления предпринимательскими структурами. Проблемы современной экономики. 2020;1(73):65–70.
15. Третьякова С.Н., Библия М.Ю. Особенности управления финансовыми потоками торговых компаний в условиях цифровизации. В кн.: Галактика науки-2023: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 19–22 апреля 2023 г. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2023. С. 299–304.

References

1. Mamij E.A., Timchenko A.I. Cash flow management as a tool for improving the efficiency of a transport company in a digital environment. Economics of Sustainable Development. 2020;2(42):227–233. (In Russian).
2. Lukmanova Yu.I. Cash flows in the system of ensuring economic security of an economic entity. Science Time. 2022;4(100):40–45. (In Russian).

3. *Shardan S. K., Yusupova T.A., Bijiieva M.A.* Efficient management model of the financial resources of the enterprise. *Natural-Humanitarian Studies*. 2019;4(26):222–225. (In Russian).
4. *Suptelo N.P.* Determination of factors influencing the formation of a net money flow of a trading enterprise. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management*. 2020;1(32):55–62. (In Russian). <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-1-55-62>
5. *Burgonov O.V., Almazov K.V.* Developing a balanced scorecard for the comprehensive assessment of the efficiency of corporate management systems. *Economics and management*. 2022;4(28):340–350. (In Russian). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-340-350>
6. *Repin V.I.* Modeling of business processes in BPMN notation in Business Studio 5. *Practical Guide*. Moscow: Infra-Inzheneriya; 2022. 90 p. (In Russian).
7. *Kononova S.N.* A systematic approach to business process management in an enterprise. In: *Theory and practice of innovative technologies in agriculture: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference, Voronezh, March 21–30, 2023*. Voronezh: Voronezh State Agrarian University; 2023. Pp. 320–326. (In Russian).
8. *Bardakov A.A., Kornilov D.A.* A comprehensive system of “Production Management” business process performance indicators as a risk management tool for sustainable enterprise development. In: *Current issues of economics, management and innovation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, November 16, 2022*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev; 2022. Pp. 91–94. (In Russian).
9. *Stepanova A.P.* Deming cycle transformation during economy digitalization. *Marketing and Logistics*. 2021;3(35):68–78. (In Russian).
10. *Ivanov D.A., Spodeneyko T.A., Makhiboroda V.D.* Application of strategic maps of balanced scorecard systems for the implementation of internal business systems. *Topical issues of the modern economy*. 2023;6:462–469. (In Russian).
11. *Biblya M.Yu., Biblya G.N.* Indicators of controlling key business processes of a company. In: *Main issues of informatization of business processes and education in the Russian regions: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Stavropol, October 13–14, 2021*. Stavropol: AGRUS; 2021. Pp. 86–91. (In Russian).
12. *Elifjerov V.G., Repin V.V.* *Business processes: regulation and management*. Moscow: INFRA-M; 2024. 319 p. (In Russian).
13. *Narizhnaya N.Yu., Biblya M.Yu., Gevorkyan G.V.* Features of business process simulation. In: *Current issues of economic theory and practice*. Krasnodar: Kuban State University; 2019. Pp. 40–48. (In Russian).
14. *Burgonov O.V., Golubetskaya N.P., Smeshko O.G.* The impact of digital technologies upon the system of entrepreneurial structures administration (Russia, St. Petersburg). *Problems of Modern Economics*. 2020;1(73):65–70. (In Russian).
15. *Tretyakova S.N., Biblya M.Yu.* Features of financial flow management of trading companies in the context of digitalization. In: *Galaxy of Science-2023: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Krasnodar, April 19–22, 2023*. Krasnodar: Kuban State University; 2023. Pp. 299–304. (In Russian).

Развитие системы быстрых платежей Банка России в современных условиях

Криворучко Светлана Витальевна

Д-р экон. наук, проф. каф. банковского дела и монетарного регулирования
ORCID: 0000-002-6618-3095, e-mail: skrivoruchko@fa.ru

Ризванова Ирина Азатовна

Канд. экон. наук, ст. преп. каф. банковского дела и монетарного регулирования
ORCID: 0000-0001-9238-0247, e-mail: iarizvanova@fa.ru

Бердышев Александр Валентинович

Канд. экон. наук, доц. каф. банковского дела и монетарного регулирования
ORCID: 0000-0002-0634-9321, e-mail: avberdyshev@fa.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

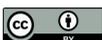
Развитие финансового рынка в Российской Федерации и в мире в настоящее время характеризуется рядом процессов: появлением большого числа новых продуктов и внедрением новых форматов их предоставления, расширением географии присутствия финансовых организаций, стиранием национальных границ при приобретении и предоставлении финансовых услуг, совершенствованием каналов продаж финансовых продуктов и услуг, в том числе дистанционных, с использованием современных информационных технологий. Рассмотрены вопросы, касающиеся современного состояния и перспектив развития системы быстрых платежей (далее – СБП) с учетом синергетического воздействия цифровизации платежных услуг и санкционных ограничений. Проведен анализ изменений, происходящих в сервисе СБП за последние годы, с фокусом на инновационные бизнес-модели, внедрение новых функций, технологические преобразования, а также регулятивные и рискованные аспекты. Особое внимание в исследовании уделено влиянию финансовых технологий на развитие и функционирование системы как ключевого элемента платежной индустрии. Потенциал СБП в контексте обеспечения безопасности российской платежной инфраструктуры представляет важное направление для укрепления доверия пользователей и устойчивости системы. Рассмотрен ряд перспективных направлений для дальнейшего развития СБП, в том числе их применимость для совершения трансграничных платежей.

Ключевые слова

Система быстрых платежей, сервис СБП, цифровизация, финансовые технологии, платежная услуга, Банк России, трансграничные переводы

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Криворучко С.В., Ризванова И.А., Бердышев А.В. Развитие системы быстрых платежей Банка России в современных условиях // Вестник университета. 2024. № 8. С. 163–174.

Development of the bank of russia's fast payment system in modern conditions

Svetlana V. Krivoruchko

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Banking and Monetary Regulation Department
ORCID: 0000-002-6618-3095, e-mail: skrivoruchko@fa.ru

Irina A. Rizvanova

Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the Banking and Monetary Regulation Department
ORCID: 0000-0001-9238-0247, e-mail: iarizvanova@fa.ru

Alexander V. Berdyshev

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Banking and Monetary Regulation Department
ORCID: 0000-0002-0634-9321, e-mail: avberdyshev@fa.ru

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The financial market development in Russia and in the world is currently characterized by a number of processes such as emergence of a large number of new products and new formats implementation for their provision, expansion of the geography of financial institutions presence, national boundaries erasure in acquisition and provision of financial services, sales channels improvement for financial products and services, including remote ones, using modern information technologies. The article studies issues related to the current state and prospects of the fast payment system (hereinafter referred to as FPS) development considering the synergetic impact of payment services digitalization and sanctions restrictions. It analyzes the changes taking place in the FPS service in recent years, focusing on innovative business models, new functions implementation, technological transformations, as well as regulatory and risk aspects. The study pays special attention to the financial technology impact on development and functioning of the system as a key element of the payment industry. The potential of FPS in the context of ensuring the Russian payment infrastructure security represents an important direction for strengthening user confidence and system sustainability. The paper considers a number of promising areas for further development of FPSs, including their applicability to cross-border payments.

Keywords

Fast payment system, FPS service, digitalization, financial technologies, payment service, Bank of Russia, cross-border transfers

Acknowledgements. The article is based on the research results carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University Under the Government of the Russian Federation.

For citation: Krivoruchko S.V., Rizvanova I.A., Berdyshev A.V. (2024) Development of the bank of russia's fast payment system in modern conditions. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 163–174.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время большая часть расчетов проводится в безналичной форме, которая осуществляется посредством взаимодействия целого ряда субъектов национальной платежной системы (далее – НПС). В свою очередь текущая геополитическая ситуация требует обеспечения бесперебойного функционирования национальной платежной инфраструктуры и защиты платежного суверенитета страны в целом.

Цель исследования – на основе анализа теоретических и практических аспектов развития системы быстрых платежей (далее – СБП) раскрыть направления ее развития в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в современных реалиях. Источниками информации послужили информационно-аналитические материалы и данные статистической отчетности Банка России, Федеральной службы государственной статистики, тексты международных стандартов и рекомендаций, а также аналитические и справочные ресурсы сети «Интернет». В процессе исследования применялся диалектический подход, раскрывающий возможности исследования вопросов развития СБП, а также такие общенаучные методы и приемы, как научная абстракция, анализ и синтез, методы группировки и сравнения.

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СБП В РОССИИ

Во многих странах уже активно используются системы для быстрого перевода денежных средств от клиента к клиенту. Примерами зарубежных СБП являются Faster Payments (запущена в Великобритании в 2008 г.), Swish (запущена в Швеции в 2012 г.), MobilePay (запущена в Дании в 2013 г.).

Британская Faster Payments была запущена с целью сокращения времени одного перевода с трех суток до нескольких секунд. Однако нет гарантии, что пополнение счета получателя будет моментальным, хотя и ожидается, что время ожидания будет коротким, причем ни один розничный банк не взимает плату за услугу¹.

Шведская система Swish работает через приложение для смартфона, с помощью которого номер телефона пользователя привязан к его банковскому счету и которое позволяет переводить деньги в режиме реального времени за несколько секунд до получения подтверждения обеими сторонами. Услуга бесплатна для частных пользователей с начала 2012 г. Компании и зарегистрированные организации платят около 1–3 шведских крон (в зависимости от банка) за каждый полученный платеж в дополнение к небольшой ежегодной комиссии, и им не разрешается взимать плату с клиента за их Swish-комиссию.

Датский сервис MobilePay, позволяющий осуществлять платежи с помощью приложения для смартфона, был впервые представлен в 2013 г. В настоящее время он покрывает все потребности в оплате. Платежи могут осуществляться друзьям, небольшим физическим магазинам, супермаркетам и крупным сетям, регулярным операциям, электронной и макромасштабной торговле и пожертвованиям. Загружая это приложение, пользователи должны подключить кредитную карту и информацию об учетной записи к своему номеру мобильного телефона. Денежные переводы осуществляются путем ввода номера, который зарегистрирован в системе. Затем средства переводятся на этот счет, в то время как сумма списывается с кредитной карты отправителя. Плата за частные счета MobilePay не взимается².

В странах Европейского союза (далее – ЕС, Евросоюз) в 2008 г. была создана SEPA – единая зона платежей, куда входят 35 стран, при этом перевод идет максимум сутки. Только к 2025 г. все банки ЕС обязаны интегрировать SEPA Instant – систему мгновенных платежей, перевод осуществляется за 10 секунд для граждан бесплатно и по цене 0,2 евро для бизнеса. На март 2024 г. к этой системе присоединились только 42 % банков. Остальные не уверены в том, что успеют к дедлайну. Тем не менее 77 % банкиров считают, что преимущества SEPA Instant превышают затраты на внедрение (1–3 млн евро).

Внедрение СБП в России стало не новшеством, но осознанным использованием успешного зарубежного опыта. Мы не только догнали, но и перегнали зарубежных коллег. Далее рассмотрим текущее состояние развития СБП.

Система быстрых платежей (сервис СБП) был запущен в промышленную эксплуатацию на рынке платежных услуг в начале 2019 г. Для сравнения: в начале 2019 г. доля наличных платежей составляла 35–40 %, доля платежей с банковскими картами – 50 %, в текущих условиях доля безналичных платежей

¹Barclays. What is the Faster Payments Service (FPS)? Режим доступа: barclays.co.uk/help/payments/payment-information/faster-payments/ (дата обращения: 18.06.2024).

²Danskebank. MobilePay. Режим доступа: www.danskebank.dk/da-dk/Privat/Selvbetjening/Produkter/Pages/Mobilepay.aspx (дата обращения: 18.06.2024).

близка к 80 %³. Одной из ключевых предпосылок и целей внедрения СБП было отсутствие альтернативных механизмов, способных замещать использование наличных денежных средств. Анализ мировой статистики указывал на высокую долю безналичных операций в других странах, таких как Китай, Швеция, Австралия, что отличалось от ситуации в России на тот момент. Банк России ставил перед собой задачу цифровизации рынка платежных услуг, которая занимала одно из важнейших мест среди первоочередных целей создания СБП.

СБП разработана Банком России и акционерным обществом «Национальная система платежных карт» (далее – НСПК). Система является сервисом Платежной системы Банка России, поэтому оператором платежной системы и расчетным центром выступает именно он, а операционным и платежным клиринговым центром – НСПК⁴.

Созданию СБП способствовал также запрос от бизнеса по регулированию тарифов за процессинг карт, которые взимаются с торговой точки в сторону уменьшения. В ответ на запрос о снижении издержек со стороны предпринимательской среды Банк России принял решение кардинально изменить бизнес-модель, но не в рамках всего рынка, а в рамках СБП. Комиссия, взимаемая банком у торговой точки, регулируется в системе и составляет от 0,2 до 0,7 %, что в среднем в пять раз ниже, чем прежняя комиссия по классической тарифной схеме эквайринга⁵. Развитию СБП также способствовал запрос на противодействие «зарплатному рабству». Этот тезис подразумевает создание возможности для свободного перевода денег из одного банка в другой, что должно стимулировать открытую и честную конкуренцию на рынке банковских услуг в сфере платежных сервисов. Доступность межбанковских переводов должна способствовать разработке на рынке максимально удобных для клиентов продуктов.

Отметим, что до внедрения СБП онлайн-расчеты между банками проходили по оптовым платежам через систему банковских электронных срочных платежей Банка России, все розничные транзакции имели отложенный характер. Введение СБП привело к перестройке всего финансового рынка на систему онлайн-расчетов.

Сервис быстрых платежей реализует следующие виды перевода денежных средств:

- 1) С2С – переводы между физическими лицами по номеру телефона;
- 2) С2В – оплата товаров и услуг по QR и в сети «Интернет»;
- 3) В2С – выплаты от организаций в пользу физических лиц (например, возвраты стоимости ранее осуществленных покупок или выплаты в рамках услуг, оказанных физическим лицом юридическому, и др.);
- 4) В2В – расчеты между организациями;
- 5) С2G – платежи физических лиц в бюджетную систему России;
- 6) G2C – платежи от государства в пользу физических лиц.

В качестве результатов развития СБП можно выделить: снижение доли наличных денег в денежном обороте; предоставление возможности инициирования платежей из банка без посредников в виде карточных платежных систем; создание новой альтернативной бизнес-модели, позволившей снизить тарифы и составить конкуренцию высоким межбанковским комиссиям по карточным платежам (IRF); повышение уровня конкуренции за клиента, что поспособствовало развитию cross-sale модели обслуживания клиентов. Внедрение СБП привело к постепенному изменению клиентского опыта и модели потребления. У клиентов сформировалась потребность в моментальном осуществлении операций по переводу денежных средств. Сейчас каждый банк старается сделать качественные сервисы в рамках своих приложений, чтобы повысить среднее количество использования услуг, а не ограничиваться единоразовыми переводами денежных средств.

Российский сервис мгновенных переводов СБП разрабатывался с учетом мирового опыта, и он соответствует высшему уровню по качеству функционала и ISO стандартам, обеспечивает поддержку онлайн-расчетов и доступен для использования в режиме 24/7.

Банк России достиг следующих эффектов от внедрения СБП:

- 1) стимулирования открытой и честной конкуренции между банками на рынке переводов;
- 2) снижения транзакционных издержек, так как в СБП операции происходят напрямую с банковских счетов без использования карточных технологий, что значительно сокращает транзакционные издержки в связи с отсутствием посредников;

³Банк России. Статистика. Режим доступа: <https://cbr.ru/PSystem/statistics/> (дата обращения: 18.06.2024).

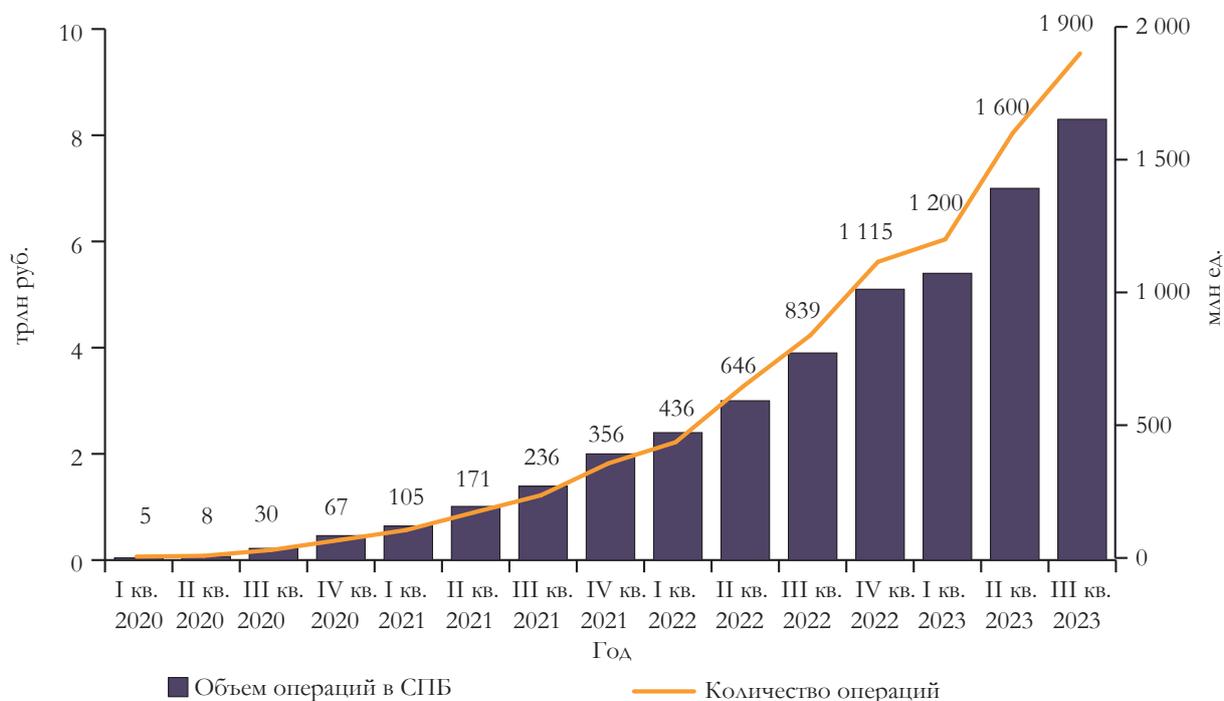
⁴Банк России. Система быстрых платежей. Режим доступа: <https://cbr.ru/PSystem/sfp/> (дата обращения: 18.06.2024).

⁵Решение Совета директоров Банка России о тарифах на услуги Банка России в сервисе быстрых платежей платежной системы Банка России (СБП). Режим доступа: https://cbr.ru/about_br/dir/rtd_2022-04-14_sbpr/ (дата обращения: 18.06.2024).

- 3) расширения ассортимента финансовых услуг, предлагаемых на платежном рынке;
- 4) укрепления суверенитета в совершении финансовых операций и обеспечения стабильности путем уменьшения рисков зависимости от внешних поставщиков финансовых услуг.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СБП БАНКА РОССИИ

Бурное развитие сервиса СБП отражается на ключевых показателях ее функционирования. За три квартала 2023 г. в СБП совершено более 4,7 млрд операций на 20,7 трлн руб., что превышает аналогичные показатели за 2022 г. в 2,4 и 2,2 раза соответственно (рис. 1).

Источник⁶

Рис. 1. Объем операций и количество операции в системе СБП

Драйверами развития СБП являются:

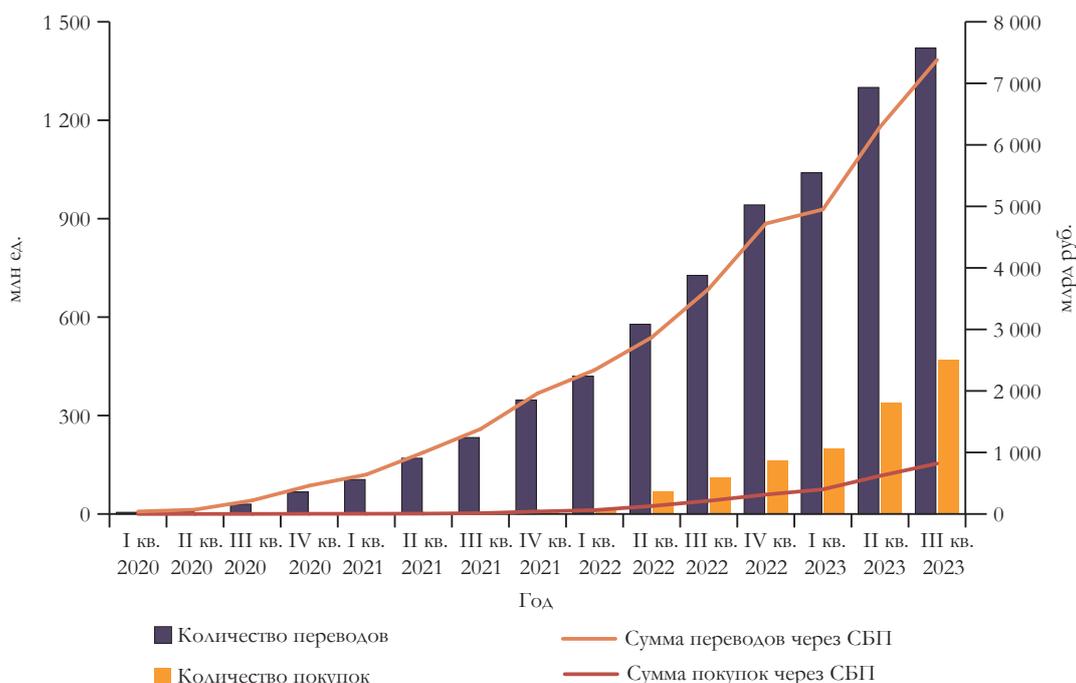
- 1) повышение доступности платежных услуг и снижение их стоимости для граждан и бизнеса;
- 2) постепенное внедрение современных решений по приему платежей (мобильное приложение «СБ-Пэй», технология бесконтактной оплаты NFC, QR и др.);
- 3) развитие интероперабельности, или реализация взаимодействия с системами быстрых платежей других стран.

В настоящее время уже осуществляется взаимодействие с заинтересованными сторонами и центральными банками других стран по проведению трансграничных переводов с помощью СБП [1]. Банк России заявил, что запущены переводы по СБП из России в пять государств. Важно учитывать запрос рынка на данный вид операций. Современная политическая обстановка ограничивает ряд возможных интеграций с другими странами, что является одной из проблем развития НПС. Тем не менее объем переводов и количество взаимодействий с «дружественными» странами будут расти.

Что касается внутренних операций, важно отметить, что СБП чаще используется для переводов P to P, чем для платежей за товары и услуги. Переводы граждан остаются самой популярной операцией в системе (рис. 2).

В III квартале 2023 г. переводами в СБП воспользовался каждый второй житель России, оплатой товаров и услуг – каждый третий. В среднем один гражданин совершил 17 переводов и оплатил через СБП около 10 покупок.

⁶ Банк России. Статистика. Режим доступа: <https://cbr.ru/PSystem/statistics/> (дата обращения: 18.06.2024).

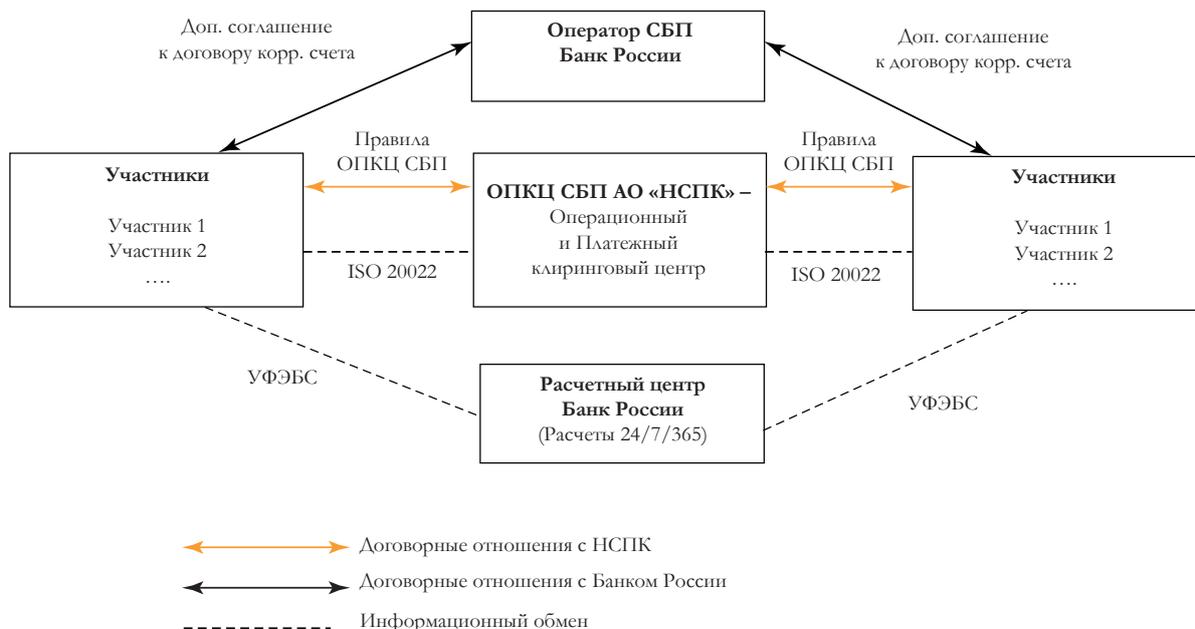
Источник⁷

Рис. 2. Сравнение количества транзакции и их суммы при разных видах использования сервиса СБП: для переводов и для платежей

На наш взгляд, одной из проблем, связанных с более частым использованием СБП для переводов, чем для платежей, является недостаточная степень стимулирования (отсутствие кэшбэка). Несмотря на разнообразность функционала для совершения платежей, пользователи по-прежнему выбирают другие способы для оплаты при отсутствии дополнительных мер стимулирования.

АРХИТЕКТУРА СБП

Обобщенное описание процесса функционирования СБП представлено на рис. 3.

Примечание: УФЭБС – унифицированный формат электронных банковских сообщений
 Составлено авторами по материалам источника [2–4]

Рис. 3. Обобщенное описание функционирования сервиса СБП

⁷Банк России. Статистика. Режим доступа: <https://cbr.ru/PSystem/statistics/> (дата обращения: 18.06.2024).

Оператором системы является Банк России, который определяет ключевые правила работы СБП. Все банки-участники имеют корреспондентские счета и заключают дополнительные соглашения, устанавливающие правила внутреннего взаимодействия в системе.

Роль операционного и платежного клирингового центра (далее – ОПКЦ) для СБП выполняет компания НСПК, которая ответственна за бесперебойное обеспечение технологического взаимодействия участников с системой. Также на схеме обозначены стандарты и правила, которыми руководствуются участники сервиса: ISO 20022 – международный стандарт обмена электронными сообщениями между организациями финансовой отрасли; УФЭБС – унифицированный формат электронных банковских сообщений, протокол общения между ОПКЦ СБП с Расчетным центром Банка России; правила ОПКЦ СБП – свод правил, которые подробно описывают принципы и протоколы взаимодействия в соответствии со стандартом.

Расчетный центр связан со всеми участниками, которые управляют своей ликвидностью, следят за своими остатками, получают отчеты в конце периода о том, какие операции были проведены. В отличие от классического клиринга (когда расчеты происходят посредством платежных карт), при котором деньги переводятся с корреспондентского счета одного банка на корреспондентский счет другого в конце периода агрегированной суммой по банку (чистой позиции), в СБП денежные средства перечисляются между банками в онлайн-режиме, то есть каждая операция обязательно завершается межбанковским расчетом прямо в момент проведения операции.

Вся часть онлайн-взаимодействий происходит через ОПКЦ СБП, которому участники передают информацию в рамках предварительного информационного обмена сообщениями, в которых в зависимости от сервиса тем или иным образом происходит взаимосвязь между участниками [2]. Например, при С2С-переводе после того, как плательщик ввел номер получателя и выбрал банк в интерфейсе локального банковского приложения, ему отображается маскированное ФИО (имя, отчество и первая буква фамилии). Это позволяет увидеть, кому принадлежит номер телефона, и это же происходит в результате информационного обмена отправителя с банком отправителя и НСПК. НСПК в свою очередь передает эти запросы в банк получателя. В момент, когда физическое лицо подтверждает платеж, НСПК уже обращается в расчетный центр Банка России в онлайн-режиме, происходят списание и зачисление по корреспондентским счетам банков. Деньги вначале списываются по корреспондентским счетам в Банке России, а потом статусными сообщениями доставляется информация о том, что платеж проведен и в онлайн-формате происходит отражение по балансу и у участника-отправителя (деньги списываются), и у участника-получателя (деньги начисляются на счет).

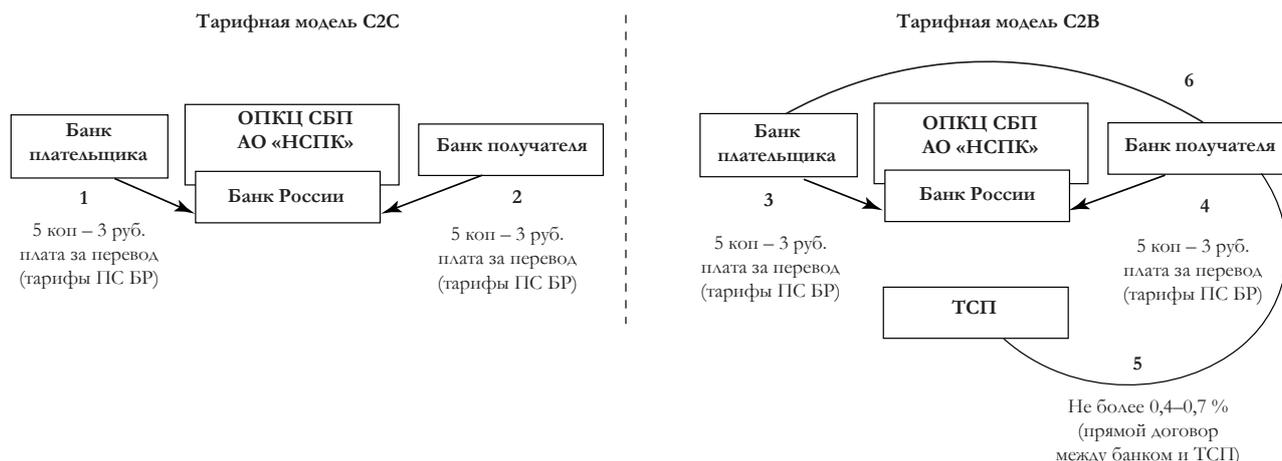
В рамках информационного обмена между участниками платежной системы фигурирует не только информация с номером телефона, но и другая информация, необходимая для проведения транзакции: номера счетов, код банков-участников, данные об отправителе и получателе и др. Номер телефона – это некий реквизит счета, который используется для проведения операции. Какой именно счет привязан, знает уже банк. Некоторые банки в своих интерфейсах дают функцию выбора, на какой счет зачислять деньги, когда осуществляется перевод по номеру телефона.

Что касается тарифной политики, то каждый из банков платит Банку России небольшую комиссию, которая имеет определенный размер для разных типов переводов и платежей⁸. На рис. 4 приведены схемы тарифной модели С2С и С2В.

Помимо тарифной политики, деятельность СБП регулируется правилами осуществления расчетов в России, которые установлены Банком России. основополагающим документом, который регулирует функционирование НПС, является Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», который закрепляет положение сервиса быстрых платежей на инфраструктурном уровне⁹. В документе установлены организационные и правовые основы НПС, которые необходимы для регулирования порядка оказания платежных услуг, осуществления денежных переводов и использования электронных средств платежа. Функции по надзору и наблюдению в НПС отвечают одной из ключевых целей деятельности Банка России: обеспечению стабильности и развитию национальной платежной системы.

⁸СБПэй. Правила оказания операционных услуг и услуг платежного клиринга в СБП. СБП – П.117. Версия 7.1. Режим доступа: <https://cbrpay.ru/assets/main/docs/pravila-okazaniya-operacionnyh-uslug-SBP-v-7-1.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

⁹Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 18.06.2024).

Примечание: ПС БР – платежная система Банка России, ТСП – торгово-сервисное предприятие, АО – акционерное общество

Источник¹⁰

Рис. 4. Тарифы на услуги Банка России в сервисе СБП платежной системы Банка России

Для оценки реализации Стратегии развития НПС Банком России также установлены ключевые показатели для оценки на 2021–2023 гг.¹¹. К ним относятся ряд количественных показателей: доля объема безналичных операций в розничной торговле (целевая метрика на 2023 г. – 78–80 %), доля платежной системы «МИР» и СБП в общем объеме розничных безналичных операций (47–49 %), количество стран, в которые обеспечена возможность передачи информации по системе передачи финансовых сообщений (18 стран), и др. Также в документе Стратегии утвержден ряд качественных показателей, таких как разработка правовой базы для внедрения Альбома ISO 20022 в Банк России, разработка регулирования деятельности небанковских поставщиков платежных услуг и подготовка предложений по регулированию платежных сервисов в экосистемах. Достижение поставленных целевых метрик возможно исключительно при условии проведения качественного надзора и наблюдения за участниками национальной платежной системы со стороны регулятора.

НОВАЦИИ В РАЗВИТИИ СБП

Ключевым сервисом СБП являются С2С переводы двух типов: me2me (перевод клиента самому себе с одного счета на другой в разных банках) и межбанковские переводы другому клиенту. На операции данного типа установлен достаточно высокий лимит в 100 тыс. руб. на месяц. В августе 2023 г. был опубликован федеральный закон, в котором говорится об увеличении необлагаемого комиссией лимита переводов между своими счетами до 30 млн руб.¹²

В контексте возможностей популяризации сценариев платежей С2В и В2С и поиска направлений для развития новых бизнес-моделей авторы предлагают рассмотреть существующий ряд различных способов оплаты. СБП предлагает три ключевых сценария, которые работают вне зависимости от операционной системы смартфона. К ним относятся QR, NFC и кнопка, описание и сравнение которых приведено в таблице.

Таблица

Сравнение сценариев отображения платежной ссылки

Сценарий	QR		NFC	Кнопка
	Статический	Динамический		
Форма визуализации	QR-код	QR-код	NFC-метка	Кликабельная кнопка

¹⁰Банк России. Тарифы на услуги Банка России в сервисе быстрых платежей платежной системы Банка России (СБП). Режим доступа: https://www.cbr.ru/PSystem/payment_system/#t2 (дата обращения: 18.06.2024).

¹¹Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/120210/strategy_nps_2021-2023.pdf (дата обращения: 18.06.2024).

¹²Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в статьи 29 и 36 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454053/ (дата обращения: 18.06.2024).

Сценарий	QR		NFC	Кнопка
	Статический	Динамический		
Место расположения/установки	На стикере или табличке, установленной в точке/сервисе приема платежей	На кассе или на любом другом экране, на который может быть выведен платежный QR	На табличке, на спикере	В приложении, на сайте, в рассылке
Функциональные особенности	QR – единый, платежная ссылка – динамическая	QR – разный, платежная ссылка – формируется под каждый QR	Табличка может совмещать в себе два способа оплаты – статичный QR и NFC-метку	Для оплаты кнопкой клиент привязывает свой счет к СБП, чтобы оплачивать покупки одним нажатием
Работа в онлайн/офлайн	Онлайн- и офлайн-платежи	Онлайн- и офлайн-платежи	Офлайн-платежи	Онлайн-платежи

Составлено авторами по материалам источника [5]

Функциональная особенность работы статичного QR с динамической ссылкой способна обеспечить при неизменности ссылки QR разную сумму платежа для каждого покупателя. Это создает дополнительные технические особенности [5]. В момент, когда в кассе образовалась сумма к оплате, кассовый софт передает через свой обслуживающий банк в ОПКЦ СБП информацию о том, что сейчас к этой ссылке относится конкретная сумма покупки. Когда покупатель считывает в приложении QR, банк обращается в ОПКЦ СБП с запросом: «Сколько сейчас нужно платить по этому QR?», на что центр отвечает суммой, которую покупатель видит на своем смартфоне, где далее акцептует платеж¹³. В основе каждого из сценариев лежит «платежная ссылка», содержащая необходимую для совершения операции информацию, в том числе реквизиты для оплаты. СБП формирует платежную ссылку по запросу банка торгово-сервисного предприятия и передает непосредственно в компанию, которая осуществляет продажу (онлайн или офлайн)¹⁴.

На данном этапе СБП начинает развивать решения на базе нескольких сценариев, тем самым создавая более удобные клиентские сервисы. Например, новым является сценарий с картой лояльности, который переносит клиентский опыт из онлайн- в офлайн-режим. Покупатель набирает корзину товаров в интернет-магазине, далее переходит к выбору способа оплаты и выбирает СБП. Затем клиент выбирает банк и акцептует платеж. Этот быстрый и бесшовный путь между приложениями будет полезно перенести в офлайн-формат. Для реализации данной идеи разработан механизм «представления» покупателя магазину: клиент, находясь в офлайн-магазине, показывает карту лояльности из интернет-магазина, чтобы система магазина узнала о том, что это конкретный покупатель. В этот же момент системе становится известна информация о кассе, на которой пробивается товар и сумма для оплаты. В мобильном приложении далее автоматически отображается сумма к оплате, и становится активной кнопка «Оплата по СБП». Технология «привязки» счета позволяет сократить клиентский опыт до двух шагов: клиент показывает карту лояльности и у него с привязанного счета будет автоматически списан платеж. Это одно из перспективных направлений, над которым СБП продолжит работать в 2024 г.

С уходом зарубежных поставщиков платежных решений СБП начал активное развитие платежей для бизнеса и государства. Стали возможны выплаты от юридического лица физическому по реквизитам: номер телефона и банк. Юридическое лицо выбирает банк, вводит номер телефона в интерфейсе своих программ, видит маскированное ФИО и может подтвердить платеж, который происходит за несколько секунд. Данный кейс актуален для выплат страховых, покупок в trade-in и др. Для юридического лица данный сервис значительно упрощает проведение платежа, поскольку отсутствует необходимость вводить большое количество реквизитов: номера счетов, идентификационный номер налогоплательщика,

¹³СБПэй. Правила оказания операционных услуг и услуг платежного клиринга в СБП. СБП – П.117. Версия 7.1. Режим доступа: <https://cbrpay.ru/assets/main/docs/pravila-okazaniya-operacionnyh-uslug-SBP-v-7-1.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁴Там же.

основной государственный регистрационный номер, банковский идентификационный номер, корреспондентский счет, идентификационный номер налогоплательщика банка и т.д.

СБП также занимается обновлением и дополнением приложения «СБПэй» для физических лиц-плательщиков, которое умеет реагировать на NFC-тэги, получать оттуда информацию и проводить платеж в один клик через NFC-табличку, которая работает по принципу кассовой ссылки. Приложение является аналогом MirPay, ApplePay, SamsungPay, GooglePay и др. «СБПэй» предоставляет оптимальный клиентский опыт, доступ ко всем банкам в рамках одного приложения.

Наиболее перспективными направлениями для дальнейшего развития СБП являются:

1) в рамках решения проблемы по устранению разницы в объемах совершаемых переводов и платежей через СБП система будет работать над повышением удобства платежных сервисов и популяризации данного направления – одним из потенциальных способов роста аудитории платежного направления является создание сервиса для доли населения в приблизительно 20 %, или 30 млн чел., которые пока не могут пользоваться СБП в связи с невозможностью ее использования без смартфона, доступа к интернет-платежам в населенных пунктах без интернета, но с сотовой связью, а также в новых субъектах РФ в условиях недостатка платежной инфраструктуры¹⁵;

2) интеграция СБП с зарубежными аналогами, о чем более подробно будет сказано далее.

ПОТЕНЦИАЛ СБП В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПЛАТЕЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Система быстрых (моментальных) переводов существует не только в России, но и в других странах. Наличие следующих свойств позволяет определять принадлежность финансовой системы именно к системам быстрых (моментальных) платежей [5; 6]:

- 1) непрерывная доступность в режиме 24/7/365;
- 2) мгновенность – средства поступают получателю в реальном времени;
- 3) безотзывность – отправленный платеж не может быть аннулирован;
- 4) вариативность – различные средства платежа и типы участников;
- 5) гибкость – адаптация к будущим нуждам потребителей;
- 6) стабильность – обработка ошибок и процедуры урегулирования;
- 7) информативность – мгновенное извещение плательщика и получателя о финальном статусе платежа;
- 8) защищенность, целостность и устойчивость к мошенничеству;
- 9) простота – безналичные платежи, по простоте и удобству равные наличным и превосходящие их;
- 10) выгода – переводы между банками не должны быть сильно дороже переводов внутри банков.

Интеграция высокотехнологичных систем быстрых платежей, обладающих данными свойствами, между разными странами представляет значительный потенциал для развития трансграничных платежей. Это открыло бы возможность для улучшения трансграничных финансовых транзакций, обеспечивая быструю передачу средств между различными национальными экономиками с минимальными затратами, повышенными эффективностью и уровнем безопасности.

В условиях текущего состояния мирового платежного рынка возникла потребность в безопасных, быстрых и удобных трансграничных платежах и переводах.

Трансграничные переводы в СБП работают по двум схемам.

1. При участии иностранной платежной системы-партнера (далее – ПСП), в которой интеграция СБП и иностранной ПСП осуществляется с помощью участника СБП и участника ПСП, выступающих в роли банков-посредников. Данная схема реализуется в тех странах, в которых существует своя система быстрых платежей. В схеме есть расчетный банк, функционирующий между двумя системами. Для регулирования существует соглашение между Банком России как оператором СБП в России и оператором системы быстрых платежей не в России.

2. При участии косвенного участника с доступом к трансграничному переводу СБП, в которой участник СБП, выступающий в роли банка-посредника, обеспечивает взаимодействие системы с иностранным банком – косвенным участником. Данная схема работает с банками стран, у которых в России есть некий «провайдер», который привел через интеграции иностранный банк для подключения в СБП.

¹⁵Global System for Mobile Communications (GSMA). Мобильная экономика России и СНГ 2021. Режим доступа: <https://www.gsma.com/mobileeconomy/wp-content/uploads/2021/09/130921-Mobile-Economy-Russia-and-CIS-2021-Russian.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

Иностранный банк регистрируют и лицензируют как иностранного участника. В момент совершения платежа денежные средства сначала достигают косвенного участника-посредника внутри России, а уже после посредник берет на себя обязательство доставить деньги в иностранный банк по своим каналам.

В настоящее время в СБП запущен сервис переводов по номеру телефона С2С: реквизиты максимально простые, клиентский опыт понятен и меняется незначительно, если сравнивать с переводом внутри страны, – после ввода номера телефона необходимо выбрать также страну, в которой находится банк получателя. Клиенту будет дополнительно отображаться результат совершенных операций по переводу курса. Работают данные схемы в двух направлениях – как в Россию, так и из России. В настоящий момент подключено 37 зарубежных банков. Это новое и перспективное направление. Переводы через СБП в настоящее время для россиян стали доступны в нескольких странах, среди которых Узбекистан, Таджикистан, Белоруссия и Киргизия.

В условиях тесной интеграции в рамках Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств трансграничные переводы между этими странами всегда были востребованы. Однако с прекращением использования некоторых систем международных переводов и введением ограничений для финансового сектора удобство и доступность этих функций начали снижаться. В рамках СБП появляются возможности для предложения инновационных решений в области международных денежных переводов. Важным стимулом в данном контексте должна стать ценовая стратегия, учитывая низкие комиссии или их отсутствие для небольших сумм переводов. На наш взгляд, предложения, выносимые СБП, могут значительно конкурировать с другими сервисами участников рынка и позволить отечественной системе занять значимое положение в этой области аналогично тому, как это произошло с рынком внутренних переводов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СБП, в котором реализованы самые современные решения по приему платежей и переводов, сильно влияет на развитие НПС и повышение ее эффективности в России. Анализ предпосылок к созданию системы быстрых платежей и ее последующей эволюции показывают, что ключевым элементом развития являются информационные технологии, которые стремительно приспосабливаются к запросам рынка. Изучение конкретных кейсов применения СБП в России выявило успешные практики, подчеркнув важность эффективной интеграции данной системы в бизнес-процессы банков. Анализ различных аспектов функционирования СБП (функциональные, регуляторные) позволил выделить работающие инфраструктурные механизмы, принципы регулирования и надзора со стороны Банка России, а также взаимодействующих участников. Перечисленные элементы в совокупности играют важную роль в обеспечении стабильности и безопасности функционирования системы быстрых платежей.

Потенциал СБП в контексте обеспечения безопасности российской платежной инфраструктуры представляет важное направление для укрепления доверия пользователей и устойчивости системы. В работе рассмотрен ряд перспективных направлений для дальнейшего развития СБП, в том числе их применимость для совершения трансграничных платежей. Сложившаяся ситуация на мировом платежном рынке подчеркнула значимость обмена опытом и коллективного решения проблем для эффективного развития СБП.

На наш взгляд, НПС России достигла внушительных результатов в своем развитии, однако в текущий момент она столкнулась с новыми вызовами. Развитие инфраструктурных решений и создание новых платежных решений расписаны уже на несколько ближайших лет, и с учетом текущей ситуации фокус работ в 2024 г. будет сосредоточен на решении задач по внедрению и развитию отечественных технологий, снижении издержек участников рынка и расширении возможностей для доступности платежей на всех территориях страны и за рубежом.

Список литературы

1. *Каменщик В.М., Карпушевич В.А.* Потенциал использования СБП в трансграничных переводах. В кн.: Российские регионы в фокусе перемен: материалы XVII Международной конференции, Екатеринбург, 17–19 ноября 2022 г. Екатеринбург; 2023. С. 1107–1110.
2. *Гобарева Я.А., Добридюк С.А., Касьянов М.Е.* Новые инструменты и сервисы в системе быстрых платежей, архитектура программных решений. *Инновации и инвестиции.* 2023;6:212–216.

3. Колесова Ю.И. Развитие системы быстрых платежей Банка России как фактор конкуренции на рынке платежных услуг. Финансовые рынки и банки. 2021;7:44–49.
4. Маркова О.М. Применение системы быстрых платежей (СБП): инструменты, инфраструктура, механизм реализации. Инновации и инвестиции. 2020;3:180–183.
5. Хетагуров Г.В., Гаглоева Э.Н. Система быстрых платежей: возможности, факторы роста и риски. Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023;62:72–84.
6. Криворучко С.В., Медведева М.Б., Ризванова И.А. Зарубежный опыт цифровизации финансовых услуг: банки новой волны. Финансовые рынки и банки. 2023;9:49–55.

References

1. Kamentshik V.M., Karpushevich V.A. Potential to use SBP in cross-border transfers. In: Russian regions in the focus of change: Proceedings of the XVII International Conference, Ekaterinburg, November 17–19, 2022. Ekaterinburg; 2023. Pp. 1107–1110. (In Russian).
2. Gobareva Ya.L., Dobridnyuk S.L., Kasyanov M.E. New tools and services in the system of fast payments, architecture of software solutions. Innovatsii i investitsii. 2023;6:212–216. (In Russian).
3. Kolesova Yu.I. New services of the faster payment system of the Bank of Russia as a factor of competition in the payment services market. Financial Markets and Banks. 2021;7:44–49. (In Russian).
4. Markova O.M. Application of the quick payment system (SBP): tools, infrastructure, implementation mechanism. Innovatsii i investitsii. 2020;3:180–183. (In Russian).
5. Khetagurov G.V., Gagloeva E.N. Fast payment system: opportunities, growth drivers and risks. Tomsk State University Journal of Economics. 2023;62:72–84. (In Russian).
6. Krivoruchko S.V., Medvedeva M.B., Rizvanova I.A. Foreign experience in digitalization of financial services: new wave banks. Financial Markets and Banks. 2023;9:49–55. (In Russian).

Геймификация: характеристики, тренды, риски

Авдеева Анна Павловна

Канд. психол. наук, доц. каф. промышленной логистики
ORCID: 0000-0002-8010-7988, e-mail: ap.avdeeva@bmstu.ru

Сафонова Юлия Анатольевна

Канд. филос. наук, доц. каф. социологии и культурологии
ORCID: 0000-0001-7093-4202, e-mail: safonova@bmstu.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, г. Москва, Россия

Аннотация

Развитие цифровых технологий стимулирует проникновение игровых элементов в культуру и разные сферы социума. Выявление закономерностей и специфики этого процесса стало целью настоящего исследования. Методологией исследования послужили концепция «человека играющего» Й. Хейзенги и системное описание механизмов геймификации К. Вербаха. На основе этих концепций составлена сетка типовых черт геймификации, проведен анализ процессов геймификации в разных социосферах. Методы исследования включали анализ формирующихся практик геймификации. По результатам анализа определены тренды и риски внедрения игрового элемента в культуру. Комплексное влияние процесса геймификации на социум и культуру проявляется запросом потребителей на интерактивность, личное участие, вовлеченность (иммерсивность) практически во все виды деятельности. Эти потребности усиливаются под влиянием клиповой культуры, облегчая индивидам усвоение разрозненных, фрагментарных кусочков информации. Запрос на иммерсивность тесно связан с потребностью человека быть автором «текста», управлять сюжетом, создавать множественность прочтений – гипертекст. Показано, что геймификация стимулирует инновации в различных областях, приводит к появлению новых продуктов, процессов, услуг. Выделены основные риски развития геймификации: гиперориентация на развлечения в областях, которые традиционно предполагают прикладывание усилий, и манипуляция поведением людей в областях, связанных с «долженствованием».

Ключевые слова

Гипертекст, геймификация, игра, иммерсивность, клиповая культура, VR- и AR-технологии, цифровые технологии, трансформация культуры, молодежь XXI века

Для цитирования: Авдеева А.П., Сафонова Ю.А. Геймификация: характеристики, тренды, риски // Вестник университета. 2024. № 8. С. 175–184.

Gamification: characteristics, trends, risks

Anna P. Avdeeva

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Industrial Logistics Department
ORCID: 0000-0002-8010-7988, e-mail: ap.avdeeva@bmstu.ru

Yulia A. Safonova

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Sociology and Cultural Studies Department
ORCID: 0000-0001-7093-4202, e-mail: safonova@bmstu.ru

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Abstract

Digital technologies development stimulates game elements inclusion into culture and different spheres of society. The identification of regularities and specifics of this process became the purpose of the study. The research methodology was based on the J. Huizinga's "man playing" concept and K. Verbač's system description of gamification mechanisms. On the basis of these concepts, a grid of typical features of gamification has been compiled and gamification processes in different sociospheres analyzed. The research methods included the emerging gamification practices analysis. Based on the analysis results, trends and risks of implementing the game element into culture have been identified. The complex influence of gamification process on society and culture is manifested by consumers' demand for interactivity, personal participation, and involvement (immersiveness) in almost all types of activities. These needs are strengthened under the influence of clip culture, making it easier for individuals to assimilate disparate and fragmented pieces of information. The request for immersiveness is closely related to the human need to be the author of the "text", to control the plot, to create a plurality of readings (hypertext). It has been shown that gamification stimulates innovation in various areas, leads to the emergence of new products, processes, and services. The main risks of gamification development have been highlighted: hyperorientation to entertainment in areas that traditionally involve effort, and manipulation of people's behavior in areas related to "shoulds".

Keywords

Hypertext, game, gamification, immersion, clip culture, VR and AR technologies, digital technologies, cultural transformation, 21st century youth

For citation: Avdeeva A.P., Safonova Yu.A. (2024) Gamification: characteristics, trends, risks. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 175–184.

ВВЕДЕНИЕ

Интенсивное развитие компьютерных игр способствует проникновению игровых элементов в неигровые сферы жизни, или «геймификации» культуры. Управляемая геймификация нацелена на повышение мотивации и вовлечение людей в процессы обучения и труда, она используется в бизнесе, здравоохранении и других сферах социума. Синтез цифровых технологий и игровых механик приводит к возникновению новых феноменов культуры и повседневных социальных практик. Геймификация становится трендом, определяющим трансформацию культуры и социума XXI в. Вместе с тем в исследованиях, как правило, анализируется какая-то одна сфера внедрения геймификации. Нас же интересовали общие тренды влияния феномена на культуру, для чего необходимо проанализировать социум в комплексе.

Цель настоящего исследования – выявить динамику процесса геймификации в разных социальных сферах, закономерности и тренды развития игрового элемента в культуре, возможные риски.

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Методология исследования очерчена игровой концепцией культуры Й. Хейзенги, согласно которой игра одновременно отражает ценности эпохи и является элементом, участвующим в развитии культуры, способствующим ее трансформации, а также концепцией «геймификации», системно изложенной К. Вербахом, который понимает геймификацию как управляемый процесс внедрения игровых элементов в неигровые сферы деятельности с целью повышения мотивации людей [1; 2].

Й. Хейзенга выделил сущностные признаки игры и ее отличие от не-игры [1].

1. Игра – это свободное действие, доставляющее удовольствие, она не бывает вызвана физической необходимостью или моральными обязательствами. Игра по принуждению не может оставаться игрой. Вместе с тем с превращением игры в одну из функций культуры долженствование может быть с ней связано теснее.

2. Игру отличает присутствие дихотомии «понарошку» («ну просто так») – «серьезно». Она может происходить с серьезностью, увлечением и захватывать участников так, что характеристика «просто» временами исчезает. «Серьезность» также подвержена колебаниям – игру непременно сопровождает атмосфера радостного веселья.

3. Игра разыгрывается в определенных границах места и времени, содержит последовательность действий, завязку и развязку. Эта последовательность закрепляется в культуре и обеспечивает повторяемость игры. Правила определяют, что имеет силу в мире игры. Подлинная игра предполагает соблюдение принципа *fair play* (честной игры). Нарушитель – «шпильбрехер» (от нем. *spiel* – «игра»; *brecher* – «ломать») – убивает иллюзорный мир игры и разрушает ее.

4. Элемент напряжения в игре обеспечивает одновременно неуверенность в победе и шанс на нее. Победа возможна только при определенном усилии и этим ценна.

5. Игра объединяет и создает игровое сообщество, которое имеет тенденцию сохранять свой состав и после окончания игры и стремится подчеркивать свою избранность одеждой, обликом, атрибутикой («игра для нас, а не для других»).

6. Часто игра сопровождает праздник, культ, сферу сакрального и приобретает эти черты. Связи между красотой и игрой прочны и многообразны.

Й. Хейзенга рассмотрел тенденции, которые угрожали игре в XX в.: коммерциализация, принуждение, излишняя систематизация и строгая дисциплина (слишком много серьезного), «пуэрлизм» – ребячество, проявляющееся излишней потребностью в банальных развлечениях, жажде грубых сенсаций, массовых зрелищ. Он отмечал появление в XX в. «притворной игры» – использование внешней оболочки игры при сокрытии истинных целей и замыслов (как правило, политического и пропагандистского характера). Исследователь полагал, что из-за этих тенденций игра переживает упадок. Наш дальнейший анализ показывает, что в XXI в. она переживает не упадок, но трансформацию. Схожие выводы представлены в исследовании Т.В. Лисколенко [3].

В XXI в. внедрение игрового элемента в культуру становится частично управляемым человеком процессом. Считается, что термин «геймификация» (от англ. *game* – игра) вошел в обиход в 2000-х гг. Впервые его применил разработчик компьютерных игр Н. Пеллинг в 2002 г. Профессор Пенсильванского университета К. Вербах один из первых разработал принципы применения геймификации в бизнес-процессах,

реализовал соответствующий курс в университете (2012 г). По его мнению, игра для человека уже сама по себе вознаграждение, поэтому денежная мотивация не должна быть главной. Основным принцип внедрения игровых элементов в неигровой контекст – это создание вовлекающей среды, которая будет мотивировать участника на желаемые модели поведения. Геймификация определяется К. Вербахом как использование игровых элементов и игровых механик в неигровом контексте.

Неигровой контекст может быть разным, геймификация применима в любых областях, где необходимо повысить мотивацию людей к совершению каких-либо действий. Игры побуждают к решению рабочих задач, способствуют командной работе, придают «игрокам» чувство уверенности в себе, поощряют нестандартное мышление и др.

Игровые элементы включают правила, а также разнообразные предметы, атрибутику игры. Игровые механики – это базовые элементы игры (очки, рейтинги, бейджи) и стратегия. Очки, рейтинги и бейджи мотивируют, дают обратную связь, визуализируют достижения, но их использование не обеспечивает автоматического вовлечения игроков. Необходимо продумать стратегию, движущую игру. Эффективная стратегия должна базироваться на динамике, механике и компонентах.

Динамика отражает структуру игры, ее логику, сюжет и сюжетные «отрезки» – эпизоды, возможность действий участника на разных этапах игры. Механика – это действия, которые вовлекают в игру и двигают ее: вызовы, испытания, возможность накопления ресурсов, соревнование или сотрудничество между игроками, шанс (элемент случайности), обратная связь об успехах, вознаграждения, ходы, победа. Компоненты – это конкретная форма, которую принимают механика и динамика. Аватары, бейджи, «битва с боссом» (сложное испытание для перехода на новый уровень), доступ к контенту (открывается после набора показателей), очки, уровни, рейтинги, задания, подарки, виртуальные товары, возможность «постить» достижения в социальных сетях и др. Все элементы должны быть интегрированы с опорой на цели проекта, описание желательного поведения игроков, типов игроков и их мотивации, разработку циклов активности игроков, подбор развлечений для разных типов игроков, выбор инструментов. Важнейший компонент геймифицированной системы – учет типов игроков в зависимости от мотивации [4].

На основе анализа двух подходов были выявлены типовые признаки игры и геймификации. Они использовались для проведения анализа проникновения игровых элементов в разные сферы жизни социума XXI в.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа социосферы были разделены на два типа: области, где геймификация используется для «смягчения» принуждения, и области, где геймификация используется для усиления развлекательного элемента.

Рассмотрим геймифицированные социальные сферы первого типа.

1. Бизнес. Применение геймификации в сфере бизнеса обстоятельно проанализировано в книге К. Вербаха. Исследователь делит геймификацию на внешнюю и внутреннюю.

Внешняя геймификация нацелена на привлечение клиентов, повышение привлекательности бренда, рост прибыли. Она может быть представлена в разных видах: накопление баллов за покупки, получение баллов за прохождение игр на сайте (в приложении) производителя, участие в «игре» по сбору артефактов (фишек, картинок, фигурок). Попутно клиент может получать новую информацию о продукте. Собранные баллы и артефакты можно обменять на скидки, покупки, привилегии. Примеры таких проектов: «Сберспасибо», «Монополия» от «Макдональдса» (нужно заполнить игровое поле картинками, выдаваемыми за покупку на определенную сумму, в зависимости от картинки получаешь приз); «Яндекс “Плюс-сити”» (игра, где можно строить город, набирать баллы, тратить их в приложениях «Яндекса»); «Заврь» от «Пятерочки» (собери коллекцию динозавров за покупки и прими участие в розыгрыше призов, игра включает множество препятствий и уровней сложности) и др. В такого рода геймификации денежный мотив значимый, но не единственный – акцент в механике делается на вовлечение в процесс.

Внутренняя геймификация направлена на сотрудников компании и повышает эффективность труда. В качестве примера рассмотрим проект Р. Смита («Майкрософт») по тестированию сотрудниками диалоговых окон. К решению этой масштабной, но скучной задачи были привлечены специалисты организации из разных стран мира. За каждую найденную ошибку начислялись очки, по итогам составлялся общий рейтинг (первым стало представительство Японии). Сотрудники не только выполнили задачу, но и признали процесс увлекательным и затягивающим [2]. Внутренняя геймификация может применяться для отбора персонала (например, игра для отбора талантливых программистов Google Code Jam).

В качестве успешного проекта в управлении персоналом выделим геймифицированную платформу «Пряники»¹. На платформе можно подобрать игровой сценарий с учетом бизнес-задач и корпоративной культуры. Игровые механики объединены сюжетами в стиле яхтенной гонки, космического путешествия, строительства городов будущего. Их можно использовать для сбора идей, обучения сотрудников, получения обратной связи, совершенствования внутренней коммуникации.

Однако не все то, что разработчики называют геймификацией в области управления персоналом, является подлинной геймификацией. Если от баллов и рейтинга зависят зарплата, премия, возможность продолжения работы, вступает в действие принуждение и остается только внешняя атрибутика игры. В этой области существует большой риск превращения геймификации в «притворную игру». Залог эффективной внутренней геймификации, согласно К. Вербаху, – общая корпоративная этика, объединяющая сотрудников, а также тот факт, что сотрудники мотивированы достижением общественно значимой цели.

2. Образование. Элементы геймификации в образовании присутствовали в практиках XX в.: викторины, деловые игры, тесты. Признаки геймификации можно увидеть в кредитно-модульной системе в вузах. Тем не менее только в начале XXI в. данный процесс приобрел системный характер: многочисленные образовательные онлайн-курсы и приложения проектируются с учетом принципов геймдизайна. Геймификация рассматривается уже не как элемент учебного процесса, применяемый «по случаю», но как фундамент вовлечения, мотивации и обучения учеников. В числе подобных успешных проектов можно выделить Duolingo (платформа для изучения языков), Classcraft (образовательная ролевая игра в режиме онлайн, которую преподаватель может наполнить своим контентом), «Учи.Ру» (сайт дистанционного образования школьников), Khan Academy (платформа для изучения математики, истории, химии, программирования и др.), Kahoot (сервис для организации онлайн-викторин, тестов, игр) и др.

Исследователи выделяют принципы геймификации в образовании: автономность игрока, наличие единого сюжета-приключения, соревновательный элемент, постепенность прогресса (задания не должны быть слишком легкие или слишком сложные), быстрая обратная связь, привлекательный дизайн [5]. Для визуализации прогресса активно используют триаду «очки–бейджи–рейтинги». Контрольные и домашние задания приравнивают к «битве с боссом», прохождение которой дает переход на новый уровень. В качестве «вызовов» рассматриваются соревнования с другими учениками или командами, выполнение заданий на время за дополнительную награду и др.

Базовый принцип геймификации в образовании – ценность образования. Необходимо помнить, что основная цель – обучение знаниям, умениям и навыкам. Второй базовый принцип – свобода потерпеть неудачу, что можно интерпретировать как необходимость предусмотреть несколько попыток добиться успеха. Геймификация должна поощрять учащихся экспериментировать и пробовать снова, но некоторый риск должен присутствовать – так сохраняется «элемент напряжения», дихотомия «серьезно» – «шонарошку».

Баланс между серьезностью и развлечением – необходимое условие успешного гейм-проекта в образовании. В противном случае возникает риск подмены обучения игрой или снижения интереса к обучению.

3. Социальная геймификация. Внешняя геймификация может быть направлена на изменение поведения людей в социуме. Этот вид геймификации используется правительственными и общественными организациями при разработке программ, нацеленных на формирование у людей социально полезных навыков (например, лестница-пианино с целью стимулировать людей больше ходить пешком, музыкальный мусорный бак, контейнер-игровой автомат для сбора бутылок) [2]. Успешный проект, способствующий выработке у людей социально ответственного поведения, – платформа «Активный гражданин»³. Она представляет систему онлайн-опросов по темам, связанным с развитием Москвы и входящих в компетенцию органов исполнительной власти города. Результаты опросов могут учитываться при принятии решений о развитии города. За участие начисляются баллы, которые можно обменять на поощрения: купоны на посещение музеев, театров, приобретение товаров в аптеках и магазинах Москвы и др. В смежном проекте «Город идей» можно предлагать идеи по развитию столицы, в «Городе заданий» – выполнять задания на благо города.

¹ Пряники – геймифицированная платформа корпоративных коммуникаций. Что такое «Пряники». Режим доступа: <https://pryaniky.com/ru-pryaniky-as-service> (дата обращения: 05.05.2024).

² Skillbox Media. Игра – дело серьезное. Рассказываем про геймификацию. Режим доступа: https://skillbox.ru/media/management/igra_delo_seryeznoe_rasskazyvaem_pro_geymifikatsiyu/ (дата обращения: 05.05.2024).

³ Активный гражданин. О проекте. Режим доступа: <https://ag.mos.ru/about> (дата обращения: 05.05.2024).

Геймификация в сфере государственного управления относится к позитивным явлениям, но до тех пор, пока она содержит свободу выбора. Именно по этой причине китайскую систему социального кредита следует отнести к «псевдогеймификации»⁴. Она содержит множество внешних признаков геймификации, но не соответствует признаку добровольности.

Геймификация в социальных сферах второго типа особенно проявляется в искусстве.

1. Визуальная новелла – жанр интерактивного искусства на стыке литературы и кино. К его прародителям можно отнести книги-игры Х.Л. Борхеса, И. Кальвино, Х. Кортасара, Дж. Фаулза [6].

Оболочка визуальной новеллы – компьютерная игра с ярко выраженным сюжетом. Происходящее на экране сочетает действие с большим количеством текста. История чаще всего рассказывается от первого лица и поделена на «главы». Игрок-читатель должен следить за сюжетом и принимать участие в его развитии. Степень участия может быть разной: от выбора последовательности реплик героев до выбора линии сюжета. В некоторых новеллах выбор, сделанный «читателем», влияет на концовку. За принятие некоторых решений нужно платить баллами – валютой игры. Их можно потратить на улучшение внешнего вида персонажа (выбор наряда может влиять на отношение к персонажу других героев, способность формировать социальные связи и просить о помощи).

При таком подходе игрок-читатель становится «центром» сюжета, управляющим миром новеллы. По мотивам успешных визуальных новелл выпускают книги, формируются сообщества последователей (например, «Клуб романтики», «Бесконечное лето»).

2. Геймификация музейных практик осуществляется в трех направлениях:

1) размещение на сайте музея, платформе, приложении викторин, интерактивных игр – платформа Google Arts&Culture позволяет посетить в режиме онлайн ведущие музеи мира, сохранить понравившиеся шедевры – создать «собственную» коллекцию, а также, помимо интерактивных игр, дает возможность по фотографии найти своего «двойника» в мире искусства;

2) вовлечение в сообщество за счет системы клубных карт, накопления баллов, а также проведения акций по типу «Я пошел в МоМА и...» – Музей современного искусства в Нью-Йорке МоМА предлагал посетителям записать, нарисовать на бумаге свои впечатления от посещения музея, листки затем размещались в музее и в сети «Интернет»; проект стал вирусным – посетителям очень понравилось оставлять записи;

3) трансформация статичной экспозиции в пространстве музея в динамичное действие посредством:

- участия посетителей в «истории», ролевой игре, квесте – проект «Оживший парк» (парк «Южные культуры», Адлер), квест «Спаси мир от ядерной угрозы» в канадском музее-бункере Diefenbunker;

- через манипуляцию с экспонатами – в Музее СССР (Сочи) можно посидеть за партией в советской школе, «сходить на дискотеку», поиграть в советские игровые автоматы и пр., в научных музеях (Немецкий музей в Мюнхене, музей Рахми М. Коча в Стамбуле, Музей криптографии в Москве) проводятся инсталляции производственных и технических процессов, допускаются манипуляция посетителей с приборами, мини-эксперименты;

- через виртуальные манипуляции с экспонатами с применением AR- и VR-технологий – на экспонат наносят специальные метки, посетитель наводит на них смартфон и получает дополнительную информацию: так, дополненная реальность в Музее искусства и истории Женевы позволяет увидеть поврежденные античные статуи «восстановленными», а в Британском музее с использованием AR-технологий проводят игру для детей «Подарок Афины»^{5,6}.

3. Основной тренд геймификации в киноиндустрии – вовлечение зрителя, формирование у него ощущения нахождения в центре сюжета, возможности влияния на повествование. В 2018 г. на Netflix вышел интерактивный эпизод сериала «Черное зеркало». В реперных точках сюжета на экране всплывает табло с двумя вариантами того, как следует поступить главному герою. Зритель при помощи курсора выбирает решение, в зависимости от которого идет развитие сюжета. Предусмотрена возможность возврата «на шаг назад»⁷.

⁴Сысоев Т. Цифровая карма: как будет работать система социального кредита в Китае. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60e5ca569a7947a00440ba11> (дата обращения: 05.05.2024).

⁵Образовательный проект «Геймификация в музее». Технологии и форматы геймификации музейного опыта. Режим доступа: https://vk.com/@gamification_in_museum-urok-2 (дата обращения: 05.05.2024).

⁶MW 2015: Museums and the Web 2015. BoW Title: A Gift for Athena. Режим доступа: <https://mw2015.museumsandtheweb.com/bow/a-gift-for-athena/index.html> (дата обращения: 05.05.2024).

⁷Сухагузов М. Как дойти до всех концовок «Черного зеркала»: Бандерснэтч: пошаговый гид. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/cinema/10999-kak-doyti-do-vseh-koncovok-chernogo-zerkala-bandersnetch-poshagovyy-gid/> (дата обращения: 05.05.2024).

Иммерсивность (от англ. *immersion* – «погружение», «вовлечение»), тренд, отражающий потребность современного человека быть вовлеченным, приводит к порождению новых продуктов во многих сферах. Еще большее погружение предусматривает иммерсивное кино с использованием технологий виртуальной и дополненной реальности, 360-градусного видео, многоканального звучания, световых эффектов. Для погружения используются VR-шлем, VR-очки, VR-перчатки. В российском иммерсивном фильме «Эффект Кесслера» зритель – член команды космического корабля – должен спасти мир от катастрофы, принимая решения, как поступить, кого из героев спасти, а кого отправить рисковать жизнью ради общей цели. От этого зависит финал. Рекламный слоган фильма – «Стань главным героем этой истории».

4. В театральной сфере также появился иммерсивный спектакль – вид спектакля, в котором зритель становится участником театрального действия, может взаимодействовать с актерами, влиять на ход сюжета. Возможна разная степень активности зрителя. Некоторые спектакли предусматривают выборочное взаимодействие со зрителями на усмотрение актеров, в других есть специальные люди, активирующие пассивных участников, и наоборот. Агрегатор иммерсивных мероприятий в Москве: предлагает «шкалу иммерсивности»: визуальная составляющая, аудиальная составляющая, воздействие на органы чувств, возможность влияния зрителя на сюжет, взаимодействия с актерами, зрителей друг с другом, перемещения⁸. Возможность перемещаться по разным помещениям и взаимодействовать с актерами рождает опцию многообразного прочтения – спектакль становится гипертекстом.

Одна из первых иммерсивных постановок – спектакль *Sleep No More* британского театрального коллектива *Punchdrunk* (2009 г.). Она проходила в пятиэтажном особняке, по которому зрителям предлагалось перемещаться и взаимодействовать с персонажами на манер прохождения компьютерной игры. С этого момента иммерсивные шоу стали появляться в разных странах.

Корни «вовлекающего» театра заложены в XX в. экспериментами А. Луначарского, П. Керженцева, В. Меерхольда, но появление иммерсивных спектаклей приходится на начало XXI в. [7]. Представляется, что это ответ на изменившиеся в связи с трансформацией культуры запросы аудитории: потребность быть самому автором «текста» (следствие клиповости культуры) [8]. Как следствие, высокую оценку иммерсивные спектакли чаще получают со стороны молодежи – поколения, чье восприятие информации носит характер клипового⁹. Кроме того, к разновидностям иммерсивных спектаклей относятся иммерсивные экскурсии¹⁰.

5. Геймификация активно используется и в информационной сфере. Средства массовой информации (далее – СМИ) XX в. применяли традиционные игровые технологии: головоломки, викторины, тесты, розыгрыши призов. Вместе с тем отложенная обратная связь традиционных СМИ затрудняла развитие геймификации. С появлением новых интернет-технологий все изменилось. Интернет-СМИ активно внедряют систему баллов, бейджей, рейтингов для привлечения и удержания аудитории. За вклад в развитие сайта (просмотры, комментарии, публикации, голосования) начисляются очки и определяется уровень репутации автора на ресурсе. Баллы можно конвертировать в подарки и скидки. Чем больше достижений у пользователя, тем более он влиятелен в сообществе. Статус пользователя может влиять на возможность его действий на сайте (комментарии других пользователей, возможность пригласить нового, голосовать) [9].

Геймификация становится новой формой репрезентации контента в СМИ. Такой контент служит целям пиара издания, привлечения новой аудитории и увеличения вовлеченности уже имеющейся. Геймификацию используют для привлечения внимания к какому-либо событию, к социальной проблематике [10]. Так, в 2014 г. телекомпания *Al Jazeera* создала и выложила на своем сайте игру «Пиратская рыбалка»: пользователю предлагалось взять на себя роль репортера и провести независимое расследование о незаконной рыбной ловле в Сьерра-Леоне. В основе игры лежит документальное расследование, проведенное репортерами издания. Игрок поэтапно открывает данные, исследует улики, продвигается по сюжету, собирает очки и бейджи. Проект привлек большое количество новых пользователей на сайт и «конвертировал» их в постоянных посетителей¹¹.

⁸ Иммерсивный.ру – все об иммерсивных театрах и шоу. Шкала иммерсивности. Режим доступа: <https://immersivny.ru/rate/> (дата обращения: 05.05.2024).

⁹ Рубникович М. Ушли с головой. Что такое иммерсивный театр и как его понимать. Режим доступа: <https://iz.ru/871741/maria-rubnikovich/ushli-s-golovoi-cto-takoe-immersivnyi-teatr-i-kak-ego-ponimat> (дата обращения: 05.05.2024).

¹⁰ Иммерсивные экскурсии в Москве. Режим доступа: <https://experience.tripster.ru/experience/Moscow/36804-immersivnye/> (дата обращения: 05.05.2024).

¹¹ Media Toolbox. Пуля В. Геймификация СМИ: новости, в которые играют люди. Режим доступа: <http://mediatoolbox.ru/blog/geymifikatsiya-smi-novosti-v-kotoryie-igrayut-lyudi/> (дата обращения: 05.05.2024).

6. Социальные сети. Сама область уже представляет подобие игры: каждый «игрок» имеет рейтинг, измеряемый в количестве подписчиков, лайков, репостов. Его можно повышать, создавая привлекательный контент и продвигая себя через сообщество. Личная страничка обладает потенциалом расширения и накопления социального капитала.

Игровую механику можно использовать для продвижения как персональной странички (жизнь как проект), так и бизнес-идей. Геймифицированный контент характеризуется наличием типовых игровых механик: правил, ограничений, системы мотивации, поощрения, бонусов, отслеживания результатов. Выделяют [11]:

- игры, побуждающие пользователей увеличивать показатели взаимодействия с контентом: тесты, опросы, викторины, ребусы;
- игры, увеличивающие количество механических воздействий на экран (сделать «скрин» экрана, «поймать» нужный предмет на экране);
- игры, нацеленные на втягивание пользователя в интерактивный процесс (набор бонусов за задания, растянутый во времени);
- игры, увеличивающие рейтинг контента через побуждение пользователей делать отметки о нем в личном аккаунте.

Геймифицированный контент позволяет вовлечь аудиторию и повлиять на рейтинг в сети (есть методики расчета уровня вовлеченности аудитории).

По результатам анализа составлена таблица типовых черты геймификации и специфики их проявления в практиках XXI в. (таблица).

Таблица

Типовые черты геймификации и специфика их проявления в практиках XXI века

Игра по Й. Хейзенги	Геймификация по К. Вербаху	Наличие (+) или отсутствие (–) признака в практиках XXI века, специфика
Свободное действие; Самостоятельное принятие решения о вступлении в игру; Принуждение убивает игру	Свободное действие	+ Отсутствие свободы действия маркирует псевдогеймификацию
Мотив: удовольствие; Коммерциализация убивает игру	Мотив: удовольствие и вовлечение; Игра уже награда	+, – Мотив может включать выгоду (маркетинговые акции, банки), получение документа (в образовании), но он не должен быть основным и единственным; Два типа геймификации: для усиления мотивации развлечения и для усиления мотивации выполнения обязанностей
Дихотомия «понарошку» – «серьезно»; Риски: излишняя систематизация и строгая дисциплина либо пуэрлизм	Дихотомия «понарошку» – «серьезно»	+ Риск «слишком серьезного» в сферах, связанных с должностванием; Риск пуэрлизма в развлекательных сферах; Излишнее вовлечение может стимулировать шпильбрехера, разрушить игру
Элемент напряжения	Выигрывают не все, шанс, элемент случайности	+ Соблюдение баланса «легко–сложно»; Степень напряжения зависит от области; Многовариантные системы рейтинга, несколько попыток прохождения «игры», несколько победителей; Множественность прочтений рождает гипертекст

Игра по Й. Хейзенги	Геймификация по К. Вербаху	Наличие (+) или отсутствие (-) признака в практиках XXI века, специфика
Время, место, повторяемость; Правила; Fair play	Игровые компоненты, элементы, механики; Баллы, рейтинги, бейджи; Fair play	+ Игровые механики – основа геймификации; Управляемый процесс
Создает сообщество	Создает сообщество	+ Управляемый процесс создания сообщества
Сакральность	Параметр не представлен	+ Проявляется как «Я – создатель сюжета, мира»
Эстетическая привлекательность	Геймдизайн	+
Типы игроков: выделен только шпильбрехер, другие не описаны	Необходимо учитывать типы игроков по мотивации	+ Выделяют типы игроков в зависимости от области разработки вариативной мотивации

Составлено авторами по материалам исследования

Результат анализа разнообразных социосфер показал, что игровой элемент в культуре XXI в. сохраняет свои базовые характеристики. Вместе с тем появляется специфика, связанная с развитием новых технологий. Процесс внедрения игры в культуру становится управляемым человеком. В разнообразных сферах синтез неигрового контекста, игровых механик и современных технологий приводит к формированию новых продуктов. Некоторые характеристики и параметры игры становятся более проработанными (типы игроков, игровые элементы), но база остается неизменной. Игра по-прежнему характеризуется как свободное действие, участие в игре – уже награда, несоблюдение дихотомии «серьезно–понарошку» приводит к ее разрушению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс геймификации в XXI в. интенсифицировался под влиянием цифровых технологий и управляемых практик. Влияние геймификации на разные социосферы будет возрастать, проявляясь как запрос индивидов на интерактивность, вовлечение, иммерсивность в разных видах деятельности. Потребность в геймификации усиливается в связи с формированием клиповой культуры, облегчая потребителям усвоение разрозненных, фрагментарных кусочков информации. В результате будет происходить трансформация когнитивных потребностей людей XXI в. Тенденции будут нарастать, формируя соответствующий запрос на подачу информации у молодого поколения.

Управляемая и регулируемая геймификация содержит множество плюсов для общества в области образования, профессиональной деятельности, формирования социально ответственного поведения ее членов. Риски дальнейшего внедрения «гейм»-элементов в культуре можно определить как:

- 1) формирование излишней поверхностности, гиперориентация на развлечения у молодежи в тех областях, которые традиционно предполагают прикладывание усилий (образование, работа);
- 2) использование «гейм»-элементов в тех областях, которые связаны с принуждением – работа, учеба, власть, – может носить манипулятивный характер.

Список литературы

1. Хейзенга Й. Homo ludens. Человек играющий. Пер. с нидер. Сильвестров Д.В. СПб: Азбука; 2022. 400 с.
2. Вербах К., Хаитер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. Пер. с англ. Кардаш А. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2015. 160 с.
3. Лисколенко Т.В. Экзистенциальное поле игры Й. Хейзинги. Философия. Грани. 2014;10.
4. Bartle R.A. Designing Virtual Worlds. New Riders; 2003. 768 p.

5. Гимельштейн Е.А., Годван Д.Ф., Стецкая Д.В. Применение инструментов геймификации в образовании. Бизнес-образование в экономике знаний. 2020;3(17):32–34.
6. Бычкова О.А., Никитина А.В. Жанры интерактивной литературы в аспекте современной культуры и практики видеоигр. Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2021;4(113):19–26. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.113.4.003>
7. Мельникова Н.С., Садьрина Д.А. Иммерсивный театр как инновационный феномен в сфере досуга. Вестник Тюменского государственного института культуры. 2020;4(18): 88–92.
8. Авдеева А.П., Сафонова Ю.А. Универсальные характеристики клиповой культуры. Вестник университета. 2023;6:186–194. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-186-194>
9. Карпикова И.С., Артамонова В.В. Привлечение аудитории к цифровым СМИ с помощью элементов геймификации. Вопросы теории и практики журналистики. 2018;4(7):599–614. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(4\).599-614](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(4).599-614)
10. Карпенко И.И., Лобановская Е.Ю. Геймификация в современной российской интернет-журналистике. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2019;2:263–269. <https://doi.org/10.18413/2075-45742019-38-2-263-269>
11. Коврижных О.Е., Коврижных Л.И. Геймификация контента как инструмент продвижения бизнеса в социальных сетях. Вестник Академии знаний. 2021;6(47):197–199. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-6-197-199>

References

1. *Huizinga J.* Homo ludens. Trans. from Dutch Silvestrov D.V. St. Petersburg: Azbuka; 2022. 400 p. (In Russian).
2. *Werbach K., Hunter D.* For the Win. How Game Thinking Can Revolutionize Your Business. Trans. from Eng. Kardash A. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2015. 160 p. (In Russian).
3. *Liskolenko T.V.* Existential field of J. Huizinga's games. *Philosophiya Grani*. 2014;10. (In Russian).
4. *Bartle R.A.* Designing Virtual Worlds. New Riders; 2003. 768 p.
5. *Gimelshtein E.A., Godvan D.F., Stetskaya D.V.* Application of gamification tools in education. *Business Education in Economics of Science*. 2020;3(17):32–34. (In Russian).
6. *Bychkova O. A., Nikitina A.V.* Interactive literature genres in the aspect of modern culture and video games practice. *Bulletin of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*. 2021;4(113):19–26. (In Russian). <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.113.4.003>
7. *Melnikova N.S., Sadyrina D.A.* Immersive theater as an innovative phenomenon in the sphere of leisure. *Tyumen State University Herald*. 2020;4(18):88–92. (In Russian).
8. *Avdeeva A.P., Safonova Yu.A.* Universal characteristics of clip culture. *Vestnik universiteta*. 2023;6:186–194. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-186-194>
9. *Karpikova I.S., Artamonova V.V.* Tracting Audience to Digital Media Using Gamification Elements. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2018;4(7):599–614. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(4\).599-614](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(4).599-614)
10. *Karpenko I.I., Lobanovskaya E.Yu.* Gamification in the modern Russian Internet-journalism. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2019;2:263–269. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2075-45742019-38-2-263-269>
11. *Kovrizhnykh O.E., Kovrizhnykh L.I.* Gamification of content as a business promotion tool in social networks. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021;6(47):197–199. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-6-197-199>

Трансгуманизм, менеджеризм и специальная военная операция на Украине

Ковалев Виталий Владимирович

Д-р социол. наук, проф. каф. отраслевой и прикладной социологии
ORCID: 0000-0002-8439-3117, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Проанализированы две наиболее значимых для современного западного мира идеологии – трансгуманизм и менеджеризм. Изучение данной проблематики осуществлено в контексте выявления взаимосвязи между поддержкой западными элитами Украины и трансформационными процессами, которые проходят в странах Европейского союза и Северной Америки. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить, какие социальные изменения на Западе приводят к образованию барьеров, препятствующих мирному урегулированию российско-украинского конфликта. В работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также компаративный метод научного познания. В качестве прикладного метода сбора эмпирической информации использовался анализ документов: изучение информационных порталов, сайтов государственных органов власти и неправительственных организаций. В результате исследования сделаны следующие выводы. Идеология трансгуманизма в странах Европейского союза и Северной Америки ориентирована на создание «общества избранных». Применение трансгуманизма и менеджеризма ведет к существенному повышению управляемости социумом за счет ускорения распада традиционных социальных связей. Трансформация западного социума повышает его уязвимость из-за незавершенности изменения социальных ценностей и внутреннего противодействия трансгуманизму и менеджеризму. Специальная военная операция на территории Украины используется в целях усиления интеграционных процессов на Западе.

Ключевые слова

Менеджеризм, трансгуманизм, идеология, социальное управление, конфликт на Украине, коллективный Запад, социальные ресурсы

Для цитирования: Ковалев В.В. Трансгуманизм, менеджеризм и специальная военная операция на Украине // Вестник университета. 2024. № 8. С. 185–194.

Transhumanism, managerism and the special military operation in Ukraine

Vitaly V. Kovalev

Dr. Sci. (Sociol.), Prof. at the Industrial and Applied Sociology Department
ORCID: 0000-0002-8439-3117, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

The article analyzes two ideologies that are the most important for the modern Transhumanism and managerialism as two ideologies most significant for the modern Western world have been analyzed. The study of these issues was carried out in the context of identifying the relationship between the Western elites' support for Ukraine and the transformation processes that are taking place in the European Union and North America. The purpose of the study is to determine what social changes in the West lead to forming barriers to the peaceful resolution of the Russian-Ukrainian conflict. The work applied general scientific methods of analysis and synthesis, as well as the comparative method of scientific cognition. Document analysis was used as an applied method of collecting empirical information (the study of information portals, state authorities' and non-governmental organizations' websites). As the study result, the following conclusions have been made. The transhumanism ideology in the countries of the European Union and North America is focused on creating a "society of the chosen". The transhumanism and managerialism application leads to a significant increase in society manageability by accelerating traditional social ties disintegration. Western society transformation increases its vulnerability due to incomplete change of social values and internal resistance to transhumanism and managerialism. The special military operation on the territory of Ukraine is used to strengthen integration processes in the West.

Keywords

Managerialism, transhumanism, ideology, governance, conflict in Ukraine, collective West, social resources

For citation: Kovalev V.V. (2024) Transhumanism, managerism and the special military operation in Ukraine. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 185–194.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем исследовании авторам хотелось бы дать ответ на вопрос о том, почему западные страны с таким энтузиазмом включились в боевые действия на территории Украины и всячески препятствуют их прекращению. С начала проведения специальной военной операции (далее – СВО) Российская Федерация (далее – РФ, Россия) предприняла несколько инициатив прямого контакта с руководством Украины по выходу из конфликтной ситуации (Стамбульские соглашения). Однако переговорный процесс в результате противодействия части западных элит был приостановлен, были созданы институциональные барьеры для его возобновления на текущем этапе.

Широкомасштабные боестолкновения продолжаются. Вот уже более двух лет военные операции проходят практически на всей линии боевого соприкосновения: от устья Днепра до восточных окраин Харьковской области. Невзирая на многочисленные мирные инициативы российского руководства, финальной стадии конфликта пока не видно. Складывается ощущение, что определенная часть западной элиты – именно та, которая принимает основные управленческие решения, – заинтересована в безусловном продолжении СВО (нельзя отрицать вероятность мотива решить свои внутренние проблемы). На такие мысли наталкивают высказывания ряда европейских политиков, в том числе тех, которые своим статусом обязаны преодолевать, а не разжигать конфликты. Примером подобного милитаризма выступает позиция Ж. Борреля, главы европейской дипломатии. На конференции «Европа и мир» он сказал следующее: «Я знаю, как быстро закончить боевые действия. Если я перестану поддерживать Украину, это закончится капитуляцией украинцев. Разве мы хотим, чтобы все закончилось именно так? Я думаю, что нет»¹. Еще более откровенным главный дипломат Европейского союза (далее – ЕС, Евросоюз) был в интервью французской газете L'Obs: «Внезапно мы снова слышим, что Украина не может победить и что поддержки Запада не будет. И снова соблазны примирения всплывают на поверхность. Эти идеи были ошибочными в 2022 г. и остаются ошибочными сегодня»².

Западная пресса наполнена риторикой войны, представления о неизбежности которой постепенно проникают во все сферы международных отношений. Так, 22 октября 2023 г. мировые средства массовой информации вышли с заголовками: «НАТО: сотрудничество России и Китая повышает риск конфликта в Арктике»³. Почему сотрудничество Китая и России в Арктике неизбежно ведет к войне? Соединенные Штаты Америки (далее – США) уже решили, что Арктика – и не только она – является их вотчиной. Мир для западных стран – это резервуар, где хранятся их ресурсы. Некоторые они уже используют, некоторые лишь ждут своей очереди.

В подобных установках отражается концепция неокOLONиализма. Нельзя сказать, что его идеи на каком-то этапе развития международных отношений ушли в прошлое, а сейчас неожиданно вернулись в мировую политику. Это было бы неправильно. Некоторое время Запад не акцентировал на них свое внимание в столь категоричной и откровенной форме. Колониальные амбиции представлялись в форме заботы о культурном развитии не западного мира. Однако война на Украине во многом изменила риторику, сделав ее предельно откровенной. В значительной степени это проистекает от ряда трансформационных процессов, существенно изменивших внутренний облик ЕС и США. Через оценку этих перемен будет раскрываться предметное поле данного исследования.

Истоки западного глобализма являются логическим продолжением идей превосходства, основанных на технологическом и информационном доминировании западных европейцев и США. Однако эти старые установки в новых условиях не исчерпывают всю полноту вопроса. Европа и США находятся на пороге фундаментальных внутренних трансформаций. Именно эти изменения выступают прямым фактором беспрецедентной агрессивности западного мира на Украине, нежелания идти на переговоры и страха перед поражением.

Предметно настоящее исследование построено на поиске взаимосвязи между изменениями в западном мире и его непримиримостью в отношении украинского конфликта. С учетом вышесказанного цель статьи заключается в том, чтобы определить, какие трансформационные процессы на Западе приводят

¹ Боррель предсказал капитуляцию Украины при одном условии. Режим доступа: <https://ukraina.ru/20231025/1050462967.html> (дата обращения: 11.05.2024).

² Морозова А. Боррель назвал ошибочными идеи о возможном перемирии сторон конфликта на Украине. Режим доступа: https://www.forbes.ru/society/505238-borrel-nazval-osibocnymi-idei-o-vozmozhnom-peremirii-storon-konflikta-na-ukraine?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 11.05.2024).

³ Пламенев И. В НАТО увидели риски в Арктике из-за «растущих связей» России и Китая. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/22/10/2023/6534c396a79471a9b6ba1f7> (дата обращения: 11.05.2024).

к образованию барьеров, препятствующих мирному урегулированию войны на Украине. Не касаясь всей полноты проблемы, попробуем разобраться с вопросом о роли идеологий трансгуманизма и менеджериализма в утверждении агрессивной позиции коллективного Запада против России.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические основы выстроены на идеях, изложенных в работе Б. Латура «Пересборка социального» [1]. Данное исследование применялось для конструирования модели современного западного общества, в котором основные социальные процессы перестраиваются под воздействием произвольных идентичностей, созданных как результат преодоления расовых, этнических, гендерных, имущественных и классовых дифференциаций. Б. Латур не использует термины «трансгуманизм» и «менеджеризм», но они удачно дополняют суть его концепции относительно способности современного западного социума к саморегуляции.

В работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также компаративный метод научного познания. В качестве прикладного метода сбора эмпирической информации использовался анализ документов: изучение информационных порталов, сайтов государственных органов власти и неправительственных организаций.

ИДЕОЛОГИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ

Трансгуманизм возник как философское учение о расширении возможностей человека за счет внесения таких усовершенствований в его биологическую природу, которые позволят взять под управление законы эволюции. Первоначально трансгуманистические проекты разрабатывались учеными и писателями-фантастами [2; 3]. Однако в начале XXI в. феномен постепенно превращается в идеологию, так как его идеи стали инструментами государственного воздействия на общественное сознание [4; 5]. Поскольку идеология традиционно связана не столько с сущностями, сколько с управлением, основная цель трансгуманизма состоит в расширении возможностей элиты управлять социумом в условиях сокращения ресурсов и снижения социальной значимости человека.

Трансгуманизм можно свести к двум позициям – создание максимально комфортной среды для жизни (социальный аспект) и замена социобиологической природы человека на социотехническую (технологический аспект).

1. Создание максимально комфортной среды для жизни (социальный аспект). В сознание современного западного обывателя переносится комплекс установок, формирующих убежденность в том, что западный мир основан на началах исключительности, а принадлежность к нему гарантирует обретение безграничных возможностей. Принадлежность к сообществу «избранных» искусственно поддерживается за счет умелой пропаганды. Это формирует условия для развития социального конформизма. Страх потерять статус избранного притупляет волю к сопротивлению. В связи с этим сопричастность к этому миру используется как источник манипуляций социальным поведением. «Европа – это сад, мы создали этот сад... Все здесь работает, это лучшая комбинация политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности. Остальной мир – это не совсем сад. Большая часть остального мира – это джунгли. А джунгли могут вторгнуться в сад»⁴.

Однако идеология трансгуманизма не рассматривается исключительно как привилегия здесь и сейчас живущих европейцев. Это так называемый экспортный продукт, который продается для привлечения внимания определенной части незападного мира. «Мы привилегированные люди, мы создали комбинацию трех вещей – политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности. Но мы не можем претендовать на выживание в качестве исключения»⁵. Возникает вопрос – зачем нужно экспортировать идею «райского сада», если очевидно, что в современном мире на всех не хватит ресурсов. Ответ на него лежит в плоскости процессов, протекающих в западном мире. Эти процессы напрямую связаны с организацией максимально комфортной среды для жизни, но с пониманием того, что незападный мир должен стать своеобразной батареей, подпитывающей основные социальные процессы в «райском саду».

⁴ Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями. Режим доступа: https://www.m24.ru/news/politika/13102022/511147?utm_source=СоруBuf?utm_source=СоруBuf (дата обращения: 11.05.2024).

⁵ Там же.

Поясним данную мысль, отталкиваясь от двух особенностей современного западного социума – падение качества социальных ресурсов и опережающий рост потребностей населения относительно ресурсных возможностей государства. Эти особенности являются следствием ценностей трансгуманизма и одновременно социальными условиями, в которых данные ценности реализуются.

1.1. Падение качества социальных ресурсов. Деградации прежде всего подвержены такие виды ресурсов, как интеллектуальный, мотивационный, демографический. В странах ЕС и Северной Америки воспроизводить именно их становится все сложнее. Резкое снижение рождаемости деформирует демографический ресурс, снижение интереса к активной трудовой деятельности и создание высокого качества социальной жизни (комфорта) препятствуют росту мотивационного и интеллектуального ресурсов.

В качестве примера необратимой интеллектуальной деградации на Западе можно привести ситуацию с отбором на должность учителей математики в провинции Онтарио, Канада. В соответствии с требованиями «новой повестки» по борьбе с дифференциациями учителя в средние школы отбираются по принятым квотам по цвету кожи. Однако общественность, обратив внимание на существенное снижение качества математического образования, забила тревогу, связывая это с ухудшением профессиональных качеств педагогов. Эти опасения были подтверждены результатами тестирования, которые показали, что учителя негроидной расы выполняют тестовые задания в среднем на 70,3 %, а европеоидной – 90,51 %⁶. Дело перешло в высшую судебную инстанцию. Вопреки здравому смыслу Верховный Суд провинции Онтарио принял Постановление о сохранении существующих квот, так как, по его мнению, негативные последствия от ухудшения математической подготовки неизмеримо меньше, чем эффекты, связанные с отказом от политики расовой дегрегации. Очевидно, что данное решение имеет сугубо политический характер и не просчитывает потенциальное ухудшение качества образования.

Мы показали лишь частный случай. Данная модель реализуется на всех уровнях образования, включая квоты на прием в высшую школу. Дело не только в квотах. По всем направлениям государственной политики в сфере образования социальная эффективность приносится в жертву социальной справедливости понимаемой крайне односторонне.

Ухудшение мотивационного ресурса в западных странах традиционно связывается с реализацией идеи «государства всеобщего благоденствия». Для объяснения этого процесса в научный оборот постепенно входит термин «паразитический класс» [6]. Государство проявляет настолько сильную опеку по отношению к самым широким слоям общества, что значительная часть социума теряет всякую мотивацию к труду. Этот вывод можно пояснить на примере Нидерландов. В стране проживают 7 млн трудоспособных чел. в возрасте от 18 до 65 лет, из них 1 млн чел. находятся на полном жизнеобеспечении государства [7]. Значительная часть политического истеблишмента сознательно проводит такую политику, поощряя социальный паразитизм в целях расширения собственного электората [8].

Относительно сокращения демографического ресурса существует огромное количество литературы, в которой доминируют алармистские тенденции. Проблема «вымирания» коренных европейцев настолько очевидна, что общественный и научный дискурс по данному вопросу слились воедино: и по основательности в презентации доказательственной базы, и по согласованности в оценках глубины кризисных явлений. Оставаясь в границах академических правил, сошлемся на данные Евростата – источник, который обладает максимально возможной степенью достоверности. В 2021 г. на одну женщину в странах ЕС приходилось 1,53 рождений⁷. Ни одна из стран Евросоюза не достигла рубежной отметки в два рождения. Даже такое государство, как Норвегия, где социальное обеспечение одно из лучших в мире, имеет результат 1,55, то есть всего лишь на две сотых выше медианного. Как видим, высокий уровень жизни и наличие твердых государственных гарантий не решают демографических проблем. По поводу будущего Европы существует множество разного рода спекуляций. Безусловным следует признать тот факт, что европейцы стремительно стареют, что низкие темпы роста были бы еще ниже без учета прироста популяции среди некоренных жителей, что рождаемость и далее продолжит падение все более быстрыми темпами.

Если 40–50 лет назад в Европе имело место перемещение социальных ресурсов из одной страны в другую, то в настоящее время обеспечение необходимого качества жизни и экономического развития

⁶ Ontario Teacher Candidates' Council v. The Queen, 2021, ONSC 7386. Режим доступа: <https://www.otffeo.on.ca/en/wp-content/uploads/sites/2/2021/12/2021-12-16-OTCC-v-Ontario-FINAL-signed-by-all.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).

⁷ Eurostat. Statistics. Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DEMO_FIND__custom_684440/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=2343b920-02c9-480b-9854-4195c16a17bf (дата обращения: 11.05.2024).

реализуется посредством миграции из развивающихся стран. За счет собственных усилий воспроизводить все необходимые виды социальных ресурсов Запад уже не в состоянии, что повышает вероятность снижения в будущем качества жизни. Это ставит под угрозу сохранение его привлекательности для мигрантов в будущем. Вот почему Ж. Боррель пишет о том, что Запад не может выжить в условиях самоизоляции. Он находится в ресурсной зависимости от остального мира и просто обязан давать мигрантам нечто большее, чем мытье посуды в закусочных и уборка мусора на улицах. Снижение привлекательности – это путь к вымиранию, и в данном случае уже не только демографическому. Такова цена деиндустриализации, падения рождаемости, ухудшения качества образования, поощрения социального паразитизма.

1.2. Опережающий рост потребностей населения относительно ресурсных возможностей государства. Это вторая характерная черта современного западного социума в условиях реализации идеологии трансгуманизма. Потребление в западном мире из категории необходимости переместилось в категорию излишеств. Поскольку ценности в этой культуре по преимуществу имеют материальный характер, тренд на потребительство выступает ее квинтэссенцией. Потребитель на Западе приучен к определенным стандартам жизни. Снижение их по тем или иным причинам потенциально несет за собой высокие риски утраты социальной стабильности.

Решить эту проблему можно за счет внешней экспансии и усиления эксплуатации развивающихся стран. Неизбежность данного вектора следует из сокращения ресурсных возможностей стран Запада. Особенно это становится заметно на примере социальных, технологических и сырьевых видов ресурсов. Общество приобретает все признаки, свойственные социальному паразиту – обменные процессы с контрагентами из других регионов лишены эквивалентного характера, отсюда объективный рост устремлений к неокOLONIALИЗМУ и глобализму. НеокOLONIALИЗМ – это идеология грабежа развивающихся стран невоенными инструментами. Глобализм обеспечивает институциональные возможности для осуществления грабежа, обосновывая легитимность этого процесса через новую нормальность.

Таким образом, общество, построенное на началах трансгуманизма, не в состоянии обеспечивать себя всем необходимым объемом ресурсов. Уже сейчас коллективный Запад находится в зависимости от остального мира. Россия в таких обстоятельствах воспринимается как субъект политики, способный бросить вызов неэквивалентной системе распределения ресурсов.

2. Замена социобиологической природы человека на социотехническую (технологический аспект). Над этим инструментом наука еще работает, но как способ управления сознанием он уже действует. В перспективе избранному человечеству обещают бессмертие, победу над болезнями, замену биологических органов искусственными, но легко заменяемыми приборами и т.п. Властями широко не афишируется, но обществом самим воспроизводятся страхи и фобии, вызванные перспективами чипирования, иными способами подключения сознания к компьютеру, а в недалеком будущем и к искусственному интеллекту [9; 10]. Побочным эффектом бессмертия с высокой степенью вероятности станет тотальная управляемость общественным поведением. Достижение этого этапа снимет все вопросы об уязвимости западного мира. Однако тотальная управляемость – это удел будущего. Сейчас еще нет таких технологических возможностей. В связи с этим западный мир стремится к удержанию сложившегося равновесия, подавляя протесты от государств, которые не имеют пропуска в «клуб избранных».

Изменение природы человека – это не столько гуманистический акт, сколько следствие трансформаций в экономике западных стран. В настоящее время наблюдается превышение численности населения относительно реальных потребностей производства. Вопиющей особенностью стран-паразитов следует считать избыток населения с точки зрения его необходимости для поддержания значимых социальных процессов. В основном в этих странах производятся услуги, а потребности в материальных товарах удовлетворяются за счет механизма вывоза технологий в регионы с развивающимися экономиками. Такая модель потребления ведет к истощению ресурсной базы и потенциально таит в себе угрозы дестабилизации общественных отношений. Любой кризис, потеря каналов доставки товаров грозят разрывом устоявшихся социальных связей. Правительствам этих стран немалых усилий стоит поддержка хрупкого равновесия в экономике, что постепенно ведет к росту денежной массы, не подкрепленной объемом товаров. Однако в природе не должно быть слишком много паразитов – то же самое верно и в отношении общества. Народонаселение в развитых странах объективно требуется сокращать, поэтому снижение рождаемости становится целенаправленной политикой.

Особую актуальность данная проблема получила в последние несколько лет, когда очередная технологическая революция поставила вопрос о необходимости собственно самого человека [11]. В недалеком будущем высока вероятность того, что за людей большинство работ будут выполнять автоматы. На первых этапах научно-технической революции развитие технологий меняло масштаб вовлеченности людей только в производство товаров. Это радикально преобразовало социальную структуру в промышленно развитых странах. Благодаря своим диспозиционным преимуществам по отношению к бедным странам основная масса трудовых ресурсов в Северной Америке и в Западной Европе перешла в сферу услуг. Самым многочисленным социальным слоем оказался средний класс. Сектор услуг стал локомотивом экономического развития, достигая 70–80 % в структуре валового внутреннего продукта. Западный мир превратился в сообщество менеджеров для развивающихся стран, куда ушли остатки производства.

Однако новый этап развития технологий в виде повсеместного распространения искусственного интеллекта порождает риски сокращения уже непосредственно в сфере услуг. Под угрозу ликвидации попадают целые профессии. Это касается как профессий низкой квалификации, так и требующих всесторонней подготовки. Между тем это последняя ниша, куда могут переместиться трудовые ресурсы, – деиндустриализация не оставила иного выбора. Таким образом, в развитых странах человеческий фактор резко снизил свое значение для воспроизводства социального богатства. Тот объем людей, который имеется сейчас, для экономики скоро станет избыточным, а для государственного бюджета – обременительным. Правительства Северной Америки и ЕС уже сейчас нацелены на сокращение рождаемости. Агрессивную политику популяризации движения ЛГБТ (признано экстремистским на территории РФ) следует рассматривать именно в этом контексте.

Сами по себе люди не исчезнут. Какой-то период времени мы станем свидетелями поиска некоего паритета между экономической целесообразностью и социальной справедливостью. В любом случае выживание западного мира будет зависеть от его способности пользоваться ресурсами всей остальной планеты, включая такой важнейший ресурс, как интеллектуальный, без которого невозможно поддержание привлекательности западного общества для потенциальных мигрантов. Уязвимость позиций США и Западной Европы резко повышает потребность в использовании технологий управления массовым сознанием. Идеология трансгуманизма как концепция сообщества «избранных» – это идеальный инструмент управления обществом. Она выступает важнейшим фактором социальной консолидации власти и социума, включая готовность людей к безусловному принятию любых идей.

ИДЕОЛОГИЯ МЕНЕДЖЕРИЗМА КАК СПОСОБ ДЕФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Вторая базовая идеология современного Запада – менеджери́зм – исторически возникла как способ повышения эффективности в корпоративном бизнесе. Сам по себе менеджери́зм никак не связан ни с трансгуманизмом, ни с СВО. Цель его применения в крупных коммерческих организациях состояла в повышении мотивации работников среднего и нижнего звена, работающих в условиях отчужденности от конечных результатов труда. Однако потенциальные возможности менеджери́зма оказались привлекательными и с точки зрения перспектив повышения эффективности социального управления. С начала 1980-х гг. эта идеология начинает оказывать свое воздействие на общественные отношения в западных странах [12].

Неочевидная связь менеджери́зма с трансгуманизмом отчетливо проявляется по целям принятия этой управленческой идеологии.

1. Отказ от целей в пользу целевых показателей – потеря способности понимать ориентиры социального развития. Результат проявляется в том, что профессионалы (врачи, преподаватели, учителя, военные, государственные служащие) отчуждаются от результатов труда и превращаются в винтик системы, выполняя строго определенную функцию. Важна не социальная деятельность с точки зрения ее полезности, но лишь промежуточные итоги. Общие цели становятся уделом элит. Конечная, но не очевидная на поверхностном уровне цель – повышение управляемости обществом.

2. Создание иерархии приказов – разрушение бюрократии среднего уровня. Эти приказы передаются по иерархии от вышестоящего «эффективного» менеджера к нижестоящему. В полном соответствии с принципами менеджери́зма сама управляемая организация и ее устройство не имеют значения – их можно бесконечно оптимизировать (сокращать штаты), перестраивать организационные формы или

полностью ликвидировать. Допустим любой вариант из перечисленного, если «эффективный» менеджер оказывается способным обеспечить выполнение определенных свыше количественных показателей. Работники любой организации превращаются в легкозаменяемые винтики механизма по обеспечению целевых ориентиров развития [13].

3. Удар по профсоюзам и академическому сообществу – разрушение гражданского общества. Менеджеризм изначально принимался для ликвидации профессиональных организаций как неоптимальных управленческих структур, поддерживающих устойчивые социальные точки опоры для профессионалов. Ликвидация этих опор позволила элитам осуществить атомизацию субъектов профессиональной деятельности.

Менеджеризм – это тотальная управленческая идеология, которая адресована ко всем видам профессиональной деятельности. Его социальное значение состоит в повышении управляемости общества, что обеспечивается разрывом связи между деятельностью профессионала и осознания им социального предназначения своей деятельности (цели разбиваются на показатели, в которых собственно сами цели и функции атрофируются). Менеджеризм подобно трансгуманизму в краткосрочной перспективе порождает управляемый хаос. Дальнейший этап – полное подчинение контролю элит всех сфер общества.

Итак, идеологии трансгуманизма и менеджеризма нацелены на повышение потенциала управляемости социумом в условиях сокращения на Западе ресурсной базы и снижения социальной ценности человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постараемся дать ответ на вопрос, поставленный во введении и сформулированный как цель исследования, – почему специальная военная операция на территории Украины не заканчивается. Ориентиром станут не все процессы, которые имеют значение для поиска ответа, но лишь рассмотренные в данной работе.

Так называемый мировой порядок, в разрушении которого в связи с событиями на Украине западные страны обвиняют Россию, – это политические инструменты сохранения западного гегемонизма, который сложился после распада Советского Союза. Данное событие вызвало у части мирового сообщества ожидания, связанные с построением новой модели международных отношений, в которой коммуникация между государствами будет выстроена на основе общечеловеческих ценностей и равноправного партнерства между народами. Эти идеи подпитывались ощутимым снижением остроты конфликтов на международной арене, обусловленным перемещением арбитражных функций по их разрешению в сторону западного мира.

Возвышение его роли объяснялось не только статусом победителя в «холодной» войне с Советским Союзом и его сторонниками. Не меньшее значение имела и так называемая «моральная правота западной системы», сумевшая доказать большую жизнеспособность в производстве и потреблении ресурсов. Западный мир обеспечил своему населению небывалый уровень жизни, показал эффективность политических институтов демократии и продуктивность экономической конкуренции, доказал возможность защиты прав и свобод человека через механизмы национальной судебной системы и созданные по его инициативе неправительственные организации с судебными прерогативами.

Все эти достижения предоставили ему моральное право осуществлять арбитраж в международных отношениях с широким предметным спектром вмешательства во внутренние дела других стран. Однако монополия на истину ведет к неразборчивости в выборе средств. В итоге, помимо легитимных инструментов, в новой геополитической реальности практически одновременно со становлением однополярности широко стали применяться методы, по своему содержанию близкие к террористическим: устранение неудобных политиков, инициирование «цветных» революций, развязывание войн с другими государствами под надуманными предлогами. Коллективный Запад, оказавшись вне системы социального контроля, не смог удержаться от искушения воспользоваться своими позиционными преимуществами. Нарушение суверенных прав других государств стало общим правилом современных международных отношений. Тот факт, что это делается во имя достижения «высших целей», не меняет существо проблемы: западные страны не справились с ролью мирового жандарма.

Подобная ситуация вынуждает ряд государств пересмотреть действующий мировой порядок, в котором США и его союзники из Западной Европы присвоили себе монополию на интерпретацию международного права и применение санкций за его реальное или мнимое нарушение. На международной арене в последние два десятилетия появилось несколько самостоятельных игроков. Диспозиция политического пространства изменилась, и ряд крупных стран готовы бросить вызов Западу.

Положение усугубляется тем, что западный мир стремительно трансформируется – он уже совсем не похож на себя образца 1980-х гг., когда получил монопольную власть в мировой политике. Его амбиции на лидерство не имеют достаточного подтверждения. На Западе нет технологического и военного превосходства над всеми остальными странами, монополии на университетское образование, доминирования в темпах экономического развития и т.п. Более того, глубокую трансформацию претерпели ценности западного общества, что в наиболее однозных проявлениях заметно на примере института семьи. Пропаганда движения ЛГБТ (признано экстремистским на территории РФ), отказ от дихотомичной природы гендера, дискредитация статуса родителей вызывают глубокое непонимание во всем остальном мире, радикально меняя отношение к Западу. Если еще не так давно он был образцом для подражания, то сейчас у многих вызывает устойчивое отторжение. Его социальные эксперименты оцениваются как радикальные и даже опасные, в них видят угрозы распада тех оснований, благодаря которым поддерживалась социальная устойчивость любого общества: наука, образование, семья.

В условиях этой нестабильности проведение СВО на территории Украины воспринимается на Западе как проверка прочности своей ресурсной базы, готовности противостоять тем странам, которые бросили вызов их доминированию. Если трансгуманизм и менеджеризм – это идеологии, повышающие управляемость обществом в условиях нарастания кризисных процессов, то СВО нужна коллективному Западу именно для тех же целей, ради которых реализуются данные феномены. Боевые действия поддерживаются, чтобы повысить управленческий потенциал противостояния кризису собственной идентичности.

Современный трансгуманизм представляет сплав из радикального либерализма и социал-демократии, который создается через борьбу с дифференциациями в форме пародии на коммунизм, но на платформе буржуазных ценностей. Этот идеологический гибрид настолько радикален, что сам по себе он не найдет поддержки в ценностных представлениях современных европейцев. Нужны столь же радикальные меры по изменению сознания. Вовлечение американцев и европейцев в прокси-войну против России используется именно для того, чтобы ускорить отказ западного общества от социальных установок консерватизма. Эта война по замыслу ее инициаторов должна ускорить внутренние интегративные процессы, протекающие по руслу борьбы против так называемых дифференциаций: гендерных, расовых, этнических, классовых, имущественных. Исходной целью запланировано формирование принципиально нового общества без прочных идентичностей. Именно к этому ведет и идеология менеджеризма, нацеленная на отчуждение от результатов своего труда, разрушение профессиональной идентичности, превращение работников в бесправные винтики производственной системы.

СВО на территории Украины – это катализатор решения внутренних реформ. Однако эта функция достигнет максимальной реализации лишь в условиях полной победы над Россией. Поражение может привести не только к распаду коллективного Запада, но и к возрастанию веры мировой оппозиции (Китай, Россия, Индия и др.) в способность покончить с его гегемонизмом. Страх проиграть войну проистекает от уязвимости современного Запада, который занят вопросами переустройства своей социальной реальности. Он не может показать слабость, иначе потеряет привлекательность для жаждущих попасть туда мигрантов. В условиях деградации социального капитала это станет для него катастрофой. Как и прежде, боевые действия лоббируются оборонной промышленностью – такова исходная природа капитализма. В конечном итоге решения всегда принимают политики. В настоящее время в западном мире появилось новое поколение политиков, которые принимают решения и под влиянием потребностей военно-промышленного комплекса, и ввиду стремления к войне из идеологических соображений. При таких обстоятельствах СВО кажется бесконечной, и из-за грома пушек дипломатию не слышно.

Список литературы

1. *Латуф Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики; 2014. 384 с.
2. *Белобрагина А.С.* Трансгуманизм и постгуманизм: два пути навстречу постчеловеку. Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023;3:136–143.
3. *Bostrom N.* A History of Transhumanist Thought. *Journal of Evolution and Technology.* 2005;14:1–25.
4. *Фрумкин К.Г.* Дискуссии о трансгуманизме и постгуманизме как симптом рождения нового общества. Свободная мысль. 2023;3:31–44.
5. *Fukuyama F.* Transhumanism. *Foreign Policy.* 2004;144:42–43.

6. Орлова Е.В. Феномен социального паразитизма в современном обществе: социально-философские аспекты. Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет; 2008. 24 с.
7. Черкасова Т.В. Трансформация социальной защиты населения в европейских странах. *Контентус*. 2018;1(66).
8. Малахов А.А. Концепция государства всеобщего благосостояния в контексте левых идеологических учений. Теории и проблемы политических исследований. 2021;5A(10):92–99.
9. Сомова И.Ю., Ипатова К.С., Амелченко А.Я. Биодигитальная конвергенция как инструмент трансгуманизма: методы и цели антропологического перехода. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2023;3(14).
10. Pruski M. What Demarks the Metamorphosis of Human Individuals to Posthuman Entities? *New Bioeth*. 2019;1(25):3–23. <https://doi.org/10.1080/20502877.2019.1564003>
11. Румянцев А.Г. Общество, право и грядущий мир роботов: вместе с людьми или вместо? Сравнительное конституционное обозрение. 2023;6(157):4–32.
12. Казанцев О.А. «Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы. *Caucasian Science Bridge*. 2023;1:96–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>
13. Ковалев В.В., Дятлов А.В. Идеология менеджериализма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение. *Вестник университета*. 2023;7:24–32. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>

References

1. Latour B. *Reassembling the Social. Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow: Higher School of Economics; 2014. 384 p. (In Russian).
2. Belobragina A.S. Transhumanism and posthumanism: two ways towards posthuman. *Economical and Social-Humanitarian Research*. 2023;3:136–143. (In Russian).
3. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. *Journal of Evolution and Technology*. 2005;14:1–25.
4. Frumkin K.G. Discussions about transhumanism and posthumanism as a symptom of the birth of a new society. *Svobodnaya Mysl*. 2023;3:31–44. (In Russian).
5. Fukuyama F. Transhumanism. *Foreign Policy*. 2004;144:42–43.
6. Orlova E.V. Phenomenon of social parasitism in modern society: Social and philosophical aspects. *Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Philos.)*: 09.00.11. Rostov-on-Don: Southern Federal University; 2008. 24 p. (In Russian).
7. Cherkasova T.V. Transformation of social protection of the European countries population. *Контентус*. 2018;1(66). (In Russian).
8. Malakhov A.A. Concept of the welfare state in the context of left ideological doctrines. *Theories and Problems of Political Studies*. 2021;5A(10):92–99. (In Russian).
9. Somova I.Yu., Ipatova K.S., Amelchenko A.Ya. Bio-digital convergence as a tool of transhumanism: methods and goals of anthropological transition. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023;3(14). (In Russian).
10. Pruski M. What Demarks the Metamorphosis of Human Individuals to Posthuman Entities? *New Bioeth*. 2019;1(25):3–23. <https://doi.org/10.1080/20502877.2019.1564003>
11. Rumyantsev A.G. Society, law and the coming world of robots: together with humans or instead of? *Comparative Constitutional Review*. 2023;6(157):4–32. (In Russian).
12. Kazantsev O.A. “Managerization” of general education: to the statement of the problem. *Caucasian Science Bridge*. 2023;1:96–103. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>
13. Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik universiteta*. 2023;7:24–32. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>

Социологический мониторинг вовлеченности студенческой молодежи в процессы регионального социально-экономического развития в современном российском обществе

Танина Мария Алексеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0001-7311-6280, e-mail: margo10@inbox.ru

Юдина Вера Александровна

Канд. экон. наук, зав. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0001-9835-9430, e-mail: vayudina@fa.ru

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Пенза, Россия

Аннотация

Студенческая молодежь является наиболее творчески активной, креативной, способной выдвинуть новые идеи и реализовать перспективные проекты социально-демографической группой населения страны и региона. В связи с этим роль студенческой молодежи в процессах социально-экономического развития региона и страны в целом является ключевой. При этом данная группа требует разработки и реализации четкой, системной и эффективной политики в области образования, культуры, социально-экономического, профессионального становления, а также механизмов вовлечения в процессы регионального социально-экономического развития с целью сохранения и дальнейшего развития человеческого капитала. Представлены результаты проведенного в 2023 г. социологического опроса студентов вузов и колледжей Российской Федерации (N = 1,560 тыс. чел.) со всех федеральных округов. По результатам проведенного социологического мониторинга было выявлено, что значительная часть студентов целенаправленно не интересуется и не отслеживает информацию о деятельности публичных органов власти и не вовлечена в процессы регионального социально-экономического развития. Уровень осведомленности и взаимодействия студенческой молодежи с региональными молодежными организациями невысоки. Более трети студентов в должной степени не информированы о деятельности данных организаций, а их вовлеченность составляет не более 11 %. С целью повышения уровня вовлеченности студенческой молодежи в процессы регионального социально-экономического развития в современном российском обществе авторами разработаны методические рекомендации по реализации вовлекающих мероприятий.

Для цитирования: Танина М.А., Юдина В.А. Социологический мониторинг вовлеченности студенческой молодежи в процессы регионального социально-экономического развития в современном российском обществе // Вестник университета. 2024. № 8. С. 195–204.

Ключевые слова

Вовлеченность, студенческая молодежь, социально-экономическое развитие региона, региональные органы власти, молодежные организации, гражданское участие, вовлекающие мероприятия

Sociological monitoring of student youth involvement in regional socio-economic development processes in modern Russian society

Maria A. Tanina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management, Informatics and General Humanities Department
ORCID: 0000-0001-7311-6280, e-mail: margo10@inbox.ru

Vera A. Yudina

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Management, Informatics and General Humanities Department
ORCID: 0000-0001-9835-9430, e-mail: vayudina@fa.ru

Penza Branch of the Financial University Under the Government of the Russian Federation, Penza, Russia

Abstract

Student youth is the most creatively active, creative, able to put forward new ideas and implement promising projects social-demographic group of the population of the country and the region. In this regard, the student youth role in the processes of socio-economic development of the region and the country as a whole is key. At the same time, this socio-demographic group requires development and implementation of a clear, systematic, and effective policy in the field of education, culture, socio-economic and professional development, as well as mechanisms of involvement in the processes of regional socio-economic development in order to preserve and further develop human capital. The results of the sociological survey of students of Russian universities and colleges (N = 1.560 thousand people) from all federal districts conducted in 2023 have been presented. According to the sociological monitoring results, it has been revealed that a significant part of students is not purposefully interested in and does not track information about the activities of public authorities and is not involved in the processes of regional socio-economic development. The level of awareness and interaction of student youth with regional youth organizations is low. More than a third of students are not properly informed about the activities of these organizations, and their involvement is no more than 11 %. In order to increase the level of student youth involvement in the processes of regional socio-economic development in modern Russian society, the authors have developed methodological recommendations for engaging activities implementation.

Keywords

Engagement, student youth, regional socio-economic development, regional authorities, youth organizations, civic engagement, involving activities

For citation: Tanina M.A., Yudina V.A. (2024) Sociological monitoring of student youth involvement in regional socio-economic development processes in modern Russian society. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 195–204.

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с наметившимися демографическими тенденциями и прогнозами Федеральной службы государственной статистики в ближайшие годы будет происходить сокращение численности молодежи. При этом молодежь является стратегическим ресурсом регионов и страны в целом, который обеспечивает наиболее эффективную реализацию трудовых функций в частном и государственном секторах экономики, а также выступает основой воспроизводства населения. Сокращение ее численности в будущем может привести к значительному снижению наиболее трудоспособных, креативных и инициативных трудовых ресурсов и эффективности воспроизводственных процессов, а также к нарастанию импортозависимости российской экономики.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации (далее – РФ, Россия) от 29 ноября 2014 г. № 2403-р к демографической группе «молодежь» относятся люди в возрасте от 14 до 30 лет, иногда до 35 лет и старше¹. К категории студенческой молодежи относятся лица в возрасте от 15 до 25 лет, обучающиеся в колледжах или вузах.

При этом социально-экономическое, общественно-политическое, профессионально-трудовое положение, духовный мир студенческой молодежи находятся на этапе формирования. Вследствие процессов формирования зрелой личности молодежь в большей степени подвержена и внутренним, и внешним миграционным процессам. При этом может произойти отток значительной части человеческого капитала из провинциальных регионов в столичные и в другие страны.

Процессы взросления, формирования личности, социализации, нравственного развития студенческой молодежи происходят в регионах РФ как целостных единицах федеративной системы. При этом молодежь является ключевой движущей силой регионального развития, обладающей интеллектуальным, креативным и репродуктивным потенциалом. В связи с вышеизложенными аргументами можно заключить, что особую актуальность приобретают вопросы социологического мониторинга вовлеченности студенческой молодежи в процессы регионального социально-экономического развития и механизмы повышения данной вовлеченности.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Студенческая молодежь является наиболее творчески активной, креативной социально-демографической группой населения страны и региона, способной выдвинуть новые идеи и реализовать перспективные проекты. В связи с этим ее роль в процессах социально-экономического развития региона и страны в целом является ключевой². При этом данная группа требует разработки и реализации четкой, системной и эффективной политики в области образования, культуры, социально-экономического, профессионального становления, а также механизмов вовлечения в процессы регионального социально-экономического развития с целью сохранения и дальнейшего развития человеческого капитала^{3,4}.

Цель настоящего исследования – проведение анализа уровня вовлеченности студенческой молодежи России в процессы регионального социально-экономического развития в современном обществе с целью разработки механизмов участия в экономических, образовательных, культурных проектах на уровне региона.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Зарубежные авторы начали уделять внимание проблеме гражданского участия в процессах социально-экономического развития региона и страны еще с 1960–1970-х гг. [1; 2]. При этом вовлечение населения в процессы принятия управленческих решений на региональном уровне способствует формированию информационной открытости деятельности региональных органов власти и установлению институционального доверия населения к властным структурам [3–6].

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/?ysclid=lvj2ol9y9t80228075 (дата обращения: 16.05.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/?ysclid=lejd2wm5gv859454745 (дата обращения: 16.05.2024).

³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/?ysclid=lejcz0andi616909285 (дата обращения: 16.05.2024).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/?ysclid=lejd44yipz884413014 (дата обращения: 16.05.2024).

В России изучение вопросов участия граждан в процессах реформирования и развития социально-экономической сферы региона и страны началось в 1990-е гг., что обусловлено перестройкой экономики на рыночные рельсы и формированием нового гражданского общества и класса собственников [7]. В отечественном научно-практическом дискурсе вовлеченность молодежи в процессы регионального социально-экономического развития рассматривается в нескольких аспектах. Некоторые авторы изучают и анализируют формы и методы участия молодых людей в жизни региона, другие разрабатывают инструменты вовлечения и регулирования деятельности молодежи в сфере регионального управления, третьи анализируют психологические, культурные, национальные, религиозные и иные особенности личности молодых людей и то, как они влияют на проявление гражданской активности [8–10]. Также некоторые авторы изучают мотивы, которые обуславливают различную положительную гражданскую активность молодежи (общественная, волонтерская деятельность и др.) [11].

Вовлеченность студенческой молодежи в процессы регионального социально-экономического развития представляет участие молодого населения в возрасте от 15 до 25 лет в процессах принятия решений и их реализации на региональном и местном уровнях в области экономики, социальной политики, культуры, демографии, а также возможность оценки и контроля эффективности деятельности региональных и местных органов власти.

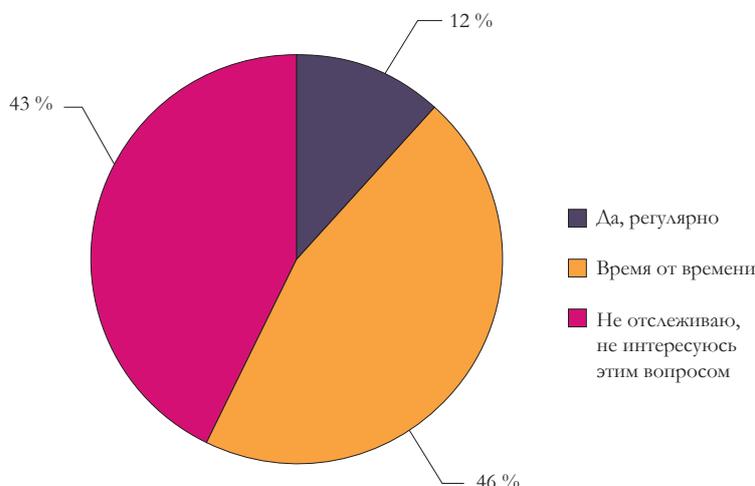
ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании использовались качественные и количественные методы. На первом этапе применялся метод анализа литературных источников отечественных и зарубежных авторов с целью обобщения подходов к формированию понятия вовлеченности студенческой молодежи в процессы регионального социально-экономического развития и выявления факторов формирования данного социального явления и методов его измерения и оценки.

На эмпирическом этапе исследования использовался электронный анкетный опрос 780 студентов российских вузов и 780 студентов российских колледжей (всего 1,560 тыс. чел.), образовательные организации расположены в 41 субъекте РФ. Опрос респондентов осуществлялся с помощью электронной анкеты, размещенной в открытом доступе на платформе Google Формы. С целью обобщения результатов анкетного опроса и формирования выводов применялся метод индукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При проведении всероссийского социологического опроса студенческой молодежи РФ по вопросам вовлеченности в процессы регионального социально-экономического развития респондентам задавался вопрос о том, интересуются ли они деятельностью публичных органов власти (рис. 1).

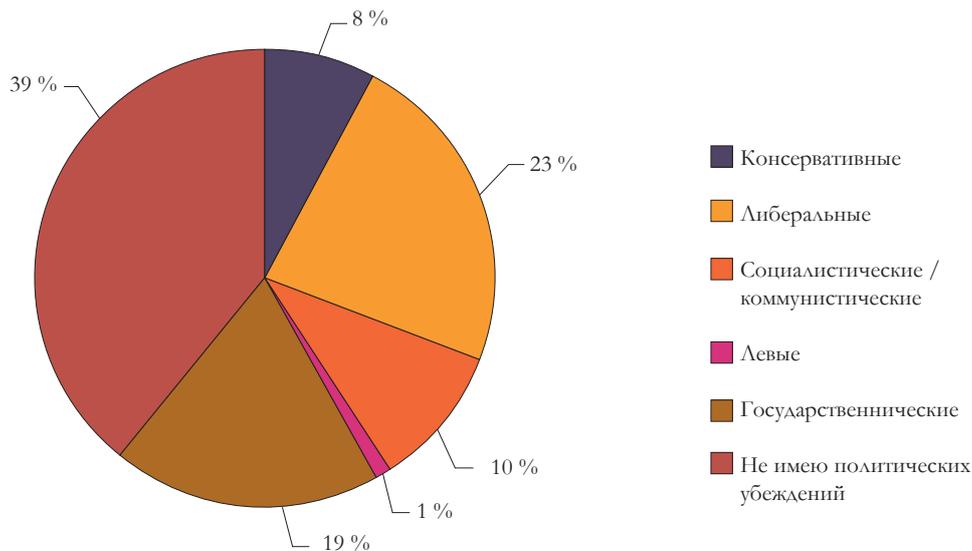
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Интересуетесь ли Вы деятельностью публичных органов власти?»

Большая часть студенческой молодежи России (45,51 %) время от времени интересуется деятельностью органов власти и изучает определенную информацию о данном аспекте. В то же время значительная часть (42,56 %) не интересуется вопросом и не отслеживает информацию, и лишь 11,92 % регулярно интересуется деятельностью органов власти. Следовательно, большая часть студентов вузов и колледжей в РФ целенаправленно не интересуется и не отслеживает деятельность публичных органов власти.

Также респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале уровень доступности информации о деятельности органов власти. Среднее значение уровня доступности информации (рассчитанное как среднеарифметическое) составило 4,1 балла, что свидетельствует о достаточно высоком уровне, однако имеются проблемы с вовлеченностью и желанием молодых людей искать и изучать данную информацию, ее важностью, соответствием запросам молодежи, способностью вызвать интерес, размещением в наиболее удобных сетевых информационных пространствах.

Политические убеждения студенческой молодежи России отражены на рис. 2.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Охарактеризуйте Ваши политические убеждения»

Большая часть респондентов (38,91 %) не имеют политических убеждений, 22,5 % имеют либеральные политические убеждения, 19,29 % – государственнические, 10,19 % – социалистические. Следовательно, значительная часть студенческой молодежи не имеет четких политических убеждений, редко обсуждает политические вопросы с друзьями, знакомыми, родственниками. Политические убеждения у молодых людей находятся на стадии формирования, интерес к политическим вопросам чаще всего появляется в 25–30 лет, когда человек начинает жить самостоятельно, решать проблемы и различные бытовые вопросы.

В табл. 1 представлен уровень осведомленности студентов российских вузов и колледжей о проводимых национальных и федеральных проектах, касающихся молодежи.

Таблица 1

Уровень осведомленности студентов российских вузов и колледжей о проводимых национальных и федеральных проектах, касающихся молодежи

Наименование проекта	Информирован о реализации данного проекта, %	Информирован и знаю детально мероприятия, реализуемые в ходе данного проекта, %	Участвую в данном проекте, %	Не информирован о данном проекте, %
Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»	48,46	3,59	4,87	43,08

Наименование проекта	Информирован о реализации данного проекта, %	Информирован и знаю детально мероприятия, реализуемые в ходе данного проекта, %	Участвую в данном проекте, %	Не информирован о данном проекте, %
Федеральный проект «Социальная активность»	45,00	1,86	4,68	48,46
Национальный проект «Образование»	50,77	3,78	3,53	41,92
Федеральный проект «Развитие системы поддержки молодежи («Молодежь России»)»	49,62	4,42	3,40	42,56
Федеральный проект «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)»	47,31	4,62	1,86	46,22
Федеральный проект «Цифровая образовательная среда»	55,38	4,62	1,15	38,85
Среднее значение по всем проектам	49,42	3,81	3,25	43,51

Составлено авторами по материалам исследования

Более 40 % опрошенных студентов вузов и колледжей РФ информированы о федеральных и национальных проектах, при этом детальную информацию о мероприятиях проектов знают не более 4,7 %, от 38,88 до 48,46 % не знают о реализации данных проектов. Наибольшие доли опрошенных молодых людей участвуют в федеральных проектах «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (4,87 %) и «Социальная активность» (4,68 %), в остальных проектах задействованы менее 3,5 %. На основе полученных ответов можно сделать вывод о том, что имеются значительные потенциальные возможности, в том числе на базе образовательных организаций, а также с применением цифровых социально-коммуникационных технологий, по информированию и вовлечению студенческой молодежи в реализацию национальных и федеральных молодежных проектов.

С целью оценки вовлеченности студенческой молодежи в социально-экономические процессы респондентам задавался вопрос об уровне их осведомленности и взаимодействии с региональными организациями по делам молодежи (табл. 2).

Таблица 2

Уровень осведомленности и взаимодействие студенческой молодежи РФ с региональными организациями по делам молодежи

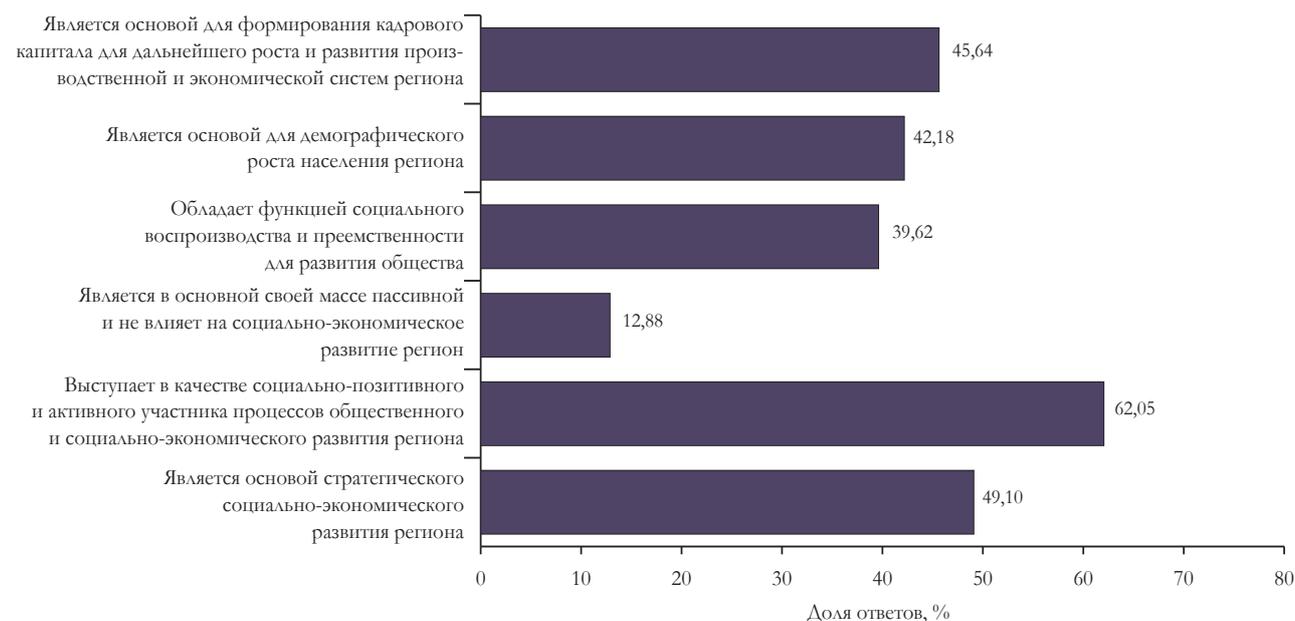
Наименование организаций	Информирован о деятельности данной организации, %	Взаимодействовал с данной организацией, %	Не информирован о деятельности данной организации, %	Хотел бы взаимодействовать с данной организацией, %
Молодежные клубы и центры	53,21	10,06	32,12	4,62
Отдел (комитет) по делам молодежи (молодежной политике) региона	43,97	9,17	40,32	6,54
Молодежные спортивные клубы и центры	57,76	6,47	31,03	4,74
Центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи	54,10	5,51	34,81	5,58

Наименование организаций	Информирован о деятельности данной организации, %	Взаимодействовал с данной организацией, %	Не информирован о деятельности данной организации, %	Хотел бы взаимодействовать с данной организацией, %
Социально-досуговые центры детей и молодежи	61,41	4,87	29,42	4,29
Молодежный центр планирования семьи	47,69	4,55	43,14	4,62
Телефонная служба доверия и психологической помощи	66,92	3,91	24,68	4,49
Центр молодежного предпринимательства	46,86	3,91	43,85	5,38
Центр развития физической культуры и спорта детей и молодежи	60,58	3,78	31,09	4,55
Молодежный бизнес-инкубатор	46,73	3,72	44,04	5,51
Социальная служба (центр) для молодежи	51,35	3,65	39,55	5,45
Центр социально-психологической, правовой помощи молодежи	57,18	2,69	32,82	7,31
Центр (агентство) по профориентации и трудоустройству (занятости) молодежи/ молодежная биржа труда	53,21	2,69	36,67	7,44

Составлено авторами по материалам исследования

На основе полученных ответов респондентов можно сделать вывод о том, что значительная часть (в среднем 53,92 %) студенческой молодежи России информирована о деятельности молодежных организаций в собственном регионе. Однако более трети респондентов (в среднем 35,66 %) не осведомлены о данных организациях и не взаимодействовали с ними. Уровень вовлеченности студенческой молодежи России в деятельность региональных молодежных организаций также невелик – не более 11 %.

Роль молодежи в жизни региона по мнению обучающихся российских вузов и колледжей представлена на рис. 3.

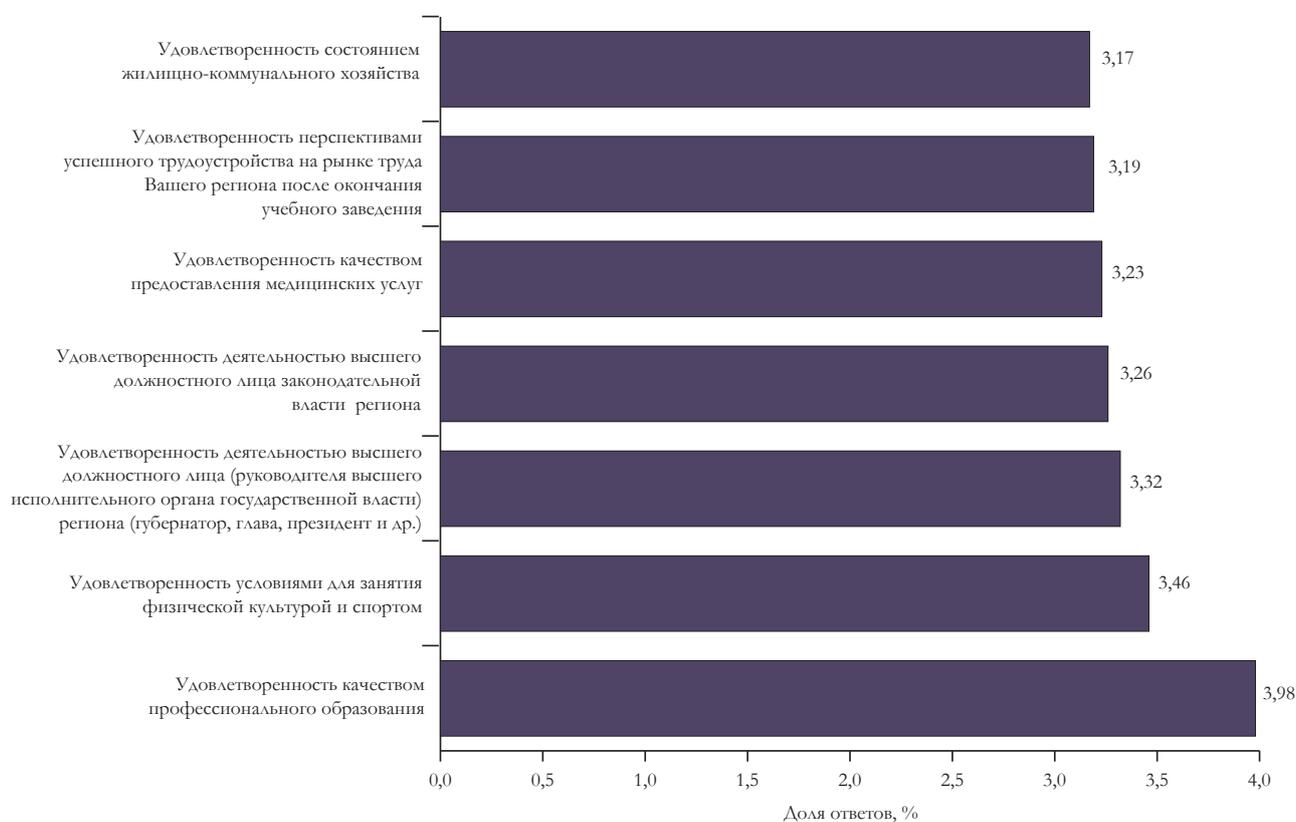

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Мнение опрошенных молодых людей о роли молодежи в социально-экономической жизни регионов (допускалось более одного ответа)

Из распределения ответов следует, что большая часть опрошенных (62,05 %) считают, что молодежь выступает в качестве социально-позитивного и активного участника процессов общественного и социально-экономического развития региона, 49,1 % называют молодежь основой стратегического социально-экономического развития региона, 45,64 % – основой для формирования кадрового капитала для дальнейшего роста и развития производственной и экономической систем, 42,18 % – основой для демографического роста населения региона. Следовательно, подавляющее большинство опрошенных студентов вузов и колледжей РФ осознают серьезную роль молодежи в жизни и развитии субъекта. По их мнению, она является драйвером стратегического социально-экономического развития региона, социального и демографического воспроизводства и преемственности для развития общества.

Далее проводилась оценка уровня удовлетворенности студенческой молодежи параметрами работы высших властных структур региона, качеством медицинских, образовательных, жилищно-коммунальных услуг, условиями для занятия физической культурой и спортом и перспективами успешного трудоустройства на региональном рынке труда после получения образования (рис. 4).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Уровень удовлетворенности студентов вузов и колледжей РФ параметрами работы высших властных структур и социальных услуг в регионе по пятибалльной шкале Лайкерта

По данным рисунка видно, что удовлетворенность студенческой молодежи РФ параметрами работы высших властных структур и социальных услуг в регионе по пятибалльной шкале Лайкерта не превышает четырех баллов по всем предложенным для оценки параметрам. Наименьшие оценки получили такие параметры, как состояние жилищно-коммунального хозяйства, перспективы успешного трудоустройства на региональном рынке труда и качество медицинских услуг. Следовательно, необходимо реализовать ряд мероприятий по повышению уровня информированности и институционального доверия студенческой молодежи на региональном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного социологического мониторинга было выявлено, что значительная часть студентов целенаправленно не интересуется и не отслеживает информацию о деятельности публичных органов власти, а также не вовлечена в процессы регионального социально-экономического развития. При этом был отмечен достаточно высокий уровень доступности информации о деятельности органов власти. Однако имеются проблемы с вовлеченностью и желанием молодых людей искать и изучать данную информацию, ее важностью, соответствием запросам молодежи, способностью вызвать интерес, размещением в наиболее удобных сетевых информационных пространствах.

Уровень осведомленности и взаимодействия студенческой молодежи России с региональными молодежными организациями невысок. Более трети студентов в должной степени не информированы о деятельности данных организаций, а вовлеченность среди студентов составляет не более 11 %.

подавляющее большинство опрошенных студентов вузов и колледжей РФ осознают серьезную роль молодежи в жизни и развитии региона. По их мнению, она является драйвером стратегического социально-экономического развития региона, социального и демографического воспроизводства и преемственности для развития общества.

С целью повышения уровня вовлеченности студенческой молодежи в процессы регионального социально-экономического развития в современном российском обществе необходимо развивать актуальные методики:

1) социальное, инфраструктурное и волонтерское проектирование – метод, который предоставляет молодежи возможность участвовать в разработке и реализации различных региональных социальных, инфраструктурных и волонтерских проектов;

2) реализация программ личностного развития молодежи на региональном уровне способствует выявлению талантливых молодых людей с целью дальнейшего привлечения на гражданскую службу либо другие сферы и повышает социальную и деловую активность;

3) реализация проектов по активизации предпринимательской активности, развитию самозанятости, выделение грантовой поддержки молодежного бизнеса позволят повысить мотивацию студентов жить и работать на благо своего региона, развивать его экономическую систему;

4) реализация проектов по трудоустройству студенческой молодежи в рамках студенческих отрядов или посредством организации стажировочных площадок на передовых региональных предприятиях, научно-практических конференций, форумов, помогающих студентам в определении ключевых направлений своей карьеры и развитии надпрофессиональных навыков.

Реализация комплекса мероприятий по повышению уровня вовлеченности студенческой молодежи в процессы регионального социально-экономического развития позволит повысить лояльность молодого населения к своему региону, уровень профессиональной и надпрофессиональной компетентности, увидеть перспективы успешного трудоустройства и карьерного развития, грамотно выстроить диалог с региональными органами власти, снизить миграционные настроения, сохранить и нарастить человеческий капитал территорий.

Список литературы

1. Kang S., Zhu J. Do people trust the government more? Unpacking the distinct impacts of anticorruption policies on political trust. *Political Research Quarterly*. 2021;2(74):434–449. <https://doi.org/10.1177/1065912920912016>
2. Mahmood M., Weerakkody V., Chen W. The role of information and communications technology in the transformation of government and citizen trust. *International Review of Administrative Sciences*. 2020;4(86):708–728. <https://doi.org/10.1177/0020852318816798>
3. Starke C., Marcinkowski F., Winterlin F. Social networking sites, personalization, and trust in government: empirical evidence for a mediation model. *Social Media + Society*. 2020;5:1–30. <https://doi.org/10.1177/2056305120913885>
4. Estrada L., Bastida F. Effective transparency and institutional trust in Honduran municipal governments. *Administration & Society*. 2020;6(52):890–926. <https://doi.org/10.1177/0095399719874346>
5. Miething A., Mewes J., Giordano G.N. Trust, happiness and mortality: Findings from a prospective US population-based survey. *Social Science & Medicine*. 2020;252. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.112809>
6. Vermishyan H., Darbinyan T. Ideological foundations and cultural manifestations of youth volunteering in Armenia. *Journal of sociology*. 2021;1:20–31. <https://doi.org/https://doi.org/10.46991/BYSU:F/2021.12.1.020>

7. Шабунова А.А., Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Гражданское участие молодежи в регионе: возможности и ограничения. Журнал социологии и социальной антропологии. 2023;1(26):167–199. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.7>
8. Зерчанинова Т.Е., Мудрецова Н.П., Никитина А.С. Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении. Власть и управление на Востоке России. 2021;1(94):119–127. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-119-127>
9. Певная М.В., Минченко Д.В., Чусовин Н.А. Социальные городские проекты: управленческие характеристики и виды молодежного участия. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021;3(63):79–87. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_3_79
10. Шаповалова И.С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи. Регионология. 2021;4(117):902–932. <http://dx.doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>
11. Бондаренко В.В., Танина М.А. Повышение институционального доверия обучающейся молодежи вузов в условиях феномена информационной фальсификации. Самоуправление. 2023;6(139):59–63.

References

1. Kang S., Zhu J. Do people trust the government more? Unpacking the distinct impacts of anticorruption policies on political trust. Political Research Quarterly. 2021;2(74):434–449. <https://doi.org/10.1177/1065912920912016>
2. Mahmood M., Weerakkody V., Chen W. The role of information and communications technology in the transformation of government and citizen trust. International Review of Administrative Sciences. 2020;4(86):708–728. <https://doi.org/10.1177/0020852318816798>
3. Starke C., Marcinkowski F., Winterlin F. Social networking sites, personalization, and trust in government: empirical evidence for a mediation model. Social Media + Society. 2020;5:1–30. <https://doi.org/10.1177/2056305120913885>
4. Estrada L., Bastida F. Effective transparency and institutional trust in Honduran municipal governments. Administration & Society. 2020;6(52):890–926. <https://doi.org/10.1177/0095399719874346>
5. Miething A., Mewes J., Giordano G.N. Trust, happiness and mortality: Findings from a prospective US population-based survey. Social Science & Medicine. 2020;252. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.112809>
6. Vermislyan H., Darbinyan T. Ideological foundations and cultural manifestations of youth volunteering in Armenia. Journal of Sociology. 2021;1:20–31. (In Russian). <https://doi.org/https://doi.org/10.46991/BYSU:F/2021.12.1.020>
7. Shabunova A.A., Ukhanova Yu.V., Kosygina K.E. Youth civic participation in the region: opportunities and limitations. The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2023;1(26):167–199. (In Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.7>
8. Zerkhaninova T.E., Mudretsova N.P., Nikitina A.S. Public organizations as factors of the youth civic participation in the local self-government. Power and Administration in the East of Russia. 2021;1(94):19–127. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-119-127>
9. Pevnaya M.V., Minchenko D.V., Chusovin N.A. Social urban projects: management characteristics and types of youth participation. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. 2021;3(63):79–87. (In Russian). https://doi.org/10.52452/18115942_2021_3_79
10. Shapovalova I.S. Problems of implementation of the state youth policy in the reflection of regional youth. Regionology. 2021;4(117):902–932. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>
11. Bondarenko V.V., Tanina M.A. Increasing the institutional trust of university students in the context of the information falsification phenomenon. Samoupravlenie. 2023;6(139):59–63. (In Russian).

Репродуктивное поведение молодежи: теория и ключевые факторы

Филиппенко Владислав Алексеевич

Аспирант

ORCID: 0009-0007-5875-3151, e-mail: filippenko.vladislav@yandex.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

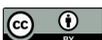
Аннотация

Рассмотрено понятие репродуктивного поведения, которое является ключевым в вопросе формирования поведения личности в контексте деторождения и создания семьи. Проведен анализ подходов к репродуктивному поведению, благодаря чему выделены основные факторы, влияющие на формирование репродуктивных моделей поведения. Материальное обеспечение, возможность дать детям качественное образование и достойные условия жизни, место семьи и детей в системе ценностей, а также культурные нормы в комплексе оказывают влияние на выработку поведения в отношении планирования семьи и рождения детей. На текущий момент существует проблема совмещения родительства и образа успешного карьериста, поэтому между ценностными аспектами существует конкуренция. Ценность семьи и родительства остается высокой, а потребность в детях снижается. Кроме того, психологические мотивы для рождения детей преобладают над экономическими и социальными. Тема репродуктивного поведения содержит множество сторон, которые необходимо подвергать анализу. Сложность заключается в том, что мы не только оперируем фактическими объективными данными, но и имеем дело с личностными и психологическими особенностями, что усложняет процедуру анализа, поэтому необходимо дальше изучать вопрос.

Ключевые слова

Репродуктивное поведение, теория, факторы, демография, ценности, семья, молодежь

Для цитирования: Филиппенко В.А. Репродуктивное поведение молодежи: теория и ключевые факторы // Вестник университета. 2024. № 8. С. 205–215.

Reproductive behavior of youth: theory and key factors

Vladislav A. Filippenko

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0007-5875-3151, e-mail: filippenko.vladislav@yandex.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract

The reproductive behavior concept has been considered, which is the key to personal behavior formation in the context of childbirth and family formation. The analysis of approaches to reproductive behavior has been carried out, due to which main factors influencing reproductive behavior patterns formation have been highlighted. Material provision, the possibility to give children quality education and decent living conditions, the place of family and children in the system of values, as well as cultural norms in the complex influence behavior development in relation to family planning and childbirth. Currently, there is a problem of combining parenthood and the image of a successful careerist, so there is competition between the value aspects. The value of family and parenthood remains high, while the need for children decreases. In addition, psychological motives for having children prevail over economic and social ones. The topic of reproductive letting down contains many sides that need to be subjected to analysis. The difficulty lies in the fact that not only we operate with actual objective data, but also deal with personal and psychological characteristics, which complicates the analysis procedure, so it is necessary to further study the issue.

Keywords

Reproductive behavior, factors, demography, values, family, youth

For citation: Filippenko V.A. (2024) Reproductive behavior of youth: theory and key factors. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 205–215.

ВВЕДЕНИЕ

Многие научные дисциплины и специальности уделяют большое внимание изучению демографических процессов. Вопросы демографического регулирования и развития рассматриваются в рамках экономики, социологии, политологии, биологии и др. Прежде всего подобный интерес объясняется желанием эффективно строить управление государством, денежными потоками и реализуемыми политиками.

Демографические процессы взаимодействуют со всеми сферами жизни человека, в связи с чем невозможно рассматривать демографию в отрыве от социального. Теория демографического перехода, разработанная А. Ландри, является как раз примером связи биологического и социального в человеке.

Важным элементом демографического процесса является репродуктивное поведение как отдельно взятой личности, так и общества в целом. Под репродуктивным поведением в данной работе прежде всего будем понимать совокупность действий, выборов и практик, связанных с планированием семьи, беременностью, рождением детей и заботой о них. Понимание особенностей и внутренней структуры этого процесса позволит лучше понимать его суть и более эффективно выстраивать демографическую политику.

В связи с этим важно проследить динамику развития подходов к анализу факторов, оказывающих воздействие на формирование репродуктивных стратегий населения, определить, какие именно это факторы и какое именно воздействие они оказывают на индивидов.

РАЗВИТИЕ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ.

Американский демограф Ф. Ноутенстайн ввел в оборот понятие «демографический переход», который он трактовал в контексте эволюционного развития демографического поведения в рамках исторического преобразования. Ученый впервые сделал попытку выделить конкретные этапы демографических процессов. Данная теория пыталась найти взаимосвязь между социальными и экономическими условиями развития. [1]

Переход от одного типа воспроизводства населения к другому может занимать не одно поколение, в рамках которого начинают происходить преобразования и которое вырабатывает новый тип воспроизводства населения.

Несмотря на широкую популярность, данную теорию часто подвергают критике. Так, С.П. Капица и М.А. Клупт считали, что она не может объективно и исчерпывающе объяснять происходящие в обществе процессы в призме репродуктивного поведения, так как теория демографического перехода в первую очередь пытается объяснить глобальные тренды в демографической повестке [2–4]. В связи с этим М.А. Клупт разрабатывал свою теорию, в которой он рассматривал развитие демографических процессов в совокупности региональных особенностей и глобальных преобразований в фундаментальных институтах общества [3; 4].

В рамках анализа репродуктивного поведения в экономическом контексте было разработано множество идей и концепций, которые обладали разной степенью эмпирической проверяемости. Г. Беккер разрабатывал идею об экономике рождений, где дети воспринимаются как экономический продукт с определенной стоимостью и издержками. Он считал, что при уменьшении затрат на ребенка семьям становится выгодно заводить больше детей, однако в настоящее время в развитых странах такое повышение рождаемости не наблюдается, поэтому теорию можно признать несостоятельной [5].

Р. Истерлин предлагал теорию колебаний рождаемости, где предполагалось, что рост рождаемости связан с достижением желаемого уровня материальных ожиданий, а его недостижение приводит к снижению рождаемости. Эта теория имела подтверждение в Соединенных Штатах Америки, но после 1960-х гг. эмпирические данные не подтверждали ее прогнозы [6].

В теории демографического развития в рамках экономической теории микроуровня Р. Уиллис и Т. Шульц связывают падение уровня рождаемости с экономическими факторами. Так, семьи принимают решение о рождении детей, исходя из своих финансовых возможностей. Важно отметить, что экономический фактор сильнее сказывается на репродуктивном поведении в менее развитых странах. В странах с развитой экономикой люди больше стремятся получить психологическое удовлетворение от рождения ребенка [7].

Исследователи, которые опирались только на экономические показатели в рамках изучения репродуктивного поведения, упускали важные социальные и психологические факторы, влияющие на поведение индивида. А. Ландри, К. Блеккер, У. Томпсон, Ф. Ноутстайн пытались преодолеть подобные ограничения, поэтому начали рассматривать совокупность экономических и политических факторов.

Т. Эспеншейд также делал попытки расширить рамки за счет дополнительного анализа субъективных (психологических) и социальных особенностей.

Если рассматривать классиков социологии и их работы, то важно упомянуть теорию социального действия М. Вебера, структурный функционализм Т. Парсонса, теорию аномии Э. Дюркгейма, а также идеи Р. Мертона. Все эти теории можно рассматривать в совокупности с демографическими процессами и репродуктивным поведением в частности, чтобы понимать их связь с социальными условиями жизни и в целом изменениями, которые происходят в обществе.

Кроме того, важно вспомнить теорию социальной мобильности П. Сорокина, которая входит в число фундаментальных и основополагающих концепций, изучающих преобразования в обществе с точки зрения изменения иерархии социальных статусов и миграции населения [8].

Как уже ранее упоминалось, М.А. Клупт разрабатывал идею учета региональных особенностей при анализе демографических процессов. На сегодняшний день активно развивается именно региональный подход при исследовании тенденций в демографической среде.

На основе учета особенностей дифференциации регионов была сформулирована концепция о развитии регионов. Ее авторы изучали развитие регионов Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и отметили необходимость развития социальной сферы как будущей основы для эффективной модернизации региона, в том числе в демографическом контексте [9].

Тема развития регионов нашла свое отражение в теории, которая делает акцент на учете локальных характеристик при разработке программ, направленных на управление демографическими процессами. Развивали данную мысль многие ученые, такие как Д.И. Валентей, Г.М. Федоров, С.В. Соболева, С.В. Захаров, Ж.А. Зайончковская, Н.В. Зубаревич и др. [10–16]. При этом Н.В. Зубаревич делает акцент на наиболее эффективных мерах развития регионов с целью сокращения «сжимания» обитаемого экономического пространства России, а также более качественного развития человеческого капитала в регионах и его распространения от крупных региональных центров и городских агломераций в менее развитые населенные пункты, находящиеся на периферии [16].

Отечественными учеными (В.А. Борисов, А.И. Антонов, А.Б. Синельников, В.В. Бойко) была разработана теория репродуктивного поведения, в рамках которой снижение уровня рождаемости связывается прежде всего с уменьшением роли экономических и социальных мотивов, которые давали толчок к рождению большего количества детей и к многодетности в целом. На сегодняшний день можно говорить о преобладании психологических оснований для рождения ребенка.

В рамках феминистской теории вопрос репродуктивного поведения рассматривается с позиции общественных представлений и гендерных стереотипов, в которых родительские обязанности относятся исключительно к женщине.

По мнению И.Б. Назаровой и М.П. Зеленской, в вопросе изучения репродуктивных установок у молодежи существуют три типа отношения к семье, материнству и отцовству. С одной стороны, есть подход, в котором семья выступает главным духовно-нравственным достоянием. С другой стороны, есть гедонистическо-феминистский тип поведения, который отвергает выполнение традиционных ролей отца и матери и направлен на раскрытие своего профессионального и творческого потенциала.

Однако на практике преобладающим типом поведения является компромиссный, или противоречивый, который объединяет характеристики двух предыдущих. Человек сознательно выбирает разнообразные аспекты отказа от ролей или принятия их, создавая свой уникальный подход к идеалам семейной жизни.

Высокие требования к потреблению и уровню жизни также могут ограничивать желание иметь детей, так как они требуют значительных ресурсов. Н.В. Круглов, изучая ценности молодежи, выделил наиболее важные из них, к которым отнес семью, финансовую успешность, ориентир на материальное благополучие, а также личное здоровье и здоровье близких. При этом ценности не представляют недвижимую структуру – наоборот, в течение жизни они могут изменяться. Если сейчас ценность детей для индивида может быть низка, то к более зрелому возрасту позиции ценностной иерархии меняются, благодаря чему дети могут занимать более высокие позиции. В связи с этим необходимо отметить важность правильного формирования и реализации демографической политики для эффективного использования репродуктивной стратегии [17].

Проведенный анализ теорий и взглядов позволяет выделить несколько групп ключевых факторов, которые оказывают влияние на репродуктивное поведение (таблица).

Факторы, влияющие на репродуктивное поведение

Группа факторов	Факторы
Экономические	Материальное положение семьи
	Жилищные условия
	Доступность жилья
	Стоимость жизни
	Миграция
	Занятость женщин
	Качество человеческого капитала
	Возможность обеспечить достойные условия жизни для ребенка
Социальные	Меры государственной поддержки семей с детьми
	Нормы детности
	Процессы урбанизации
	Доступность образования
	Эмансипация женщин
	Гендерные стереотипы
	Разделение обязанностей в семье
	Контрацептивное поведение
Культурные	Роль традиций, религии
	Этническая принадлежность
	Влияние средств массовой информации, фильмов на формирование образа семьи, отношений и т.д.
	Снижение роли родства и родительства, приоритет супружеских отношений
Психологические/личностные	Общая потребность в детях
	Желание стать родителем
	Изменение структуры ценностей
	Влияние самооценки, уверенность в будущем
	Желание самореализации, саморазвития
	Важность семьи
	Травмирующий опыт в детстве (развод родителей, неполные семьи и т.д.)
	Важность карьеры
	Готовность сделать аборт
	Уверенность в будущем

Составлено автором по материалам исследования

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Первая группа включает экономические аспекты. К ним прежде всего относятся материальные и жилищные условия, стоимость жизни в целом, доступность покупки жилья в случае необходимости, возможность обеспечить детям достойные условия жизни и возможности образования.

Их ограничивающая роль высока в современном обществе, так как все больше людей корректируют с карьерным ростом сроки рождения детей и их число. Экономические мотивы могут быть связаны с желанием приобрести материальные выгоды или улучшить свой экономический статус из-за рождения ребенка.

При этом важно отметить вариативный характер влияния материального уровня семьи и отдельной личности на репродуктивные установки молодых людей. Так, при наличии более высокого уровня дохода молодые люди с большей вероятностью воспринимают материнство чисто формально или, наоборот, как способ создать свою семью. С другой стороны, важно отметить обратный эффект воздействия уровня жизни при более низком показателе данного аспекта. Молодые люди склонны формировать более высокие ожидания относительно среднего ожидаемого количества детей [18–19].

Жилищный вопрос также важен для молодых людей при планировании семьи или рождении детей. Стоит отметить, что при всех необходимых условиях в жилищном аспекте (а именно наличии собственной квартиры с достаточной жилищной площадью) молодые люди готовы в теории иметь не одного ребенка, а даже двух или трех.

Тяжелее всего молодежи дается решение о рождении первого ребенка, потому что это совершенно новый опыт, к которому необходимо готовиться во множестве аспектов, и к моменту рождения детей им хочется быть максимально готовыми. Этой категории семей необходимо уделять особое внимание, а также информировать их о доступных мерах поддержки и развивать каналы для получения информации, чтобы молодые люди были уверены в том, что могут обратиться к государству и получить необходимую поддержку и помощь по всем вопросам, которые у них могут возникнуть.

Современные стратегии репродуктивного поведения можно рассматривать как результат увеличения рациональности поведения людей. Экономическая самостоятельность имеет важное значение для благополучия семей. Замечается рост числа многодетных семей с низким доходом, что указывает на уменьшение материального благополучия с каждым последующим ребенком. Следовательно, молодые люди в первую очередь стремятся найти баланс между количеством детей и своим материальным положением, что может привести к отказу от рождения детей или отсрочке родительства.

На современном этапе возросли процессы мобильности населения, что также влияет на демографическую ситуацию как в стране, так и в регионах. В поисках лучшей жизни молодые люди стремятся покинуть свои регионы для получения качественного образования, возможностей для карьерного роста и повышения уровня жизни. Это воздействует на репродуктивное поведение, так как при таком сценарии и рациональном подходе к жизни вопрос рождения детей может быть отложен до создания надежного фундамента для построения семьи.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

При анализе влияния социальных факторов на репродуктивное поведение первоочередное внимание следует уделить воздействию государственных программ поддержки семей с детьми.

В России разнообразные федеральные и региональные инициативы направлены на помощь семьям, но, несмотря на это, коэффициент рождаемости продолжает снижаться в последние годы. Следует отметить, что количество многодетных семей в стране постоянно растет. Это означает, что данные программы в основном ориентированы на тех, кто задумывается или стремится создать большую семью, но может испытывать сомнения по разным причинам относительно рождения дополнительных детей.

Важным внешним фактором в репродуктивном поведении семей являются социальные нормы детности. Исторически общество придавало большое значение высокому уровню рождаемости, основываясь на религиозных и культурных убеждениях и стремлении обеспечить воспроизводство населения для компенсации высокой смертности. В этом контексте прерывание беременности рассматривалось как неприемлемое. Высокая ценность и поощрение многодетности также играли большую роль. Дети считались важными участниками семьи и вносили свой вклад в ее благополучие, помогая в домашнем хозяйстве и заботясь о старших родственниках.

Однако на современном этапе развития происходит снижение нормы детности до одного–трех детей в зависимости от страны. С момента снятия запрета на использование средств контрацепции и средств искусственного прерывания беременности супружеские пары получили возможность самостоятельного регулирования и планирования рождения детей.

Процессы урбанизации могут оказывать косвенное воздействие на формирование репродуктивного поведения. Так, увеличение доли городского населения напрямую связано с более обширными возможностями для образования, построения карьеры и в целом более высоких условий жизни, в связи с чем меняются ценностная структура и потребности населения. В городах в сравнении с сельской местностью наблюдаются меньшее количество рождений на женщину и более поздний возраст рождения первого ребенка.

Современные реалии жизни, эмансипация женщин, широкие возможности для построения карьеры и получения образования сильно видоизменили привычные еще для прошлых поколений паттерны поведения внутри семьи. Теперь зачастую работают оба родителя, чтобы обеспечивать достойные

условия жизни как себе, так и детям. С другой стороны, процессы эмансипации могут влиять на рождаемость, поскольку женщины получили больше возможностей для развития карьеры и улучшения материального положения, что в свою очередь влияет на рождаемость.

В связи с этим могут возникать противоречия о привычном распределении ролей и обязанностей внутри семьи, из-за чего женщина вынуждена заниматься не только профессиональной деятельностью, но и домашними обязанностями, воспитанием детей, что в совокупности может формировать негативные тенденции и формы восприятия на представления о рождении детей. При этом роль мужчины в воспитании детей может оставаться незначительной. Однако стоит отметить, что вариации срабатывания подобных гендерных стереотипов носят вероятностный характер, так как все большее количество супругов предпочитают равноправное партнерство.

На данный момент приоритезация качества супружеских отношений над общими родственными связями меняет модель взаимодействия между супругами, родственниками и понятием родительства в целом. Так, в первую очередь для семьи важно построение гармоничной, уважительной и доверительной атмосферы между супругами. Только после установления подобной обстановки супруги могут рассматривать возможность рождения детей. Кроме того, в семьях часто прибегают к практике разделения домашних обязанностей и труда, а изменение социальных ролей мужчин и женщин привело к новой организации быта внутри семьи.

Если рассматривать влияние свободного доступа к средствам контрацепции и их использованию, то сам факт их использования несильно влияет на демографическую ситуацию. Максимум абортотворения приходится на наиболее подходящий возраст для рождения детей (25–29 лет). По подсчетам некоторых ученых реализация профилактики abortивного поведения позволит увеличить число рождения примерно на 130–150 тыс. ежегодно [20]. Однако данная мера вряд ли принесет ожидаемый результат ввиду усиливающегося тренда рационализации поведения и в вопросах планирования семьи. Кроме того, затруднение возможностей использования abortивных методов может негативно сказаться на здоровье, материальном положении и качестве человеческого капитала семей.

КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

Культурные факторы оказывают существенное влияние на репродуктивное поведение, включая родовую принадлежность, религиозные убеждения, размер семьи, социальный статус и достаток.

Репродуктивные установки людей зависят от степени их приверженности национальной культуре и традициям рождаемости своего народа. В некоторых культурах, таких как страны Востока, высокий статус большой семьи и крепкие семейные связи часто сопровождаются высоким уровнем рождаемости. Напротив, западные общества на данный момент чаще предпочитают малодетные семьи и имеют низкие показатели рождаемости.

Религия также играет важную роль в определении отношения к аборту и контрацепции. Например, христианская традиция рассматривает аборт как недопустимый акт, в то время как некоторые другие культуры могут считать его приемлемым. Исходя из христианских доктрин аборт является морально неприемлемым, так как его рассматривают как акт убийства из-за того, что зародыш является живым существом. В религиозной среде поощряются ценности, связанные с созданием семьи, рождением детей, супружеской верностью. В религиозном контексте рождение ребенка рассматривается как часть божественного плана, что может поддерживать создание семьи и поощрять многодетные семьи.

Степень влияния религиозных догм и правил в первую очередь зависит от степени приверженности человека к вере. Чем выше степень религиозности, тем с большей вероятностью система предписаний и норм будет оказывать значительное влияние на принятие решений по вопросам планирования семьи, брака и рождения детей. Кроме того, распространенные в обществе модели поведения и социальные нормы, касающиеся семьи, брака и количества детей, имеют свою степень влияния на формирование репродуктивной модели поведения человека.

Близкое общение с людьми, которые транслируют определенные социальные нормы в контексте репродуктивного поведения, может в свою очередь предопределить или скорректировать взгляды человека по этой теме. Если в его окружении будут преобладать многодетные семьи, более высока вероятность, что в будущем он также будет стремиться создать многодетную семью. Помимо этого, на формирование взглядов и представлений оказывают влияние множество внешних источников, которые включают

средства массовой информации, литературу, киноиндустрию, рекламу. В данном контексте важно отметить, что эти источники могут формировать как положительные представления (например, о многодетности), так и отрицательные установки.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ/ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ

Личностные и психологические мотивы в настоящее время могут выступать в роли ключевых факторов, оказывающих влияние на формирование репродуктивных установок личности. Одним из них является личностная потребность в детях, которая может быть как положительной, то есть желание человека иметь детей, определенное их количество, так и отрицательной, которая заключается в отказе от рождения детей.

На формирование потребности в детях оказывает влияние субъективный опыт социализации. Важную роль играет окружение человека, в котором он рос и развивался как личность. В этом контексте можно оценить степень влияния на личность наличия или отсутствия детей. Например, если в окружении человека всегда были семьи с детьми, а сейчас у него нет собственных детей, это может выражаться в ощущении неполноценности и неполной реализации себя как личности. Стоит отметить, что срабатывание данного фактора носит вариативный характер и в первую очередь зависит от опыта социализации и интерпретации происходящих событий.

В рамках психологических мотивов важно отметить место детей в системе ценностей родителей. Это может в первую очередь выражаться в потребности и желании заботиться о ком-либо, передавать свой накопленный опыт и знания будущим поколениям и в общей потребности продолжения собственного рода. Данные желания могут оказывать решающую роль в вопросе рождения детей.

На реализацию репродуктивной функции может оказывать влияние уровень образования человека. Так, наблюдается корреляция между более высокими образовательными степенями партнеров и меньшим числом детей в семье. Кроме того, у человека с более высоким уровнем образования профессиональные и карьерные амбиции могут сдвигать вопросы о рождении детей, так как в первую очередь хочется построить прочный фундамент для создания семьи. Особенно такое поведение заметно и характерно для молодых девушек и юношей, которые стремятся занять высокие позиции в карьере. Молодые люди хотят не только получить высокооплачиваемую должность, но и в целом иметь достаточно высокий социальный статус, возможность удовлетворения своих потребностей как личности, а также в саморазвитии.

Е.В. Сурвилло и Ю.А. Шувалов подтверждают стремление молодых людей более рационально использовать свою молодость как наиболее активный этап жизни. К причинам, которые ограничивают деторождение, относятся прежде всего факторы недостаточной материальной обеспеченности, необходимость завершения обучения, построение карьеры, что позволит создать устойчивый фундамент для дальнейшего планирования семьи и рождения детей [21].

При этом между уровнем жизни, матримониальным и репродуктивным поведением у молодежи наблюдается определенная взаимосвязь. Так, со снижением самооценки и уровня жизни уверенность в принятии решения о браке и рождении ребенка снижается, особенно сильно в отношении детей [22]. Таким образом, можно говорить о том, что количественные тенденции в сфере рождения детей заменяются качественными. Молодые люди хотят быть уверены в том, что у них есть необходимые ресурсы для рождения, воспитания, образования ребенка, прежде чем рожать детей [23].

Кроме того, место семьи и родительства в системе жизненных ценностей зависит от моделей репродуктивного поведения. Люди с положительной установкой придают большое значение семье и родительству, рассматривая их как смысл жизни. Наоборот, для людей с прямо противоположной позицией семья менее значима. Они могут иметь нейтральное или отрицательное отношение к детям и деторождению. Это является следствием прежде всего негативных воспоминаний о своем детстве. В.Р. Ушакова уверена, что трудности и негативный опыт в детстве могут влиять на выбор модели репродуктивного поведения. Люди, не желающие иметь детей, больше ориентированы на внесемейные отношения, такие как профессиональные достижения и карьера, что часто связано с их высоким уровнем образованности [24].

Вероятность отказа молодых людей от детей может быть вызвана травмирующим опытом в детстве, который мог быть связан с потерей одного или обоих родителей или иными сложными жизненными ситуациями. Однако, как подчеркивают Т.К. Ростовская и Е.Н. Василева, данные факторы не ведут к обязательному отказу от детей – напротив, в некоторых случаях человек может стремиться компенсировать нехватку родительского внимания в своем детстве путем создания семьи и рождения детей [25].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированные исследования и теория в области репродуктивного поведения позволяют проследить динамику подходов к пониманию этого процесса. На данный момент можно сделать вывод о том, что репродуктивное поведение – это сложная структура взаимосвязанных факторов, формирующихся на основе воздействия как внешних условий, так и внутреннего мира личности. При этом нельзя однозначно сказать о характере влияния каждого отдельного фактора на репродуктивное поведение в силу психологических и личностных особенностей индивидов.

Однако основными факторами остаются материальное обеспечение, возможность дать детям качественное образование и достойные условия жизни, а также место семьи и детей в системе ценностей личности. Изменение репродуктивных стратегий прежде всего характеризуется менее выраженным желанием иметь детей и преобладанием психологических мотивов рождения детей, хотя вместе с тем в социуме сохраняется высокая значимость семьи.

Кроме того, на принятие решение о рождении детей влияют, как уже ранее было отмечено, материальное положение семьи, доход, наличие сбережений. Во многих случаях именно неуверенность в своем финансовом положении выступает в качестве своеобразного барьера, из-за которого рождение первого ребенка может откладываться. В связи с этим важно отметить низкую эффективность пропаганды семейных ценностей и рождения детей, так как создание семьи в современном мире носит крайне вариативный характер. Следовательно, важным является формирование представлений о том, как можно совмещать личный успех и создание семьи.

Необходимо продолжать изучать связь репродуктивного поведения с факторами окружающей действительности для более детального и полного планирования программ по улучшению демографической ситуации в стране. Особенно важно учитывать региональные особенности каждого отдельного взятого субъекта РФ, поскольку конъюнктура может сильно отличаться в зависимости от многих культурных, социальных и экономических факторов.

Список литературы

1. *Notestein F.W.* Economic Problems of Population Change. London: Oxford Press; 1953. Pp. 13–31.
2. *Каница С.П.* Общая теория роста человечества: сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Москва: Наука; 1999. 190 с.
3. *Клунт М.А.* Изменение научных представлений о мире и развитие демографической теории. Российский демографический журнал. 2002;1:20–27.
4. *Клунт М.А.* Теория демографического развития: институциональная перспектива. Общественные науки и современность. 2005;2:139–149.
5. *Becker G.* Human behavior: an economic approach. Chicago: University of Chicago Press; 1976. 314 с.
6. *Easterlin R.* The economic theory of fertility. Modern economic thought. 1981. Pp. 158–193.
7. *Шульц Т.* Ценность детей. THESIS. 1994;6:37–49.
8. *Сорокин П.* Социальная мобильность. М.: Academia; 2005. 588 с.
9. *Иванов В.Н., Патрушев В.И.* Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Экономика; 2001. 327 с.
10. *Валентей А.И.* Система знаний о народонаселении. М.: Высшая школа; 1991. 254 с.
11. *Федоров Г.М.* Регион как территориальная система. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2010;1:20–27.
12. *Соболева С.В.* Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии. Новосибирск: Наука; 1988. 208 с.
13. *Захаров С.В.* Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий. Семья и семейная политика. Демография и социология. 1991;1:87–102.
14. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука; 1991. 193 с.
15. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: УРСС; 2009. 251 с.
16. *Зубаревич Н.В.* Региональное развитие и региональная политика в России. ЭКО. 2014;4(478):6–27.
17. *Круглов Н.В.* Демографическое поведение населения города Иваново как фактор формирования демографической ситуации. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010;3:32–37.

18. *Ивченков С.Г., Ивchenkova М.С.* Социально-экономический контент репродуктивного самоопределения молодежи. Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021;2(14):63–71. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-63-71>
19. *Соколовская Т.А., Армашевская О.В., Сененко А.Ш.* Влияние социально-экономических факторов и гендерных особенностей на репродуктивное поведение населения. Социальные аспекты здоровья населения. 2022;5(68):10. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-5-10>
20. *Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю.* Аборты и абортное поведение в контексте поиска резервов демографического развития в России. Экология человека. 2019;7(26):17–23. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-7-17-23>
21. *Сурвилло Е.В., Шувалов Ю.А.* Гендерные особенности репродуктивного поведения студентов. Вестник новых медицинских технологий. 2023;2(30):36–39. <https://doi.org/10.24412/1609-2163-2023-2-36-39>
22. *Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н.* Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022;3(15):184–199. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.10>
23. *Галиева Э.Р.* Репродуктивное поведение: теоретические подходы и современные сценарии. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022;2(53):23–28. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.23-28>
24. *Ушакова В.Р.* Ценность семьи и родительства у молодежи с разными моделями репродуктивного поведения. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020;3(20):322–328.
25. *Ростовская Т.К., Васильева Е.Н.* Репродуктивные стратегии и практики россиян: по итогам всероссийского исследования. Human Progress. 2021;2(7):11. <https://doi.org/10.34709/IM.172.11>

References

1. *Notestein F.W.* Economic Problems of Population Change. London: Oxford Press; 1953. Pp. 13–31.
2. *Kapitsa S.P.* General theory of human growth: how many people have lived, are living and will live on Earth. Moscow: Nauka; 1999. 190 p. (In Russian).
3. *Klyft M.A.* Changing scientific ideas about the world and demographic theory development. Russian Demographic Magazine. 2002;1:20–27. (In Russian).
4. *Klyft M.A.* Theory of demographic development: an institutional perspective. Social sciences and modernity. 2005;2:139–149. (In Russian).
5. *Becker G.* Human behavior: an economic approach. Chicago: University of Chicago Press; 1976. 314 p.
6. *Easterlin R.* The economic theory of fertility. Modern economic thought. 1981;158–193. (In Russian).
7. *Schultz T.* The value of children. THESIS. 1994;6:37–49. (In Russian).
8. *Sorokin P.* Social mobility. Moscow: Akademiya; 2005. 588 p. (In Russian).
9. *Ivanov V.N., Patrushev V.I.* Innovative social technologies of state and municipal management. Moscow: Ekonomika; 2001. 327 p. (In Russian).
10. *Valenty D.I.* The system of knowledge about the population. Moscow: Higher School; 1991. 254 p. (In Russian).
11. *Fedorov G.M.* Region as a territorial system. Vestnik of I. Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences. 2010;1:20–27. (In Russian).
12. *Soboleva S.V.* Demographic processes in regional socio-economic development. Novosibirsk: Nauka; 1988. 208 p. (In Russian).
13. *Zakharov S.V.* Demographic transition in Russia and regional demographic differences evolution. Family and family policy. Demography and sociology. 1991;1:87–102. (In Russian).
14. *Zayonchkovskaya J.A.* Demographic situation and settlement. Moscow: Nauka; 1991. 193 p. (In Russian).
15. *Zubarevich N.V.* Social development of Russian regions: issues and trends of the transition period. Moscow: URSS; 2009. 251 p. (In Russian).
16. *Zubarevich N.V.* Regional development and regional policy in Russia. EKO. 2014;4(478):6–27. (In Russian).
17. *Kruglov N.V.* Demographic behavior of Ivanovo population as a factor in demographic situation formation. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. 2010;3:32–37. (In Russian).
18. *Ivchenkov S.G., Ivchenkova M.S.* Socio-economic content of reproductive self-determination of youth. Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences. 2021;14(2):63–71. (In Russian). <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-63-71>
19. *Sokolovskaya T.A., Armashenskaya O.V., Senenko A.Sh.* Influence of socio-economic factors and gender characteristics on the reproductive behavior of the population. Social aspects of public health. 2022;68(5):10. (In Russian). <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-5-10>

20. *Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Sigareva E.P., Sivophyasova S.Yu.* Abortions and abortive behavior in the context of searching for demographic development. *Human Ecology*. 2019;7(26):17–23. (In Russian). <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-7-17-23>
21. *Survillo E.V., Shuvalov Yu.A.* Gender features of students' reproductive behavior. *Journal of new medical technologies*. 2023;2(30):36–39. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1609-2163-2023-2-36-39>
22. *Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Vasilieva E.N.* Models of Matrimonial and Reproductive Behavior of Russian Youth. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022;3(15):184–199. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.10>
23. *Galiyeva E.R.* Reproductive Behavior: Theoretical Approaches and Contemporary Scenarios. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2022;2(53):23–28. (In Russian). <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.23-28>
24. *Ushakova V.R.* Family Value in Young People with Different Reproductive Behaviors. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2020;3(20):322–328. (In Russian).
25. *Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N.* Reproductive strategies and practices of Russians: results of the All-Russian study. *Human Progress*. 2021;2(7):11. (In Russian). <https://doi.org/10.34709/IM.172.11>

Некоторые объективные факторы, влияющие на делинквентное поведение региональной молодежи в 2000-х гг.

Южанинов Василий Сергеевич

Ст. преп. каф. оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел
ORCID: 0009-0008-3644-5518, e-mail: vsyuzhaninovvs@list.ru

Краснодарский университет Министерства внутренних дел России, г. Краснодар, Россия

Аннотация

Рассмотрены делинквентное поведение и влияющие на него объективные факторы. Необходимо отметить, что преступность – это сложное явление, на которое оказывает влияние множество факторов. Современные ученые объединяют эти факторы в две большие группы – субъективные (социокультурные) и объективные (социально-экономические). Для исследования последних и установления наличия взаимосвязи между ними и молодежной преступностью отобраны наиболее распространенные преступные деяния, совершаемые в молодежной среде, – кражи и грабежи, а также самые многочисленные преступления, совершаемые молодыми людьми против жизни и здоровья, – причинение легкого и среднего вреда здоровью. Из объективных факторов выбраны показатели, которые могут наиболее сильное влияние оказывать как на молодежную преступность в целом, так и на отдельные ее категории, – среднемесячная начисленная заработная плата в регионе, денежные доходы на душу населения, среднедушевые потребительские расходы. По результатам проведенного простого статистического анализа выявлена обратная зависимость между количеством преступников, совершающих преступления против собственности, и отобранными социально-экономическими факторами. Ввиду использования простого метода исследования установить какую-либо зависимость количества молодежи, совершающей преступления против личности, от выбранных объективных (социально-экономических) факторов не представилось возможным.

Ключевые слова

Делинквентное поведение, молодежь, статистические данные, преступление, социально-экономические факторы, анализ, объективные факторы, правосознание

Для цитирования: Южанинов В.С. Некоторые объективные факторы, влияющие на делинквентное поведение региональной молодежи в 2000-х гг. // Вестник университета. 2024. № 8. С. 216–224.

Some objective factors influencing delinquent behavior of regional youth in the 2000s

Vasily S. Yuzhaninov

Senior Lecturer at the Operational Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies Department
ORCID: 0009-0008-3644-5518, e-mail: vsyuzhaninovvs@list.ru

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia

Abstract

Delinquent behavior and objective factors influencing it have been considered. It should be noted that crime is a complex phenomenon, which is influenced by many factors. Modern scientists combine these factors into two large groups such as subjective (or socio-cultural) and objective (or socio-economic). In order to study the latter and establish the existence of a relationship between them and youth crime, we have selected the most common criminal acts committed in the youth environment such as theft and robbery, as well as the most numerous crimes committed by young people against life and health such as infliction of minor and moderate harm to health. Among objective factors, we have chosen the indicators that can have the strongest impact on youth crime as a whole and on its individual categories such as average monthly accrued wages in the region, cash income per capita, and average per capita consumer spending. According to the conducted simple statistical analysis results, an inverse correlation between the number of criminals committing property crimes and the selected socio-economic factors has been revealed. Due to the use of a simple research method, it was not possible to establish any dependence of the number of young people committing crimes against property on the selected objective (socio-economic) factors.

Keywords

Delinquent behavior, youth, statistical data, crime, socio-economic factors, analysis, objective factors, legal awareness

For citation: Yuzhaninov V.S. (2024) Some objective factors influencing delinquent behavior of regional youth in the 2000s. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 216–224.

ВВЕДЕНИЕ

В современной социологической науке вопрос изучения правосознания является одним из центральных. Для эффективного решения актуальных на сегодняшний день задач по формированию правомерного поведения, укреплению законности, созданию действенных мер повышения правосознания необходимо детальнее изучать правосознание, факторы, оказывающие наибольшее влияние на него, и эффективно реализовывать полученные знания на практике. «Правосознание – это сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических значений, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях» [1, с. 46]. Правосознание служит промежуточным, связующим звеном между правовыми нормами и потребностями, а также избранными путями их достижения.

В условиях нормального становления индивида в социально-правовом обществе последний ориентируется на правовые нормы, принимает правовые запреты и ограничения, что впоследствии становится шаблоном для его повседневного поведения. Так формируются социальные стандарты правомерного поведения и развития личности в условиях правового государства. Эти стандарты основываются на индивидуальном правосознании, которое является составной частью общественного правосознания. Окружающая социальная среда всегда обуславливает развитие индивидуального правосознания [2]. Различные внешние факторы, проходя через призму психологических особенностей индивида и конкретных социальных условий его жизни, формируют его правосознание, которое под их воздействием может быть правомерным или неправомерным.

Таким образом, на формирование индивидуального правосознания влияет множество факторов, следовательно, причинами делинквентного поведения также могут являться большое количество обстоятельств. Все факторы можно условно разделить на две группы – субъективные и объективные. К первым относятся культурные ценности, влияние героев и лидеров, признанных частью общества, круг общения индивидов и актуальные ценности, формирующие индивидуальные жизненные стратегии. Ко второй группе относятся социально-экономические, криминалистические и др. Изучению второй группы факторов и посвящено настоящее исследование.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Впервые проблема влияния социально-экономической обстановки в государстве на криминализацию населения наиболее последовательно была отражена еще в середине XVIII в. в трудах известного ученого А. Смита, который являлся основоположником либеральной экономической теории. Так, индивид в его работах выступал «разумным эгоистом», который выбирал пути достижения своей цели с наименьшими издержками и заботился только о своем личном благополучии. В конце XIX в. Э. Дюргейм в своей знаменитой теории аномии упоминал о социальных изменениях, которые могут вести в том числе к экономическому краху, что в свою очередь создавало предпосылки – благоприятные условия для преступности [3].

Несмотря на длительность изучения рассматриваемой проблематики, наша задача состоит в следующем – подтвердить или опровергнуть влияние объективных факторов на криминализацию молодежи в современной Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Так, молодежь как конкретный период развития личности каждого индивида заслуживает особенно пристального внимания в контексте рассматриваемого вопроса. Именно она наиболее подвержена влиянию объективных факторов.

Сам процесс криминализации, как правило, происходит постепенно. На первоначальном этапе происходит отвержение базовых социальных ценностей, под воздействием различных факторов проявляются необратимые изменения в ценностных ориентирах, что в конечном итоге приводит к формированию устойчивого антисоциального поведения. Молодежь выбирает противоправные пути самореализации, попав под влияние криминальных субкультур, активно поддерживаемые последними. Это становится нормой поведения и заключительным этапом в формировании криминальной личности и ее делинквентного поведения [4]. После этого социализация в правовое общество и формирование правомерного поведения у таких представителей молодежи происходит уже под воздействием администрации исправительных учреждений системы Федеральной службы исполнения наказаний РФ в местах отбывания наказания за совершенные преступления.

Наши суждения касаются влияния объективных факторов на делинквентное поведение молодежи мы попробуем подтвердить эмпирически. Для этого нами отобран ряд социально-экономических показателей и статистические сведения по отдельным видам преступлений, распространенных среди молодежи в Краснодарском крае. Проанализировав данные показатели, мы постараемся сделать вывод о влиянии объективных факторов на количество проявлений криминального поведения в молодежной среде.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование влияния социально-экономических факторов на делинквентное поведение региональной молодежи проводилось с использованием методов статистического анализа, а именно на основе статистического наблюдения и последующего сравнения рядов динамики. Так, для определения зависимости между количеством лиц, попадающих под категорию «молодежь», и социально-экономическими показателями в 2000-х гг. в регионе была проанализирована динамика следующих объективных факторов: среднемесячная начисленная заработная плата, денежные доходы на душу населения, среднедушевые потребительские расходы, а также количество молодежи, совершившей отдельные виды преступлений, в регионе за тот же период.

Хотелось бы отметить, что в настоящем исследовании для анализа отобраны данные, отражающие количество лиц, поставленных на учет в Краснодарском крае как совершивших преступления и попадающих под категорию «молодежь», а не количество совершенных преступлений, как это обычно принято (на наш взгляд, это будет более точно отражать количество индивидов с подверженным делинквентным поведением). К недостаткам такого метода исследования можно отнести то, что в рассматриваемую статистику не войдут случаи, когда не удалось установить лицо, совершившее преступление (виновника). Вместе с тем хотелось бы привести пример, отражающий достоинства такой выборки. В 2020 г. возбуждено 73,159 тыс. уголовных дел, из которых 14,246 тыс. являются многоэпизодными (что составляет 19,5 %), из них 733 имеют пять и более эпизодов. Следовательно, при использовании в качестве основы для анализа статистические данные, отражающие количество совершенных преступлений, отклонение от предложенной нами выборки составило бы более 40 %, что отразилось бы на результатах исследования. Также общим недостатком всех статических исследований является неотражение в них латентной преступности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведем анализ преступности Краснодарского края в 1999–2020 гг. как крайней формы проявления делинквентного поведения. В табл. 1 представлены данные по поставленным на учет лицам всех возрастов и отдельно молодежи.

Таблица 1

Количество преступников всех возрастов и молодежи

Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все возрасты, кол-во чел.	55 194	51 868	54 217	43 392	38 671	34 424	36 072	38 118	39 322	37 891	36 552
Молодежь, кол-во чел.	26 318	24 809	25 116	20 621	19 439	16 606	17 293	18 303	18 430	16 930	15 578
Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Все возрасты, кол-во чел.	31 766	32 488	32 302	33 081	32 287	34 083	32 764	31 550	29 348	28 362	28 129
Молодежь, кол-во чел.	13 553	13 850	13 796	14 099	13 432	13 320	12 399	11 274	10 041	9 327	8 721

Источник^d

^d Министерство внутренних дел. Главный информационно-аналитический центр. Режим доступа: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 13.05.2024).

В табл. 2 отражена доля молодежи в общем количестве преступников.

Таблица 2

Расчет доли молодежи в общем количестве лиц, совершивших преступления

Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Доля, %	47,7	47,8	46,3	47,5	50,3	48,2	47,9	48,0	46,9	44,7	42,6
Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля, %	42,7	42,6	42,7	42,6	41,6	39,1	37,8	35,7	34,2	32,9	31,0

Составлено автором по материалам исследования

На рис. 1 наглядно изображено количество молодежи, совершившей преступления в Краснодарском крае в 1999–2020 гг.

Источник²

Рис. 1. Молодежь, поставленная на учет как преступники в Краснодарском крае с 1999 г. по 2020 г.

Как видно из представленных таблиц, количество лиц, поставленных на учет как совершивших преступления, постепенно снижается. Так, с 1999 г. их количество уменьшилось на 27,065 тыс. чел., или 49 %. Такая же тенденция отмечается и в количестве молодых преступников – с 1999 г. их число уменьшилось на 17,597 тыс. чел., или 67 %. Наглядно это представлено на рис. 1, тренд которого направлен вниз. Из изложенного следует, что количество лиц, совершающих преступления на территории Краснодарского края, в том числе молодежи, за исследуемый период значительно сократилось.

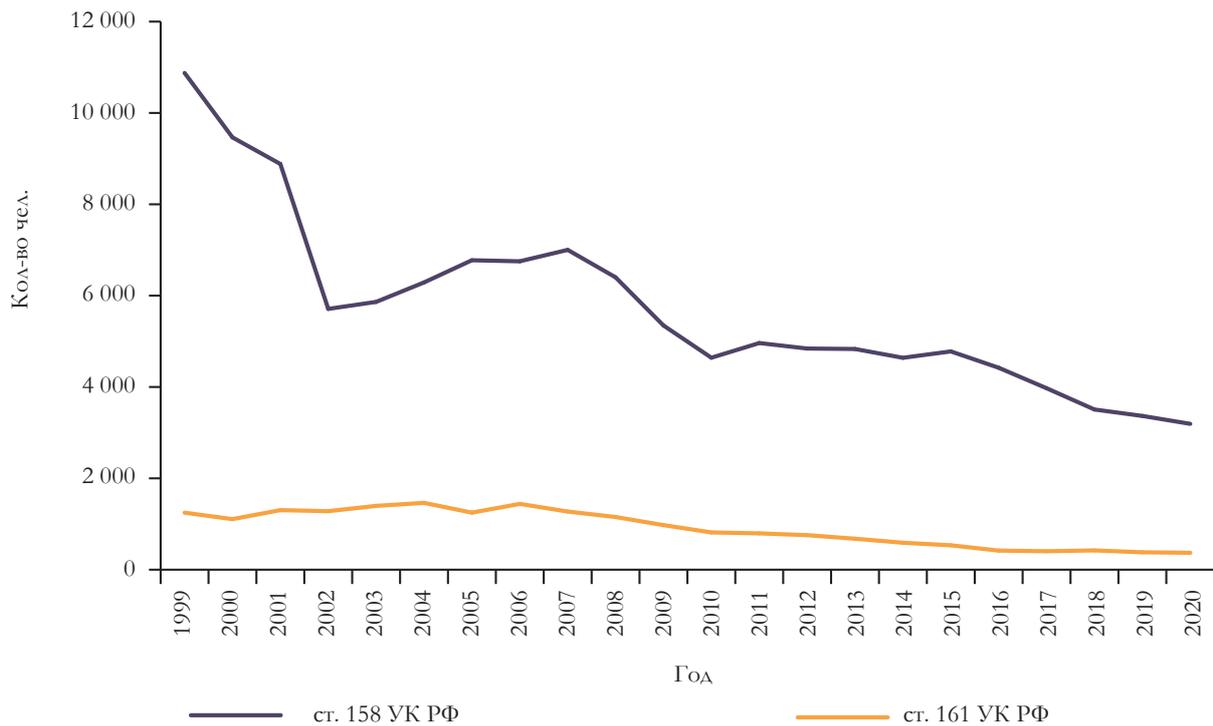
Более того, как видно из табл. 1, доля молодежи в общем количестве лиц, совершивших преступления, значительно сократилась – в 2020 г. на 17,7 % в сравнении с 1999 г. Так, если в первой половине 2000-х гг. почти каждый второй, совершивший преступление, попадал под категорию «молодежь», то к 2020 г. этот показатель снизился до каждого третьего.

На наш взгляд, вызывают определенный интерес тенденции изменения количества лиц, совершающих наиболее распространенные составы преступлений. В качестве последних мы предложили проанализировать кражи и грабежи (ст. 158 и ст. 161 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и умышленное причинение вреда здоровью легкой и средней тяжести (ст. 115 и ст. 112 УК РФ) как самые «популярные» составы преступлений против собственности и как одни из самых многочисленных преступлений против личности³.

² Министерство внутренних дел. Главный информационно-аналитический центр. Режим доступа: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 13.05.2024).

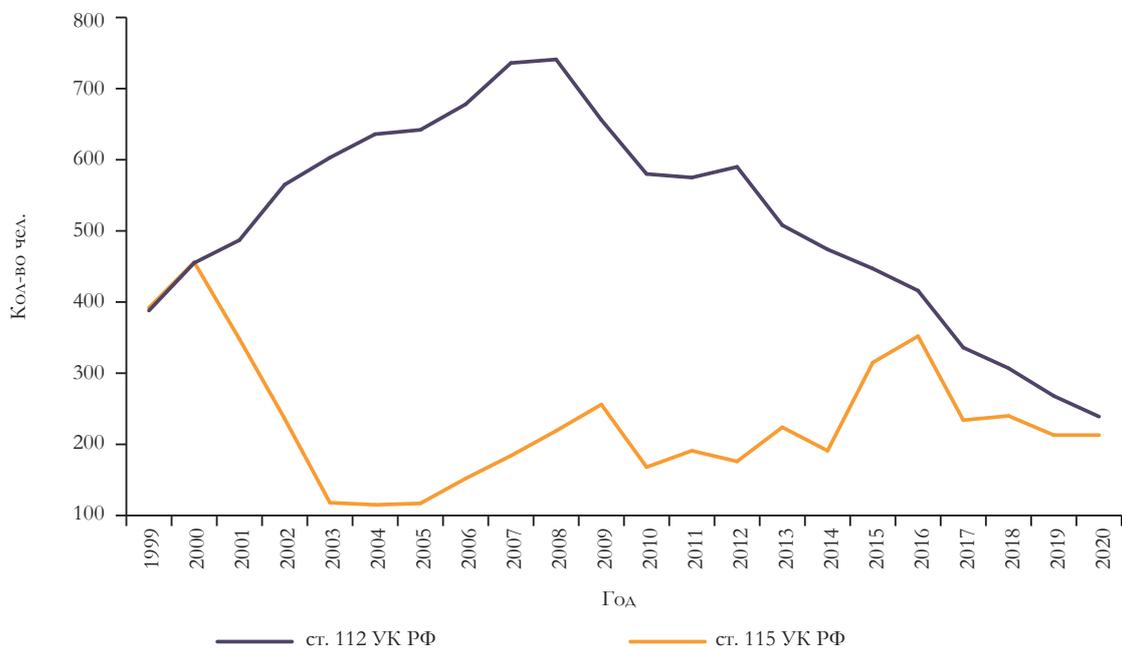
³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 13.05.2024).

Динамика молодежи, поставленной на учет по указанным выше составам преступлений в Краснодарском крае в 1999–2020 гг., приведена на рис. 2 и 3.

Источник⁴

Рис. 2. Количество молодежи, поставленной на учет в Краснодарском крае как совершившей преступления по ст. 158 и ст. 161 УК РФ в 1999–2020 гг.

Источник^{5,6}

Рис. 3. Количество молодежи, поставленной на учет в Краснодарском крае как совершившей преступления по ст. 112 и ст. 115 УК РФ в 1999–2020 гг.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 13.05.2024).

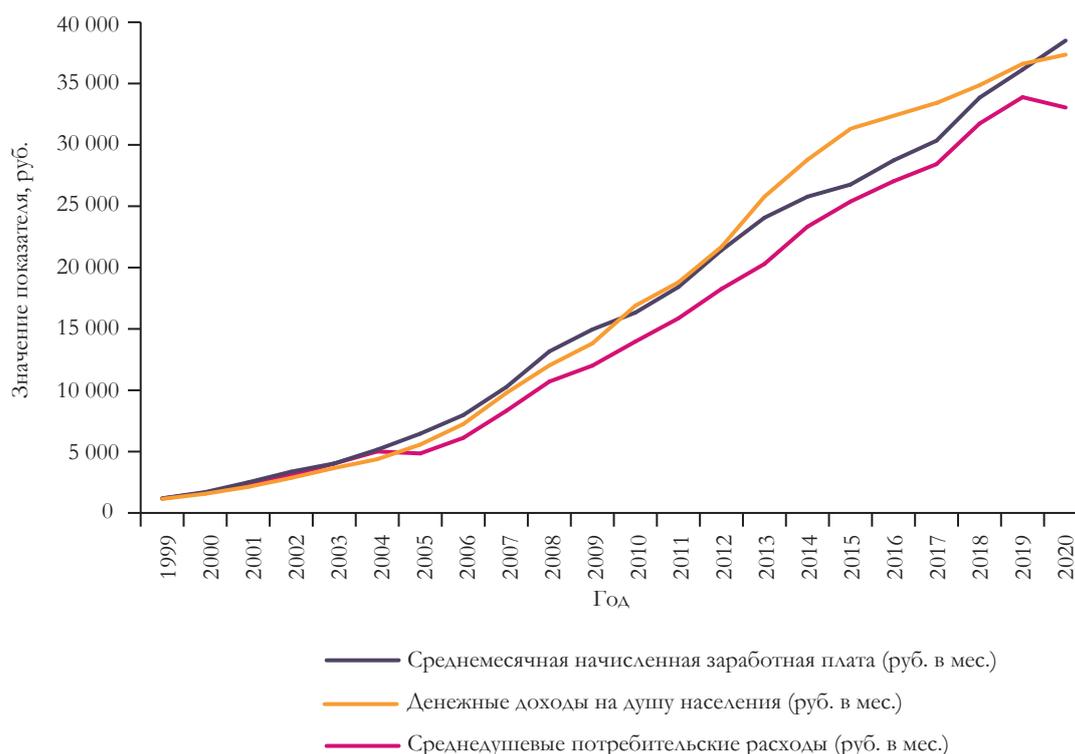
⁵ Там же.

⁶ Министерство внутренних дел. Главный информационно-аналитический центр. Режим доступа: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 13.05.2024).

Нами были отобраны объективные (социально-экономические) факторы, которые могут оказывать, на наш взгляд, существенное влияние на динамику преступности в регионе. Наиболее значимыми являются:

- среднемесячная начисленная заработная плата;
- денежные доходы на душу населения;
- среднедушевые потребительские расходы.

Изучение показателей доходов и расходов населения является одним из наиболее значимых вопросов при анализе качества и уровня жизни общества, поскольку данные показатели способны дать обширное представление о материальных возможностях как всего населения, так и отдельно взятого индивида. Сравнение и соотнесение этих данных отражает степень благосостояния граждан и уровень их удовлетворенности как материальными, так и нематериальными благами. Значительное изменение этих факторов в ту или иную сторону может косвенным образом побуждать молодежь к делинквентному поведению или, наоборот, к отказу от такового (рис. 4).

Источник⁷

Рис. 4. Динамика изменений среднемесячной начисленной заработной платы, денежных доходов на душу населения и среднедушевых потребительских расходов в 1999–2020 гг. в Краснодарском крае

При анализе рис. 2 и 4 обращает на себя внимание направление трендов – тренды отобранных социально-экономических показателей направлены вверх, что говорит о растущем благосостоянии населения, а тренды количества молодежи, совершившей имущественные составы преступлений, направлены вниз, что свидетельствует о снижении количества преступников и обратной связи с предложенными объективными факторами. Также закономерной оказалась зависимость общего количества молодежи, совершающей преступления, от выбранных социально-экономических показателей. Это объясняется структурой преступности, в которой более 50 % – это преступники, совершившие преступления против собственности.

Однозначно утверждать о какой-либо зависимости между доходами и расходами населения и количественными показателями преступлений против жизни и здоровья (рис. 3) сложно. На лиц, совершающих преступления против личности, большее влияние оказывают субъективные факторы (культурные ценности, круг общения, уровень воспитания и т.д.), чем социально-экономические. Правовое воспитание

⁷ Федеральная служба государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. Статистика. Режим доступа: <https://23.rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 13.05.2024).

в России, как и воспитание в целом, во многом остается в зоне ответственности родителей, и нередко оно формируется стихийно, на основании собственных наблюдений за жизнью семьи, разговоров взрослых, информации, получаемой в общении со сверстниками или из средств массовой информации. В результате остаются подростки (хоть их количество и уменьшается с каждым годом), которые не уважают законы или не видят ничего страшного в их нарушении (что проявляется в различных формах нарушения общественного порядка, в том числе драках, что в итоге нередко приводит к привлечению их к ответственности по ст. 115 и ст. 112 УК РФ) [5]⁸.

Вместе с тем можно с определенной осторожностью сделать вывод о возрастающем количестве молодежи с правомерным поведением. Поскольку правомерное поведение является отражением высокого уровня правосознания, можно констатировать об общем повышении уровня правосознания в молодежной среде. Это может быть связано с некоторым увеличением в последние годы положительного влияния государства и школы на правовое воспитание молодежи, а также принятием ряда нормативно-правовых актов в данном направлении. В 2016 г. принято распоряжение Правительства РФ от 12 марта 2016 г. № 423-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р», реализация которого также в определенной мере положительно сказалась на формировании правовой культуры молодежи⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящего исследования нами установлена обратная зависимость между количеством молодежи, совершающей преступления против собственности, и доходами/расходами населения. Однако определить, насколько сильная эта зависимость и какое влияние оказывают социально-экономические факторы на другие категории преступников, не представилось возможным ввиду использования метода простого сравнительного статистического анализа.

Степень влияния объективных факторов на правосознание индивида и на формирование у него делинквентного поведения требует дополнительного, более глубокого изучения с применением различных инструментов, в том числе с использованием сложных математических моделей и методов. Например, с помощью корреляционного анализа можно установить наличие и силу зависимости между динамическими рядами, отражающими количество преступников и состояние социально-экономических факторов (то есть определить, являются ли данные случайные величины взаимосвязанными), после чего с помощью регрессионного анализа можно установить количественную форму зависимости между случайными величинами, имеющими корреляционную связь, – построить уравнение множественной регрессии, описывающее зависимость уровня преступности от включенных в модель факторов внешней среды. Вместе с тем хотелось бы отметить, что в рамках одной научной статьи выполнить такой объем работ практически невозможно, поэтому цель настоящего исследования заключалась в установлении влияния некоторых объективных факторов на делинквентное поведение региональной молодежи.

Список литературы

1. *Еремеев С.Г.* Правосознание и особенности формирования делинквентного поведения подростка. Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014;2(57):46–48.
2. *Савельев А.П.* Правовые аспекты предупреждения виктимизации несовершеннолетних. Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012;4(51):63–65.
3. *Хагуров Т.А.* Девиантология – социология и психология зла. М.: ИНФРА-М; 2023. 412 с.
4. *Столяренко А.М. (ред.)* Прикладная юридическая психология. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2001. 639 с.
5. *Хагуров Т.А., Остапенко А.А., Резник А.П. и др.* Риски взросления в современной России: концепции и факты. М.: Институт социологии РАН; 2014. 313 с.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 13.05.2024).

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 марта 2016 г. № 423-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195441/ (дата обращения: 13.05.2024).

References

1. *Yeremeev S.G.* Legal awareness and features of the formation of delinquent behavior in teenagers. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2014;2(57):46–48. (In Russian).
2. *Saveliev A.I.* Legal aspects of the prevention of minors' victimization. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2012;4(51):63–65. (In Russian).
3. *Khagurov T.A.* *Deviantology – sociology and psychology of evil*. Moscow: INFRA-M; 2023. 412 p.(In Russian).
4. *Stolyarenko A.M. (ed.)* *Applied Legal Psychology*. Moscow: UNITY-DANA; 2001. 639 p. (In Russian).
5. *Khagurov T.A., Ostapenko A.A., Reznik A.P. et al.* *Risks of growing up in modern Russia: Concepts and facts*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2014. 313 p. (In Russian).

Психологические механизмы группового воздействия на индивидуальное поведение

Ганат Светлана Александровна

Канд. психол. наук, доц. каф. управления наукоемкими отраслевыми и региональными проектами
ORCID: 0009-0006-2262-625X, e-mail: saganat@mephi.ru

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализированы психологические механизмы группового воздействия на индивидуальное поведение, включая конформность, социальное внушение, давление авторитета и подражание, которые оказывают решающее влияние на формирование поведения индивидов в социальных группах. Особое внимание уделено трансформации этих механизмов под влиянием цифровых медиа и новых коммуникационных технологий в условиях глобализации. Исследовано влияние цифровых платформ на политическую активность молодежи, что подчеркивает возрастающую роль онлайн-коммуникаций в формировании коллективного поведения. Групповые нормы и ожидания, часто навязываемые через цифровые платформы, активно формируют социальную идентичность и поведение индивидов, усиливая их подверженность групповому давлению и конформности. Выявлено, что стили лидерства также существенно влияют на динамику групп, изменяя поведенческие реакции их членов. Кросс-культурные исследования показывают важность учета контекста, поскольку реакция на социальное давление варьируется в разных культурах. Необходимо проведение дальнейшего изучения долгосрочных эффектов социального влияния и разработки методов минимизации его негативных последствий для индивидуального поведения. Результаты настоящего исследования способствуют углубленному пониманию механизмов социального влияния в условиях глобализации, отмечая значимость междисциплинарного подхода.

Ключевые слова

Социальное воздействие, социальная идентичность, социальная психология, кросс-культурные исследования, цифровые медиа, конформность, социальные нормы, социальные сети, механизмы влияния, образовательные стратегии

Для цитирования: Ганат С.А. Психологические механизмы группового воздействия на индивидуальное поведение // Вестник университета. 2024. № 8. С. 225–234.

Psychological mechanisms of group influence on individual behavior

Svetlana A. Ganat

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Management of High-Tech Industry and Regional Projects Department
ORCID: 0009-0006-2262-625X, e-mail: saganat@mephi.ru

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia

Abstract

The paper analyzes psychological mechanisms of group influence on individual behavior, including conformity, social suggestion, authority pressure, and imitation, which have a decisive influence on individual behavior formation in social groups. Special attention has been paid to these mechanisms' transformation under the influence of digital media and new communication technologies in the context of globalization. Digital platforms influence on the political activity of young people has been studied, which emphasizes the increasing role of online communications in shaping group behavior. Group norms and expectations, often imposed through digital platforms, actively shape social identity and individuals' behavior, increasing their susceptibility to group pressure and conformity. Leadership styles have also been found to significantly influence group dynamics by altering group members' behavioral responses. Cross-cultural studies show the importance of contextualization, as responses to social pressure vary across cultures. There is a need for further research on the long-term effects of social influence and the development of methods to minimize its negative effects on individual behavior. The study results contribute to a deeper understanding of the social influence mechanisms in the context of globalization, noting the importance of an interdisciplinary approach.

Keywords

Social influence, social identity, social psychology, cross-cultural studies, digital media, conformity, social norms, social networks, influence mechanisms, educational strategies

For citation: Ganat S.A. (2024) Psychological mechanisms of group influence on individual behavior. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 225–234.

ВВЕДЕНИЕ

В статье анализируются конкретные психологические механизмы воздействия групп на индивидуальное поведение, включая конформность, социальное давление и групповую динамику. Особое внимание уделяется тому, как социальные сети и групповые ожидания формируют установки и действия индивидов.

Глобализация и развитие цифровых коммуникационных технологий привели к новым формам социального взаимодействия, что в свою очередь требует адаптации традиционных теорий социальной психологии к новым реалиям [1; 2]. Исследования последних лет показывают, как цифровые медиа трансформируют механизмы социального влияния и какие существуют способы, которыми люди формируют свои социальные идентичности.

Процессы цифровизации меняют динамику группового взаимодействия, создавая новые формы коллективного воздействия, где индивиды подвержены влиянию как реальных, так и виртуальных коммуникативных статусов. Цифровое коммуникативное пространство формирует уникальные условия для трансформации социального статуса личности, где происходит непрерывное взаимодействие между объективными нормами группы и субъективным восприятием индивидом своего места в группе [3]. Важность анализа этих изменений особенно видна на примере воздействия социальных медиа на психологическое благополучие молодежи, где «лайки» и комментарии могут существенно влиять на самооценку и социальное поведение [4]. Подобные находки указывают на необходимость более глубокого изучения процессов социального влияния в условиях современного информационного общества.

Исследования механизмов руководства и лидерства показывают, что стили управления могут значительно модифицировать групповую динамику и, как следствие, поведение отдельных членов группы [5]. Эти данные обеспечивают ценные ориентиры для разработки эффективных стратегий в области управления, образования и социальной работы [6].

Данная работа направлена на интеграцию и синтез исследований для построения объективной модели, описывающей взаимосвязь между групповым воздействием и индивидуальным поведением, учитывая как классические теоретические подходы, так и современные исследования в области социальных наук. Этот комплексный подход не только углубит понимание существующих теорий, но и поспособствует разработке новых методологий для изучения социальных явлений в контексте быстро меняющегося мира.

Концепция социального влияния включает различные механизмы, такие как конформность, внушение, социальное давление и подражание. Конформность проявляется, когда индивиды изменяют свои убеждения или поведение под воздействием реальных или воображаемых групповых норм [7]. Эти механизмы могут действовать как на осознанном, так и на неосознанном уровне, что делает их анализ особенно сложным и многообразным. Социальные идентичности и принадлежность к группам играют ключевую роль в формировании поведения индивидов. Теория социальной идентичности, предложенная Тэджем и Тернером, утверждает, что люди стремятся к положительной самооценке, достигаемой через принадлежность к социальным группам [8]. Этот процесс способствует тому, что групповые нормы и ценности становятся внутренними установками индивидов, влияя на их поведение и восприятие мира.

Современные ученые также подчеркивают колоссальное воздействие социальных медиа на процессы социального влияния и идентичности. Такие медиа создают новые платформы для взаимодействия и распространения информации, что приводит к ускорению и усилению механизмов социального влияния [9]. Блоги выступают как важный инструмент для молодежных политических лидеров, стимулируя активное участие в политической жизни через мобилизацию аудитории в цифровом пространстве, что способствует продвижению в офлайн-политическую сферу [10]. Такие платформы позволяют индивидам мгновенно обмениваться мнениями и убеждениями, что усиливает эффект группового давления и конформности.

Кроме того, междисциплинарные исследования, объединяющие социальную психологию с нейронауками и когнитивными науками, предлагают новые перспективы в понимании механизмов социального влияния. Например, анализ нейронных основ конформности показывает, что активность в определенных областях мозга коррелирует с изменениями убеждений под воздействием группы [11]. Это открывает новые возможности для разработки комплексных моделей, объясняющих как социальные, так и биологические аспекты поведения в контексте группового влияния.

Цель данной статьи заключается в интеграции результатов различных исследований для возможности построения в дальнейшем комплексной модели, описывающей взаимосвязь между групповым

воздействием и индивидуальным поведением. Такой подход позволит углубить понимание как классических теорий, так и новых методологий в условиях современного информационного общества, обеспечивая более четкое понимание процессов социального влияния и их влияния на личностные установки и поведение.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Понимание механизмов, через которые групповое воздействие влияет на индивидуальное поведение, требует обширного рассмотрения академических работ в области социальной психологии. Ряд исследований подтверждает, что социальное воздействие групп оказывает значительное влияние на личностные установки, поведение и решения индивидов. Данный обзор охватывает теоретические и эмпирические исследования, описывающие различные аспекты данного феномена.

Теоретические основы воздействия коллектива были четко изложены еще в работах В.М. Бехтерева [12]. Э.Г. Патрикеева и А.В. Петровский развивают эту тему, исследуя, как коллективные установки формируются и поддерживаются в социальных группах [13; 14]. Динамика в малых группах получила детальное рассмотрение в работах Т.В. Эксакусто, Р.А. Кричевского, Е.М. Дубовской, которые изучили, как внутригрупповые процессы и лидерство влияют на групповые и индивидуальные поведенческие результаты [15; 16]. Влияние культурных и языковых различий на групповую динамику и индивидуальное поведение подчеркивается и в зарубежных исследованиях, которые показывают, как культурные контексты и языковые особенности формируют социальное взаимодействие и доверие внутри групп [17].

Исследования влияния цифровых технологий на социальные процессы представлены в коллективных научных работах экспертов, которые анализируют, как социальные медиа изменяют традиционные формы социального влияния и взаимодействия, воздействуя на психологическое благополучие и социальную адаптацию [18]. Эмпирические исследования лидерства и его влияния на групповую эффективность освещены в научных работах специалистов, исследующих, как трансформационное лидерство способствует продуктивности и социальному взаимодействию в рабочих коллективах или подрывает их [5]. Таким образом, данный обзор литературы предоставляет комплексный взгляд на разнообразные аспекты влияния коллектива на индивидуальное поведение, позволяя глубже понять механизмы социального воздействия на индивидуальные и коллективные процессы в различных социальных контекстах.

Влияние социальных групп на индивидуальное поведение изучалось на протяжении десятилетий, и ключевые теоретические основы были заложены в работах таких исследователей, как К. Левин. Он ввел понятие «групповая динамика», утверждая, что поведение индивидов в группе зависит от общей структуры и процессов группы [19]. В.М. Бехтерев предлагал концепцию «психической инфекции», объясняя, как эмоции и идеи могут передаваться внутри группы, влияя на коллективное поведение [12]. Позже исследования подтверждали и расширяли эти идеи. Например, работы Петровского и Донцова углубляют понимание групповых норм и их влияния на индивидуальные установки и поведение. А.В. Петровский подчеркивает, что группы создают нормативные ожидания, которые индивиды стремятся соблюдать, чтобы сохранить свою принадлежность к группе [14]. Донцов в свою очередь исследует механизмы внутригрупповой коммуникации и их роль в поддержании групповой сплоченности.

Стоит отметить, что кросс-культурные исследования предоставляют ценные данные о влиянии групповых процессов на индивидуальное поведение. В частности, ученые показали, что культурные контексты могут существенно изменять восприятие и реакцию на групповое давление. Они сравнивали различные культурные группы и выявили значительные различия в степени конформности и восприимчивости к групповому влиянию [17]. Эти данные особенно важны для понимания того, как глобализация воздействует на социальные взаимодействия и поведения в различных культурных контекстах.

Цифровые технологии и социальные медиа также оказывают значительное влияние на социальное поведение. Исследования объясняют, как социальные медиа изменяют традиционные формы социального влияния, создавая новые механизмы для формирования общественного мнения и идентичности. Политические симуляторы и онлайн-игры позволяют молодежным лидерам развивать навыки стратегического мышления и принятия решений, моделируя политические ситуации и тестируя свои компетенции в рамках онлайн-марафонов и флешмобов [10]. Эти платформы позволяют быстро распространять идеи и нормы, что может как усиливать, так и изменять традиционные механизмы социального влияния. [18] Дальнейшие исследования в этой области необходимы для полного понимания усиливающегося воздействия цифровых технологий на социальные процессы.

Отечественные исследования также подтверждают, что социальное воздействие в группах оказывает значительное влияние на индивидуальное поведение. В частности, исследования Г.М. Андреевой подчеркивают, что процессы социализации и групповая динамика играют ключевую роль в формировании личностных установок и поведения индивидов. Автор утверждает, что групповые нормы и ожидания часто становятся основой для принятия решений и действий индивидов, что подтверждает важность социального контекста в изучении поведения человека [20].

Другие российские ученые фокусируются на влиянии социальных медиа на процессы социального влияния. Подобные исследования показывают, что социальные платформы не только усиливают традиционные механизмы социального влияния, но и вводят новые формы взаимодействия, которые могут значительно изменять поведенческие модели. В частности, «лайки», комментарии и «шеринги» становятся мощными инструментами социального давления и конформности, влияя на самооценку и поведение пользователей.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании применялся аналитический подход к изучению литературы, описывающей психологические механизмы группового воздействия на индивидуальное поведение. Работа опирается на комплексный анализ научных публикаций, включая статьи в рецензируемых журналах, монографии и эмпирические исследования, проведенные за последние десятилетия. Для анализа были использованы научные базы данных с приоритетом на труды, опубликованные в ведущих научных журналах по социальной психологии и смежным дисциплинам.

Особое внимание уделено работам, которые раскрывают:

- теоретические основы группового воздействия на индивидуальное поведение;
- эмпирические данные о влиянии групповых норм и ожиданий на поведение индивидов;
- кросс-культурные исследования, иллюстрирующие различия в групповом влиянии в разных культурных контекстах.

Основным методом анализа является систематический обзор, который включает идентификацию, отбор, синтез и анализ соответствующих исследований. Этот подход позволяет объединить результаты различных работ для формирования обобщенных выводов по теме. Данные из отобранных источников синтезированы для построения логически связанной нарративной линии, описывающей как изменения в теоретических подходах с течением времени, так и развитие понимания влияния коллектива на индивидуальное поведение. Синтез включает сравнение и контрастирование различных научных подходов, что позволяет выделить ключевые темы и тренды. Этот методологический подход обеспечивает глубокое понимание темы, позволяя не только описать существующее состояние области, но и выявить потенциальные направления для будущих исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате аналитического обзора литературы, основываясь на систематическом анализе и синтезе данных, автор выявил ключевые выводы, отражающие текущее состояние исследований в области психологических механизмов воздействия коллектива на индивидуальное поведение. Эти результаты обобщают широкий спектр теоретических и эмпирических данных и представляют синтез многочисленных научных работ.

Принадлежность к группе значительно влияет на индивидуальные установки и поведение через механизмы социального влияния и конформности. Групповые нормы и ценности оказывают существенное давление на индивидов, стимулируя их к соблюдению и поддержанию этих норм [13; 14]. Присутствует стремление к более глубокому пониманию взаимосвязей между личными и коллективными аспектами поведения, а также к разработке стратегий для управления этими процессами в социальных и организационных средах. Исследования, проведенные в различных контекстах, подтверждают важность социальных норм в регулировании поведения индивидов. В частности, экспериментальные исследования показывают, что принадлежность к определенной социальной группе может значительно влиять на личные решения и действия, особенно в ситуациях, требующих морального выбора [5]. Эти результаты подтверждают, что социальная идентификация и групповые нормы являются мощными детерминантами индивидуального поведения.

Еще одним важным выводом является то, что стиль лидерства оказывает существенное воздействие на групповую динамику и эффективность. Лидерство в целом играет критическую роль в модуляции влияния групп на своих членов. Стиль лидерства может усилить или ослабить процессы социального влияния внутри группы, воздействуя на групповую согласованность и индивидуальное участие [4; 8]. Исследования трансформационного лидерства показывают, что лидеры, вдохновляющие своих последователей и предлагающие ясное видение, могут значительно повысить уровень мотивации и согласованности в группе [16]. Этот эффект особенно заметен в командах с высокой степенью межличностной зависимости, где лидерство играет ключевую роль в достижении групповых целей.

Однако кросс-культурные исследования показали, что восприятие и реакции на групповое воздействие могут значительно различаться в зависимости от культурного контекста. Традиции формируют, как и в какой степени индивиды подвергаются влиянию групповых норм и ожиданий [17]. В культурах с коллективистскими ценностями, таких как Япония и Китай, люди более склонны к конформности и подчинению групповым нормам, чем в культурах с индивидуалистическими ценностями, таких как Соединенные Штаты Америки [19]. Эти различия подчеркивают важность учета культурного контекста при анализе механизмов социального влияния.

Современные технологии, включая социальные медиа, также значительно изменили механизмы социального влияния. Социальные сети создают платформы для мгновенного обмена информацией и формирования общественного мнения, что усиливает эффект социального давления и конформности [20]. В этом контексте важно продолжать изучение влияния цифровых технологий на социальные процессы, чтобы лучше понимать новые формы социального взаимодействия и их последствия для поведения индивидов. Например, интернет-активизм виртуальных сообществ способен быстро мобилизовать пользователей для координированных действий, создавая социальные риски и вызывая необходимость многомерного анализа таких сообществ со стороны государства и научных центров [21]. Социальные медиа могут как усиливать, так и изменять традиционные механизмы социального влияния [18].

Другой важный аспект касается социального манипулирования среди молодежи, изученный С.О. Елишевым. В своей диссертации автор проанализировал, как различные формы социального манипулирования, включая воздействие через социальные медиа, влияют на формирование ценностных ориентаций и поведения молодежи. Автор выявил, что манипулятивные стратегии, используемые в социальных сетях, могут существенно воздействовать на восприятие и поведение молодых людей, усиливая их подверженность групповому давлению и социальному конформизму [22].

Современные отечественные исследования также выявляют значительное влияние социальных групп на индивидуальное поведение. Например, в работе И.В. Мерсияновой и А.С. Брюхно показано, что социальное настроение россиян оказывает существенное воздействие на помогающее поведение. Авторы выяснили, что позитивное социальное настроение способствует повышению уровня альтруизма и готовности помогать другим, тогда как негативное настроение может снижать эти показатели [23]. Эти данные подчеркивают важность эмоционального фона и его влияния на социальные взаимодействия.

ВЫВОДЫ

На основании анализа существующих исследований обсуждение фокусируется на интерпретации ключевых результатов и их влиянии на теоретические и практические аспекты социальной психологии. Групповое воздействие играет критическую роль в формировании индивидуального поведения. Это находит отражение в социализации, конформности и внутригрупповой координации, что согласуется с классическими теориями социального влияния, описанными в работах Э.Г. Патрикеевой и А.В. Петровского. Современные подходы, исследующие воздействие социальных медиа, дополняют эти теории, показывая, как цифровые платформы модифицируют традиционные механизмы влияния. В целом культура цифрового общества формируется на пересечении социологических теорий и диджитализации, отражая динамическое взаимодействие новых форм коммуникаций и классических культурных норм, что требует дальнейшего эмпирического анализа для оценки ее влияния на групповое поведение и социальные процессы [24].

Исследования подчеркивают важность учета групповых факторов в разработке образовательных, организационных и социальных стратегий. Осознание того, как лидерство и культурные аспекты влияют на групповую динамику, может помочь в формировании более эффективных подходов к управлению

и образованию [4; 18]. Дискуссия также акцентирует внимание на кросс-культурных различиях в восприятии и реагировании на групповое воздействие, что важно для международных организаций и глобальных исследований. Понимание этих различий помогает оптимизировать межкультурное взаимодействие и повышает эффективность международного сотрудничества.

Кросс-культурные различия играют действительно важную роль в понимании механизмов социального влияния. В культурах с коллективистскими ценностями люди более склонны к конформности и подчинению групповым нормам, чем в культурах с ценностями индивидуалистическими. Эти различия подчеркивают необходимость учитывать культурный контекст при разработке стратегий управления и взаимодействия в многонациональных коллективах. Обсуждение подчеркивает необходимость дальнейших исследований влияния групповых процессов на индивидуальное поведение, особенно в условиях быстро меняющегося глобального ландшафта. Важными являются изучение долгосрочных эффектов социального влияния и разработка методов минимизации негативного воздействия группового давления.

Наконец, результаты указывают на возможности синтеза существующих теорий социального влияния с новыми данными о влиянии цифровых технологий на социальное поведение. Это синтезирование может привести к формированию новых, более универсальных теоретических моделей, способных объяснить более широкий спектр поведенческих явлений. Стоит также подчеркнуть важность продолжения научного диалога и коллаборации между учеными для более глубокого понимания динамических процессов взаимодействия индивидов и групп в современном мире. Феномен того, что социальные группы играют ключевую роль в формировании индивидуального поведения, проявляется через механизмы социального влияния, такие как конформность, внушение и групповое давление. Например, исследования о теории социальной идентичности показывают, что люди стремятся к позитивной самооценке, достигаемой через принадлежность к определенным социальным группам [8]. Этот процесс стимулирует индивидов к соблюдению групповых норм и стандартов, что в свою очередь формирует их поведение.

Поскольку стиль лидерства существенно влияет на динамику группы и поведение ее членов, а люди, применяющие трансформационное лидерство, способны мотивировать и вдохновлять своих последователей, это приводит к повышению групповой согласованности и эффективности. Этот подход приобретает особую значимость в условиях высокой взаимозависимости членов группы, где лидерство становится ключевым фактором в достижении общих целей. Современные отечественные исследования подтверждают критическую роль лидерства в этих процессах. Например, работа А.С. Брюшно демонстрирует, как стиль управления может оказывать значительное влияние на вовлеченность и продуктивность сотрудников, изменяя их отношение к рабочей среде. Кроме того, современные технологии, такие как социальные медиа, существенно трансформировали традиционные механизмы социального влияния. Социальные сети усиливают эффект социального давления и конформности, предоставляя платформы для мгновенного обмена информацией и формирования общественного мнения. Эти изменения требуют переосмысления существующих теорий и разработки новых аналитических подходов, учитывающих специфику социального влияния в условиях цифрового общества.

Российские исследования последних лет также свидетельствуют о возрастающей роли социальных медиа в формировании поведения. Например, С.О. Елишев показывает, что манипулятивные стратегии, применяемые в социальных сетях, оказывают значительное воздействие на поведение молодежи, усиливая их восприимчивость к групповому давлению и конформизму. Эти данные подчеркивают актуальность разработки методов снижения негативного влияния социальных медиа на индивидуальное поведение, что становится важной задачей для современных исследователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты подтверждают критическую роль социальных сетей и группового давления в формировании поведения индивидов. Психологические механизмы, такие как конформность и социальное внушение, оказываются напрямую связанными с нейронными процессами, регулирующими адаптацию индивидов к групповым нормам. Социальные сети играют ключевую роль в усилении этих процессов, создавая новые формы социального влияния, требующие дальнейшего изучения. Приведенные данные подчеркивают важность междисциплинарного подхода для глубокого понимания социальных и нейропсихологических механизмов группового воздействия на индивидуальное поведение. В условиях глобализации и цифровизации общества изучение этих процессов становится все более актуальным,

открывая возможности для разработки стратегий минимизации негативного влияния социальных групп на поведение индивидов.

Психологические механизмы, такие как конформность и внушение, играют важную роль в адаптации индивидов к коллективным нормам. Эмпирические данные подтверждают, что протестное поведение молодежи усиливается под воздействием цифровых коммуникаций, особенно в условиях увеличения объема политической информации с высоким числом «лайков» и репостов, что подчеркивает необходимость мониторинга цифрового пространства для управления протестными настроениями [25].

Дальнейшие работы могли бы изучить долгосрочные эффекты социального влияния и разработать методы для минимизации его потенциально негативного воздействия на индивидуальное поведение. Особенно актуальными являются исследования, которые помогут лучше понять, как новые формы медиа и технологий влияют на социальное поведение в разных культурных и социальных контекстах. В данной области критически важны коллаборации между экспертами различных дисциплин и культур. Подобные коллаборации способствуют развитию более глубокого и всестороннего понимания механизмов социального влияния. Необходимо также продолжать использование междисциплинарных подходов, которые помогают интегрировать данные из разных источников и культурных контекстов для более точного и обширного понимания социальных процессов.

Таким образом, результаты настоящего исследования не только укрепляют существующие теоретические рамки, но и предлагают основу для разработки более эффективных стратегий управления социальной динамикой. Это имеет большое значение для образования и социальной работы в современных условиях. Данная работа подчеркивает необходимость продолжения научных изысканий в изучаемой области, особенно в контексте быстро меняющихся социальных и технологических реалий.

Список литературы

1. Levy N., Milkowski M., Sigaki H.Y.D. Social Influence and the Collective Dynamics of Opinion Formation. PLoS One. 2023;1(15):e0078433. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078433>
2. Gefen D., Fresneda J.E., Larsen K.R. Trust and Distrust as Artifacts of Language: A Latent Semantic Approach to Studying Their Linguistic Correlates. Front. Psychol. 2020;11:561. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00561>
3. Чернавин Ю.А. Коммуникативный статус личности в цифровом обществе. Цифровая социология/Digital Sociology. 2022;2(5):33–42. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-2-33-42>
4. Бессчетнова О.В., Волкова О.А., Алиев Ш.П., Ананченко П.П., Дробышева Л.Н. Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021;3(29):462–467. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-462-467>
5. Khan H., Rehmat M., Butt T.H. et al. Impact of transformational leadership on work performance, burnout and social loafing: a mediation model. Future Business Journal. 2020;6:40. <https://doi.org/10.1186/s43093-020-00043-8>
6. Сухов А.Н. Отечественная социальная психология: состояние и перспективы. Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2022;4(39):404–416. <https://doi.org/10.23888/humj2022104409-416>
7. Cialdini R., Goldstein N. Social Influence: Compliance and Conformity. Annual review of psychology. 2004;55:591–621. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.090902.142015>
8. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict. In: Austin W.G., Worchel S. (eds.) The social psychology of intergroup relations. Monterey, CA: Brooks/Cole; 1979. Pp. 33–37.
9. Aral S., Walker D. Identifying Influential and Susceptible Members of Social Networks. Science. 2012;337(6092):337–341. <https://doi.org/10.1126/science.1215842>
10. Судоргин О.А., Агафонов А.В. Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства. Управление. 2024;2(12):99–108. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108>
11. Falk E.B., Scholz C. Neuroscience of Persuasion: How Communicational Practices Change Brains. Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2021;118:3.
12. Бехтерев В.М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. СПб.: Т-во худож. печати; 1911. 19 с.
13. Патрикеева Э.Г. О проблеме коллектива в социальной психологии. Приволжский научный вестник. 2014;11-2(39):173–176.
14. Петровский А.В., Шпалковский В.В., Оботурова П.А. и др. Психологическая теория коллектива. М.: Педагогика; 1979. 239 с.
15. Эскакусто Т.В. Основы психологии малых групп и управления коллективом. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета; 2016. 208 с.
16. Кричевский Р.А., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. М.: Аспект Пресс; 2001. 318 с.

17. *Smith P.B., Bond M.H.* Cultures and Persons: Characterizing National and Other Types of Cultural Difference Can Also Aid Our Understanding and Prediction of Individual Variability. *Front Psychol.* 2019;29:2689. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02689>
18. *Ostic D., Qalati S.A., Barbosa B., Shah S.M.M., Galvan Vela E., Herzallah A.M., Liu F.* Effects of Social Media Use on Psychological Well-Being: A Mediated Model. *Front Psychol.* 2021;12:678766. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.678766>
19. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь; 2000. 408 с.
20. *Андреева Г.М.* Социальная психология. 5е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс; 2009. 362 с.
21. *Зимова Н.С., Фомин Е.В.* Социальные риски интернет-активизма виртуальных сообществ. *Цифровая социология/Digital Sociology.* 2023;3(6):45–53. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-45-53>
22. *Елишев С.О.* Социальное манипулирование современной молодежью. Дис. ... канд. социол. Наук: 22.00.04. М.: МГУ; 2018. 450 с.
23. *Мерсиянова И.В., Брюхно А.С.* Социальное настроение россиян: структура и влияние на помогающее поведение. *Социологические исследования.* 2023;9:29–40. <https://doi.org/10.31857/S013216250027776-6>
24. *Салтанович И.П.* Концепции культуры цифрового общества в современной социологии. *Цифровая социология/Digital Sociology.* 2024;1(7):26–31. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-1-26-31>
25. *Леньков Р.В., Колосова О.А., Ковалева С.В.* Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде. *Цифровая социология/Digital Sociology.* 2021;1(4):31–41. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41>

References

1. *Levy N., Milkowski M., Sigaki H.Y.D.* Social Influence and the Collective Dynamics of Opinion Formation. *PLoS One.* 2023;1(15):e0078433. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078433>
2. *Gefen D., Fresneda J.E., Larsen K.R.* Trust and Distrust as Artifacts of Language: A Latent Semantic Approach to Studying Their Linguistic Correlates. *Front. Psychol.* 2020;11:561. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00561>
3. *Chernavin Yu.A.* The communicative status of an individual in a digital society. *Digital Sociology.* 2022;2(5):33–42. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-2-33-42>
4. *Besschetnova O.V., Volkova O.A., Aliyev S.I., Ananchenkova P.I., Drobysheva L.N.* The effect of digital mass media on mental health of children and youth. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine.* 2021;3(29):462–467. (In Russian). <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-462-467>
5. *Khan H., Rehmat M., Butt T.H. et al.* Impact of transformational leadership on work performance, burnout and social loafing: a mediation model. *Future Business Journal.* 2020;6:40. <https://doi.org/10.1186/s43093-020-00043-8>
6. *Sukhov A.N.* Domestic social psychology: current state and perspectives. *Personality in a changing world: health, adaptation, development.* 2022;4(39):404–416. (In Russian). <https://doi.org/10.23888/humJ2022104409-416>
7. *Cialdini R., Goldstein N.* Social Influence: Compliance and Conformity. *Annual review of psychology.* 2004;55:591–621. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.090902.142015>
8. *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict. In: Austin W.G., Worchel S. (eds.) *The social psychology of intergroup relations.* Monterey, CA: Brooks/Cole; 1979. Pp. 33–37.
9. *Aral S., Walker D.* Identifying Influential and Susceptible Members of Social Networks. *Science.* 2012;337(6092):337–341. <https://doi.org/10.1126/science.1215842>
10. *Sudorin O.A., Agafonov A.V.* The impact of digitalization on forming modern youth political leadership. *Upravlenie / Management (Russia).* 2024;12(2):99-108. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108>
11. *Falk E.B., Scholz C.* Neuroscience of Persuasion: How Communicational Practices Change Brains. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews.* 2021;118:3.
12. *Bekhterev V.M.* Social psychology subject and tasks as an objective science. St. Petersburg: T-vo khudozh. pechati; 1911. 19 p. (In Russian).
13. *Patrikeeva E.G.* About the problem of the group in social psychology. *Privolzhsky Scientific Journal.* 2014;11-2(39):173–176. (In Russian).
14. *Petrovsky A.V., Shpalinsky V.V., Oboturova I.A.* Psychological theory of a team. Moscow: Pedagogika; 1979. 239 p. (In Russian).
15. *Eksakusto T.V.* Fundamentals of small groups and team management psychology. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publ. House; 2016. 208 p. (In Russian).
16. *Krichensky R.L., Dubovskaya E.M.* Social psychology of a small group. Moscow: Aspect Press; 2001. 318 p. (In Russian).

17. *Smith P.B., Bond M.H.* Cultures and Persons: Characterizing National and Other Types of Cultural Difference Can Also Aid Our Understanding and Prediction of Individual Variability. *Front Psychol.* 2019;29:2689. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02689>
18. *Ostic D., Qalati S.A., Barbosa B., Shah S.M.M., Galvan Vela E., Herzallah A.M., Liu F.* Effects of Social Media Use on Psychological Well-Being: A Mediated Model. *Front Psychol.* 2021;12:678766. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.678766>
19. *Levin K.* Resolving social conflicts. St. Petersburg: Rech; 2000. 408 p. (In Russian).
20. *Andreeva G.M.* Social psychology. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Aspect Press; 2009. 362 p. (In Russian).
21. *Zimova N.S., Fomin E.V.* Social risks of internet activity of virtual communities. *Digital Sociology.* 2023;3(6):45–53. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-45-53>
22. *Elishev S.O.* Social manipulation of modern youth. Diss. ... Cand. Sci. (Sociol.): 22.00.04. Moscow: Moscow State University; 2018. 450 p. (In Russian).
23. *Mersijanova I.V., Bryukhno A.S.* Russian Citizens' Social Mood, Its Structure and Influence on Helping Behaviour. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2023;9:29–40. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250027776-6>
24. *Saltanovich I.P.* Concepts of culture of digital society in contemporary sociology. *Digital Sociology.* 2024;1(7):26–31. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-1-26-31>
25. *Lenkov R.V., Kolosova O.A., Kovaleva S.V.* Socio-psychological diagnostics and forecasting protest behavior of youth in the digital environment. *Digital Sociology.* 2021;1(4):31–41. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41>

Исследование представлений белорусских женщин о безопасности и ее связей с виктимизацией и социальным полом

Голякова Ирина Викторовна¹

Канд. юр. наук, нач. факультета безопасности жизнедеятельности
ORCID: 0000-0001-9695-130X, e-mail: feniks_irina@mail.ru

Карпиевич Виктор Александрович²

Канд. ист. наук, доц. каф. философии и права
ORCID 0000-0002-6198-618X, e-mail: karpievich68@yandex.by

¹ Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

² Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация

Проанализированы различия между представлениями белорусских женщин о безопасности, а также связи между этими представлениями и виктимизацией и социальным полом. Цель настоящего исследования – выявить особенности представлений женщин о безопасности с учетом ее связи с виктимизацией и социальным полом. Используются методы: анализ и синтез, метод опроса и психологического тестирования, обработки и обобщения результатов, табличный и др. Оценка представлений о психологической безопасности исследовалась с помощью «Анкет психологической безопасности» Н.Е. Харламенковой, виктимизация – с помощью методики В.П. Шейнова, для определения полоролевых особенностей использована Шкала «маскулинность–фемининность» из Фрайбургского личностного опросника (FPI). В выборку вошли 590 женщин в возрасте от 18 до 60 лет. Выявлены различия в представлениях о психологической безопасности у женщин разных возрастных групп. Показано, что для женщин безопасность связана с такими понятиями, как мир в стране, надежность, здоровье, контроль ситуации. Взрослые женщины также ассоциируют безопасность с соблюдением норм и правил, владением информацией, наличием надежного спутника. Для молодых девушек безопасность также связана с чувством комфорта, доверием и отсутствием тревоги. Представления о безопасности различаются у женщин феминного и маскулинного типа. Показано, что женщины феминного типа связывают безопасность со своими качествами и способностями, а маскулинного – с установкой на решения проблем личной безопасности с помощью психологической силы и ориентацией на независимость.

Ключевые слова

Безопасность, дескрипторы, взрослые женщины, девушки, виктимизация, социальный пол, маскулинность, феминность

Для цитирования: Голякова И.В., Карпиевич В.А. Исследование представлений белорусских женщин о безопасности и ее связей с виктимизацией и социальным полом // Вестник университета. 2024. № 8. С. 235–244.

© Голякова И.В., Карпиевич В.А., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

A study of Belarusian women's perceptions of safety and its relationships with victimization and social gender

Irina V. Golyakova¹

Cand. Sci. (Jur.), Dean of the Faculty of Life Activity Safety
ORCID: 0000-0001-9695-130X, e-mail: feniks_irina@mail.ru

Viktor A. Karpiyevich²

Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Philosophy and Law Department
ORCID 0000-0002-6198-618X, e-mail: karpievich68@yandex.by

¹University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

²Belarusian State Technological University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract

The differences between Belarusian women's perceptions of safety, as well as the links between these perceptions with victimization and social gender have been analyzed. The purpose of the study is to identify the peculiarities of women's perceptions of safety, considering its relationship with victimization and social gender. Methods used: analysis and synthesis, method of interview and psychological testing, results processing and generalization, tabular, etc. The psychological safety perceptions assessment has been studied with the help of N.E. Kharlamenkova's psychological safety questionnaire and victimization with the help of V.P. Sheinov's methodology, to determine gender-role peculiarities the masculinity-femininity scale from the Freiburg Personality Inventory (FPI) was used. The sample included 590 women aged 18 to 60 years old. Differences in perceptions of psychological safety among women of different age groups have been revealed. It has been shown that for women security is associated with such concepts as peace in their country, reliability, health, and control of the situation. Adult women also associate safety with compliance with norms and rules, possession of information, and a reliable companion. For young girls, security is also associated with a sense of comfort, trust, and lack of anxiety. Perceptions of safety differ between feminine and masculine women. It has been shown that feminine-type women associate safety with their qualities and abilities, and masculine-type women associate it with the attitude to solving personal safety problems with the help of psychological strength and orientation to independence.

Keywords

Safety, descriptors, adult women, girls, victimization, social gender, masculinity, femininity

Для цитирования: Golyakova I.V., Karpiyevich V.K. A study of Belarusian women's perceptions of safety and its relationships with victimization and social gender//Вестник университета. 2024. № 8. С. 235–244.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема безопасности по-прежнему остается актуальной в наши дни. Человек может попасть в опасную ситуацию из-за различных технических неполадок или катастроф, угроз природного характера. Не меньшую опасность могут создавать и сами люди. Существуют угрозы как от непосредственного физического взаимодействия, так и от различных телекоммуникационных и интернет-сетей, а также иных видов мошенничества. Хотя соответствующие государственные структуры и органы стремятся решать данную проблему, до полной безопасности еще далеко.

Вопросы, связанные с безопасностью личности, нашли отражение во многих исследованиях. Так, американские исследователи P.J. Carroll, A.L. Wichman и др. определяют личную безопасность как «чувство свободы от беспокойства по поводу личной (физической или эмоциональной) уязвимости», а личную незащищенность – как «чувство беспокойства по поводу личной уязвимости» [1, с. 2].

Авторы настоящего исследования будут исходить из того, что личная безопасность в значительной степени связана с временными представлениями о защищенности, которые могут меняться в зависимости от множества факторов, поэтому и носят временный характер. Это помогает человеку не стать потенциальной жертвой.

Объектом исследования были выбраны женщины. Так, по мнению индийских исследователей, безопасность женщин в настоящее время является предметом глобальной озабоченности [2]. Данная проблема актуальна для всего мира. С тех пор, как в декабре 2012 г. в Дели произошел жестокий инцидент с групповым изнасилованием, который привлек внимание всего мира, безопасность женщин находится в центре внимания всей Индии. В ходе проведенного в 2017 г. опроса исследователи пришли к выводу, что женское чувство безопасности может быть «разложено на множество факторов – личных, общественных, социальных, технологических, – которые должны совпасть, чтобы это чувство безопасности сохранилось» [3, с. 3340].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Американские исследователи также отмечают, что безопасность и здоровье работающих на производстве женщин находятся под угрозой из-за отсутствия надлежащей политики по снижению гендерно-специфических рисков, таких как дискриминация и домогательства. Более того, уровень насилия на рабочем месте и убийств со стороны личных знакомых был значительно выше среди женщин [4].

Проблемы, касающиеся личной безопасности женщин, имеются и в российском обществе. По приведенным в литературе данным женщины составляют от 68 до 76 % жертв различного рода мошенничества. Среди жертв интернет-мошенничества их число составляет 55 % [5].

Отсутствие безопасности и возникновение уязвимости могут стать причинами виктимизации. Многие исследователи связывают этот процесс с негативными событиями, в которых может оказаться человек. По мнению белорусского профессора В.П. Шейнова, «виктимизация – событие насилия или опыт переживания насилия, процесс превращения человека в жертву неправомерного посягательства, а также результат этого процесса» [6, с. 94]. Российский профессор К.В. Вишневецкий считает, что «виктимизация – это не просто процесс превращения личности или социальной общности в жертву, а скорее в жертву потенциальную, это процесс повышения степени виктимности» [7, с. 226].

Значительная часть женщин во всем мире в той или иной степени подвержены виктимизации. Виктимологический подход к проблеме исходит из того, что женщина сама может спровоцировать насилие своим поведением «жертвы». На это указывает в своей работе немецкая исследовательница У. Шнайдер, устанавливая связь между действиями жертвы и насильника [8].

Как отмечается в работе американского исследователя D.A. Isom Scott, виктимизация является ведущим предиктором последующего преступного поведения, а угроза для женщины стать жертвой или стать свидетелем причинения вреда другим также является серьезной нагрузкой [9]. Автор также указывает на то, что женщины чаще подвергаются насилию со стороны интимного партнера, сексуальному насилию и преследованию, а также чаще становятся свидетелями виктимизации других, чем их коллеги-мужчины.

В ряде исследований отмечена связь между виктимизацией и социальным полом. В зарубежных исследованиях установлено, что традиционные феминные черты отрицательно коррелируют с издевательством и склонностью к агрессии [10; 11]. В другом исследовании показано, что маскулинность увеличивает риск виктимизации у мужчин, но не является фактором для женщин [12]. В работе В.П. Шейнова показано, что феминность отрицательно связана с виктимизацией в части агрессивного поведения

женщин за счет общей виктимизации, а показатели феминности девушек никак не связаны с виктимизацией. «С возрастом у женщин снижается общая виктимизация за счет уменьшения влияния на нее агрессии» [6, с. 112].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в режиме онлайн с использованием Google Формы и соблюдением принципа анонимности, респонденты указывали только возраст, половую принадлежность и место проживания. В ходе него было опрошено 590 женщин, проживающих во всех регионах Республики Беларусь (далее – Белоруссия).

Методы исследования – анализ результатов анкетного опроса, сравнительный анализ, анализ вторичных данных.

Данные для анализа сгруппированы по следующим социально-демографическим признакам:

- пол (рассматривалась женская выборка);
- возраст (выделены две группы: 18–31 год (311 респондент, или 52,7 % от общего числа) и старше 31 года (279 респондентов, или 47,3 %)¹;
- место проживания (Минск или областной центр, районный центр, сельская местность).

Оценка представлений о психологической безопасности исследовалась с помощью «Анкеты психологической безопасности», разработанной профессором Н.Е. Харламенковой совместно с коллегами [13]. Для определения полоролевых особенностей респондентов была использована Шкала «маскулинность–фемининность» из Фрайбургского личностного опросника (FPI) [14].

Для диагностики степени виктимизации использовалась валидная, стандартизированная авторская тестовая методика по оценке степени виктимизации взрослого индивида, предложенная профессором В.П. Шейновым. 7 шкал (субтестов) теста диагностируют 7 типов виктимизации: незащищенность от манипуляций, общую и реализованную виктимизацию, склонности к агрессивному, саморазрушающему, зависимому и некритичному типам виктимизирующего поведения [15].

Статистический анализ осуществлялся с помощью пакета SPSS-22. Для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню исследуемого признака использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Сравнивались дескрипторы, баллы по которым оказались выше медианы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕЗОПАСНОСТИ

В ходе исследования был проведен подсчет баллов по каждому из 60 дескрипторов анкеты, после чего были рассчитаны квартили, которые позволили выстроить ранг предпочтений в выборе дескрипторов.

Первую пятерку рангов наиболее частотных ассоциаций на слово «безопасность» в верхнем квартиле у девушек составляют такие дескрипторы, как защита и защищенность, контроль ситуации, мир в стране, надежность и здоровье. У женщин в первой пятерке наибольших предпочтений оказались мир в стране, надежность, здоровье, самосохранение и контроль ситуации (табл. 1).

Таблица также показывает, что в выборе предпочтений со словом «безопасность» у женщин старше 31 года нет существенных отличий с общим рангом. В то же время у девушек в возрасте 18–31 год в первую тройку вошли такие понятия, как защита и защищенность, контроль ситуации и мир в стране. В целом большинство предпочтений как у девушек, так и у женщин совпадают с общей выборкой.

Таблица 1

Предпочтения (ранги) в выборе дескрипторов женщинами

Дескрипторы	Ранги		
	Общий, n = 590	18–31 год, n = 311	Старше 31 года, n = 279
Мир в стране	1	3	1
Надежность	2	4	2
Здоровье	3	5	3
Контроль ситуации	4	2	5

¹ Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» (ред. от 21 октября 2016 г.). Режим доступа: <https://part.gov.by/management/social/youth-policy/46-2013-01-16-15-19-30> (дата обращения: 27.05.2024).

Дескрипторы	Ранги		
	Общий, <i>n</i> = 590	18–31 год, <i>n</i> = 311	Старше 31 года, <i>n</i> = 279
Защита, защищенность	5	1	6
Самосохранение	6	7	4
Уверенность в окружении	7	9	7
Поддержка, помощь	8	8	8
Уверенность в себе	9	6	10
Отсутствие угроз	10	10	12
Дом, жилье	11	12	11
Владение информацией	12	–	9
Порядок, соблюдение норм, правил	13	–	13
Равновесие, стабильность	14	15	14
Надежный спутник, опора	15	–	15
Чувство комфорта	–	11	–
Отсутствие тревоги, страха	–	13	–
Доверие	–	14	–

Составлено авторами по материалам исследования

Как видно из таблицы, для всех возрастных категорий безопасность в первую очередь связана с внешними факторами (защищенность, мир в стране, поддержка, уверенность в окружении, отсутствие угроз и пр.). Также можно выделить ряд личностных факторов, относящихся к ассоциации с безопасностью, – контроль ситуации, здоровье, уверенность в себе, самосохранение и др. Интерес вызывает тот факт, что здоровье не является наиболее предпочитаемой ассоциацией с безопасностью, хотя и входит в первую пятерку. Это характерно как для общей выборки, так и для возрастных. У женщин здоровье находится на третьей позиции, а у девушек – на пятой. Отсутствие у девочек приоритета собственного здоровья выявлено и отечественными авторами [16].

Существуют и другие различия в понимании безопасности между девушками и женщинами. Взрослые женщины ассоциируют безопасность с соблюдением норм и правил, владением информацией. Для этой категории безопасность представляется также в наличии надежного спутника как опоры. Данные понятия не входят у девушек в ранг наиболее предпочитаемых дескрипторов. В то же время они ассоциируют безопасность с наличием комфорта, доверием и отсутствием тревоги. Таким образом, для девушек представление о безопасности связано с внутренним, психологическим состоянием.

Статистическая значимость различий в выборках между всеми сравниваемыми группами проверялась с помощью критерия Манна-Уитни. Сравнивались дескрипторы, баллы по которым оказались выше медианы. *U*-критерий равен 267,5 (меньше критического значения), показатели критерия равны 0,007, что заведомо не дотягивает до принятого уровня значимости $p = 0,05$. Это означает, что в сравниваемых группах существуют различия в представлениях о дескрипторах безопасности.

С помощью критерия Колмогорова-Смирнова установлено, что распределение во всех выборках существенно отличается от нормального (показатели этого критерия равны 0,000, что заведомо не дотягивает до принятого уровня значимости $p = 0,05$). В связи с этим для выявления возможных связей была использована непараметрическая корреляция Кендалла. В табл. 2–4 представлены найденные коэффициенты корреляции Кендалла (τ -коэффициенты).

Табл. 2 показывает, что в общей женской выборке существует связь между возрастом женщин и целым рядом дескрипторов. При этом 6 из них входят в число рангов наибольшего предпочтения (дом, жилье; уверенность в окружении; порядок, соблюдение норм, правил; чувство комфорта; мир в стране; владение информацией). Всего связи присутствуют в 16 из 60 дескрипторов.

Корреляции зависимости возраста женщин с дескрипторами безопасности и виктимизацией, $n = 590$

Показатели	Корреляция Кендалла	
	τ -коэффициент	Уровень значимости p
Дескрипторы:	–	–
<i>дом, жилье</i>	,084	,035
<i>уверенность в окружении</i>	,081	,041
<i>порядок, соблюдение норм, правил</i>	,102	,009
<i>чувство комфорта</i>	– ,162	,000
<i>мир в стране</i>	,144	,000
<i>владение информацией</i>	,117	,003
бункер, бомбоубежище	– ,104	,005
ответственность, долг	,116	,002
самоанализ, самопознание	– ,075	,048
уход в мечты, фантазии	– ,129	,001
отстраненность от реальности (медитация, увлеченность и др.)	– ,121	,001
безмятежность, легкость	– ,167	,000
физическая подготовка, сила	– ,094	,014
общительность, открытость	– ,088	,018
жесткость, напористость	– ,100	,008
единение с природой	,098	,008
Компоненты виктимизации:	–	–
саморазрушающее поведение	– ,216	,000

Примечание: Курсивом выделен уровень значимости τ -коэффициента, который составляет $p \leq 0,01$, все остальное – $p \leq 0,05$. Курсивом также выделены дескрипторы, которые относятся к рангу наибольшего предпочтения.

Составлено авторами по материалам исследования

Как следует из таблицы, только с 7 дескрипторами возраст женщин имеет положительную корреляцию. С возрастом женщины больше полагаются на социальные факторы, такие как дом и жилье, уверенность в окружении, порядок и соблюдение норм, мир в стране, владение информацией. Белорусские женщины с возрастом также связывают безопасность с единением с природой.

В то же время возраст у женщин отрицательно коррелирует с дескрипторами, которые можно определить как индивидуалистские. В таблице видим, что к дескрипторам, которые следует отнести к более молодому возрасту, относятся чувство комфорта, самоанализ и самопознание, уход в мечты, отстраненность от реальности, безмятежность, общительность и открытость. Также с возрастом женщины менее полагаются на физическую подготовку и силу, жесткость и напористость. Это свидетельствует о том, что они отказываются от проявления негативных психофизических качеств. Также они не связывают личную безопасность с бункерами и бомбоубежищами, но больше доверяют своему жилью.

В ходе исследования фактически не была выявлена связь возраста с виктимизацией. Из всех шкал обнаружена только отрицательная корреляция с саморазрушающим поведением. Это свидетельствует о том, что с возрастом белорусские женщины не стремятся создавать ситуацию виктимности своим поведением или своими действиями, не склонны к риску, необдуманному поведению, зачастую опасному для самих себя и окружающих. Они осознают последствия своих действий и не рассчитывают на то, что все обойдется.

Также не была выявлена связь возраста у женщин с социальным полом. Можно сделать вывод о том, что на маскулинность и феминность возрастные изменения не оказывают влияние, однако могут присутствовать другие факторы.

С помощью Шкалы «маскулинность–фемининность» из Фрайбургского личностного опросника (FPI) в женской выборке были выделены две группы социального пола: 230 респондентов с выраженным женским типом (феминность) и 360 – с мужским (маскулинность). Из табл. 3 и 4 видно, что связи у феминного и маскулинного типов с дескрипторами безопасности и виктимизацией отличаются.

Таблица 3

Корреляции зависимости психологического пола у женщин феминного типа с дескрипторами безопасности, виктимизацией и местом проживания, $n = 230$

Показатели	Корреляция Кендалла	
	τ -коэффициент	Уровень значимости p
Дескрипторы:	–	–
<i>уверенность в себе</i>	,140	,016
<i>здоровье</i>	,120	,041
<i>владение информацией</i>	,126	,029
поддержка отца	,112	,043
активность, скорость реакции	,112	,045
физическая подготовка, сила	,162	,004
компетентность, ум	,142	,014
работа, труд	,124	,026
удобство, уют	,125	,027
Компоненты виктимизации:	–	–
зависимое поведение	–,212	,000
некритичное поведение	–,195	,000
общая виктимизация	–,173	,001
Место проживания	,180	,002

Примечание: Курсивом выделен уровень значимости τ -коэффициента, который составляет $p \leq 0,05$, все остальное – $p \leq 0,01$. Курсивом также выделены дескрипторы, которые относятся к рангу наибольшего предпочтения.

Составлено авторами по материалам исследования

Таблица показывает, что у белорусских женщин феминного типа присутствует положительная корреляция с 9 дескрипторами, причем три из них – уверенность в себе, здоровье и владение информацией – входят в число рангов наибольшего предпочтения. Данные свидетельствуют о том, что представления о женщине феминного типа с ее ориентацией на домашний быт, уют и детей верны только отчасти. На это указывают такие дескрипторы, как здоровье, поддержка отца и уют. В то же время связь с таким дескриптором, как поддержка матери, не выявлена. Белорусские женщины феминного типа связывают безопасность с упором на свои качества и способности. Значимыми для них являются такие дескрипторы, как уверенность в себе, владение информацией, физическая подготовка и сила, активность и скорость реакции, компетентность и ум, работа и труд. Со всеми указанными дескрипторами присутствует положительная корреляция.

Феминный тип отрицательно связан с зависимым поведением, некритическим поведением и общим показателем виктимизации. Это может свидетельствовать о том, что те качества, которые свойственны женщинам феминного типа, позволяют избегать виктимизации. Это совпадает с результатами отечественных и зарубежных исследований [6; 10; 11].

Выявлена положительная связь феминного типа с местом проживания. Это также свидетельствует о том, что для белорусских женщин феминного типа значение имеет «родной кут».

Рассмотрим связи у женщин маскулинного типа с дескрипторами безопасности и виктимизацией (табл. 4).

**Корреляции зависимости психологического пола у женщин
маскулинного типа с дескрипторами безопасности**

Дескрипторы	Корреляция Кендалла	
	τ -коэффициент	Уровень значимости p
Автономия, независимость	,087	,045
Любовь	– ,092	,038
Жесткость, напористость	,099	,024
Обращение к Богу, религии	– ,103	,017

Примечание: Уровень значимости τ -коэффициента составляет $p \leq 0,01$.

Составлено авторами по материалам исследования

Данные таблицы показывают слабые связи белорусских женщин маскулинного типа с дескрипторами безопасности. Положительная связь у них выявлена с автономией, независимостью, жесткостью и напористостью. Это указывает на установку женщин маскулинного типа на решение проблем, связанных с личной безопасностью, с помощью психологической силы, а также на независимость. У них отсутствует связь со стремлением найти поддержку у близкого окружения или с получением помощи от кого-либо.

Также у белорусских женщин маскулинного типа выявлена отрицательная связь с любовью, обращением к Богу и религией (табл. 4). Из этого следует, что женщины маскулинного типа не видят свою безопасность в отношениях с любимыми или родными. Также для них не свойственно полагаться на какие-то «высшие силы».

У таких женщин не выявлена связь с таким дескриптором, как здоровье. Это может являться фактором снижения ранга значимости данного дескриптора в общих женских выборах.

Если у белорусских женщин феминного типа выявлена отрицательная связь с виктимизацией, то у маскулинного типа никакой связи не наблюдается. Полученные данные совпадают с результатами зарубежных исследований [12]. Это может свидетельствовать о том, что маскулинный тип не защищает в полной мере женщин от виктимизации, однако могут присутствовать другие факторы.

Также у женщин маскулинного типа отсутствует связь с местом проживания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наиболее общее представление с безопасностью у белорусских женщин всех возрастов связано с такими понятиями, как мир в стране, надежность, здоровье, контроль ситуации, защита и защищенность. Также взрослые женщины считают, что самосохранение важнее защиты и защищенности. Выявлены и другие различия в рангах предпочтения в верхнем квартиле. В частности, девушки считают, что для них безопасность связана с такими понятиями, как чувство комфорта, отсутствие тревоги и доверие. В то же время ряд дескрипторов, которые для взрослых женщин связаны с ассоциацией безопасности, в выборке 18–31 год не вошли в верхний квартиль. К ним относятся соблюдение норм и правил, владение информацией, потребность в надежном спутнике и опоре.

Возраст у женщин положительно коррелирует с такими социальными факторами, как дом и жилье, уверенность в окружении, порядок и соблюдение норм, мир в стране, владение информацией.

Отрицательная корреляция возраста у женщин с дескрипторами, которые можно определить как индивидуалистские, – чувство комфорта, самоанализ и самопознание, уход в мечты, отстраненность от реальности, безмятежность, общительность и открытость – свидетельствует, что эти понятия характерны для молодых женщин. Новым для отечественных и зарубежных исследований является тот факт, что белорусские женщины с возрастом связывают безопасность с единением с природой.

Женщины феминного типа связывают безопасность с акцентом на свои качества и способности. Положительная корреляция присутствует с такими дескрипторами, как уверенность в себе, владение информацией, физическая подготовка и сила, активность и скорость реакции, компетентность и ум, работа и труд. Выявлена положительная связь феминного типа с местом проживания.

У женщин маскулинного типа выявлена связь, показывающая установку решения проблем личной безопасности с помощью психологической силы, а также ориентации на независимость. У них выявлена отрицательная связь с такими дескрипторами, как любовь, обращение к Богу и религия.

Отсутствие корреляции между обращением к Богу и религией у белорусских женщин феминного типа и отрицательная корреляция у маскулинного типа является новым полученным результатом. В российских и зарубежных исследованиях данная связь присутствует [17].

Восприятие такого дескриптора, как здоровье, у женщин феминного и маскулинного типов отличается. У первых представление о здоровье имеет положительную связь, у вторых никакой связи не выявлено.

У белорусских женщин феминного типа выявлена отрицательная связь с виктимизацией, а у маскулинного связь с виктимизацией или ее компонентами не выявлена. Это не защищает маскулинный тип от виктимизации, поскольку могут оказывать влияние другие факторы.

В связи с тем, что в наше время происходит множество различных событий, которые влияют на изменения представления о безопасности, исследование данной темы необходимо продолжать, так как результаты могут представлять определенный научный интерес.

Список литературы

1. Carroll P.J., Wichman A.L., Agler R., Arkin R. The Regulation of Personal Security. *Journal of Theoretical Social Psychology*. 2023;7593709. <https://doi.org/10.1155/2023/7593709>
2. Aggarwal D. et al. An insight into android applications for safety of women: techniques and applications. In: 2022 IEEE Delhi section conference (DELCON). IEEE; 2022. Pp. 1–6. <https://doi.org/10.1109/DELCON54057.2022.9753264>
3. Karusala N., Kumar N. Women's safety in public spaces: Examining the efficacy of panic buttons in New Delhi. In: CHI 2017: Proceedings of the 2017 CHI conference on human factors in computing systems, May 6–11, 2017. Denver, CO, USA; 2017. Pp. 3340–3351. <https://doi.org/10.1145/3025453.3025532>
4. Rios F. C., Chong W. K., Grau D. The need for detailed gender-specific occupational safety analysis. *Journal of safety research*. 2017;62:53–62. <https://doi.org/10.1016/j.jsr.2017.06.002>
5. Колмафов А.А. Половозрастные особенности первичной и повторной виктимизации от интернет-мошенничества. *Современные проблемы государства и права*. 2020;203–208.
6. Шейнов В.П. Психологическая виктимизация жертв издевательств как источник их отрицательных эмоциональных состояний. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2019;1(4):94–123.
7. Вишневецкий К.В. Виктимизация: факторы, условия, уровни. *Теория и практика общественного развития*. 2014;4:226–227.
8. Schneider U. Körperliche Gewaltanwendung in der Familie: Notwendigkeit, Probleme und Möglichkeiten eines strafrechtlichen und Strafverfahrensrechtlichen Schutzes. Berlin: Duncker & Humblot; 1987. 333 p.
9. Isom Scott D.A. Disentangling the impact of female victimization across racial and ethnic lines. *Victims & Offenders*. 2018;5(13):711–737. <https://doi.org/10.1080/15564886.2018.1468369>
10. Gini G., Pozzoli T. The role of masculinity in children's bullying. *Sex Roles*. 2006;7-8(54):585–588. <https://doi.org/10.1007/s11199-006-9015-1>
11. Navarro R., Larrañaga E., Yubero S. Gender identity, gender-typed personality traits and school bullying: Victims, bullies and bully-victims. *Child Indicators Research*. 2016;1(9):1–20. <https://doi.org/10.1007/s12187-015-9300-z>
12. Daigle L.E., Mummert S.J. Sex-role identification and violent victimization: Gender differences in the role of masculinity. *Journal of Interpersonal Violence*. 2014;2(29):255–278. <https://doi.org/10.1177/0886260513505148>
13. Харламенкова Н.Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты. В кн.: Воловикова М.И., Харламенкова Н.Е. (ред.) *Современная личность: Психологические исследования*. М.: Институт психологии РАН; 2012. С. 141–160.
14. Ильин Е.П. Шкала «Маскулинность–фемининность». В кн.: *Пол и гендер*. СПб.: Питер; 2010. С. 589–590.
15. Шейнов В. П. Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults. *Российский психологический журнал*. 2018;2(15):69–85. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.1>
16. Газизуллина П.Г. Влияние самосохранительного поведения на здоровье российских подростков: гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*. 2018;1(86):30–42. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.3>
17. Литвинова А.В., Котенева А.В., Кокуриш А.В., Иванов В.С. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. *Современная зарубежная психология*. 2021;1(10):8–16. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100101>

References

1. *Carroll P.J., Wichman A.L., Agler R., Arkin R.* The Regulation of Personal Security. *Journal of Theoretical Social Psychology*. 2023;7593709. <https://doi.org/10.1155/2023/7593709>
2. *Aggarwal D. et al.* An insight into android applications for safety of women: techniques and applications. In: 2022 IEEE Delhi section conference (DELCON). IEEE; 2022. Pp. 1–6. <https://doi.org/10.1109/DELCON54057.2022.9753264>
3. *Karusala N., Kumar N.* Women's safety in public spaces: Examining the efficacy of panic buttons in New Delhi. In: CHI 2017: Proceedings of the 2017 CHI conference on human factors in computing systems, May 6–11, 2017. Denver, CO, USA; 2017. Pp. 3340–3351. <https://doi.org/10.1145/3025453.3025532>
4. *Rios F.C., Chong W.K., Grau D.* The need for detailed gender-specific occupational safety analysis. *Journal of safety research*. 2017;62:53–62. <https://doi.org/10.1016/j.jsr.2017.06.002>
5. *Komarov A.A.* Gender and age features of primary and secondary online fraud victimization. *Modern problems of state and law*. 2020:203–208. (In Russian).
6. *Sheinov V.P.* Victimization of mockeries' victims as the source of their negative emotional states. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. 2019;4(1):94–123. (In Russian).
7. *Vishnevetsky K.V.* Victimization: factors, conditions, levels. *Theory and practice of social development*. 2014;(4):226–227. (In Russian).
8. *Schneider U.* Körperliche Gewaltanwendung in der Familie: Notwendigkeit, Probleme und Möglichkeiten eines strafrechtlichen und Strafverfahrensrechtlichen Schutzes. Berlin: Duncker & Humblot; 1987. 333 p.
9. *Isom Scott D.A.* Disentangling the impact of female victimization across racial and ethnic lines. *Victims & Offenders*. 2018;5(13):711–737. (In Russian). <https://doi.org/10.1080/15564886.2018.1468369>
10. *Gini G., Pozzoli T.* The role of masculinity in children's bullying. *Sex Roles*. 2006;7-8(54):585–588. <https://doi.org/10.1007/s11199-006-9015-1>
11. *Navarro R., Larrañaga E., Yubero S.* Gender identity, gender-typed personality traits and school bullying: Victims, bullies and bully-victims. *Child Indicators Research*. 2016;1(9):1–20. <https://doi.org/10.1007/s12187-015-9300-z>
12. *Daigle L.E., Mummert S.J.* Sex-role identification and violent victimization: Gender differences in the role of masculinity. *Journal of Interpersonal Violence*. 2014;2(29):255–278. <https://doi.org/10.1177/0886260513505148>
13. *Harlamenkova N.E.* The concept of psychological safety: age and personality components. In: Volovikova M.I., Harlamenkova N.E. (eds.) *Modern Personality: Psychological Studies*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2012. Pp. 141–160. (In Russian).
14. *Masculinity-femininity scale*. In: Ilyin E.P. (ed.). *Sex and gender*. St. Petersburg: Piter; 2010. Pp. 589–590. (In Russian).
15. *Sheinov V.P.* Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults, *Russian Psychological Journal*. 2018;2(15):69–85. (In Russian). <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.1>
16. *Gazizullina P.G.* The impact of self-preservation behavior on the health of Russian adolescents: a gender aspect. *Woman in Russian society*. 2018;1(86):30–42. (In Russian). <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.3>
17. *Litvinova A.V., Koteneva A.V., Kokurin A.V., Ivanov V.S.* Problems of psychological safety of a person in extreme conditions of life. *Modern foreign psychology*. 2021;1(10):8–16. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100101>